

**ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ЦАДАСЫ**

**ГАНИЕВА
ФАИДА АБУБАКАРОВНА**

**ОТРАСЛЕВАЯ ЛЕКСИКА
ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА**

Махачкала - 2004

Ф.А. Ганиева. Отраслевая лексика лезгинского языка.

Махачкала ДНЦ РАН, 2004. - с.

Ответственный редактор

доктор филологических наук, профессор *М.Е.Алексеев*

Рецензенты:

- доктор филологических наук, профессор У.А. Мейланова

В монографии «Отраслевая лексика лезгинского языка» рассматриваются животный и растительный мир, строительная терминология, соматические термины, бытовая лексика, термины, связанные с обработкой шерсти и ковроделием. Представленный в работе материал подвергается фономорфологическому и семантическому анализу, выявляется исконный и заимствованный пласты лексики, даются комментарии ко всем лексическим единицам, а в отдельных случаях - справки этимологического характера.

Исследование издано за счет средств автора

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию отраслевой лексики лезгинского языка. Как известно, именно лексика является той частью языка, которая непосредственно реагирует на все изменения в экономической, производственной, культурной, духовной и социальной жизни народа. В ходе развития языка многие единицы его словарного состава устаревают и выходят из употребления. В то же время лексика непрерывно развивается, обогащаясь путем пополнения новыми словами, либо возникшими на собственной почве, либо усвоенными из других языков. Прослеживание динамики развития словарного состава языка, фиксация исчезающих лексических единиц и сохранение их для последующих поколений как реальное отражение исторического наследия представляет собой одну из важнейших задач лингвистики.

Не случайно поэтому лезгиноведы всегда уделяли значительное место сбору и анализу лезгинской лексики. История лезгинской лексикографии начинается с середины XIX столетия с лезгинско-русского словаря – составной части описания лезгинского языка, осуществленного пионером кавказоведения П. К. Усларом [1896]. Словарь этот, озаглавленный как «Сборник кюринских слов», включает 1457 словарных статей. Следующей значительной вехой в лезгинской лексикографии является «Лезгинско-русский словарь» Б. Б. Талибова и М. М. Гаджиева, вышедший в 1966 году и включивший около 28000 слов. К настоящему времени лексикографические материалы по лезгинскому языку включают целый ряд словарей различных типов, в т.ч. русско-лезгинские словари [Гаджиев 1950; Талибов 1992; Гюльмагомедов 1987] и различные специальные словари: фразеологические [Гюльмагомедов 1971; 1995], синонимов [Гюльмагомедов 1982], омонимов [Гайдаров, Мирзоев 1981], антонимов [Гаджимурадов 1994], арабских и персидских заимствований [Забитов, Эфендиев 2001], ориентализмов [Селимов 2001], словарь Етима

Эмина [Гюльмагомедов 1998], словарь концепта «женщина» [Гюльмагомедов, Магамдаров 1999]. В совокупности эти словари дают достаточно полное представление о лексическом богатстве лезгинского языка.

Наряду с лезгинской лексикографией начиная с 60-х гг. прошлого столетия интенсивно развивается и лезгинская лексикология. Наиболее фундаментальным исследованием лексики лезгинского языка является до настоящего времени монография Р. И. Гайдарова [Гайдаров 1966], в которой основное внимание уделяется вопросам словообразования, а также анализу заимствованных слов, их группировки с точки зрения происхождения. В другой его монографии по лезгинской лексикологии [Гайдаров 1977] внимание акцентируется на фонетических и семантических особенностях словарных единиц и некоторых других аспектах (омонимия, синонимия, антонимия; особенности словарного состава). Отдельным аспектам лезгинской лексикологии посвящен ряд специальных статей и монографий.

Так, не остались без внимания причины и пути развития многозначности и образования омонимов [Османова 1962; 1963]. Там же была предложена классификация омонимов по принадлежности их к частям речи и по так называемой «разности значения», а также по происхождению. Анализ системных и асистемных отношений в лексике лезгинского языка в связи с проблемой омонимии содержится также в диссертации М. Б. Курбановой [2002].

Одной из наиболее разрабатываемых проблем в современной дагестанской и лезгинской лексикологии является проблема внешних контактов дагестанских, в т.ч. и лезгинских языков. Говоря о лезгинском языке, в связи с этим можно отметить, что исследованию арабизмов, тюркизмов и иранизмов посвящены, например, следующие работы: Забитов 1978; 1979; 1983; Гайдаров 1977; Кубатов 1971; 1973; 1977; Эфендиев 1995 и др.

В последние годы в дагестанском языкознании значительно возрос интерес к проблемам лексической семантики [см. Семантика ... 1996-2000].

С точки зрения употребления слов, входящих в словарный состав языка, в нем достаточно рельефно выделяется отраслевая лексика, которая, впрочем, не имеет до настоящего времени удовлетворительного определения: словари лингвистических терминов обычно обходят стороной это понятие. С одной стороны, она могла бы быть противопоставлена общеупотребительной лексике, однако она включает в свой состав и многие общеупотребительные слова, ср. такую лексико-тематическую группу, как «Части тела» (она же, впрочем, составляет основу профессиональной терминологии в области медицины и ветеринарии). В связи с этим мы считаем возможным следовать определению, предложенному А. С. Чикобава, который дал перечисление тех лексико-тематических групп, которые в целом объединяются в качестве отраслевой лексики. В эту группу, по мнению А. С. Чикобава [1969: 3], входят:

а) профессиональная лексика: термины и выражения, связанные, например, со строительным делом, гончарным производством, художественной керамикой, златокузнечным искусством...

в) определенные слои общенародной лексики, связанные с хозяйственной жизнью народа; таковы, например, лексика животноводства, полеводства, виноградарства и виноделия, шелководства, лексика, связанная с технологией производства хлебных, мясных и молочных продуктов...

с) названия небесных тел, времен года, месяцев, дней недели, также относящиеся к общенародной лексике, но представляющие особый интерес,

d) ономастикон в широком смысле слова: народные имена лиц, прозвища, фамилии и принципы их образования.

Такое определение оставляет достаточно много вопросов: правомерно ли включение сюда ономастики? Какое отношение к отраслевой лексике имеют названия частей тела, термины родства и некоторые другие лексико-тематические группы? Не случайно поэтому в переработанном варианте доклада [Чикобава 1975] приведенный выше перечень не попал, хотя статья об-

ращает внимание на промежуточный характер отраслевой лексики между общеупотребительной и профессиональной лексикой [там же: 29].

Не проясняет ситуацию и характеристика, данная К. Ш. Микаиловым в тезисах III региональной сессии [Третья...; также Микаилов 1976]: «Отраслевая лексика (нередко к этому разряду слов ошибочно относят только ремесленную или узкоспециальную терминологию) в каждом языке (в том числе и литературном), диалекте или говоре образует четко организованную, стройную систему, своего рода «конечное множество», и для диалектолога всякого языка фронтальный сбор отраслевой лексики является едва ли не первоочередной задачей, ибо именно термины, допустим, родства и свойства, названия цветковых обозначений или, к примеру, пастушеская или земледельческая терминология отражают не только этнографическую физиономию жителей региона, но также лексические, фонетические и морфологические особенности их речи». Как видим, в сферу отраслевой лексики здесь включены и цветообозначения, о которых у А. С. Чикобава ничего не говорится.

В свете вышесказанного, микролексики, связанная с хозяйственной деятельностью человека, равно как и другие разделы микролексики, представляет значительный научный интерес. Она, по утверждению В. И. Абаева, «представляет своего рода исторический документ, свидетельствующий либо о происхождении народа, либо о его сношениях с другими народами» [Абаев 1949: 15]. Это означает, что актуальность исследования данной проблематики в современном дагестановедении определяется, во-первых, ее тесной связью с различными аспектами истории народа, его хозяйственной деятельности, обычаев, материальной и духовной культуры, во-вторых, неразработанностью теоретических вопросов, связанных с понятием «отраслевая лексика» в современном языкознании.

Кроме того, несмотря на то, что вопросы лексики лезгинского языка разработаны хорошо, до настоящего времени отраслевая лексика лезгинского языка, как и других дагестанских языков, не была объектом специального

комплексного научного исследования. Те специальные работы, которые посвящены отдельным лексико-тематическим группам в различных дагестанских языках, нуждаются в систематизированном обобщении, на что указывает, например, и представленный в одном из последних сборников обзор работ по отраслевой лексике [Гусейнова 2003], в котором оказались опущенными два сборника (!?) по отраслевой лексике, посвященные соответственно терминам родства и свойства [Проблемы отраслевой... 1985] и растительной лексике [Проблемы отраслевой... 1989], не говоря уже о некоторых статьях, хотя в то же время в обзор включено большое количество работ, не имеющих непосредственного отношения к данной проблематике.

Определенный толчок исследованиям по отраслевой лексике был дан в конце 60-х гг. проведенной в г. Грозном специальной региональной сессией по отраслевой лексике, хотя отдельные работы в этом направлении велись и ранее. В частности, одним из первых исследований одной из тематических лексических групп является статья Л. Б. Панек [1954], посвященная терминам родства. И хотя в заглавие статьи вынесена проблема грамматических классов, основное внимание здесь уделено этнографическим, словообразовательным и иным аспектам, что в целом составляет существенный компонент отраслевой лексикологии. Этой же теме на материале удинского языка была посвящена статья В. Гукасяна [1961]. Нельзя не назвать также статью С. М. Хайдакова [1969] по докладу на 1-й региональной сессии по сравнительно-историческому изучению кавказских языков (Махачкала, 1965), в которой предлагается сравнительно-исторический анализ терминов животноводства.

Материалы сессии 1969 г. нашли отражение и в статьях, посвященных некоторым группам отраслевой лексики, опубликованных во 2-м выпуске «Ежегодника иберийско-кавказского языкознания». Внимание авторов этих статей привлекли следующие вопросы: терминология животного мира в лезгинском языке [Мейланова 1975], система обозначения возраста домашних

животных в аварском языке [Джапаридзе 1975], термины златокузнечества в кубачинском языке [Магомедов 1975], гончарного производства в лакском языке [Хайдаков 1975], гужевого транспорта в крызском языке [Хидиров 1975], овцеводства в цахурском языке [Асланов 1975], культовые термины в удинском языке [Ворошил 1975] и др. В этих статьях на конкретном лингвистическом материале были продемонстрированы различные аспекты и приемы анализа отдельных лексико-тематических групп. В 1978 г. вышел в свет сборник по вопросам отраслевой лексики в Грозном.

Возобновление интереса к рассматриваемой проблематике связано с созданием в 1981 г. специализированной группы по изучению отраслевой лексики в Институте истории, языка и литературы ДФ АН СССР. В результате работы этой группы вышло в свет несколько сборников, включающих материалы по отраслевой лексике языков Дагестана.

Первый сборник включает статьи, анализирующие различные лексико-тематические группы: (а) термины родства и свойства в лакском языке [Джидалаев 1984], в чамалинском, тиндинском и багвалинском языках [Магомедова 1984], в цезских языках [Халилов, Исаков 1984], в цахурском языке [Исаев 1984], у томарских аварцев [Ахмедов 1984]; (б) названия частей тела в дагестанских языках [Самедов 1984]; (в) терминология свадебного обряда у закапальских аварцев [Чеерчиев 1984]; (г) термины, относящиеся к мифологии в лезгинском языке [Гаджиев 1984]; (д) животноводческая лексика в даргинском [Османов 1984], хиналугском [Ганиева 1984] и кумыкском [Кадыраджиев 1984] языках; (е) ремесленная терминология – лексика ковроделия в балхарском диалекте лакского языка [Каландаров 1984] и ювелирная лексика кубачинцев [Магомедов 1984]; (ж) социальная терминология в лакском [Лугуев 1984] и агульском [Айтберов 1984] языках. Последняя статья, на наш взгляд, по жанру относится все же к историко-эпиграфическим работам, нежели к отраслевой лексикологии, поскольку посвящена анализу термина *мигътар* на основе историко-эпиграфических свидетельств.

В 1985 г. вышел в свет сборник статей, посвященных анализу терминов родства и свойства [Проблемы отраслевой... 1985], в который вошли материалы по аваро-андийским языкам [Саидова 1985; Гарунова 1985; Казиев 1985; Гасанова 1985], по даргинскому [Абдуллаев З. 1985; Гасанова 1985; Исаев 1985; Муталов 1985], лакскому [Абдуллаев А. 1985]; табасаранскому [Шалбузов 1985]; цахурскому [Ибрагимов 1985]; рутульскому [Ибрагимов, Гусейнова 1985] и другим языкам Дагестана. В совместной статье Ф. И. Гусейновой и Г. Х. Ибрагимова отмечается, что «часть терминов родства в диалектах рутульского языка имеет собственную природу, а часть - параллели в цахурском языке и восходит к цахурско-рутульской языковой общности. Семантические сдвиги в терминах родства в рутульском языке обусловлены социальными факторами: изменениями в укладе семьи и формировании родственных отношений» [Ибрагимов, Гусейнова 1985: 208].

Статьи в целом следуют определенной схеме описания, хотя некоторые из них выделяются предметом исследования, в частности, в статье З. Г. Абдуллаева делается акцент на этимологическом анализе, М.-Ш. А. Исаев концентрирует внимание на использовании терминов родства во фразеологизмах и т.п. В этом же году были опубликованы две статьи У. А. Мейлановой по данной проблематике.

Сборник 1986 г. посвящен исследованию соматической лексики. Как и в предыдущем сборнике, большинство статей здесь представляют собой обзоры соответствующих лексико-тематических групп в том или ином языке или группе языков – в аваро-андийских [Саидова 1986; Хангереев 1986; Гарунова 1986; Гасанова 1986; Магомедова 1986], цезских [Исаков, Халилов 1986], в даргинском [Абдуллаев З. 1986; Гасанова 1986; Исаев 1986; Темирбулатова 1986], в лакском [Маммаева, Абдуллаев 1986; Джидалаев 1986; Абдуллаев И. 1986]; в языках лезгинской группы [Загиров 1986; Гюльмагомедов 1986; Сулейманов 1986; Ганиева 1986] и в других языках Дагестана. Ряд статей сборника по методике и целям исследования не может быть однозначно отнесен к

отраслевой лексикологии, см., например, статью М. Е. Алексеева [1986], представляющую собой этимологическую заметку, а также статьи по фразеологии, словообразованию и исторической морфологии. Отметим также специальную статью, посвященную анализу семантики слов, обозначающих части тела человека в дагестанских языках [Самедов 1975]. На материале крызского и лезгинского языков названия частей тела рассматриваются в статье Ш. М. Саадиева [1980].

Следующий сборник статей по отраслевой лексике был посвящен названиям животных и птиц [Загиров 1988; Исаков, Халилов 1988; Саидова 1988; Муркелинская 1988; Гаджиев 1988; Саадиев 1988], причем значительное место в нем было отведено животноводческой тематике [Мейланова, Ганиева 1988], в особенности лексике овцеводства [Магомедова 1988; Темирбулатова 1988]. В ряде статей были рассмотрены более узкие лексико-тематические группы – орнитологическая лексика [Ганиева 1988], названия вьючных животных [Абдуллаев, Маммаева 1988], звукоподражательные глаголы [Вакилов 1988; Рашидов 1988] и др. В статье Н. С. Джидалаева [1988] упор делается на анализ заимствований, в основном, из тюркских языков, материал фразеологических единиц анализируется М. М. Магомедхановым [1988] и М. Ш. А. Исаевым [1988].

Завершает данную серию сборников книга, посвященная названиям деревьев, трав и кустарников. В ней собраны материалы по лезгинскому [Мейланова, Ганиева 1989; Ганиева 1989; Шейхов 1989], аваро-андийским [Саидова 1989; Гарунова 1989; Гасанова 1989; Магомедова 1989], даргинскому [Темирбулатова 1989; Муталов, Темирбулатова 1989], лакскому [Маммаева 1989], цезским [Исаков 1989; Лугуев 1989] и тюркским языкам. Ряд статей представляет собой анализ отдельных слов [Абдуллаев 1989; Талибов 1989; Гаджиев 1989]. М. Ш. Халилов [1989] исследует грузинские заимствования в данной лексико-тематической группе. Предметом статьи В. М. Загирова

[1989] явилась диахроническая стратификация этой группы слов в лезгинских языках.

Отраслевой принцип прослеживается также в некоторых работах, посвященных лингвистическим контактам [Ольмесов, Кадыраджиев 1989; Халилов 1989; Гусейнова 1982; Алексеев, Курбанова 1999 и др.], а также этимологическим исследованиям.

Проделана также большая работа и по исследованию отраслевой лексики других кавказских языков и изданы несколько монографий по этим языкам: «Фауна Чечено-Ингушетии» [Алироев 1970], «Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов» [Алироев 1975], «Нахские языки и культура» [Алироев 1978], «Животноводческая лексика ингушского языка» [Султыгова 2002], «Животноводческая (пастушеская) лексика абхазского языка» [Кварчия 1981], «Морская лексика в абхазском языке» [Дзидзария 1984], «Отраслевая лексика в джавахском диалекте грузинского языка» [Меликидзе 1975], «Отраслевая лексика и топонимика в ингилойском диалекте грузинского языка» [Гастратов 1980], «Скотоводческая терминология в осетинском языке» [Цховребов 1986] и др.

В последние годы отраслевая лексика все чаще становится предметом диссертационных исследований. Так, терминам лакских народных ремесел посвящена диссертация Г. О. Кукуевой [1990]. Лексика традиционных промыслов даргинского языка послужила предметом анализа в диссертации Б. Т. Чамсаевой [1998]. Вопросы отраслевой лексики в удинском языке рассматриваются в диссертации Т. З. Нацвлишвили [1998]. Животноводческая лексика в говорах анцухского диалекта аварского языка исследуется в работе З. М. Саламовой [2003; см. также Саламова 2000; 2001]. Анализу названий животных и птиц посвящена диссертация А. А. Эседова [2003]. Сельскохозяйственную (земледельческую) лексику лезгинского литературного языка исследовал Т. М. Алиджанов [2004]. Всестороннее исследование земледельческой

лексики восточнолезгинских языков находим в диссертации М. Ш. Гусейновой [2004].

Как видно из приведенного обзора, дагестановеды не оставили без внимания отраслевую лексику дагестанских языков. Вместе с тем, предметом исследования практически всегда являлась лишь та или иная лексико-тематическая группа, в то время как комплексный анализ всех лексических единиц, образующих отраслевую лексику, не проводился. В связи с этим научная новизна настоящей работы видится прежде всего в том, что она дает систематический анализ всего лексического корпуса отраслевой лексики на материале лезгинского языка, что делается впервые в дагестановедении. Другим немаловажным фактором новизны в данной работе является осмысление места отраслевой лексикологии в кругу других лингвистических дисциплин.

Необходимость исследования в различных аспектах лексики лезгинского языка и в особенности его отраслевой лексики продиктована целым рядом обстоятельств. Во-первых, развитие, с одной стороны, лезгинско-русского и, с другой стороны, лезгинско - азербайджанского двуязычия постепенно приводит не только к пополнению и расширению словарного запаса лезгинского языка, но и к одновременному вытеснению из употребления его исконного словарного фонда. Зафиксировать этот материал и исследовать его во всех аспектах – проблема, относящаяся не только к области лингвистики, но и имеющая важное этно-культурное значение, поскольку, как не раз подчеркивалось в специальной литературе, именно в лексике находит свое отражение национально-культурная специфика языка, особенности членения внеязыковой действительности в языковой картине мира. Особенно актуальной эта задача является в связи с отраслевой лексикой, непосредственным образом отражающей особенности традиционного быта, хозяйствования, материальной и духовной культуры.

Анализ отраслевой лексики с точки зрения её происхождения, структуры, семантики и т.д. имеет большое значение для определения вклада народа

в развитие материальной и духовной культуры, для получения бесценных сведений об истории народа. В связи с уходом из жизни представителей старшего поколения многие старые термины для науки могут оказаться навсегда утерянными и невозполнимыми. Поэтому своевременный сбор и систематизация материала по отраслевой лексике любого языка является задачей неотложной в деле сохранения уходящей лексики для последующих поколений. В этом мы усматриваем теоретическую и практическую значимость данной работы. Как отмечал А.С.Чикобава [1975: 35], «изучая язык в связи с культурой, в первую очередь апеллируют к показаниям лексики. Изучение лексики литературных иберийско -кавказских языков в целом развивается интенсивно: составляются толковые словари, национально-русские, русско-национальные словари. Все это нужно. Но это - макролексика. Изучение микролексики, создание отраслевых словарей, особенно по бесписьменным языкам, равно по диалектам письменных языков - *задача* неотложной важности, особенно с установок исторического (историко-сравнительного) языкознания. Кстати, она нужна для разработки терминологии по таким дисциплинам как ботаника, зоология, предметов первого концентра обучения. Нужна она и работникам прессы, радио, телевидения в подаче переводного материала.

В лезгинском языке получили широкое отражение и хорошо сохранились названия обширного круга реалий, связанных с животноводством, земледелием и такими специфическими традиционными ремеслами лезгин, как ковроткачество, а в отдельных регионах – гончарное производство, резьба по дереву и др.

В данной работе делается попытка исследовать отраслевую лексику лезгинского языка с учетом данных большинства лезгинских диалектов. В то же время, как представляется, при исследовании отраслевой лексики более тщательной разработке и исследованию необходимо подвергать те отрасли лексики, которые наиболее развиты в том или ином регионе. В соответствии с этим в данной работе ставилась цель дать исчерпывающую характеристику всей

совокупности лексико-тематических групп, образующих отраслевую лексику лезгинского литературного языка и его диалектов.

Достижение данной цели предполагало решение ряда конкретных задач, в том числе:

1. Фиксация отраслевой лексики лезгинских диалектов в ходе полевого исследования лезгинских диалектов.
2. Лексико-тематическая классификация отраслевой лексики и определение междиалектных соответствий.
3. Структурный (словообразовательный) и семантический анализ сложных терминов.
4. Этимологическое исследование отраслевой лексики лезгинского языка с определением исконных и заимствованных лексем, установление источников заимствования.

В ходе выполнения поставленных задач были использованы различные приемы и методы, соответствующие комплексному характеру данного исследования.

Общий план исследования отраслевой лексики был в свое время предложен в специальной статье А. С. Чикобава [1975: 35-36]. Так, он писал: «Изучение отраслевой лексики подразумевает **два этапа**: первый - это **сбор материала**, в связи с реалиями, фиксация слова с учетом обозначаемого предмета (где это касается быта); необходим сбор материала **по всем диалектам и говорам**, с систематической **проверкой** данных у ряда лиц в каждом пункте: иначе случайности индивидуального понимания не удастся изжить. Сбор материала - естественно вести **планомерно** с последовательным охватом различных диалектов и говоров. Сбор материалов микролексики - задача неотложная: определенные слова, даже целые слои лексики могут быть навсегда утеряны для науки. Обработка собранного материала требует уяснения истории слова: слово свое или заимствованное. Если - свое, **каков его состав** (основа простая, производная, сложная), с какими основами в родственных язы-

ках связана данная основа, в каких устойчивых словосочетаниях данное слово встречается (фразеологизмы, идиоматика). Стоит вспомнить, сколь разнообразны выражения, в которых используется слово «сердце» в иберийско-кавказских языках. Если слово заимствованное, следует установить, из какого языка и через посредство какого языка усвоено, какие изменения претерпели его звуковой состав, его значение. Изучая слово, важно установить **ареал его употребления**. Это касается как слов своих, так и усвоенных».

В данном исследовании рассматриваются животноводческая терминология, сельскохозяйственная терминология, соматические термины, бытовая лексика, термины, связанные с обработкой шерсти и ковроделием. Для написания данной работы прежде всего привлекается полевой материал, собранный автором во время экспедиционных поездок в Ахтынский и Сулейман-Стальский районы республики Дагестан по четырем крупным диалектам лезгинского языка - по реликтовому яркинскому, по гюнейскому, легшему в основу лезгинского литературного языка, по ахтынскому и джабинскому диалектам в населенных пунктах: Испик, Салиян, Орта-Стал, Юхари-Стал, Зизик, Кахцуг (кюринское наречие), Ахты, Джаба (самурское наречие). Далее названия этих населенных пунктов будут приводятся сокращенно: исп., орт., юх., зиз., ках., ахт., джаб.

Материалы кубинского наречия взяты из имеющейся специальной литературы. Анализ лексики с точки зрения происхождения проводился с учетом имеющейся литературы – словарей лезгинского и родственных языков, а также специальных работ сравнительно-исторического и контактологического характера, в том числе исследования по сравнительной и сопоставительной лексикологии [СИЛДЯ 1971; Хайдаков 1973; Мусаев 1978; Кибрик, Кодзасов 1988; 1990; Загиров 1987; Климов, Халилов 2003], по сравнительно-исторической фонетике [Бокарев 1961; 1981; Гигинейшвили 1977; Талибов 1980], диалектологии [Мейланова 1964; Гайдаров 1961 и др.], этимологические словари [Николаев, Старостин 1994; Алексеев, Загиров 1992] и т.п.

ГЛАВА I**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОТРАСЛЕВОЙ ЛЕКСИКЕ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ НАПРАВЛЕНИЯМИ ЛИНГВИСТИКИ**

Язык и, прежде всего, его словарный состав являются наиболее достоверным источником, позволяющим судить об интеллектуальном, культурном и хозяйственном уровне той или иной эпохи, того или иного общества; нередко язык оказывается единственным основанием для воссоздания истории культуры. Дело в том, что лексическая семантика непосредственно связана с экстралингвистическим содержанием, иными словами, с реальным миром вещей и явлений. В силу этого язык через посредство лексической системы представляет собой существенный компонент культуры народа в том числе и в историческом аспекте, и в то же время средством познания объективного мира. Это особенно отчетливо осознается лингвистами в последние годы в связи с углубленным изучением слова как способа отражения знаний о внеязыковой действительности.

Отраслевая лексика играет далеко не последнюю роль в этом процессе. В то же время эта специфическая часть словарного состава языка привлекла внимание кавказоведов по существу лишь в конце 60-х гг. в связи с проведением третьей региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков, на повестку дня которой были вынесены вопросы отраслевой лексики иберийско-кавказских языков. Как отмечалось в специальной литературе, «проведение такой сессии, с последующей публикацией ее материалов, послужило своего рода стимулом, положившим начало планомерному, научно-организованному исследованию отраслевой лексики дагестанских языков» [Отраслевая... 1984: 3].

В программном сообщении А. С. Чикобава была сделана попытка определить сущность отраслевой лексики путем перечисления основных лексикотематических групп, входящих в ее состав, с одной стороны, и подчеркнуть

научное значение исследования соответствующих проблем, с другой. Кроме того, в его докладе была дана схема исследования отраслевой лексики.

Тем не менее, круг вопросов, связанных с определением специфики исследований по отраслевой лексике как специфической области лексикологии на данной сессии не поднимались: практически все доклады были посвящены конкретному анализу определенных лексико-тематических групп в том или ином языке без каких-либо теоретических обобщений.

Отсутствие теоретических оснований рассматриваемой области лексикологии, естественно, приводит нередко к расплывчатым и порой неверным формулировкам. Так, нечеткость границ между общей и отраслевой лексикологией приводит к тому, что в сферу последней попадают практически не только все лексикологические, но и лексикографические работы. В одном из последних обзоров по отраслевой лексике [Гусейнова 2003] история ее изучения начинается с лексикографических трудов П. К. Услара. Трудно не согласиться с автором, что лексика земледелия, животноводства и т. п. нашла достойное отражение как в лексикографических собраниях Услара, так и в трудах его последователей – А. Дирра и др., однако вряд ли только по этому признаку любой словарь может быть отнесен к работам по отраслевой лексике.

С другой стороны, причины появления подобных суждений достаточно очевидны. Отраслевая лексика есть неотъемлемая часть лексикологии. Обсуждение и решение многих вопросов, связанных с отраслевой лексикологией, связывается также с лексикографической работой, с созданием толковых, идеографических, исторических, диалектных и иных словарей. Толковые словари национального языка, равно как и словари других типов, во многом отражают успехи развития нации в области материальной и духовной деятельности, уровень развития общественного устройства, науки, культуры и искусства, особенности духовного склада народа и черты его исторического прошлого. В то же время чем полнее отражена в словаре отраслевая лексика, тем очевиднее будут суждения об уровне развития материальной и духовной

культуры. В связи с этим уместно напомнить слова польского ученого В. Дорошевского, который утверждал следующее: «Общественным рычагом наук, стремящихся выработать общий для всех людей рациональный взгляд на мир, является лексикография, ищущая простейших слов для объяснения широким кругам читателей, что означают те или другие слова, как пересекаются специальные термины со словами разговорного языка, как переносятся функции слов с одних вещей на другие, как образуются устойчивые словосочетания, в которых остаются только отзвуки семантического содержания их составных частей... Размышление о значениях слов — а к этому должно побуждать чтение словаря — одна из самых существенных форм рационализации своего отношения к жизни и своего участия в ней» [Дорошевский 1973: 36].

Ярким примером обсуждаемого тезиса является «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, который называют «подлинной энциклопедией русского народного быта, склада ума и характера, нашедших свое выражение в речи» [Бабкин 1955: VII].

Если говорить о словарях различного типа, то в этом отношении, по-видимому, ближе к рассматриваемой теме словарь А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова [1990], организованный по тематическому принципу и включающий следующие группы лексики: «Тело» (с подгруппами «Голова и шея», «Тело, туловище», «Конечности», «Внутренние органы, кости», «Поверхность тела», «Мягкие субстанции, выделения»), «Человек» (родственные отношения, социальные роли, группы), «Домашние животные» (с подгруппами «Овца», «Корова», «Лошадь и осел», «Коза», «Прочие домашние животные»), «Животный мир природы» (с подгруппами «Звери», «Птицы», «Холоднокровные», «Насекомые»), «Растительный мир» (с подгруппами «Деревья», «Травы», «Плоды, овощи», «Злаки»), «Пища», «Одежда, обувь, украшения», «Средства материальной деятельности», «Предметы домашнего обихода», «Жилище, хозяйственные постройки, поле», «Географические и астрономические объекты», «Субстанции неживой природы», «Время», «Абстрактные и

родовые понятия» и т.д. Нетрудно заметить, что большинство названных здесь групп хорошо соотносятся с тематическими группами, традиционно выделяемыми в отраслевой лексикологии.

В то же время лексикографическая работа представленных в обсуждаемой монографии единиц минимальна: так, в ней практически отсутствует этимологическая разработка словарных единиц.

Лексика всех 38 автохтонных кавказских языков, представленная в словаре Г. А. Климова и М. Ш. Халилова [2003], также сгруппирована по частям речи. При этом имена существительные объединены в следующие группы: «Человек», «Родство», «Тело», «Дом и домашняя утварь», «Хозяйство», «Одежда», «Пища», «Природа и ландшафт», «Растения», «Животные», «Погода», «Общество», «Восприятие, эмоции, интеллект», «Время» и «Разное». Самостоятельными разделами представлены прилагательные, числительные и слова со значением количества и меры, а также местоимения, наречия и послелоги. Глагольная лексика также подразделяется на семантические группы, в том числе: а) Физические действия, состояния и процессы б) Восприятие, эмоции, интеллект в) Социальные отношения г) Речь и звукопроизводство д) Трудовая деятельность и быт. Как видим, для словарей подобного рода характерно не только лексико-тематическая классификация словарного состава в целом, но и выделение интересующих нас лексико-тематических групп, относящихся к отраслевой лексике. Наличие внутренней рубрикации выделяемых подгрупп демонстрирует возможность более детального структурирования исследуемых лексико-семантических полей. В то же время можно заметить отличия отраслевой классификации от принципов, лежащих в основе данных словарей. Если в последних лексика флоры и фауны представлена отдельными группами, то отраслевой принцип диктует необходимость рассматривать ее в совокупности с земледельческой и животноводческой лексикой. Так, например, в специальном исследовании, посвященном земледельческой лексике восточнолезгинских языков [Гусейнова 2004], выделяются такие лекси-

ко-тематические группы, как «названия зерновых культур и некоторых наименований, связанных с ними», включающие понятия «земля под паром» [табас. ух 'ав, агул. *ибхIал* (соб. аг.), *ухIал* (кош.)], «межа, граница» [лезг. *атIун* «межа», агул. *атIуб* (соб. агул.) «межа, граница»], «межа», «лунка» [табас. *кIвар* (канд.), *кIар* (хан.), агул. кквар (гех., кош., фит.), лезг. *кIвар* (ахт.) «выемка, лунка»], «росток» (лезг., табас. *цIур*), «всходы посевов» (табас., агул. *чар*), «свясло» (лезг., табас. *чIикь*, агул. *кьачI*), «молотить» [лезг. *гатун*, агул. *утас* (кош.)], «закром, ларь» [табас. *танх* (дюб., канд.) «закром, ларь», агул. *танх* (кош.) «закром, ларь», *тах* (фит.) «то же», тах (рич.) «сундук для съестного»], «пирог» [лезг. *цикIен* (гюн., ярк., курах.), *цикIан* (куб.), *цIекен* (ахт.), табас. *цикIав* (дюб.), *цIкIаб* (канд.), агул. *цIикIаб* (соб. агул.), *цIикав* (кош.)] и др., что показывает отсутствие тождества между отраслевым и лексико-тематическим принципами классификации лексики.

Словарь А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова сближает с исследованиями по отраслевой лексике еще один аспект. Дело в том, что данный словарь собирался исключительно в ходе лингвистических экспедиций. Между тем, и для отраслевой лексикологии характерна, прежде всего, ориентация на получение первичного материала, иными словами, на собирание лексики, преимущественно в полевых условиях. Отсюда вытекает ее тесная связь с проблематикой и основными принципами полевой лингвистики.

Как отмечалось в предисловии к сборнику тезисов 1 международного симпозиума по полевой лингвистике, «как практика экспедиционных работ на бескрайних просторах нашей родины, так и за ее пределами свидетельствует о том, что полевая лингвистика живет и здравствует, но, с другой стороны, отсутствие теоретических работ, обосновывающих ее место в кругу других лингвистических дисциплин, более или менее четко очертивших бы круг ее основополагающих принципов, методик сбора материала и т.п., порождает среди лингвистов весьма разноречивые толкования на этот счет» [1 международный... 2003: 5].

Как для отраслевой лексикологии, так и для полевой лингвистики характерно отношение к языкам (в т. ч. и малочисленных народов) как не просто как еще к одному (пусть даже и уникальному) способу кодировки информации, но, в первую очередь, важному и неповторимому вкладу в мировую сокровищницу истории и культуры. Такое понимание языка предполагает не только новое определение способов получения данных и их верификации, но и пересмотр взаимоотношений исследователя и носителя языка, более пристальное внимание к экстралингвистической ситуации. Как отмечается в литературе, «в народных говорах отражаются различия в сегментации понятий, реального мира вещей и явлений, что естественно, находит выражение в диалектных различиях лексико-семантического уровня. Это может выражаться, например, в том, что в одних говорах есть слово, обозначающее общее понятие, в других — только слова, выражающие различные степени детализации этого понятия. Многозначность как проявление человеческой склонности к экономии в языке, к систематизации таким путем предметов и явлений внешнего мира, особенности группировки слов в синонимические и ассоциативные группы и антонимические пары, организация лексико-семантических групп и лексических полей - все это является отражением неповторимой практики данного языкового коллектива в духовной и материальной сферах жизни» [Кузнецова, Сороколетов 1991: 6].

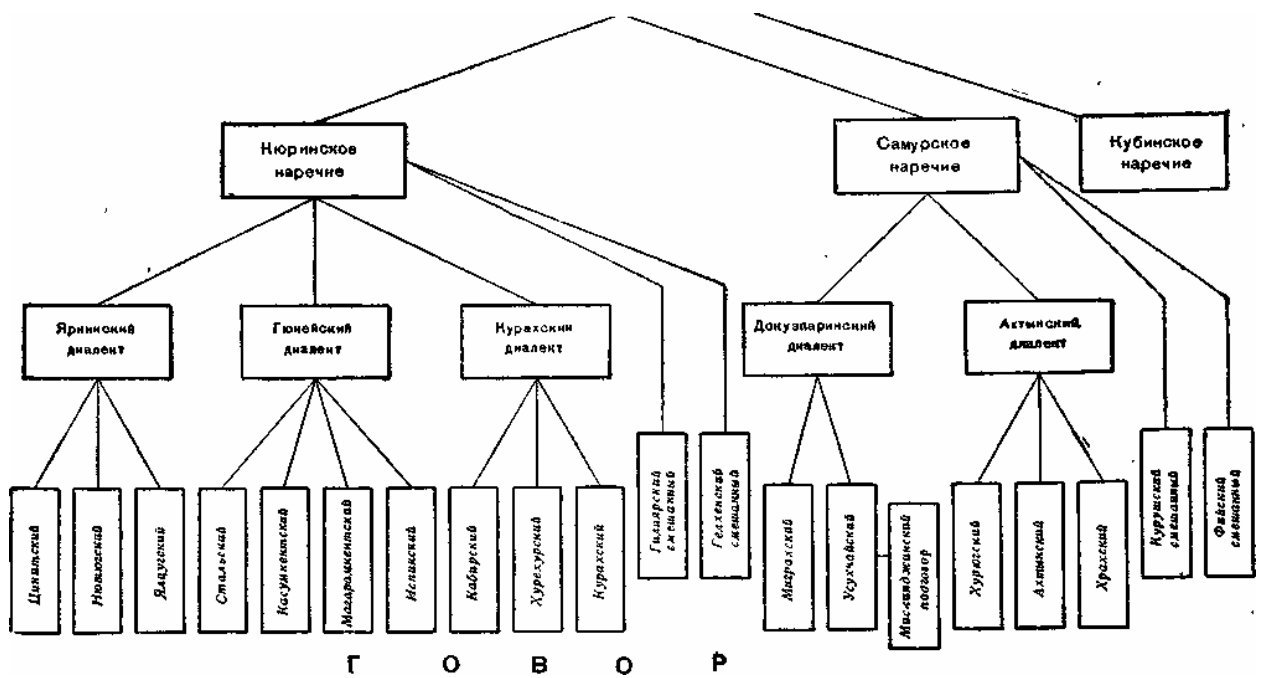
По способам получения и источникам для сбора материала отраслевая лексикология близка не только полевой лингвистике, но и диалектологии в той ее части, в которой изучается диалектная лексика. Поэтому же отраслевая лексика широко представлена, например, в «Диалектологии лезгинского языка» [см. Гайдаров 1963], в списке слов шести диалектов – гюнейского, яркинского, курахского, кубинского, ахтынского и фийского. Не менее ценный диалектный материал по отраслевой лексике мы находим и в «Очерках лезгинской диалектологии» [Мейланова 1964]. Ср. например, фрагмент лексических материалов курахского диалекта [там же: 175]:

<i>чили^h хъчар</i>	<i>кудай хъчар</i>	'вид съедобной травы'
<i>лурсар</i>	<i>эвеликхар</i>	'конский щавель'
<i>уьртһуькхар</i>		
<i>инар</i>	<i>эджсекхар</i>	'чехлы'
<i>чЫлав рышар</i>	<i>тһарунар</i>	'тараканы'
<i>чЫры ч!иж</i>		
<i>цваьгъ</i>	<i>хуз</i>	'оса'
<i>лака^h</i>	<i>цІил</i>	'канат'
<i>цЫмар</i>	<i>зангар</i>	'икры ног'

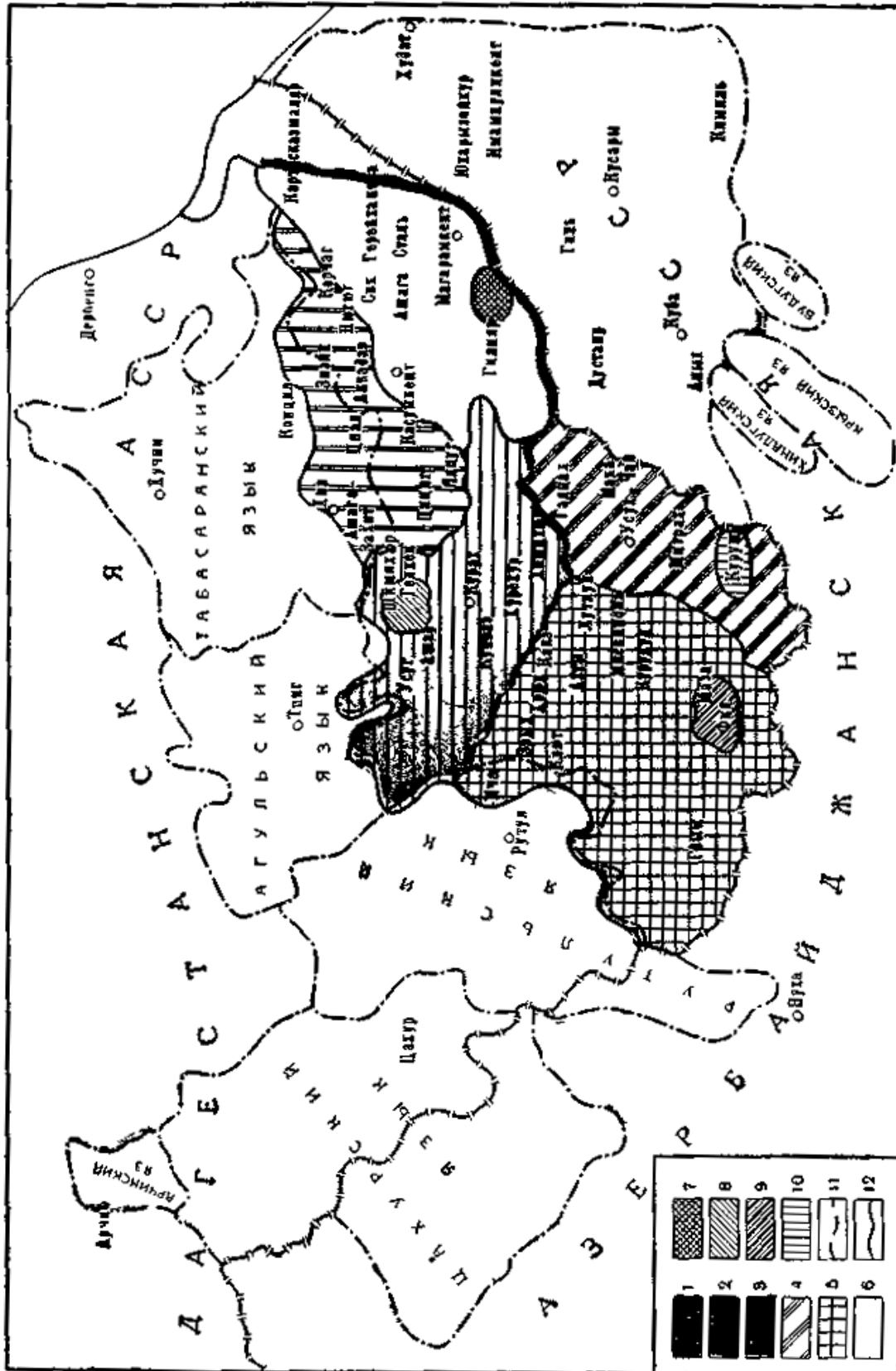
Список лексем такого рода легко можно продолжить.

В этом же ряду следует отметить исследования отдельных лезгинских диалектов [Генко 1929; Гаджиев 1957; Гайдаров 1961; Саадиев 1961; Гюльмагомедов 1966; Абдулджамалов 1966; Мейланова 1970; Ганиева 1980; Бабаев 1998; Асалиев 2004 и др.].

В этих исследованиях была дана разноуровневая (в т.ч. фонетическая, морфологическая, лексическая, в меньшей степени – синтаксическая) характеристика основных диалектных единиц лезгинского языка, а также дана их классификация, позволяющая среди всего диалектного континуума на лингвистической карте лезгинского языка выбрать опорные, диагностические диалекты и населенные пункты, достаточно адекватно отражающие его диалектное многообразие. В этой связи следует указать на то, что мы опираемся прежде всего на классификацию, предложенную в названной выше основополагающей работе У. А. Мейлановой [1964], карту и схему диалектной дифференциации из которой мы здесь воспроизводим.

Как уже отмечалось выше, значительную часть отраслевой лексики составляет лексика традиционного сельскохозяйственного производства, народных промыслов и т. п., т.е. по существу профессиональная лексика. Это означает, что вместе с профессиональной лексикой в состав отраслевой лексики входят и соответствующие термины. Исследованием терминологии, как известно, занимается специальная лингвистическая дисциплина – терминология.

Диалектологическая карта лезгинского языка

Диалекты киринского наречия: 1 — гонейский; 2 — яринский; 3 — кураховский. Диалекты самурского наречия: 4 — до-кузпаринский; 5 — ахтырский; 6 — кубинское наречие. Смешанные говоры: 7 — гильярский; 8 — гелкенский; 9 — фийский; 10 — курушский. Границы: 11 — языков; 12 — диалектов и говоров.

Основной единицей терминологии является термин - слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности, входящее в общую лексическую систему языка лишь через посредство

конкретной терминологической системы. К особенностям термина в современной лингвистике относят: 1) системность 2) наличие дефиниции 3) тенденцию к моносемичности в пределах своего терминологического поля, т. е. терминологии данной науки, дисциплины или научной школы 4) отсутствие экспрессии 5) стилистическую нейтральность [Лингв. энц. словарь 1990: 508].

Вместе с тем отличает отраслевую лексику от терминологии сохранение живых связей с народным языком: она не маркируется по профессиональному признаку и, как правило, является общеупотребительной и понятной всем носителям языка. Лишь немногие компоненты отраслевой лексики могут быть охарактеризованы как термины. В связи с этим заметим, что в устойчивом сочетании «термины родства» слово «термин» выступает не в прямом значении, а скорее в значении «лексическая единица или словосочетание».

В связи с программой культурного строительства народов Дагестана в начале 30-х годов были созданы первые терминологические словари основных литературных дагестанских языков - аварского, даргинского, лакского, лезгинского, табасаранского и кумыкского - по языку и литературе, физике, химии, математике, делопроизводству и т. п.¹

¹ Математическая терминология. Ред. Б. Халидов и А. Шахмалов, Махачкала, 1932; Общественно-политическая терминология. Сост. А. Шахмалов, Махачкала, 1932; Терминология по делопроизводству, Махачкала, 1932; Термины по физике. Сост. С. А. Цурилов, Махачкала, 1932; Термины по химии. Сост. М. Х. Патимат, Махачкала, 1932; Терминологический словарь по языку, истории, литературе, математике, естествознанию и географии. Махачкала, 1940.; Математическая терминология. Пер. А. Алиева, Махачкала, 1932; Терминология по делопроизводству. Махачкала, 1932. Терминология общественно-политическая. Сост. М. Чаринов, Махачкала; 1932; Термины по математике. Ред. М. Чаринов, Махачкала, 1932; Термины по физике. Сост. М. Кажлаев. Махачкала, 1932; Термины по химии. Сост. М. Кажлаев, Махачкала. 1932; Терминология по делопроизводству. Ред. Гаджибеков, Махачкала, 1932; Общественно-политическая терминология. Сост. Гаджибеков, Махачкала, 1932; Термины по математике. Сост. А. Алкадарский, Махачкала, 1932; Термины по физике. Сост. Н. Мейланов, Махачкала, 1932; Терминологический словарь. Махачкала, 1940.; Термины по истории, языку, литературе, математике, естествознанию и географии. Махачкала, 1932; Терминология по делопроизводству, по математике, по физике, по химии. Сост. М. Темирханов, Махачкала, 1932.

Тематический принцип исследования лексики проявляется в целом ряде направлений лексической семантики. В частности, широко популярен в лингвистике метод семантических полей, на связь с которым указывает в предисловии к одному из сборников по отраслевой лексике З. Г. Абдуллаев: «Микросистемы понятийных сфер (или семантических полей) как предмет специального исследования интересны тем, что дают возможность преодолеть тематическую пестроту и целиком сосредоточить внимание на углубленном анализе отдельного термина или группы терминов, взаимосвязанных какими-то структурными элементами либо семантическими нюансами. Анализ таких микросистем особенно интересен в силу того обстоятельства, что входящие в них термины, как правило, образуют глубинную структуру языка, так сказать, базовый строй лексики, и дают возможность проследить процесс развития идиоэтнического мышления и связанной с ним вербальной структуры конкретного языка. В этом отношении соматические термины не составляют исключения» [Проблемы отраслевой... 1986: 3]. В данном случае, как видим, на первый план выдвинут основной способ представления данных, хотя он также не исчерпывает, на наш взгляд, всей специфики исследований по отраслевой лексике. Кроме того, этот способ характерен также и для других разновидностей лексикологии и лексикографии. В частности, по тематическому принципу устроены так называемые тезаурусы.

Достаточно часто применяется тематический принцип и в учебной лексикографии, поскольку группировка слов в тематические блоки облегчает семантизацию вводимых вместе с лексемами понятий. На материале дагестанских языков, к сожалению, этот принцип оказывается не столь популярным: здесь можно привести лишь опыт создания русско-лакского словаря – анатомического атласа «Инсан» («Человек») [Айдамиров 2001].

Отраслевой принцип группировки лексики широко применяется в исследованиях по исторической лексикологии. Например, первое монографическое исследование общедагестанской лексики [СИЛДЯ 1971], насчитывающее

около 400 словарных единиц, группирует лексемы в следующие лексико-тематические группы: «части тела», «родственные отношения», «животный и растительный мир», «сельское хозяйство», «жилище (утварь, пища, одежда)», «явления природы и календарь» и др.

В определенной мере продолжил традицию рассмотрения лексики по тематическим группам «Сравнительно-сопоставительный словарь» С. М. Хайдакова [1973], в котором собрана не только общедагестанская, но также общегрупповая (т. е. общеандийская, общецезская, общелезгинская и т. п.), заимствованная и не поддающаяся этимологизации лексика отдельных языков. Имя существительное в этом словаре классифицируется достаточно подробно и включает следующие разделы:

Животный мир

Дикие животные

Дикие птицы

Насекомые

Домашние животные и птицы

Части тела

Волосистой покров

Образования на теле

Выделения из организма

Продукты питания

Растительный мир

Деревья

Фрукты и ягоды

Огородные культуры

Зернобобовые культуры

Дикие растения

Части растений

Блюда и продукты питания

Сельскохозяйственные орудия

Сельскохозяйственное производство

Элементы ландшафта и сельскохозяйственные угодья

Вода и водоемы

Полезные ископаемые

Дом, его части и другие сооружения

Предметы бытового и хозяйственного назначения

Одежда, ее части, предметы украшения

Предметы вооружения

Астрономические понятия

Временные понятия

Термины родства

Монография В. М. Загирова «Историческая лексикология языков лезгинской группы» [1987] исследует исконную и заимствованную лексику лезгинских языков на различных хронологических уровнях – общедагестанском, пралезгинском, а также на уровне отдельных подгрупп и языков. Здесь также преобладает отраслевой принцип подачи материала, который классифицируется на следующие лексико-семантические группы: домашние и дикие животные; птицы; насекомые; названия частей тела человека и животных; растительный мир; названия небесных тел, явления природы и элементы ландшафта; термины родства; строительная терминология; продукты питания; предметы быта и хозяйства; одежда и т.д.

Таким образом, исследование отраслевой лексики тесно связано со сравнительно-историческим направлением. Анализ происхождения исследуемых лексем, выявление исконного и заимствованного пластов отраслевой лексики является необходимым компонентом рассматриваемой области лексикологии. Не случайно целый ряд специальных статей, предлагающих реконструкцию исконного словарного фонда ограничивает предмет рассмотрения отдельной лексико-тематической группой [Алексеев, Атаев 1998; 1999; Заги-

ров 1988; 1989 и др.]. В тесной связи со сравнительно-историческим направлением отраслевая лексикология помогает установить основные параметры исторического прошлого народа - носителя исследуемого языка. Как отмечалось в специальной литературе, реконструкция лексико-тематической группы одного языка или нескольких родственных языков при отсутствии зафиксированной письменными источниками истории как бы позволяет заглянуть в прошлое народа, до некоторой степени определить уровень его развития, условия жизни: «Связь языковой истории с историей народа делает язык историческим источником первостепенной важности. К различным выводам нелингвистического порядка (например, о древней социально-экономической структуре общества, его материальной и духовной культуре, географической локализации и т.п.) в силу сопутствующего им семантического компонента способны приводить лексические и отчасти грамматические реконструкции» [Климов 1971: 67].

Это теоретическое положение подтверждается практикой сравнительно-исторических исследований дагестанских языков. В коллективном труде по исторической лексике дагестанских языков мы находим, в частности, следующий вывод: «весь цикл скотоводческих терминов по всем отраслям представлен, по данным дагестанских языков, очень древней группой, занимавшей большой удельный вес в жизни и хозяйстве дагестанских народностей в далеком прошлом» [СИЛДЯ: 282].

Если предметом сравнительно-исторических исследований является лишь исконная, незаимствованная лексика, то отраслевая лексикология ориентируется на изучение всей совокупности лексем, относящихся к соответствующим лексико-тематическим группам, включая и заимствованные слова. В этом плане отраслевая лексикология сближается с исследованиями по контактологии.

Некоторые лингвисты предполагают, что специфика местности, ландшафта, характерного для территории расселения современных народов лез-

гинской группы, с его горными хребтами, снежными вершинами и труднодоступными ущельями, приводит к специфическим условиям изоляции, отсутствия каких-либо контактов между носителями различных языков и, более того, различных диалектов, населяющими эту территорию. Однако, как показывают многочисленные исследования, Кавказский хребет и его отроги ни в прошлом, ни в настоящем не являлись существенной преградой для интенсивных лингвистических контактов. Более того, высказываются предположения о том, что Кавказ играл особую роль в исторических передвижениях древних племен, в частности, по побережью Каспийского моря из Европы в Азию и наоборот.

На наличие таких контактов в древности указывают и данные археологии. Так, «раннебронзовая культура Дагестана складывалась и развивалась под непосредственным и сильным влиянием проникших в III тысячелетии до н. э. из Закавказья куро-аракских племен, которые, по-видимому, и привнесли сюда важнейшие достижения своего времени в области земледельческо-скотоводческого хозяйства и металлургии» [Котович 1982: 11].

Лингвистическим контактам и заимствованной лексике дагестанских языков посвящена значительная литература. Для нас же особое значение имеют работы, в которых исследуется заимствованный словарный фонд, относящийся к соответствующим лексико-тематическим группам. Так, например, о лексическом влиянии азербайджанского языка на рутульский в сфере животноводческой терминологии писала Ф. И. Гусейнова [1982]. Как отмечается в ее статье, «в рутульской лексике, связанной с животноводством, выявляется большое число лексических единиц, заимствованных из тюркских языков (в основном из азербайджанского), что свидетельствует об интенсивности тюркско-дагестанских языковых контактов и большом влиянии тюркских языков на развитие лексики, в том числе и отраслевой, рутульского языка» [там же: 156].

Для отраслевой лексикологии характерен такой подход к изучению словарного состава, при котором воссоздается картина мира носителей данного языка или диалекта, основные параметры, характеризующие их материальную и духовную культуру. Этнографизмы, термины традиционных ремесел, специальных занятий, промыслов, обозначающих понятия, явления и реалии, связанные с бытом прошлых эпох, ушедшим укладом жизни, с отмершими верованиями, обычаями, приметам, наряду со словами, передающими вновь формируемые, зарождающиеся особенности жизни носителей языка и его диалектов, заключают в себе коллективный опыт освоения мира данным народом, отражают суждения и представления об окружающем мире.

Это означает, что при исследовании отраслевой лексики необходимо учитывать данные этнографии, которая, в свою очередь, широко опирается на лингвистические данные, причем, как нетрудно заметить, эти данные, прежде всего, касаются отраслевой лексики. Об этом красноречиво свидетельствует следующий фрагмент из книги С. С. Агашириновой о материальной культуре лезгин [1978: 29]: «Навоз – «кьук» вывозили в поле на санях в специальных деревянных плетеных больших корзинах – «кутІвал» и рассыпали по полю. В качестве удобрений использовали и золу – «руьхь», которую собирали в особую кучу зимой... Для удобрения полей специально на пашню пускали скот... Этот способ обработки поля назывался у лезгин «*мал ацукьарун*», что в дословном переводе означает «посадить скот».

Аналогичным образом автор обращает внимание на традиционные наименования соответствующих деталей быта и хозяйствования при характеристике других предметных областей. Следовательно, отраслевая лексикология представляет значительный научный интерес не только для лингвистики, но и смежных наук - истории и этнографии. Не случайно поэтому в специальном исследовании по земледельческой лексике восточнолезгинских языков [Гусейнова 2004] целая глава посвящена истории земледелия восточнолезгинских народов.

В то же время было бы неоправданным сводить отраслевую лексику лишь к этнографизмам. Как известно, термин «этнографизм», используемый для обозначения слова, отражающего в своем значении понятие материальной и духовной культуры народа, в научной литературе употребляется довольно широко, хотя и не имеет еще достаточно четкого и общепринятого истолкования, поскольку в его значение вкладывается далеко не всегда одинаковое содержание. Дело в том, что отмеченное выше определение в целом правильно, однако слишком широко: по существу все лексические единицы языка отражают понятия и реалии, связанные с духовной и материальной деятельностью человека или народа в общем.

ГЛАВА II

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Животноводство является одним из основных видов хозяйственной деятельности всех народов Дагестана: свидетельством тому является свыше двух десятков названий, восходящих к общедагестанскому хронологическому уровню и подтверждающих мнение о дагестанских народах как о древних скотоводах. В число этих названий прежде всего входят термины для обозначения крупного рогатого скота, прирученного человеком как тягловая сила и для убоя на мясо [СИЛДЯ 1971: 278]. О древности животноводства свидетельствуют также археологические данные [Котович 1960:345; 1961а; 1961б : 279].

Животноводство лезгин изучалось также этнографами и историками [Рамазанов, Шихсаидов, 1964; Ихиллов 1967; Рамазанов 1972; Агаширинова 1978]. Начало животноводства в Дагестане исследователи относят к эпохе мезолита: «В мезолитскую эпоху в некоторых областях были сделаны первые шаги на пути перехода от охотничье-собирательного хозяйства к земледельческо-скотоводческому. Именно тогда началось приручение и одомашнивание некоторых видов животных» [История Дагестана 1967:23].

Древность животноводства у лезгин подтверждается также более поздними по времени материалами из Макинского могильника, обнаруженного на территории бывшего селения Мака Докузпаринского района и датируемого эпохой раннего железа, в которых широко представлены кости мелкого, так и крупного рогатого скота [Очерки I 1957:21].

Одной из ведущих отраслей животноводства у лезгин являлось овцеводство, которое больше всего было развито в горах. Овцеводство продолжает занимать ведущее место в скотоводстве и в последующие периоды. Косвенным свидетельством этому могут служить и языковые данные. Так, например, в лезгинском языке и диалектах представлена богатая терминология, обозначающая мелкий рогатый скот (далее МРС) по различным признакам. Овцы

кормили и одевали горца. Из овечьей шерсти и шкур горцы изготавливали шапки, тулупы, носки, сукно, ковры, войлоки и другие изделия.

Важную роль в хозяйстве лезгин играл и крупный рогатый скот (далее КРС), которого разводили главным образом жители приморской и предгорной зон. КРС давал мясо и молочные продукты, из его кожи делали обувь, предметы хозяйства и быта.

Для перевозки тяжестей в горах использовали лошадей, ослов и мулов. Неприхотливые к корму, эти животные отличались выносливостью, хорошо ходили по горам с грузами в 100 кг (ослы) и даже 200 кг (мулы). Неудивительно, что стоимость хорошего осла в конце XIX в. на местном рынке равнялась стоимости коровы или же 6-8 овец. В качестве тягловой силы использовались также быки и буйволы, однако последние только на равнине, так как горные климатические условия и рельеф местности не способствовали разведению буйволов [Агаширинова 1978:35].

Важную роль в жизни горцев играла и собака. Вначале она использовалась для охоты, а позже уже в период бронзового века [Котович 1961 б : 222] для охраны стад. В последующем в эпоху железного века появляется порода собак – кавказская пастушеская овчарка, вытеснившая охотничьих гончих.

Появление домашней свиньи у горцев связано еще с эпохой энеолита. Как отмечает Х.Х.Рамазанов, «наличие свиноводства у отдаленных предков горцев Дагестана неоспоримо доказывается находками костей свиней в поселениях и могильниках. Богатый остеологический материал обнаружен археологами в различных пунктах Дагестана. Однако в дальнейшем свиноводство ликвидируется полностью, что тесно связано с распространением ислама. Под воздействием религиозных догм местное население перестает заниматься свиноводством» [Рамазанов 1972:49]. Это обстоятельство послужило тому, что самая скудная часть лезгинской животноводческой терминологии – это наименования свиньи. На фоне развитой и богатой терминологии по МРС,

КРС особенно контрастно проявляется бедность лезгинской терминологии по свиноводству.

Таким образом, данные археологии и истории свидетельствуют о том, что скотоводство было издревле известно горцам Дагестана и на протяжении всех последующих периодов истории вплоть до наших дней оно занимает одно из ведущих мест в хозяйстве горцев. Такое многовековое и интенсивное занятие скотоводством нашло отражение в лезгинском языке и диалектах, оно способствовало образованию богатой и чрезвычайно развитой терминологии по животноводству.

Животноводческая терминология лезгинского языка в лингвистической литературе до последнего времени специально не исследовалась. Исключением являются три статьи [Мейланова 1975; Мейланова и Ганиева 1988; Ганиева 1988].

В статье У. А. Мейлановой «К истории терминов животного мира в лезгинском языке» содержатся ценные сведения о названиях диких и домашних животных в лезгинском языке. Автор анализирует названия таких животных, как баран, козел, бык, корова, свинья, лошадь, выделяя их по половозрастному признаку, выявляет исконный и заимствованный пласты животноводческой лексики. Значительный интерес представляет историко-этимологический анализ отдельных названий домашних животных. Некоторым из названий домашних животных дается морфологическая характеристика (выделяются основные словообразовательные элементы). Сведения о диких животных в статье, к сожалению, скудны. Этот пробел частично восполняет вышедшая недавно статья А. А. Эседова [2003].

В совместной статье У. А. Мейлановой и Ф. А. Ганиевой «К характеристике некоторых терминов животноводства в лезгинском языке» [Мейланова, Ганиева 1988] проведена морфологическая и семантическая характеристика некоторых названий домашних и диких животных в лезгинском языке.

Анализу орнитологической терминологии посвящена статья Ф. А. Ганиевой [Ганиева 1988], в которой названия птиц в основном рассматриваются по составу и семантике.

Отдельные слова, связанные с животноводством, мы находим также в трудах П. К. Услара [Услар 1896], Л. И. Жиркова [Жирков 1941], У. А. Мейлановой [Мейланова 1964, 1970], Р. И. Гайдарова [Гайдаров 1966], Б. Б. Талибова и М. М. Гаджиева [Талибов, Гаджиев 1966], в которых животноводческие термины приводятся либо как иллюстративный материал для доказательства того или иного положения в языке, либо как прочий лексический материал. В коллективном труде дагестановедов «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» [далее СИЛДЯ 1971] и в сравнительно-сопоставительной работе С. М. Хайдакова [Хайдаков 1973] и Б. Б. Талибова [Талибов 1980] также приводятся отдельные термины животноводства не только лезгинского, но и других дагестанских языков. В них слова анализируются по составу, отмечаются фонетические изменения слов, выявляется общность корней исконных слов дагестанского языка-основы и восстанавливается праформа слова.

Следует отметить, что из названий фауны по всем дагестанским языкам хорошо сохранились наименования быка, козы, барана, ягненка, коровы, вши, блохи, мухи, орла, кукушки, доказывающие то, что названные реалии хорошо знакомы носителям данных языков с древнейших времен [СИЛДЯ 1971].

Длительное занятие лезгин животноводством способствовало появлению в лезгинском языке богатой и чрезвычайно развитой терминологии по животноводству. Как справедливо замечает М. Губогло, «чем больше развита терминология в той или иной отрасли скотоводства, тем большее значение имела данная отрасль хозяйства в прошлой жизни этого народа» [Губогло 1971: 219]. Однако отсутствие в дагестанских языках в отдельных случаях детализированных названий по половозрастным особенностям (особенно выючных животных), которые, например, широко представлены в некоторых тюрк-

ских языках – языках скотоводов-кочевников, находит свое оправдание [Щербак 1961: 82-161].

Исследуемый раздел микролексики в лезгинском языке представлен довольно богато. В нем прослеживаются основы общедагестанского, общелезгинского и собственно лезгинского лексического фонда.

Рассматриваемая лексическая группа неоднородна в структурном отношении. Здесь обнаруживаются как простые (непроизводные) слова, так и слова, образованные различными способами словообразования (как правило, суффиксацией или словосложением).

Среди обширной животноводческой терминологии в лезгинском языке имеет место градация названий животных по возрасту, полу, масти, повадкам (норову), назначению и другим признакам, причем исконные лексемы преобладают над бесспорными заимствованиями.

Особо выделяется семантическая группа названий детенышей домашних животных, которые группируются вокруг одного деривационного типа со словообразующими формантами, часть из которых ныне живые, функционирующие, другая же часть уже потеряла свою словообразующую функцию и окаменела.

Животноводство у лезгин носит отгонный характер: «Отсутствие хороших зимних пастбищ, – отмечает Х. Л. Рамазанов, – способствовало перегону скота в основном МРС на равнину в Азербайджан и на прибрежные зимние пастбища Дагестана. КРС зимой оставался на стойловом содержании. Лезгины в своем хозяйстве держали также и лошадей, главным образом, для перевозки грузов в горах, молотьбы, а также для верховой езды. Для перевозки тяжестей использовались также мулы и ослы. Разведением буйволов занимались на равнине и в предгорной полосе и очень редко в горах. Буйволы плохо переносили холод, требовали много корма» [Рамазанов 1972: 46].

1. Домашние животные

1.1. Термины, связанные с МРС

Понятие «животное (вообще)» в лезгинском языке передается заимствованным из арабского языка термином *гъайван* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.), *хлаъйван* (ахт., джаб.). Этот термин объединяет как дикое, так и домашнее животное. Для дифференциации диких и домашних животных используются составные названия *вагъши гъайванар* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *ваъхъши хлаъйванар* (ахт., джаб.) «дикие животные», *кIвалин гъайванар* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *кIвелин хлаъйванар* (ахт., джаб.) «домашние животные». Термин *гъайван* «животное», кроме своего основного значения, имеет также и переносное значение. Он используется, когда речь идет о бескультурном, невежественном, необразованном человеке.

Для выражения понятия МРС в лезгинском литературном языке и во всех его диалектах существуют специальные исконные термины *хпер*, *лапагар*. В качестве первого термина использовано название овцы *хеб* в форме множественного числа. От него же образованы производные термины: *хпехъан* «овцевод» < *хпе* (мест.п.) < *хеб* «овца» + *-хъан*, *хпехъанвал* < *хпе* < *хеб* «овца» + *-хъан* + *-вал* «овцеводство».

В речи сел. Салиян помимо названия *лапагар* для обозначения МРС используются также составные термины *чIарчIин гъайванар* букв. «волоса животные», *сун гъайванар* букв. «шерсти животные».

В лезгинском литературном языке и во всех его диалектах отара, стадо МРС обозначается самостоятельной лексемой *суйруь*, заимствованной из азербайджанского языка, ср. азерб. *сУрУ* «отара, стадо, стая».

В лезгинском языке обнаруживаются дифференцированные названия для пастухов. Пастух МРС именуется персидским словом *чубан* (лит., исп., сал., ках., орт., юх.), *чыбан* (ахт., джаб.). Специальное название имеет и старший чабан – *серкер*.

Посредством персидского суффикса деятеля - *бан* от названия ягненка *кIел* образуется новое понятие «пастух ягнят» – *кIелербан* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.), *келяьрбан* (ахт.), *келербан* (джаб.).

Из всех лексических групп по животноводческой терминологии лезгинского языка самой обширной является группа, связанная с МРС. В лезгинском языке хорошо сохранились названия МРС, маркирующие признаки пола, возраста, масти, формы рогов и другие признаки.

а) половозрастные термины

В лезгинском языке хорошо сохранилась половозрастная дифференциация МРС. Она выражается двумя способами – лексическим и синтаксическим.

Примерами лексического способа выражения МРС являются следующие пары: *хеб* «овца» – *гьер* «баран», *цIегь* «коза» – *кьун* «козел». Основы исконного происхождения. Название козы хорошо сохранилось во всех дагестанских языках: авар. *цIуIе* (< *цIуIен* < **цIуIан*, ср. мн.ч. *цIуIани*), ахвах. *цIуIин-а-лIли*, карат. *цIуIин-а-лIлю*, тинд. *цIуIен-а-лIлI*, чамал. *цIуIен-а-лIлI*, багул. *цIуIен-е-льль*, ботл. *цIуIин-а-льи*, годоб. *цIуIин-а-льльу*, анд. *цIуI-йа*, беж. *цан*, цез. *чан-и-йа*, хварш. *цан*, гинух. *цан*, гунз. *цан*, лак. *цIу-ку*, арчин. *цIе-й*, лезг. *цIе-гь*, табас. *цIе-гь*, агул. *цIе-гь*, рутул. *цIе-гь*, цахур, *цIе-ъ*, хиналуг. *цIол*, крыз. *цIе-гI*, будух. *циа*, удин. *вел* [СИЛДЯ 1971: 151].

В представленных основах геминированная абруптивная аффриката *цIуI* общедагестанского хронологического уровня сохранилась в аваро-андийских языках. В лезгинских языках она перешла в негеминированную абруптивную аффрикату [Талибов 1980: 100, 101].

Разнообразие конечных элементов в лезгинских языках, по утверждению специалистов, свидетельствует об их позднем появлении в структуре основы [Абдоков 1983: 25].

Самостоятельный термин *шек* в литературном лезгинском языке выражает понятие «ярка». Однако в разных диалектных единицах лезгинского языка значение данной лексемы колеблется: *шек* (орт., юх.) «ягненок-самка

после трех месяцев», *шек* (исп., зиз., ахт.) «ягненок от шести месяцев до одного года», *шек* (сал.) «овца до первого окота», *шек* (джаб.) «овца полуторагодовалая (после второй стрижки, но также не окотившаяся)».

Термин *шек* арабского происхождения. Он широко представлен в тюркских языках [Щербак 1961: 115]. В лезгинский язык слово проникло, вероятно, из азербайджанского языка, ср. азерб. *шак* «овца двух лет».

В ахтынском диалекте для обозначения овцы, барана и ягненка используется слово *баьгIабь*. Чаще это слово употребляется в разговоре с детьми. Происхождение его прозрачно: оно образовано от звукоподражательного слова *баь-ь-ь*, означающего бляение овцы.

В лезгинском языке и диалектах молодняк МРС обозначается разными лексемами. Общим названием ягненка является *кIел* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *кел* (ахт., джаб.). Основа общедагестанская. В специальной литературе отмечено, что исконная геминированная аффриката **кьь* в начальной позиции сохранилась в аварском, арчинском и некоторых андийских языках, а в лезгинском, агульском и хиналугском перешла в *кI* [СИЛДЯ 1971: 160].

Для обозначения козленка в лезгинском языке используется специальный термин *бацIи* (общее название) (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *бецIи* (ахт., джаб.). Основа общелезгинская: ср. рутул. *бацIи*, хиналуг. *бацIыз*, криз. *баьцIи*. Для выражения пола ягненка и козленка к их названиям добавляются самостоятельные слова-определения *диши* «самка», *эркек* «самец», заимствованные из азербайджанского языка (ср. азерб. *диши* «самка», *эркэж* «самец»): *диши кIел* «ягненок-самка», *эркек кIел* «ягненок-самец», *диши бацIи* «козленок-самка», *эркек бацIи* «козленок-самец».

В номинации домашних животных (МРС) лезгинского языка и диалектов выражение возрастной дифференциации сохранилось несколько лучше, чем половой. Она также выражается двумя способами:

1. Лексический: *хеб* «овца» – *кIел* // *кел* «ягненок» (общее название для самца и самки) – *шек* «ярка» – *кьар* (исп., джаб.) «ягненок-самец после шести

месяцев (после первой стрижки)», *кьар* (сал., орт.) «ягненок-самец после трех месяцев» – *кьвар* (ахт.) «ягненок-самец после первой стрижки» – *куьрне* (исп., сал., джаб.) «ягненок, родившийся в начале лета» – *кирне* (ахт.) «ягненок в первые дни после рождения» – *гуьздек* (джаб.) «ягненок, родившийся до начала охотной кампании (в сентябре, октябре)», *гьер* «баран»; *цIегь* «коза» – *бацIи // бецIи* «козленок» (общее название для самца и самки) – *теке* (сал.) «козленок после трех месяцев» – *теке* (исп.) «козленок-самец от шести месяцев до одного года» – *теке* (джаб.) «козел-вожак стада» – *теке* (ахт.) «козел больших размеров со скрещивающимися рогами» – *гьецI* (лит., сал., ахт., орт., юх.) – *ацI* (исп.), *гьечI* (джаб.) «козленок от шести месяцев до одного года», *кьун* «козел».

2. Синтаксический – словосочетания, в которых первое слово – определение ко второму основному знаменательному, несущему смысловую нагрузку; *таза кIел* (юх.) – *таза кел* (ахт.) – *бицIи кIел* (орт.) «ягненок в первые дни после рождения», *шек цIегь* (орт.) «коза, окотившаяся в раннем возрасте», *шек цIегь* (сал.) «коза до одного года» – *шек цIегь* (исп.) «коза от одного года до первого окота», *кьуьзуь хеб* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «старая овца» (после пятого-шестого окота), *зими гьер* (исп., орт., ахт.) «баран после одного года» – *зими гьер* (сал.) «баран после двух лет», *гвеч гьер* (сал.) «баран от одного до двух лет» – *гвеч гьер* (исп.) «баран после двух лет», *пин гьер* (орт.) «баран-производитель от полутора года до двух лет», *кванан гьер* (ахт., джаб.) «баран после двух лет» – *кваназ фенвай гьер* (сал.) «баран после трех лет» – *кванан гьер* (исп.) «баран после четырех лет», *кьуьзуь гьер* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «старый баран (после четырех лет)», *гвеч кьун* (сал.) «козел от одного года до двух лет», *зими кьун* (орт., юх.) «козел от одного года до двух лет» – *зими кьун* (сал.) «козел после двух лет» – *зими кьун* (джаб.) «козел после одного года» – *земи кьын* (ахт.) «козел после одного года» – *зими кьын* (исп.) «козел от двух до трех лет».

В лезгинском языке и диалектах для названия ягнят или козлят-двойняшек имеется специальное сложное исконное название *къветхверар* (лит., зиз., орт., юх., джаб.) – *къуьтхверар* (исп., сал.) *къуьтхвейар* (ахт.), образованное сочетанием числительного *къвет* // *къвед* «два» и глагола *хун* «родить». В ахтынском диалекте наряду с исконным словом для обозначения козлят или ягнят-двойняшек используется и заимствованный из азербайджанского языка термин *икизар* «двойняшки». Исторически сложные основы, образованные из сочетания числительного «два» и глагола «родить» представлены в большинстве дагестанских языков [СИЛДЯ 1971: 127].

Название *йетим* (лит., исп., сал., зиз., ках., джаб.) – *йитим* (орт., юх., ахт.) для козленка или ягненка, не имеющего постоянной кормилицы, заимствовано из арабского языка, ср. араб. *йатйм*.

В джабинском диалекте специальным термином *къгьъоьр* обозначается коза, которая рождает козленка в первый раз.

Составное название *чуьлуь хлаьйванар* в джабинском диалекте выражает понятие «молодняк», букв «мелкие животные».

Молодняк или животное, дающее потомство, в джабинском диалекте именуется *диде хлаьйванар*, букв. «мать-животные».

Таким образом, в зависимости от стрижки шерсти, от количества прожитых месяцев и лет, от количества окотов животные получают дифференцированные названия, характеризующие их по половозрастным особенностям.

б) термины, маркирующие масть животного

Названия МРС различны как по составу, так и по происхождению. В отдельных случаях для выражения одного понятия используются разные названия.

К простым относятся: *къумрал* (джаб.) «овца белой масти с коричневой мордой», *къымрал* (ахт.) «овца коричневой масти», *сакъар* (сал.) «овца или баран с белым пятном на лбу», *къашкъа* (лит., орт., юх., зиз., ахт.) «животные

с белой отметиной на лбу», *гийар* (сал.) «овца или баран с полосками на лбу и на теле», *гийар* (исп.) «животное с белой полоской на лбу».

Сложные: *саругуыз* (сал.) «овца белой масти с красной мордой и белым пятном на лбу» < *сару*, ср. азерб. *сары* «желтый» + *гуыз*, ср. азерб. *гоьз* «глаз», *къарагуыз* (исп.) «овца с черной мордой и белой отметиной на лбу» < *къара*, ср. азерб. *гара* «черный» + *гуыз*, ср. азерб. *гоьз* «глаз», *къарабаишу* (исп.) «овца с черной головой» < *къара* «черный» + *баиш*, ср. азерб. *баиш* «голова» + словообразовательный аффикс *-лу*, *алагуыз* (сал.) «баран с пятнами на глазах» < азерб. *ала* «пестрый» [Севортян 1974: 129-130] + *гуыз*, ср. азерб. *гоьз* «глаз».

Составные названия представляют из себя сочетания определительного типа, т. е. в них в качестве первого компонента выступают имена прилагательные, обозначающие цвет. В таких сочетаниях семантика первых компонентов иногда затемнена. В некоторых случаях для передачи одного понятия в разных диалектных единицах используются различные названия: *лацу хеб* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) – *лацы хеб* (ахт., джаб.) «овца белой масти», *члулав хеб* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) – *чылав хеб* (ахт., джаб.) «овца черной масти», *хъипи хеб* (исп.) «овца желтой масти», *цлары хеб* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) – *цлары хеб* (ахт., джаб.) «рябая овца», *мичли хеб* (орт.) «овца темной масти», *буз хеб* (исп.) «рябая овца», *буз хеб* (сал.) «овца с белыми ушами» – *быз хеб* (джаб.) «овца рыжей масти», *чыры хеб* (джаб.) «овца коричневой масти», *шутьруь цлегь* (зиз., орт., юх.) «коза коричневой масти», *рагъул цлегь* (сал., орт., юх.) «коза коричневой масти», *чал хеб* (орт.) «овца бурой масти», *чал хеб* (джаб.) «овца бурой масти с белой мордой», *гер хеб* (джаб.) «овца нескольких оттенков» (например: бело-черно-коричневая), *вили цлегь* (исп., орт., юх.) «коза голубой масти», *рехи цлегь* (джаб.) «коза серой масти», *камар цлегь* (сал.) «коза с полосой (обычно с белой полосой) вокруг живота», букв. «пояс овца» (*камари* «женский серебряный пояс с украшениями»).

Среди составных отмечены и трехкомпонентные названия: *гардан лацу хеб* (орт., юх.) «овца с белой шеей», букв. «шея белая овца», *пенкер квай хеб* «овца с белыми пятнами на черном теле», букв. «пятна имеющая овца», *лацы йапан хеб* (ахт.) «овца с большими белыми ушами», *йары йапан хеб* (ахт.) «овца с рыжей головой», букв. «красного уха овца»,

в) термины, маркирующие форму ушей

Безухая овца в лезгинском языке именуется *кере* (лит., ках., исп., сал., зиз., ках., ахт., джаб.). Слово тюркского происхождения.

В зависимости от размеров ушей меняется название животного. Так, например, «овца или коза с маленькими ушами» обозначается простым непроизводным термином *куьре* (исп., сал., зиз., джаб., ахт.). В джабинском диалекте для данного понятия используется составной термин *бармагъ кере*, ср. азерб. *кӱрӱ* [Селимов 2001:233].

В джабинском диалекте животное со средним размером ушей имеет специальное название *къамыш* тюркского происхождения.

Овца или коза с длинными ушами в джабинском диалекте обозначается простым исконным словом *йапанди*, а в речи сел. Испик – составным *йаргъи йапар алайди*, состоящим из сочетания имени прилагательного *йаргъи* «длинный» + сущ. *йапар* «уши» + субстантивированное причастие *алайди* «имеющий».

г) термины, маркирующие форму рогов

По наличию, отсутствию, форме и длине рогов различаются следующие названия животных:

Животное (МРС или КРС), у которого нет рогов именуется *кабач* (лит., исп., сал., ках.) – *габач* (зиз., орт., юх.) *кабаиш* (ахт., джаб.). По утверждению Р. И. Гайдарова, слово арабского происхождения [Гайдаров 1966: 211], в том же значении и звучании – *кабач* – оно засвидетельствовано также в хиналугском языке.

Овца с рогами в ахтынском диалекте называется *келин*, а в джабинском – *келиш*.

Для передачи понятия «коза или козел с прямыми длинными рогами» используются описательные названия: *ргайар авай цегъ* (исп.) – *эпе кьун* (зиз.) (значение первого компонента затемнено) – *шиш крчар алай кьун* (исп., сал.) букв. «острые рога имеющий козел» – *тик йаргъи крчар алай кьун* (орт., юх.) букв. «прямые длинные рога имеющий козел».

Коза или козел с прямыми рогами, концы которых загнуты назад, именуется *чангал* (сал.) – *къамухъ фей крчар алай кьун* (исп.), букв. «к затылку ушедшие рога имеющий козел» – *къылых кырчар фей кьын* (ахт.) букв. «назад рога ушедший козел».

Козел с перекрещивающимися рогами называется *крчар кклайд* (сал.), *чеб чпаъл алчуд хъайи крчар алайди* (орт., юх.).

Баран с тремя рогами обозначается *пуд карч алай гьер* (исп.) букв. «три рога имеющий баран» – *пыд карч элей гьер* (ахт.) – *пыд карч алай гьер* (джаб.).

Для передачи понятия «баран, у которого рога расположены вокруг ушей», используется описательное название *элкъвей кырчар элей гьер* (ахт.) букв. «круглые рога имеющий баран», *тухлах крчар алай гьер* (исп.) «баран с маленькими рогами, закрученными вокруг ушей», *пиле гьер* (сал.).

д) термины, маркирующие форму курдюка

элкъвей тум галай гьер (сал.) «баран с круглым курдюком», *куьсай тум галай гьер* (сал.) «баран с отвисшим (низким) курдюком», *далуда тум авай гьер* (сал.) «баран с маленьким высоким курдюком», букв. «на спине курдюк имеющий баран», *тумун астIар ахъа гьер* (сал.) «баран с острым курдюком», букв. «подкладка курдюка открытый баран», *йаргъи пирпил галай тум авай гьер* (сал.) «курдюк с длинным кончиком».

е) термины, маркирующие степень упитанности

куьк лапагар (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «упитанные овцы», *туьмердавай мал* (орт.) «упитанное животное», *йак элей гьер* (ахт.) «жирный баран», букв. «мясо имеющий баран», *йахун лапагар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «худые овцы», *усал лапаг* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт.) «худая невзрачная овца», *аругь хеб* (сал.) «худая овца»; *хвенвай лапаг* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *хвенвей лапаг* (ахт., джаб.), *кьурал фенвайди* (джаб.) «откормленное животное».

ж) термины, маркирующие вид сосков и вымени

сатам (исп., сал.) «овца или козел с одним соском», *еке мумар квай цIегь* (исп.) – *еке мамар квай цIегь* (орт., юх.) «коза с большими сосками», *манджулугьар квай хеб* (исп.) – *туьтвена мамыар авай цIегь* (джаб.) «овца с подвесками на шее», *кIеви регьуй кывай хеб* (джаб.) «овца с крепким выменем», *суйлукь регьуй алай хеб* (джаб.) «овца с мягким выменем», *кватай регьуй авай цIегь* (сал.) «коза с отвисшим выменем».

з) термины, маркирующие поведение, нрав животного

темпел хIайван (джаб.) «ленивое животное», *ацаз катагур хеб* (ахт.), букв. «доить не дающая овца» – *кьачах хеб* (джаб.) «убегающая при доении овца», букв. «разбойница-овца», *дели хеб* (ахт.) букв. «сумасшедшая овца», *йава хIайван* (джаб.) «блуждающее животное», *алатай лапаг* (исп., сал.), *суйруьдикай алатай хеб* (орт., юх.) «блуждающая овца», *серт хеб* (джаб.) – *суйруьзк̄а кьыкычIар хеб* (ахт.) «овца, отходящая от стада» – *кьил баитандайди* (орт., юх.) «животное, уходящее из стада», букв. «голову увиливающий», *алатна атанвайди* (орт., юх.) букв. «отстав пришедший», «животное, отставшее от своего стада и приставшее к чужому стаду», *йегьги гьайван* (орт., юх.) – *игьги хIайван* (ахт., джаб.) «животное, приставшее к чужому стаду», *гьарам* (сал.) «чужое животное, приставшее к стаду», букв. «запрещенный», *гьешер кьун* (исп.) «самый активный козел-производитель», *эгер* (джаб.) «жи-

вотное, оставшееся на стоянке (т.е. животное, не отправившееся вместе с отарой)»).

и) термины, маркирующие назначение животного

тукIвадай гъайванар (исп., сал., орт., юх., ках.) – *тукIвадий хIаьйванар* (джаб.) – *тукваз хуьзвей хIаьйванар* (ахт.) «животные, предназначенные для убоя», *гудай гъайванар* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *гудий гъайванар* (зиз.) – *гудий хIаьйванар* (джаб.) – *маса гузей хIаьйванар* «животные, подлежащие продаже», *джинсин мал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *жинсинын мал* (ахт.) «породистое животное», *тумун кьун* (исп., орт., юх., ках.) – *тымын кьын* (ахт.) – *тымынын кьын* (джаб.) «некастрированный (племенной) козел», *дамазлухд мал* (орт., юх.) – *дамазлыхзин мал* (ахт.) «животное, подлежащее сохранению на племя», *хадай малар* (орт., юх.) «животные, которые должны дать потомство», *лышанз гьер* (ахт.) «баран, приносившийся в подарок женихом невесте».

й) термины, маркирующие физическое состояние животного

гIаьджиз хIаьйван (джаб.) «слабое животное», *сагълам* (исп.) «здоровое животное», *азарлу // йуьзуьрлу гъайван* (исп.) «болезненное животное», *бугъаз хеб* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *быгъаз хеб* (ахт., джаб.) «суягная овца», *чIуру гъайван* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чIыры хIаьйван* (ахт., джаб.) «яловое животное», *алатIай гъайван* (исп.) – *гатIай гъайван* (орт., юх.) – *чIыры хьанвай хIаьйван* (джаб.) «животное, переставшее давать молоко», *тIыпIал хеб* (ахт., джаб.) «овца, потерявшая ягненка, но дающая молоко», *къе-нака хадай гъайван* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *къе-нака рахур хIаьйван* (ахт.) – *къе-нака хадий хIаьйван* (джаб.) «животное, находящееся на последней стадии беременности», букв. «сегодня-завтра рожающее животное», *хадай чкадихъ къекъвезвай хеб* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *рахур чаказих экъвезвей хеб* (ахт.) – *рахудий чакадих экъвезвай хеб* (джаб.) «овца, ищущая место для ягнения», *бала кадарун* (исп.) – *бала вигьин* (джаб.) «выкидыш», букв. «дете-

ныша бросить», *вахт алачиз хун* (исп.) – *ыкъяр кемиз хын* (ахт.) – *къяр кемиз хын* (джаб.) «преждевременно родить».

Междометные слова, используемые для понукания, подзыва животных

Возглас, которым возвращают назад: козу – *човиш* (исп.) – *цице-цице* (зиз.), овцу – *пуьуйт* (исп.) – *пуьрж* (зиз.);

слово, при помощи которого останавливают: козу – *чоуш* (зиз.), овцу – *пуьрр* (зиз., сал.), ягненка, козленка – *баци-баци* (зиз.) – *чавиш* (сал.), барана – *тррр* (зиз.) – *пуьуйруйт* (сал.);

возглас, которым подзывают: овцу – *пуьришуй-пуьришуй* (ахт.) – *пуьрсуй-пуьрсуй* (юх.), козла – *эркеш-эркеш* (ахт.), коз, козлят – *баци-баци* (юх.);

возглас, которым погоняют: овцу – *куьст-куьст* (исп.) – *пруйт-пруйт* (зиз.) – *соо* (сал.) – *хьишт-хьишт* (ахт.) – *кист-кист* (юх.), козу – *къяц-къяц* (исп.) – *чуш* (зиз.) – *кишт* (сал., ахт.) – *човиш-човиш* (юх.), козленка – *чуш* (зиз.) – *йегь* (сал.), козла – *эркеш-эркеш* (ахт.), барана – *пруьд-пруьд* (зиз.) – *ссс* (сал.) – *хьишт-хьишт* (ахт.), ягненка – *пуьрд-пуьрд* (зиз.), *уьст // суьст* (сал.).

Приведенные выше слова, которыми подзывают, погоняют или останавливают животных, представляют значительный интерес с точки зрения истории языка. «В них, - как справедливо замечает А. С. Чикобава, – могут быть обнаружены названия соответствующих животных, птиц, вышедшие из употребления» [Чикобава 1975: 32].

Слова, обозначающие основные элементы ухода за домашними животными

Названия данной группы представляют собой словосочетания, состоящие в основном из имен существительных в различных падежах и глагола: *малар диндж авун* (исп., джаб.) – *малар динж авун* (ахт.) «кормить скот», букв. «животные спокойными сделать»; *алафар кутун* (исп.) – *гьелефар кутун*

(ахт.) – *гъалафар гун* (джаб.) – *алафар гун* (орт., юх.) «кормить животных»; *малар хуьн* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «содержать скот»; *малар акъудун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) «выводить скот»; *гъайванрихъ гелкъуьн* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хІаьйванрых гелкъуьн* (ахт.) – *хІаьйванрых гелкъуьн* (джаб.) «ухаживать за животными»; *нехир хкун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) *нехир къы-гъын* (ахт., джаб.) «пригонять стадо»; *нек хъваз тун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *нек хваз гыгын* (ахт., джаб.) «дать сосать молоко»; *йад гун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йад гын* (ахт., джаб.) «поить водой»; *малар ацукъарун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «усадить животных»; *регъуь тІушунун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *регъуь тІышын* (ахт.) – *регъуь тІишин* (джаб.) «разминать вымя»; *бине кутун* (орт., юх.) «занять горное пастбище»; *малар куькарун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «откармливать животных», букв. «животных жирными сделать»; *балайар дидейрик акадарун* (исп., сал.) – *кІелер хперик какадарун // гъалдарун* (зиз., орт., юх.) – *келар хперик акадарун* (ахт.) – *келер хперик акадарун* (джаб.) «сводить молодняк с матками», *кІелев хеб фитІуниз тун* (исп., орт., юх.) – *нек хъваз тун* (сал., зиз.) – *келег хеб хваз гыгын* (ахт., джаб.) «дать молодняку сосать молоко»; *балайар дидедкай хкудун* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *бала дидедвай хкудун* (зиз.) – *келар дидейрыкай чара авун* (ахт.) – *келер дидейрикай чара авун* (джаб.) «отбивать молодняк от маток», *маларых гелкъуьн* «ухаживать за скотом», *гъайванар хуьн* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хІаьйванар хуьн* (ахт., джаб.) «содержать скот», *алаф гъазурун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *гъелефар хІазырын* (ахт.) «заготовить корм», *гъайванар чуьлдай хкун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хІаьйванар чуьлдай къыгъын* (джаб.) «возвращать скот с пастбища», *ацун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *ацын* (ахт., джаб.) «доить», *гъуталди ацун* (исп., сал.) – *гъутуг ацын* (ахт., джаб.) «доить кулаком», *арандиз куьч хьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *аранзиз куьч хьын* (ахт.) – *арандыз куьч хьын* (джаб.) «перегнать скот с горных пастбищ на плоскость», *хъуьтІуьз хуьн* (исп., сал., зиз.,

орт., юх., ках., джаб.) – *кьуьтIуьз хуьн* (ахт.) «содержать скот в зимний период», *йармадал эцигун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йарма гын* (ахт.) «откармливать скот», *гьилив вердишарун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гьилиг вердишарун* (ахт., джаб.) «приручать животных», *гьайван кутIунун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хIаьйван кьтIын* (ахт., джаб.) «привязать животное»; *малар дагъдиз гьалун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *малар дагъзиз гьалун* (ахт.) – *малар дагъдыз гьалун* (джаб.) «гонять скот в горы (на пастбище)»; *хеб хтун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) *хеб хтын* (ахт., джаб.) «возвращаться – о скоте (букв. овцах) с зимних пастбищ в горы»; *кьуьд акьудун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «зимовать».

Метки и клеймение домашних животных

У лезгин встречаются различные формы меток и тавро домашних животных². Метки и тавро ставятся для различения общественного и личного скота или же животных одного колхоза или совхоза от животных другого колхоза или совхоза и т. д.

Метки делаются, в основном, на ушах домашних животных, а тавро – на морде крупного и мелкого рогатого скота, на ноге крупного рогатого скота и крупе лошадей.

Разнообразны формы меток на ушах домашних животных:

йаб атIун (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йаб атIын* (ахт., джаб.) «разрез уха животного»;

йаб кьазунун (орт., юх.) «разрез уха животного вертикально», букв. «ухо порвать»;

йапун кIвенкI атIун (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йапан кIвенкI атIын* (ахт., джаб.) «срез кончика уха»;

йапай кьуькьуьм атIын (ахт.) «метка в виде круглого отверстия в ушной мочке»;

² Интересный материал об ушных метках и клеймении животных у аварцев, чеченцев и ингушей находим в работах З. Н. Джапаридзе [1966] и И. Ю. Алироева [1970].

йанай пуд пIунIен къуькъуьм акъудун (ахт.) «метка наподобие треугольника на ухе».

К ушам колхозных и совхозных животных для их различения прикреплялись и бирки.

И. Ю. Алироев отмечает, что «мечение овец, клеймение крупного рогатого скота и тавро лошадей существовали на Кавказе и на территории Чечено-Ингушетии также в прошлом и доказывается это положение данными истории» [Алироев 1970: 26-27].

Для клеймения животных, например, в с. Джаба Ахтынского района каждый хозяин имел свою тамгу (специальную печать). Эту тамгу он ставил на все виды домашних животных, кроме кошек, птиц и собак. Раньше тамги для клеймения животных обычно изготавливались кузнецами из проволоки. Изготовленную из проволоки тамгу накаляли на горящем кизяке и ставили на морду или ногу животного. На место клеймения потом сыпали соль во избежание инфекции.

Слово *тIамгъа* (лит.) – *дагъма* (исп., сал.) – *тIагъма* (зиз., орт., юх.) – *тамгъа* (ахт., джаб.) со значением «клеймо, тавро» заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *дамга*. Понятие «клеймение» в лезгинском языке передается составным названием *тIамгъа йагъун* (лит.) – *дагъма йагъун* (исп., сал.) – *тIагъма йагъун* (зиз., орт., юх.), букв. «тамгу ударить» – *тамгъа эцигын // элисын* (ахт., джаб.) «клеймо ставить // тамгу надавить».

Клеймо, тавро ставилось на животное в виде креста, прямой линии, треугольника, кружочка и т. п.

Клеймение животных, например, в Ахтах производят такими способами:

пIаркIвалатIуз хаи цываза «на щеке ставят крест», букв. «на щеке крест тянут»; *тамгъазал тек цIар цываза* «клеймом делают прямую линию»; *тамгъазал элкъвей ул хътинзи элаьIза* «клеймом ставили кружочек», букв.

«клеймом круглый, как глаз, ставили»; *тамгъазал пыд йапанз элаьхIза* «клеймом ставили треугольник» и т. д.

Для выделения личных животных пользуются также масляными красками и специальными красителями. Ими закрашивают кусок шерсти МРС на спине.

Доение МРС отличается от доения КРС. МРС доят обычно обеими руками: *гьуталди ацун* (зиз., орт., юх.) – *гьутуг ацын* (ахт., джаб.) букв. «кулаком доить», а КРС доят двумя пальцами.

Доение КРС двумя пальцами считается все же более эффективным, потому что при этом методе доения скота молока в вымени не остается, оно выдаивается полностью. Доение животных двумя пальцами (большим и указательным) называется *къве тIыпIыг ацын* (ахт.).

Интересное выражение со значением «выдавливание молока у овцы двумя руками» встречается в с. Джаба – *гьемшери йагIан*, что буквально означает «ударить гемшери». Заметим в связи с этим, что лезгины называют *гьемшерийар* азербайджанцев. Тем не менее пока трудно объяснить происхождение данного выражения.

Устойчивые выражения, пословицы и поговорки, связанные с названиями МРС

тыманал тамгъа элисын (ахт.) «наказывать кого-л.», букв. «на хвост клеймо ставить»; *жи мал артух тыш, къил артух тыш* (ахт.) «нас ничего не связывает», букв. «наш скот лишним не является, голова общей не является»; *йадай къун хьиз килигун* (орт., юх.) «смотрит, как козел, который хочет ударить рогами»; *хпен вилер авай джанавур // хпен къил алай джанавур* (юх.) «волк с овечьими глазами» (выражение употребляется в отношении человека, который выдает себя не за того, кто он в самом деле есть); *чIехи крчар алай гьвечIи къун* (юх.) «маленький козел с большими рогами» (о человеке, который много на себя берет); *тади авур цIегьре чIар гъана, хпе – йис* (юх.) «у козы, которая поспешила, выросли волосы, а у овцы – шерсть» (в значении: не

спеши, коли что-то собираешься делать, сначала подумай, а потом прими решение); *кьуьзуь джсанавурдин сиваьй таза кӀелен йак аватдани?* (юх.) «разве из пасти старого волка выпадет мясо молодого ягненка?» (речь идет о пожилых, желающих жениться на молодых); *чубандиз кӀан хьайтӀа, кьунакай насу хкудда* (юх.) «если пастух захочет, то и из козлиного молока приготовит сыр» (т.е. если человек опытен, то найдет любую возможность что-то сделать); *кьун гьинихь элкьвейтӀа, суьруьни гьаниз килигда* (юх.) «куда козел (вожак стада), туда и стадо пойдет» (т.е. куда направит руководство, туда пойдут и подчиненные); *джсанавур акур хпер хьиз хьана* (юх.) «(разбежались) как овцы, которые увидели волка» (о беспорядке, хаосе); *цӀегь тӀуьрдан кьилел цӀай ала* (юх., ахт., джаб.) «у съевшего козу на голове огонь» (т.е. виновник в споре выдает себя, сам этого не замечая).

Многие названия животных используются при характеристике тех или иных качеств человека: *кьуьзуь кьун* (орт., юх.) – *кьуьзуь кьын* (ахт., джаб.) «старый козел» (т.е. старый человек с выходками молодого человека); *хпен вилер хьтин* (исп., сал., орт., юх.) – *хпен улар* (ахт.) – *хпен уьлер* (джаб.) «как овечьи глаза» (т.е. глупые, как у овцы, глаза); *кӀел хьтин айал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кел хьтин айал* (ахт., джаб.) «как ягненок ребенок» (т.е. красивый спокойный ребенок); *бацӀи хьтин* (орт., юх.) «как козленок» (т.е. резвый, подвижный – о ребенке); *ам цӀегь йа ман са* «он как коза» (о человеке, который много ест капусту, зелень).

1.2. Термины, связанные с КРС

Термины, обозначающие КРС, в лезгинском языке в основном являются исконными, хотя не исключены случаи заимствования некоторых терминов из других неродственных языков. Различны названия КРС не только в семантическом плане, но и в структурном отношении.

Для обозначения домашних животных в лезгинском языке используется два заимствованных термина *мал//малар* и *кьара малар*. Первый термин является заимствованием из арабского языка и выражает понятие «скотина», «до-

машнее животное». А второй – *къара малар* используется только для обозначения КРС и буквально означает «черные животные» (азерб. *къара* «черный» + араб. *мал* «скотина»). Слово *мал* в лезгинский литературный язык перешло в полном семантическом объеме: 1) «скотина, животное» 2) «имущество; состояние; богатство» 3) «товар» [Талибов, Гаджиев 1966: 229], а в диалектах лезгинского языка приобрело также и другие дополнительные переносные значения: 1) «тупой (о человеке)» – *ам мал хътинди йа* «он ведь тупой (как скотина)» 2) «обжора» – *ам мал йа* «он обжора», *ада малди хъиз недайди йа* «он обжорист» (букв. «он, как скотина ест», т.е. «он ест много, как скотина»).

От слова *мал* посредством деривационного суффикса *-дар* образовано новое слово *малдар* со значением «скотовод, животновод», а от слова *малдар*, в свою очередь, лезгинский абстрагирующий суффикс *-вал* образует лексему *малдарвал* со значением «животноводство».

Специальным термином именуется стадо КРС – *нехир* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.). От названия стада КРС *нехир* посредством суффикса деятеля *-бан*, заимствованного, по мнению Р. И. Гайдарова, из персидского языка [Гайдаров 1966: 52], образуется новое понятие «пастух КРС» – *нехирбан*, а от него при помощи суффикса *-вал* более абстрагированное понятие «занятие пастуха, пасущего КРС» – *нехирбанвал*.

Этот же суффикс деятеля *-бан* служит для образования и других лексем, связанных с животноводством: *данарбан* < *дана* «теленок» + *-бан* «пастух телят», *рамагбан* < *рамаг* «табун» + *-бан* «табунщик», *кицлербан* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кицларбан* (ахт.) – *кичлербан* (джаб.) < *кицI* // *кичI* «собака» + *-бан* «псарь».

а) половозрастные термины

Понятие «корова» в лезгинском языке передается единым для всех диалектов термином *кал*. Слово иранского происхождения со значением 1) «самец (о животном)» 2) «безрогий баран» 3) «антилопа» [Забитов, Эфендиев 2001:62].

В лезгинском литературном языке и всех диалектах для обозначения теленка используется заимствованный из тюркских языков термин *дана*. Однако в джабинском диалекте и в некоторых выражениях ахтынского диалекта мы встречаем исконное название для теленка *кьерех*: *келих кьерех гала* (джаб.) «у коровы теленок есть», *са кьерехзин кал* (ахт.) «корова, которая отелилась один раз», букв. «одного теленка корова», *кели кьерех вегьена* (ахт.) «у коровы выкидыш», букв. «корова теленка бросила». Можно предположить, что лезгинский язык имел свой исконный термин для обозначения теленка *кьерех*, который ныне сохранился в джабинском и ахтынском диалектах, а образован этот термин от основы *кьер* (< *кьар*) и форманта *-ех*, восходящего, на наш взгляд, к флексии локатива на *-хъ* со значением «за, позади чего-либо», замещенный в ахтынском и джабинском диалектах спирантом *-х*. Что касается основы *кьер*, то, возможно, это переосмысление *кьар* – одно из названий барана, которое впоследствии перешло на детеныша коровы [Мейланова, Ганиева 1986: 10].

Для обозначения теленка в дагестанских языках сохранилась и своя общая исконная основа, которая в разных языках претерпела некоторые изменения; авар. *бече*, ахвах. *буша*, тинд. *богъа*, бежт. *бише*, цез. *меши*, хварш. *мише*, гинух. *меши*, гунз. *бише*, лак. *баIрч*, арчин. *биш*, лезг. *лучI* (курах.), агул. *лучI*, табас. *личI*, рутул. *лычI*, цахур. *вучIе*, хиналуг. *лихъез*. В специальной литературе отмечено, что «рассматриваемая основа в лезгинских языках подверглась семантическому переосмыслению и употребляется на данной стадии развития языков в значении «телка», а понятие «теленки» обозначается в основном заимствованным из тюркских языков словом» [СИЛДЯ 1971: 160].

Для различения пола теленка-младенца в лезгинском языке используется название теленка – *дана* в сочетании с самостоятельными лексемами – различителем пола *эркек* «самец», «мужской», *диши* «самка», «женский», заимствованными из азербайджанского языка: *диши дана* «теленки-самка», *эркек дана* «теленки-самец».

По достижении определенного возраста меняются и названия теленка :

таза дана (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт.) «теленок в первые дни после рождения», букв. «молодой теленок»; *черел дана* (джаб.) «теленок-младенец до трех месяцев»; *тунІал дана* (исп.) «теленок от шести месяцев до одного года»; *тынІал келин дана* (джаб.) «теленок, сосущий молоко матери уже второй год» (т.е. корова, которая не отелилась, осталась с теленком прошлого года и кормит его своим молоком). В селении Джаба данное название теленка используется и в поговорке: *тынІал келин дана хьти ахлатзавач*, что буквально означает «не отстает, как теленок, сосущий молоко матери уже второй год». Это выражение употребляется, когда речь идет о нахальном, надоедливом, назойливом человеке.

Термин *дуйгве*, заимствованный из азербайджанского языка, ср. азерб. *дуйэ* (РАС), с незначительными отклонениями в семантике является единым для всех лезгинских диалектов: *дуйгве* (лит. «нетель; телка», исп., сал., зиз., орт., юх. «теленок-самка от одного года до трех лет», ахт. «теленок-самка, телка от одного до двух лет», джаб. «теленок-самка, телка до первого отела»).

Описательный термин *бижекІ дуйгве* (юж., джаб.) обозначает «телка, отелившаяся в два года». Обычно телка рождает теленка в возрасте около трех лет, а *бижекІ дуйгве* – это телка, отелившаяся раньше обычного времени. Значение первого компонента затемнено.

Термин *жунгав* (лит.) со значением «бычок» в диалектах выражает различные понятия: *джунгав* (орт.) «теленок-самец от одного года до шести лет», *джунгав* (сал., юх., ках.) – *джингав* (зиз.) «бычок», *джунгов* (исп.) «бычок (которого также не впрягли в плуг)», *жынга* (джаб.) «бычок (теленок-самец, которого перестали кормить молоком)», *жынга* (ахт.) «теленок-самец около двух лет», *пиритІ джунгов* (орт.) «бычок».

Для выражения понятия «бык» в лезгинском литературном языке и диалектах используется единый исконный термин *йац*, который имеет и переносное значение «лентяй»; «ленивый человек»; *ам йац хьиз ацукьнава* «он сидит, как бык (т.е. он ленив)».

Название буйвола *гамии* (лит., исп., орт., юх., ках.) – *гамуи* (сал.) – *гемии* (зиз.) – *гамыи* (ахт., джаб.) в лезгинском языке, как и в большинстве дагестанских языков, заимствовано из персидского языка, ср. перс. *гамии*.

Следует отметить, что пол таких реалий, как «буйвол» и «буйволица» в одних диалектах выражается лексическим способом, в других – с помощью тех же определителей пола *эркек* и *диши*. В ахтынском и джабинском диалектах пол этого животного выражается синтаксическим способом: *эркек гамыи* «буйвол», букв. «самец-буйвол», *диши гамыи* «буйволица», букв. «самка-буйвол». Однако в речи селений Испик, Орта-Стал, Юхари-Стал встречаются дифференцированные названия для буйвола и буйволицы – *гамии* (лит., исп., орт., ох.) «буйвол», *калгамии* (исп., орт., юх.) «буйволица», букв. «корова-буйвол», что лишний раз подтверждает вывод Л. Х. Рамазанова [Рамазанов 1972: 45] и С. С. Агашириновой [Агаширинова 1978: 35] о том, что лезгины разведением буйволов в основном занимались на равнине и в предгорной зоне, «так как горные климатические условия и рельеф местности не способствовали разведению буйволов».

Термин *калгамии* является сложным, состоящим из самостоятельных слов – *кал* «корова» и *гамии* «буйвол», букв. «корова-буйвол». Такое оформление названия буйволицы наталкивает на мысль о том, что, возможно, разведением коров лезгины занимались раньше, чем разведением буйволов.

Понятие «молодой буйвол» (от одного до трех лет) передается специальным термином *келче* (лит., исп.), заимствованным из азербайджанского языка. В специальной литературе отмечено, что *kälča* – характерная для тюркских языков форма уменьшительности от *käl* «буйволенок-самец» [Щербак 1961: 122].

Самостоятельный термин *авари* (лит., исп., орт., юх.) выражает понятие «молодая буйволица (от одного до двух лет)». Слово заимствовано из азербайджанского языка ср. азерб. *авара* «буйволенок от одного года до двух лет» [Щербак 1961: 123].

В качестве общего названия буйволёнка используются специальные термины *барцІак* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт.) – *хоьтІоьк* (джаб.).

Первое название *барцІак*, на наш взгляд, является исконным. Возможно, как предполагает и Р. И. Гайдаров [Гайдаров 1966: 44], слово *барцІак* первоначально обозначало «волка», как в лакском и аварском языках (лак. *барцІ* «волк», авар. *бацІ* «волк»), а впоследствии переосмыслилось. Во всяком случае данное слово образовано от основы *барцІ* и лезгинского словообразующего суффикса *-ак*.

б) названия животных по масти и физическим данным

Слова данной тематической группы в большинстве своем представляют сочетания определительного типа: *гужлу йац* (лит.) – *гуджлу йац* (исп., сал.) – *гужли йац* (орт.) – *гужлы йац* (ахт.) – *гуджлы йац* (джаб.) «сильный бык»; *зурба йац* (лит., исп., сал., ках.) – *зырба йац* (ахт., джаб.) – *йеке йац* (орт., юх.) «бык крупных размеров»; *йахун кал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «худая корова»; *усал гъайванар // усал малар* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *усал хІаьйванар* (ахт., джаб.) «истощенные животные»; *куьквевай малар* (исп.) *куьк гъайванар* (лит., зиз., орт., юх., ках.) – *куьк хІаьйванар* (ахт., джаб.) «упитанные животные»; *къелечІ йакІун мал // цІанІцІанІ йакІун мал* (исп.) – *къарцІаб йакын мал* (ахт.) – *къермецІ* (джаб.) «сухопарое животное»; *чІулав кал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чІылав кал* (ахт., джаб.) «корова черной масти»; *цІару кал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *цІары кал* (ахт., джаб.) «рябая корова»; *рехи кал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «корова серой масти»; *рагъу кал* (ахт.) – *ругъу кал* (джаб.) «корова рыжей масти»; *далгъыр кал* (джаб.) – *мергъвер кал* (ахт.) «полосатая корова».

Встречаются, хотя и редко, и синтетические термины: *хъсан* (исп.) «хороший»; *азарлу // йуьзуьрлу* (исп.) – *азарлу* (сал., зиз., орт., юх.) – *гІаьзаьли* (ахт.) «болезненное животное»; *тавар* (исп.) «хороший буйвол»; *бахъу* (лит.) «старый буйвол, старая буйволица» – *бахъу* (исп.) «крупный старый, дряхлый, непригодный к трудовым работам буйвол»; *филе* (ахт.) – *филегъ* (джаб.) «жи-

вотное (корова или бык), у которого стерлись копыта»; *кьантIа* (лит.) 1) «старый - о животном» 2) «короткохвостый, куций, с отрезанным хвостом» – *кьантIа* (ахт.) 1) «старый буйвол» (*ам аку кьантIа хьти* «смотри на него, как старый буйвол») 2) короткий (об одежде): *андан былышка кьантIа хьти хьанва* «её платье село», букв. «её платье как канта стало» .

в) названия животных по форме рогов, хвоста, ног и другим

признакам

Бык с коротким хвостом в лезгинском языке именуется *тумаць йац* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *тымаць йац* (ахт., джаб.). Составной термин, образованный сочетанием производного слова *тумаць* < *тум* «хвост» + непродуктивный словообразовательный аффикс - *аць* и названия быка *йац*.

Составным термином обозначается «буйвол с загнутыми назад рогами» – *пле гамии* (исп.). Этимология первого компонента затемнена.

Название *чанахъ гамии* (исп.) используется для обозначения буйвола с вытянутыми и закрученными впереди рогами, т.е. по форме они напоминают деревянную миску (*чанахъ*).

Термин *кьуьсец* (исп.) «буйволенок, у которого выросли два зуба» образован способом сложения двух основ; *кьвед* > *кьве* > *кьуь* «два» + *сас* «зуб».

В сел. Зизик «бык с короткими ногами» именуется *ногъвай йац*, букв. «ногайский бык», в остальных диалектах используется трехчленное название *кIвачерал аскIай йац* (исп., сал., орт., юх.) – *кIвачарал аскай йац* (джаб.) – *кIвачарал эскей йац* (ахт.), образованное сочетанием трех исконных лексем (букв. «на ноги короткий бык»).

г) названия животных по назначению

В данную группу слов входят описательные названия, выраженные определительными словосочетаниями с названиями животного в роли опре-

деляемого: *ацадай малар* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *ацадий малар* (зиз.) – *ацазвей малар* (ахт.) – *ацазвай малар* (джаб.) «дойные животные», *хадай малар* (исп., орт., юх., ках.) – *хадий малар* (зиз., джаб.) – *рахур малар* (ахт.) «животные, которые должны дать потомство», букв. «рожающие животные»; *тумунин джунгав* (лит.) – *тумун джунгав* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *тумунин джунгав* (зиз.) – *тымын жынга* (ахт.) – *тымын джунга* (джаб.) «бык для осеменения» < *тым* «семья» > *тумун* // *тумунин* (род. п.) + *джынга* «бычок»; *джинсин малар* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *джинсинин малар* (зиз.) – *жинсин малар* (ахт.) «животные, подлежащие сохранению» < *джинс* «род» > *джинсин* (род. п.) + *малар* «животные»; *тукIвадай малар* // *тукIвадай гъайванар* (лит., исп., сал., ках., орт., юх.) – *тукIвадий малар* (зиз.) – *туквазей малар* (ахт.) – *туквадий малар* (джаб.) «животные для убоя», букв. «режущие животные»; *садакъад мал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *садакъаз мал* (ахт.) «поминальное животное»; *къурбанд мал* (исп.) – *къурбанди мал* (сал., зиз.) – *къылбанз мал* (ахт.) – *къылбанд мал* (джаб.) «жертвенное животное», букв. «жертвоприношения животное»; *мехъер йац* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *мухъверын йац* (ахт.) «свадебный бык»; *цанин йац* (исп.) (букв. «пахоты бык») – *гутIундай йац* (зиз.) (букв. «привязывающий бык») – *цан цадий йац* (зиз., джаб.) – *дан цадай йац* (орт., юх.) – *цан цазей йац* (ахт.) (букв. «пахоту пашущий бык») «пашущий бык» и др.

д) названия животных по поведению, состоянию и отличительным признакам

Данную группу также составляют описательные названия, составленные из сочетания прилагательного с именем существительным: *темпел йац* (лит., орт., юх., ках.) – *кугьул* // *темпел йац* (джаб.) «ленивый бык» – *агъыр йац* (ахт.) «ленивый бык», букв. «тяжелый бык»; *бугъаз кал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) *быгъаз кал* (ахт.) – *быгъаз кал* // *чаврадик фенвай кал* (джаб.) «стельная корова»; *чIуру кал* (лит., исп., орт., юх.) – *акъатнавай кал* (зиз.) – *чIыры кал* (ахт.) – *чIыры хъанвай кал* (джаб.) «яловая корова»; *тупIал кал*

(лит., исп., орт., юх.) – *тыпIал кал* (ахт.) – *тыпIал кал* (джаб.) «корова, дающая молоко на второй год без отела»; *хеси джунгав // хеси йац* (исп.) – *ахта авунвей йац* (зиз.) – *ахта авунвай // хаси авунвай йац* (сал., орт., юх.) – *хеси авунвей йац* (ахт.) – *хеси авунвай йац* (джаб.) «кастрированный бык»; *пин га-мыш* (исп.) «некастрированный буйвол»; *вагыши мал* (исп.) – *йава мал* (ахт.) «всякое непослушное животное».

Следующие сочетания состоят из причастия и существительного – названия животного: *йагIадай кал* (сал.) – *йадий кал* (зиз.) – *йегIаьзей кал* (ахт.) «бодающая корова», букв. «бьющая корова»; *хайи кал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хийи кал* (ахт., джаб.) «отелившаяся корова»; *гатIай кал* (сал., зиз., орт., юх.) – *алатIай кал* (орт., юх.) – *нек алатIей кал* (ахт.) «корова, переставшая давать молоко»; *алатай гьайванар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *алатей хIаьйванар* (ахт.) – *патахъай акахънавай хIайванар* (джаб.) «животные, приставшие к чужому стаду».

Встречаются и трехкомпонентные сочетания, состоящие из существительного, причастия и существительного: *кIвализ техкъвезей мал // чарадан никиз физей мал* (ахт.) букв. «домой не идущее животное» // «на чужое поле идущее животное»; *чарадан никиз фидий мал // кIвелиз техкъведий мал* (джаб.) «всякое непослушное животное»; *кIуру йадий кал* (зиз.) – *кIуру йадай кал* (сал.) – *кIыры йегIаьзей кал* (ахт.) «лягающая корова», букв. «ногой бьющая корова»; *дана галай кал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *дана гелей кал* (ахт.) – *кьерех галай кал* (джаб.) «тельная корова»; *нек квай кал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *нек кевей кал* (ахт.) «корова, дающая молоко», букв. «молоко имеющая корова»; *векъ недай гьайванар* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *векъ недий гьайванар* (зиз.) – *векъ недий хIайванар* (джаб.) – *векъ уьнезей хIаьйванар* (ахт.) «травоядные животные», букв. «траву кушающие животные»; *йак недай гьайванар* (исп., сал., орт., юх.) – *йак недий хIайванар* (зиз., джаб.) – *йак уьнезей хIаьйванар* (ахт.) «хищные животные-звери», букв. «мясо кушающие животные»; *гирнагъ ийидай гьайванар* (исп., сал.) – *гирнагъ ийидий гьайванар* (зиз.)

– *гуьлахзей хIаьйванар* (ахт.) – *гылахдий хIайванар* (джаб.) «жвачные животные».

Составное название *йалахъ кал* (джаб.), состоящее из двух имен существительных, выражает понятие «корова, дающая сосать молоко любому теленку». Первая лексема является названием населенного пункта в Ахтынском районе – Ялахъ. Какова семантическая связь названия населенного пункта с первым компонентом составного названия, сказать трудно.

е) названия быков, буйволов, впрягаемых в плуг или арбу

В лезгинском языке существуют специальные термины для обозначения быков и буйволов, впрягаемых в плуг или арбу.

В сел.Испик один бык или буйвол, впрягаемый в плуг или арбу, называется *тай*. Пара быков и буйволов именуется *джуьт* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх., джаб.) – *жуьт* (ахт.) «пара быков или буйволов».

В плуг впрягается несколько пар быков или буйволов: *са джуьт йацар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *са жуьт йацар* (ахт.) «одна пара быков»; *къве джуьт йацар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *къве жуьт йацар* «две пары быков»; *пуд джуьт йацар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пыд жуьт йацар* (ахт.) – *пыд джуьт йацар* (джаб.) «три пары быков»; *къуд джуьт йацар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *къуд жуьт йацар* (ахт.) «четыре пары быков». Обычно встречаются четыре пары быков.

Кроме перечисленных выше названий пар быков или буйволов, в лезгинском языке встречаются и специальные названия этих пар быков. Они очень хорошо сохранились в селении Зизик Сулейман-Стальского района и частично в сел. Джаба Ахтынского района.

В зависимости от физической силы в плуг впрягались быки или буйволы следующим образом:

Первая пара – самая слабая. В Зизике она называется *кIвенкIвеллайбур* < *кIвенкIвел* «впереди» + *алайбур* «находящиеся».

Вторая пара – немного сильнее, чем первая. Называется *миниг*. Этимология данного слова затемнена.

Третья пара – средняя по физическим данным. Она называется *чаргавар*. Значение слова затемнено.

Четвертая пара – это самая сильная пара быков, которая именуется *кленлайбур* < *кленел* «в конце, на дне» + *алайбур* «находящиеся».

В селении Джаба Ахтынского района из всех названных наименований пар быков или буйволов сохранилось лишь одно – *чаргав*, причем здесь данный термин обозначает не третью пару быков, а вторую.

1.3. Названия вьючных животных и связанных с ними понятий

Названия, связанные с вьючными животными, в лезгинском языке, как и названия МРС и КРС, разнообразны. Это связано с тем, что лезгины с древнейших времен использовали их как тягловую силу и как средство передвижения.

Различны названия вьючных животных в лезгинском языке не только по семантике и происхождению, но и в структурном отношении. Здесь много терминов, обозначающих пол, возраст, характер, нрав и поведение животных и т. д.

В лезгинском языке и диалектах для обозначения табуна используется единая простая непроезженная основа *рамаг*, которая, в свою очередь служит для образования производного термина посредством заимствованного из персидского языка суффикса деятеля *-бан* – *рамаг-бан* «табунщик».

Понятия «лошадь» и «конь» в лезгинском языке передаются одним самостоятельным термином *балкIан* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *палкам* (ахт.) – *палкан* (джаб.). Происхождение слова неясно. Родственная основа зафиксирована также в диалектах лакского языка [Абдуллаев, Маммаева 1988: 52].

Существует также один редко употребляемый специальный термин для обозначения коня – *шив*. Семантика слова в диалектах меняется: сал. «краси-

вый конь, скачущий быстро» – ахт. 1) «сказочный конь» 2) «красивый породистый конь» – джаб. «откормленный красивый конь» – зиз. «сказочный конь»: *ам шив хьти палкам йе* (ахт.) «эта лошадь очень красивая», букв. «эта лошадь (красивая) как конь шив». Генетически родственные основы с разной семантикой и звучанием представлены в авар. *чу* «лошадь», ахвах. *ичва, ичу* «кобыла», багул. *ичу* «кобыла», чамал. *иша* «кобыла», ботл. *ича* «конь», карат. *ичва* «кобыла», годоб. *ича* «кобыла», анд. *ича* «кобыла», бежт. *шуго* «кобыла», гинух. *шегве* «кобыла», гунз. *шугу* «кобыла», дарг. *урчи* «лошадь», лак. *чу* «лошадь», арчин. *ноIш* «кобыла», хинал. *пши* «лошадь» [СИЛДЯ 1971: 152].

Изменения в основах лезгинских языков Б. Б. Талибов объясняет делабиализацией согласных с последующим перескоком элемента лабиализации и трансформации его в самостоятельный губно-губной согласный, который в одних случаях переходит в разные по способу образования губные *в, б, п, м*, в других случаях – в среднеязычный *и*, способный в отдельных случаях перейти в сонант *р* (хиналуг. *пши* < **шви* «лошадь», лезг. *шив* < **шви* «конь», арчин. *ноIш* < *моIш* < *боIш* < *воIш* < *швоI* < **шви* [Талибов 1980: 243-246].

В некоторых диалектных единицах лезгинского языка существуют и другие специальные термины для обозначения сказочного коня: *кьират* (сал.) 1) «сказочный конь» 2) «сильный выносливый конь», *дуьлдуьл* (зиз., джаб.) «сказочный конь», *дулдул* (сал.) «сказочный конь, могущий летать» (ср. азерб. *дуьлдуьл* «белый мул Мухаммеда»). Первоисточником данного названия А. К. Шагиров считает арабский язык, ср. араб. *duldul* «дикообраз», «мул, принадлежащий пророку» [Шагиров 1977: 152].

Термин *лам* является единым для всех лезгинских диалектов и передает понятие «осел». С некоторыми фонетическими отклонениями основа представлена и в других лезгинских языках, ср. криз. *лем*, удин. *элэм*, цахур. *аьмаьле*, рутул. *йимал, йумал*, хинал. *гылам* [Хайдаков 1973: 26]. Кроме основного значения «осел» данная лексема обозначает также «мокрицу» и «влажность». А форма множественности от этой лексемы *ламар* используется

для передачи понятия «козлы» (подставка в виде бруса на ножках, сбитых крестовиной) [Талибов, Гаджиев 1966: 221].

Родовым наименованием мула является простая лексема *къатир* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *къетир* (ахт., джаб.), тюркского происхождения. В лексическом и семантическом отношениях, за исключением некоторых фонетических различий, данная лексема является единой для большинства тюркских языков [Мусаев 1975: 102-103]. Основа зафиксирована и в других кавказских языках: груз. *gatarī*, агул. *qatir*, каб. *qeter* [Абаев 1973: 255].

Название другого вида вьючного животного *деве* «верблюд», по мнению В. И. Абаева, тюркского происхождения [Абаев 1979: 290]. Оно заимствовано из тюркских языков не только лезгинским языком, но и другими дагестанскими языками. Причину заимствования названия верблюда почти всеми дагеставскими языками У. А. Мейланова объясняет тем, что «особенности дагестанской да и всей кавказской флоры не позволяют разведения и освоения этого животного» [Мейланова 1975: 224], т.е. на данной территории отсутствует сама реалья, отсутствует, естественно, и исконное название данного вида животного.

а) половозрастные термины

В лезгинском языке дифференциация пола вьючных животных выражается как синтаксическим, так и лексическим способами. При синтаксическом способе выражения пола животных используются самостоятельные слова – *эркек* «самец» и *диши* «самка» в сочетании с названием животного: *эркек деве* «верблюд», букв. «самец верблюд» – *диши деве* «верблюдица», букв. «самка верблюд», *эркек балкІан // палкам// палкан* «конь» – *диши балкІан* «лошадь», *эркек лам* «осел» – *диши лам* «ослица».

В лезгинском языке для передачи понятия «ослица» используется также специальная лексема *къанжух* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *къанжых* (ахт.) – *къанджых* (джаб.). Данная лексема, кроме своего основного значения «ослица», выражает и переносное значение «блудница». Слово заимствовано

из азербайджанского языка, ср. азерб. *ғанчыг*. В тюркских языках, по свидетельству А. М. Щербак, термин выражает совсем иное понятие – «самка собаки» [Щербак 1961: 128].

Для обозначения возрастных групп осла в лезгинском языке имеются специальные названия. Общим названием осленка является *шаркIунтI* (лит., исп., зиз.) – *шункIва* (сал.) – *шанIа* (орт., юх.) – *шкIутI* (ахт., джаб.). Генетически родственные основы засвидетельствованы в анд. *тIокIуш*, криз. *шекIой*, хиналуг. *шункIор* [Хайдаков 1973: 26].

Название детеныша осла *шаркIунтI*, *шкIутI* образовано, видимо, деривационным суффиксом *-утI* (*-унтI).

Осленок от трех месяцев до двух лет именуется *суна* (лит.) «годовалый осленок» – *суна* (орт., юх.) «осленок около двух лет» – *сына* (ахт.) «годовалый осленок» – *сна* (джаб.) «осленок после трех месяцев». Слово заимствовано из азербайджанского языка (ср. азерб. *сына* «осленок от шести месяцев до года»).

В ахтынском диалекте для обозначения осленка используется также одна самостоятельная лексема *къудух* (*къудух гелей лам* (ахт.) «осел с осленком»). Термин заимствован из азербайджанского языка, ср. азерб. *годуг* «осленок до шести месяцев» [Щербак 1961: 124].

Данный термин в ахтынском диалекте используется в выражении *гафыныз къудух вегьена* «перевел разговор на другую тему», букв. «на слово осленка бросил».

Если для обозначения лошади и коня в лезгинском языке используются единые самостоятельные лексемы *балкIан//налкам//налкан* и *шив* (общедагестанского происхождения), то все остальные наименования лошади по полу и возрасту, как и в большинстве дагестанских языках, имеют тюркское происхождение, так как в тюркских языках названия, связанные с лошадыю и конем, представлены во всем своем разнообразии и многообразии. Многообразие и разнообразие названий, связанных с лошадыю, М. З. Улаков объясняет тем,

что «тюркские народы также в древности разводили лошадей и широко использовали их, лошадь была подвижным, выносливым животным, что вполне соответствовало кочевому образу жизни тюрков» [Улаков 1982: 83]. По мнению К. М. Мусаева, «в быстроногости среди домашних животных нет равных лошади. Например, пастух верблюдов в качестве транспорта использует коня, но пастух лошадей никогда не использует как транспорт верблюда» [Мусаев 1975: 59].

Название кобылы во всех лезгинских диалектах едино – *хвар*. Лексема исконного происхождения, ср. рутул. *хвар* «кобыла».

Жеребенок с первых дней после рождения и далее в лезгинском языке именуется *тай* // *ташнукI* (зиз.) «жеребенок в первые дни после рождения» – *тай* (лит., сал., джаб.) «жеребенок» – *таьй*(орт., юх.) «жеребенок» – *тай* (исп.) «жеребенок до одного года» – *тай* (ахт.) «жеребенок после одного года» – *тирлинкI* (исп.) «новорожденный жеребенок». Слово тюркского происхождения, ср. азерб. *тай* «жеребенок». Как видно из приведенного материала, семантика этой лексемы, как и в тюркских языках [Щербак 1961: 91], различна. В некоторых диалектных единицах к тюркской лексеме *тай* присоединяется исконный деривационный суффикс *-нукI* (*-линкI*) для обозначения новорожденного. В ахтынском и джабинском диалектах для обозначения новорожденного жеребенка используются самостоятельные исконные лексемы *цIирламнI* (ахт.) – *куру* (джаб.).

Исконный термин *тунIал* (исп.) обозначает «сосунок, сосущий больше года».

Название жеребца во всех диалектах едино – *айгъур*. Слово тюркского происхождения. Основное значение его в тюркских языках – «жеребенок» [Щербак 1961: 87]. Е. И. Убрятова возводит термин *айгъыр* к глагольной основе, близкой по значению с глаголом *ай* «творить» в якутском языке [Убрятова 1965: II].

В джабинском диалекте жеребец трех-пяти лет именуется *уьргоь*. Происхождение слова неясно.

Термин *къулан* в лезгинском языке обозначает «молодая неожеребившаяся кобыла» (лит., орт., юх.), «жеребенок-самка от одного до двух лет» (исп.), «жеребенок-самка до трех лет» (джаб.). Слово тюркского происхождения. А. М. Щербак отмечает, что «слово относится к третьей возрастной группе, в которую входит молодняк лошади в возрасте двух-трех лет» [Щербак 1961: 92].

Два разных самостоятельных термина *йабу* (лит., исп., зиз., орт., юх., ках.) – *йабы* (ахт., джаб.) и *алаша* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) передают в лезгинском языке одно понятие «кляча». Оба слова тюркского происхождения, ср. азерб. *йабы, алаша*. В разных семантических вариантах лексема *алаша* представлена и в других дагестанских языках: дарг. *алаша* (урах. диал.) «конь невысокого роста»; «карлик, карликовый», авар. *аьларча* «кляча» [Джидалаев 1990: 62]. По мнению О. Н. Трубачева, «в основе слов укр. *лоша, лошади* лежит тюркское (а)lasa «лошадь, мерин», значительно преобразованное под влиянием местных морфологических категорий. От *лоша* образованы прочие русские формы: *лошак* и *лошадь*» [Трубачев 1960: 54].

б) названия лошадей по масти

Для обозначения масти лошадей в лезгинском языке используются как составные, так и самостоятельные названия, некоторые из них заимствованы из азербайджанского языка:

составные: *лацу балкІан* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *лацы палкам* (ахт.) – *лацы палкан* (джаб.) «белая лошадь»; *чыулав балкІан* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чылав палкам* (ахт.) – *чылав палкан* (джаб.) «воронная лошадь»; *цІару балкІан* (зиз., орт., юх.) – *цІары палкам* (ахт.) – *цІары палкан* (джаб.) «пятнистая, пестрая лошадь»; *пел лацу балкІан* (исп., сал., зиз.) – *паьл лацу балкІан* (орт., юх.) – *пел лацы палкам* (ахт.) – *пел лацы палкан* (джаб.) «белолобая лошадь»; *пеле гьед авай палкан* (джаб.) «лошадь со звез-

дочкой на лбу»; *вили балкІан* (зиз., орт., юх.) «голубая лошадь»; *экуь семен* (сал.) «буланая лошадь» (светло-желтая лошадь с черным хвостом и гривой); *экуь кийар* (исп.) «красная лошадь»; *къара кийар* (исп., ахт.) «черно-коричневая лошадь».

Простые: *быз* (ахт., джаб.) «белая лошадь», ср. азерб. *боз* «серый» (АРС); *гуьг* (лит., сал., ахт.) «лошадь серой масти», *гуьг* (исп.) «лошадь темно-красной масти», ср. азерб. *гоьй* «синий» (АРС); *семен* (лит., исп., сал., зиз.) «золотистая лошадь» – *семен* (ахт., джаб.) «лошадь рыжей масти» – *семен* (орт., юх.) «серая лошадь», ср. перс. *сәмәнд* «буланый»; *куьрен* (лит. «рыжая лошадь») – *куьрен* (ахт. «желтая лошадь») – *куьрен* (джаб. «светло-красная лошадь»), ср. перс. *корән* (АРС) «рыжий»; *мыр* (джаб.) «черно-бурая лошадь»; *чал* (джаб.) «серая лошадь»; *кийар* (сал.) «черно-бурая лошадь» – *кийар* (ахт.) «красная лошадь» – *кийар* (джаб.) «темно-красная лошадь»; *кегьер* (орт., юх.) «лошадь желтой масти», ср. перс. *кәһәр* «гнедой» – *секуьл* (исп., орт., юх., ахт.) «лошадь-белоножка»; *къашкъа* (исп., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) – *къашкъа* (лит., сал.) «лошадь со звездочкой на лбу», ср. азерб. *гашга* «животное с белым пятном на лбу» (АРС).

В лезгинском языке встречаются и самостоятельные сложные наименования лошади, заимствованные из азербайджанского языка: *демирбыз* (джаб.) «рыжая с белыми пятнами лошадь», *демиргуьг* (джаб.) «лошадь с черными пятнами». Первым компонентом в этих словах выступает лексема *демир* со значением «железо», а вторые компоненты обозначают масть лошади.

в) названия лошадей по назначению

Все названия данной группы включают слово *балкІан* «лошадь». В качестве определения выступают причастия и имена существительные в родительном падеже: *эдегдавай балкІан* (исп.) – *эдегдавай балкІан* (орт., юх.) «запасная лошадь», *акъахдай балкІан* (исп., сал., ках., орт., юх.) – *акъахдий балкІан* (зиз.) – *акъахзей палкам* (ахт.) – *акъахдий палкан* (джаб.) «лошадь для езды»; *чамард балкІан* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чамард палкан* (джаб.)

«лошадь для джигитовки»; *пар чӳгвадай балкӳан* (лит., исп.) – *пар чӳгвадий балкӳан* (зиз.) – *пар тухузей палкам // перцин палкам* (ахт.) – *парчын палкан* (джаб.) «лошадь для перевозки грузов», букв. «вьюк тянущая лошадь»; *кутӳундай балкӳан* (исп., орт., юх.) – *гутӳундай балкӳан* (сал.) «подводная лошадь», букв. «впрягаемая лошадь»; *тумун балкӳан* (исп.) – *тымын палкам* (ахт.) «племенной конь».

г) названия лошади по характеру, нраву и физическому состоянию

Названия этой группы образованы, во-первых, сочетанием соответствующего имени прилагательного с названием лошади *балкӳан*: *тенпел балкӳан* (лит., ках., орт., юх.) – *шагь тенпел балкӳан* (зиз.) – *тенбел палкам* (ахт.) – *залан балкӳан* (сал. букв. «тяжелая лошадь») «ленивая лошадь»; *туьнт балкӳан* (орт., юх.) – *туьнт палкам* (ахт.) «резвая лошадь»; *терс балкӳан* (исп.) – *терс палкам* (ахт.) – *терс палкан* (джаб.) «невзнузданная лошадь»; *дили балкӳан* (зиз.) «трудноуправляемая лошадь», букв. «сумасшедшая лошадь»; *викӳегь балкӳан* (сал.) «живая, резвая лошадь», букв. «смелая лошадь»; *гуьрчег балкӳан* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *гуьрчек палкам* (ахт.) – *гуьрчек палкан* (джаб.) «живая, красующаяся лошадь»; *хам балкӳан* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *хам палкам* (ахт.) – *хамы палкан* (джаб.) «необъезженная лошадь»; *вердиши балкӳан* (исп.) «объезженная лошадь»; *куьк балкӳан* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *куьк палкам* (ахт.) – *куьк палкан* (джаб.) «упитанная лошадь»; *бугъаз хвар* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., джаб.) – *быгъаз хвар* (ахт.) «жеребая кобыла»; *ахта балкӳан* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *ахта палкам* (ахт.) – *ахта палкан* (джаб.) «кастрированный конь»;

во-вторых, сочетанием причастия с названием лошади:

кухундай балкӳан (сал.) – *кхадий балкӳан* (зиз.) – *кыхазей палкам* (ахт.) «пугливая лошадь»; *кхадардай балкӳан* (сал.) «лошадь, не поддающаяся объезде», букв. «вспрыгивающая лошадь»; *вердишарнавай балкӳан* (исп., сал., ках., орт., юх.) – *вердишнавай балкӳан* (зиз.) – *вердишарневей палкам* (ахт.) –

вердишарнавай палкан (джаб.) «объезженная лошадь», букв. «приученная лошадь».

д) названия лошадей по аллюру

Термин *йургъа* (лит.) – *йаргъа* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) со значением «иноходь» персидского происхождения, ср. перс. *йургъа*. Данное слово встречается также и в других языках Кавказа: лак. *йургъа*, дарг. *йургъа*, авар. *йургъа*, вейнах. *йоргъа*, груз. *йоргъа*. [Абаев 1958: 398].

Понятие «неплавно двигающаяся лошадь» передается простым и сложно-составным названиями: *хъурц* (лит.) – *хъурц ийидай балкІан* (исп., орт., юх.) – *хъурс ийидай балкІан* (сал.) – *хъурц ийидий балкІан* (зиз.) – *хъунц ийидий палкан* (джаб.) букв. «хъурц (хъурс, хъунц) делающая лошадь» – *хъунца палкам* (ахт.).

Для передачи понятия «бежать галопом» в лезгинском языке используются описательные названия: *къудал катдай балкІан* (лит.), букв. «на четырех бегающая лошадь»; *къутаба балкІан* (исп.) – *къудраваз физей палкам* (ахт.) < *къудра* «в четырех» + *аваз* «находясь» + *физей* «идушая» + *палкам* «лошадь» – *къуд кІвача аваз фидий палкан* (джаб.) букв. «в четырех ногах находясь идущая лошадь».

е) названия, связанные с объездкой и уходом за лошастью

За неимением специальных названий для обозначения данной группы слов в лезгинском языке в, основном, используются словосочетания, состоящие из имени существительного (часто видового названия лошади *балкІан*) и глагола: *балкІан михъун* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *палкам михъун* (ахт.) – *палкан михъун* (джаб.) «чистить лошадь»; *балкІанар чухъун* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *палканар чихин* (ахт., джаб.) «купать лошадей»; *тум кутІунин* (сал.) – *тым кытІын* (ахт.) – *тым китІин* (джаб.) – *тумуниз тІвал йагъун* (исп.) – *тумуниз тІал йагъун* (орт., юх.) «завязывать хвост» (чтобы хвост лошади в грязную погоду не пачкался); *хак йагъун* (исп.) – *хак*

йаьгІаьн (ахт.)- хак *йагІан* (джаб.) «путать», букв. «кол вбить»; *кикер атІун* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *кикер атІын* (ахт., джаб.) «подрезать копыта»; *леэнар йагъун* (лит., исп., сал., ках., орт., юх.) – *лиэнар йагъун* (зиз.) – *лиэнар йаьгІаьн* (ахт.) – *лиэнар йагІан* (джаб.) «подковать лошадей», букв. «подковы ударить»; *галтІам йагъун* (лит., сал., ках.) – *кІалтІам йагъун* (исп., орт., юх.) – *гилтІам йагъун* (зиз.) «путать», букв. «пути ударить»; *пурар йагъун* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *пырар йаьгІаьн* (ахт.) – *пырар йагІан* (джаб.) «оседлать лошадь», букв. «седло ударить»; *пурар хутІунун* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *пырар алудын* (ахт., джаб.) «расседлать лошадь», букв. «седло снимать»; *къенерар акъалжун* (лит.) – *къенерар акъалджун* (орт., юх.) «обуздать лошадь» букв. «уздечку натянуть»; *къенерар илаьйун* (орт., юх.) – *къенерар хтун* (ахт.) – *къенерар хтын* (джаб.) «разнуздать лошадь», букв. «уздечку снимать»; *пІунІ авун // пІунІ кутун* (орт., юх.) «подбадривать, оказывать помощь отстающей лошади».

Для выражения понятия «подкова» в лезгинском языке используется самостоятельная простая лексема *леэн* (лит., исп.) – *лиэн* (сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.).

Заимствованное из русского языка слово *падкав* (исп.) – *падков* (сал., зиз.) – *подков* (орт., юх., ахт., джаб.) обозначает «русская подкова». Слово вошло в лезгинский язык с редукцией ауслатного гласного.

Различается несколько видов подков. Названия некоторых видов подков нам удалось записать в селении Ахты. Все они являются описательными:

КІыфар элей лиэнар «обозная подкова с шипами» (эти подковы подбиваются лошадям, впрягаемым в телегу) букв. «носик имеющие подковы».

КІыфар кывачир къелаьчІ лиэнар «подкова – летние туфли», букв. «носик не имеющие тонкие подковы». Эти подковы подбиваются верховой лошади. Они тоньше обычных подков и без носика.

ЙацІы дар лиэнар «скаковая подкова», букв. «толстые узкие подковы».

Специальное название имеет нож, при помощи которого чистят копыта лошади, – *синтараиш*. Вогнутый нож для чистки копыт обозначается простым исконным термином *кIел* (орт., ках.).

Скребница именуется *хашав* (лит., исп., сал.) – *къашав* (ахт.). Слово тюркского происхождения, ср. азерб. *гашавар*. Зафиксировано также в аварском *ххачав*, даргинском *къашав* [Джидалаев 1990: 98].

В селении Ахты записаны также несколько названий веревок для перевязывания вьюка на вьючных животных:

Уьркен «широкая шерстяная веревка для вьюка». Слово тюркского происхождения, усвоено из азербайджанского языка, ср. азерб. *уьркаьн* «широкая кожаная привязь». Заимствовано и другими дагестанскими языками: лак. *улчан*, дарг. *уркан*.

Танг «вязаная широкая шерстяная веревка». По утверждению В. И. Абаева, лексема *tang* «подпруга» иранского происхождения. Данное слово он возводит к **tanga* от **tang* – (**dang*) «тянуть», «натягивать» [Абаев 1979: 300].

ЧерцIли цIил «шерстяная веревка из козьих волос» < *чIар* «волос» > *чIерцIин* > *чIерцIли* «волосяной» + *цIил* «веревка» букв. «волосяная веревка».

Тайар цIил «длинная веревка с деревянным кольцом на конце».

Первый компонент данного сочетания, по-видимому, обозначает стог (*тайа*) в форме множественного числа.

Къуькъуьц «кольцо на конце веревки». Видимо, конечный элемент *-уьц* выполнял роль словообразовательного суффикса, который ныне трудно выделить в исторически производной основе.

ж) названия, связанные с верховой ездой

Названия этой группы слов в большинстве случаев представляют словосочетания, которые воспринимаются не как обособившиеся термины, а как свободные сочетания, первым компонентом которых выступает родовое название лошади *балкIан* или другие имена существительные в разных паде-

жах, а вторым – глаголы: *балкІандал акъахун* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *палканзал акъахын* (ахт.) – *палкандал акъахын* (джаб.) «сесть верхом на лошадь»; *балкІандилай эвичІун* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *палканзылā авычІын* (ахт.) – *палкандылā авычІын* (джаб.) «сойти с лошади»; *балкІандилā хкадарун* (лит., исп., сал. ках., зиз., орт., юх.) – *палканзлā къыдгын* (ахт.)- *палкандылā къидгин* (джаб.) «соскочить с лошади»; *балкІандал акъада-рун* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *палканзал акъалдарун* (ахт.) – *палкандал акъалдарын* (джаб.) «посадить кого-л. на лошадь»; *балкІандилай авудун* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *палканзлā авудын* (ахт.) – *палкандылā авудын* (джаб.) «ссадить кого-либо с лошади»; *чамарар авун* (лит. «скакать», «бежать») – *чамарар авун* (орт., юх.) 1) «бежать», «скакать» 2) «скачки», букв. «скачки делать»; *чамарар йагъун* (сал.) – *чамарар йаьгІаьн* (ахт.) «скачки», букв. «скачки ударить»; *балкІандаллайди* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) *палканзаллейзи* (ахт.) – *палкандаллайди* (джаб.) «всадник», букв. «на лошади находящийся»; *пацарал акъвазун* (орт., юх.) «бой лошадей, вставших на дыбы», букв. «на задних ногах стоять».

Номенклатура конской сбруи включает названия седла, уздечки, кнута и их частей.

з) седло

Различается седло для осла и лошади. Седло для лошади обозначается исконным самостоятельным термином *пурар* (лит. , исп. , сал. , ках. , зиз., орт., юх.) – *пырар* (ахт., джаб.). Слово употребляется только в форме множественного числа.

Седло для осла именуется *къалтах* (исп., сал., ках., ахт.) – *хъалтах* (орт., юх.). Названия *къалтах* (ахт.) – *хъалтах* (джаб.) передают также понятия «рабочее седло» (деревянное седло), *къалтах* (исп., сал.) – *хъалтах* (орт., юх.) «орчак, ленчик (седла)», ср. азерб. *галтаг* «основа седла, ленчик».

Для выражения разновидностей седла используются словосочетания определительного типа, в которых вторым компонентом всегда выступает

наименование седла *пурар*// *пырар*: *чергес пурар* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *черкес пырар* (ахт., джаб.) «черкесское седло», *перцин пырар* (ахт.) – *парчын пырар* (джаб.) «вьючное седло», *квалахзей пырар* (ахт.) букв. «седло для работы», *акъахдий пырар* (джаб.) «седло для всадника», *ракъун пурар* (исп.) «солдатское седло», букв. «железное седло».

Седло состоит из следующих деталей:

йигъерча (лит.) – *йигъерчи* (исп.) – *йегъерчин* (джаб.) «коврик (служащий накидкой для седла)». Слово вошло из азербайджанского языка, ср. азерб. *йэһэр* «седло» + словообразовательный суффикс.

Пурар къалича (зиз.) – *пырар хаъличе* (ахт.) «ковровая накидка», букв. «седла коврик». Название состоит из разных по происхождению слов: исконное название седла *пурар* + *къалича* «ковер» (< перс. *галиче* «коврик»). В селекции Испик зафиксирован простой самостоятельный термин *цуъл*. Лексема исконная.

ПунгучI (джаб.) – *гурганчIар* (зиз.) – *панжукIар* (ахт.) «кисточки у накидки для седла». Исконная основа.

Терлик (ахт., джаб.) – *дурьлук* (исп.) – *такалту* (лит., исп., зиз.) – *такалта* (сал., ахт.) «потник, подстилка под седло (для защиты от пота и натирания спины лошади)». Оба термина имеют тюркское происхождение, ср. азерб. *тэрлик, тэкалты*. В селениях Орта-Стал и Юхари-Стал встречается описательное название потника – *пурар кIаник квай лит*, букв. «под седлом находящийся войлок».

Пурарин къил (исп.) – *пурар къил* (сал., ках., зиз., орт., юх.) – *пырар къил* (ахт., джаб.), букв. «седла головка» – *къалтахзи къил* (ахт.) букв. «ленчика головка» – *пурарин мандав* (исп.) «лука».

Семер (ахт.) – *семерар* (джаб.) «седло без ленчика (мягкая, как толстая попона)». Слово имеет только форму множественного числа. В джабинском диалекте в данном слове налицо удвоенный аффикс множественности.

Алук (ахт.) «накидка (на спину животного для защиты от холода, дождя и т. д.)». Лексема тюркского происхождения. Данная основа употребляется и в ироническом смысле, обозначая одежду: *жыван алухар ахлукI* «надень свою одежду».

Кьушкьун (лит., зиз.) – *кьышкьын* (ахт.) – *кьашкьын* (джаб.) «подхвостник». Слово тюркского происхождения. В ахтынском диалекте зафиксирован также исконный термин *кIаркIатIым*. В других диалектных единицах лезгинского языка для обозначения подхвостника используются описательные названия, составленные из исконных лексем: *тумуник квай чIул* (исп., сал.) – *тумун кIаник квай чIул* (орт., юх.), букв. «под хвостом находящийся ремень» – *тумунин чIул* (зиз.), букв. «хвоста ремень».

Чулар (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чIилаьр* (ахт.) «подпруга». Лексема исконная, выступает в форме множественного числа.

Кьулан чIул (сал., орт., юх.) – *кьулан чIул // йукьван чIул* (исп.) – *йукьван чIул* (ахт.) «средняя подпруга». Описательное название из двух самостоятельных исконных слов – *кьулан // йукьван* «средний» от *йукь* «середина» + *чIул // чIул* «ремень, пояс». В ахтынском диалекте и в речи сел.Зизик налицо и другие описательные названия, составленные из исконных по происхождению слов: *пырар чIул* (ахт.) букв. «седла ремень» и *рыфын чIул* (ахт.) букв. «живота ремень», *руфуник кутIундий чIул* (зиз.) букв. «под животом привязывающий ремень».

Гуьл (исп.) «ремень (надеваемый на шею лошади, чтобы она не могла высоко поднять голову)». Слово иранского происхождения. Основное значение – «цветок».

Уьзенг «стремя». Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *уьзанги* «стремя, стремяна». Лексема входит в состав словосочетания *уьзенгар чьукььун*, выражающее «давать нагоняй», букв. «стремена давить».

Уьзенгдин чӀулар (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *уьзенгзи чӀилаьр* (ахт.) – *уьзенгдын чӀилар* (джаб.) «ремни, к которым прикрепляется стремя», букв. «стремени ремни».

и) уздечка и ее части

Кьенерар (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «уздечка». Основа простая исконная. Употребляется только в форме множественного числа.

Дегьне кьенер (исп.) – *дегьне кьенерар* (ахт.) «трэнзель», букв. «глубокая уздечка». Эту уздечку надевают на быструю лошадь, которую трудно остановить. Удила такой уздечки шире обычных удил. В такой уздечке лошадь испытывает боль, когда всадник тянет ее, и лошадь вынуждена бывает замедлить ход.

Зарпанд (лит.) – *зарпанд // залпанд* (исп.) – *залпанд* (сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «недоуздок». Слово иранского происхождения. Входит в состав словосочетаний: *зарпанд акъалжун* (исп.) – *залпанд акъалжун* (сал., орт., юх.) – *залпанд акъалзын* (ахт.) «обуздать лошадь», букв. «недоуздок натягивать»; *зарпанд алудун* (лит.) – *зарпанд // залпанд алудун* (сал., зиз., орт., юх.) – *залпанд алудын* (ахт., джаб.) «разнуздать лошадь», букв. «недоуздок снять». Выражение *кьилелай залпанд алатнавейзи* означает «разнузданный (о человеке)», букв. «с головы недоуздок спавший». Поговорка с данным термином: *балкӀанар гзаф дегьширайди эхир залпандин иеси жеда* «кто часто меняет лошадей, тот остается с одним недоуздкой».

Пелен чӀул (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *пелен чӀил* (ахт., джаб.) «налобник». Сочетание состоящее из двух имен существительных исконного происхождения *пелен* – род.п. от *пел* «лоб» + *чӀул // чӀил* «ремень».

Нерин чӀул (исп., сал., зиз.), букв. «носа ремень» – *нераллай чӀул* (орт., юх.) – *илаьраллей чӀил* (ахт.) «намордник», букв. «на носу находящийся ремень». Все компоненты сочетания исконного происхождения.

Сиве твадай ракъ (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *сиве твадий ракъар* (зиз., джаб.) – *сиве твазей ракъар* // *къенеррин ракъар* (ахт.) «удила», букв. «в рот ставящее железо».

Чулар (исп.), букв. «ремни» – *къенеррын чИлаьр* (ахт.), букв. «уздечки ремни» – *къвалар* (орт., юх.) (букв. «бока») «поводья». Все слова, вражающие данное понятие, исконного происхождения.

Жилав (лит.) – *джилав* (сал., зиз., джаб.) – *жылав* (ахт.) – *вожарар* (исп.) – *воджарар* (зиз.) «вожжи». По мнению В. И. Абаева, первое слово тюркского происхождения, ср. тюрк. *jular* «недоуздок» [Абаев 1958: 404]. В лезгинский язык оно вошло из азербайджанского языка, ср. азерб. *джилов* «вожжи» (АРС). Второе слово заимствовано из русского языка и употребляется, как и в русском языке, во множественном числе. Термин *жилав* входит в состав ряда словосочетаний:

жилавар гъуьргъуь авун а) «ослаблять, распускать поводья, вожжи» б) перен. «давать волю кому-либо; не удерживать кого-либо»; *жилавар тIарам-диз къун* а) «натягивать поводья, крепко держать поводья» б) перен. «не давать воли кому-либо»; *жуван жилавар масадан гъиле вугун* а) «давать свои поводья другому» б) перен. «быть на поводу у кого-либо» [Талибов 1966: 122].

Келле (исп., орт., юх.), букв. «голова» – *къенеррин келле* (сал., букв. «уздечки голова») «вся уздечка без поводьев».

Гарданд чIул (орт., юх. букв. «шеи ремень») – *туьтуьнквай чIул* (исп. букв. «под шеей находящийся ремень») – *чаназ кIеникӕ къвезвей чIул* (ахт., букв. «под челюстью идущий ремень») «ремень, облегающий шею».

й) названия кнута и его частей

Къирмаж (лит., ахт.) – *къирмадж* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *къирмадж* (джаб.) // *къамчи* (лит.) *къемчи* (ахт.) «кнут». Оба названия представляют собой заимствования из тюркских языков, ср. азерб. *гамчы, гырмандж* [Селимов 2001].

Чул (исп.) – *чил* (ахт.) «плеть, плетка». Простая исконная основа. Основное значение данной лексемы – «ремень».

Къирмадждин тум (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *къирмаджзин тым* (ахт.) – *къирмадждын тым* (джаб.) «кнотовище», букв. «кнута хвост». Сложно-составной термин, состоящий из названия кнута *къирмадж* в форме родительного падежа и имени существительного *тум* со значением «хвост» в именительном падеже единственного числа.

Къирмадждин пенцI (исп., орт., юх.) – *къирмадждын кIыф* (джаб.) «язычок на конце плетки», букв. «кнута кончик».

1.4. Термины, связанные с содержанием собак

Название собаки во всех диалектах лезгинского языка едино – *кицI*, за исключением джабинского диалекта, в котором данное понятие передается другим фонетическим вариантом – термином *кичI*. Как отмечено в специальной литературе, название собаки во всех дагестанских языках является исконным [СИЛДЯ 1971: 158]. В этом отношении лезгинское название *кицI* составляет исключение. У. А. Мейланова утверждает, что название собаки в лезгинском языке является заимствованным [Мейланова 1975: 225]. Этого же мнения придерживается и Б. Б. Талибов и отмечает, что из всех дагестанских языков «лишь только лезгинский язык утерял исходную основу» и лексему *кицI* лезгинского языка возводит к иранскому **kuti*, которая подверглась трансформации под действием закона аффрикатизации дентального в ударной позиции перед верхненебным гласным: **кути* > *кутти* > *кицци* > *кицц* > *кицI* [Талибов 1988; 155].

Термин *кицI* // *кичI* в лезгинском языке может обозначать собак без различия пола. Для обозначения пола собаки к данной лексеме добавляются слова – различители пола *диши* «самка» и *эркек* «самец»: *диши кицI* «сука», *эркек кицI* «кобель».

Однако в лезгинском языке и диалектах зафиксировано специальное название для обозначения понятия «сука» – *кач*. Основа исконная общедаге-

станская [СИЛДЯ 1971: 159]. В то же время данная основа имеет параллели в осетинском, армянском и балкарском языках, которые в словаре В. И. Абаева рассматриваются как заимствования из кавказских языков [Абаев 1958: 505].

Лексема *кач* используется и в переносном значении «блудница».

Понятие «щенок» передается лексемой *гуриҕул* (лит.) – *куруҕул* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *кыриҕыл* (ахт., джаб.). Основа общедагестанского хронологического уровня [СИЛДЯ 1971: 160]. Исходная форма сохранилась в литературном языке. В диалектах налицо процесс оглушения звонкого смычного *г* в начальной позиции.

Существует также специальное название для новорожденного щенка – *куци* (орт., юх.). Данная лексема используется в редуцированной форме и для подзыва собаки: *куци-куци* (орт., юх.).

Различается несколько названий собак по назначению, образованных по модели: имя существительное в родительном падеже + родовое название собаки *киҕI*: *кIвалин киҕI* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *кIвелин киҕI* (ахт.) – *кIвелин кичI* (джаб.) «дворовая собака», букв. «домашняя собака»; *хпен киҕI* (исп., ахт. букв. «овцы собака») – *хперин киҕI* (сал.) – *хперын кичI* (джаб., букв. «овец собака»); *чубанд киҕI* (исп. букв. «пастуха собака») – *чубанрин киҕI* (орт., юх., букв. «пастухов собака»), *йатагъар киҕI* (зиз., букв. «овчарни собака») «пастушеская собака»; *гъуърчен киҕI* (исп., сал., орт., юх.) – *гъуърче киҕI* // *тула* (зиз.) – *гъурчан киҕI* (ахт.) – *тула* (джаб.), ср. азерб. *тула* «лягавая, пойнтер», «охотничья собака» (АРС); *джанавуррин киҕI* букв. «волков собака» (орт., юх.) – *жанагур къазей киҕI*, букв. «волка ловящая собака» (ахт.) «волкодав».

Для обозначения масти собак используются словосочетания, в качестве первого компонента которых выступают имена прилагательные, обозначающие цвет, а в качестве второго компонента – название собаки *киҕI*: *лацу киҕI* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *лацы киҕI* (ахт.) – *лацы кичI* (джаб.) «собака белой масти»; *чIулав киҕI* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чIылав киҕI* (ахт.) – *чIылав*

кичI (джаб.) «собака черной масти»; *цIару кицI* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *цIары кицI* (ахт.) – *цIары кичI* (джаб.) «пестрая собака» и т. д.

Для передачи понятия «пестрая собака» используются также самостоятельные термины *цIаранI* (исп.) – *цIарак* (ахт.). Это простые производные термины, образованные от *цIар* «линия», «полоска» с помощью непродуктивных деривационных аффиксов *-ак* и *-анI*.

Засвидетельствовано несколько названий кличек собак: *худи* (исп.), *дирибаиш* (исп.) «быстрая собака», *сарабаиш* (исп.), букв. «желтая голова», ср. азерб. *сары* «желтый» + *баиш* «голова», *къара-баиш* (исп.) букв. «черная голова», ср. азерб. *гара* «черный» + *баиш* «голова»; *алабаиш* (орт., юх.), букв. «белая (пестрая) голова», ср. азерб. *ала* «пестрый» + *баиш* «голова»; *тарта* (исп., орт., юх., ахт.) «сильная здоровая собака» – *тарта* (джаб.) «собака с короткой гладкой шерстью», *къамба* (орт., юх., зиз.) *къампа* (сал.) «крупноголовая собака», *тимбил* (ахт.) «собака с обрезанным хвостом», *кIарах* (ахт.) «собака с короткой шерстью» и т. д.

Приведем также несколько названий, связанных с содержанием собак:

Зунджур (исп., орт., юх.) – *зынжыр* (ахт., джаб.) «привязь (железная цепь)». Слово иранского происхождения, ср. перс. *занджѳр*. В лезгинский язык, видимо, перешло из азербайджанского языка, ср. азерб. *зѳнжир* «цепь, оковы». Лексема засвидетельствована и в других дагестанских языках: авар. *синжир*, дарг. *шинжир*, лак. *синжир* [Джидалаев 1990: 100].

Туьтуьна твадай чIул (исп.) – *туьтвена твазей чIил* (ахт.) – *туьтвена твадий чIил* (джаб.) – *гарданда твадай чIул* (орт., юх.) «ошейник». Здесь налицо словосочетание из трех исконных слов: *туьтуьна* < *туьд* «горло» + причастие *твадай* «ставящий» + *чIул* «ремень».

ГурицIулар хун (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *кырицIылар хын* (ахт., джаб.) «ощениться». В данном случае представлено словосочетание из двух исконных слов: *гурицIулар* «щенята» + *хун* «родить»,

Мадвар (исп.) «железное приспособление, не дающее запутаться привязи».

Простая непроезженная основа *чак* имеет два метонимически связанных значения:

- 1) «посуда для кормления собаки» (исп., орт., юх., ахт., джаб.)
- 2) «корм для собаки» (ахт.): *кицIиз чак ца* «накорми собаку».

Для обозначения жидкой похлебки для собаки используется простая непроезженная исконная основа *хвах* (исп., орт., юх., зиз.). Основным значением данного слова в лезгинском языке и диалектах является «квашня»,

1.5. Названия, связанные с кошкой

Как отмечено в специальной литературе, название кошки многими иберийско-кавказскими, семитскими, угро-финскими языками заимствовано из индоевропейских языков [СИЛДЯ 1971: 153]. В лезгинском языке название кошки *кац* также является заимствованным.

Привлекает внимание тот факт, что в джабинском диалекте засвидетельствовано исконное название кошки *пси*, которое в остальных диалектах является междометным словом – подзывом кошки. Возможно, раньше лексема *пси* выражала понятие «кошка», а впоследствии этот исконный термин стал вытесняться заимствованным и сохранился только в подзыве и в детской речи.

В языке также встречаются случаи, когда названия того или иного одушевленного существа совпадают с их подзывами: ср. *дуй-дуй* – подзыв курицы и название курицы на детском языке *дуйдуй // дуду*, ср. также рус. *цып-цып* – подзыв и *цыпка* «курица»; *кучу-кучу* (сал.) – подзыв щенка и *куци* (орт., юх.) «новорожденный щенок».

Для обозначения котенка в лезгинском языке используется исконная простая лексема *шенIи* (исп., сал., ках., орт., юх., ахт., джаб.) – *шенIи* (зиз.). В речи селения Зизик налицо выпадение назального *н*.

1.6. Названия свињи

Следует констатировать тот факт, что приведенные выше названия домашних животных представлены во всем своем разнообразии и многообразии. Названия, связанные со свињей, наоборот, очень бедны. Причиной этого, очевидно, является ислам, который запрещает мусульманам употреблять в пищу свинину.

Понятие «свињья» в лезгинском языке передается самостоятельным исконным словом *вак* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.). Лексема *вак* передает и понятие «тупой (о ноже)» (ахт.): *вак хъти чыкЫл йе* «нож тупой», букв. «нож, как свињья».

В редких случаях в лезгинском языке для передачи понятия «свињья» используется другая самостоятельная лексема *дунгъуз*. Слово тюркского происхождения. Оно употребляется и в бранном выражении: *донгъуззи бала донгъуз* (ахт.) «свињья», букв. «свињи дитя свињья».

Для обозначения понятия «поросенок» в лезгинском языке употребляется два синонимичных самостоятельных термина *цIуьрнуйгъ* (исп., сал., ахт., джаб.) – *жекъи* (орт., юх., зиз.). Обе лексемы исконного происхождения.

1.7. Слова, используемые для управления домашними животными

а) Звуки, при помощи которых подзывают корову: *счун-счун* (орт., юх.) – *стю-стю* (исп.) – *сче-сче* // *чиче-чиче* (зиз.) – *сцаьн-сцаьн* (ахт.) – *сче-сче* (джаб.); буйвола: *пжо-пжо* (исп.) – *бржо-бржо* // *барчун-барчун* (орт., юх.); теленка: *биджи-биджи* (джаб.); лошадь: *пуршуь-пуршуь* (орт., юх.) – *пурриш-пурриш* (зиз., ахт.) – *путь-путь* (сал.); собаку: *ма-ма* // *магъ-магъ* // *куци-куци* // *пIу-пIу* (исп.) – *куци-куци* // *ма-ма* // *пацу-пацу* // *уьфт-уьфт* (орт., юх.) – *магъ-магъ* (ахт.) – *ма-ма* (джаб.); щенка: *кучу-кучу* (сал.); курицу: *дуй-дуй-дуй* (исп., сал., зиз., юх., орт., ахт., джаб.); цыпленка: *циб-циб* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.); жеребенка: *пуйшуь-пуйшуь* (сал.); осленка: *кчо-кчо* (сал.); кошку: *пси-пси* (исп., сал., зиз., орт., юх., ахт., джаб.);

б) слова, при помощи которых останавливают лошадь: *пурри* (сал.) – *пурт* (исп.) – *пуршув* (исп.); коня: *тррр* (орт., юх.) – *пррр* (ахт.) – *гьопI-пурри* (джаб.); жеребенка: *пурри* (сал., зиз.); осла: *чаи* (исп.) – *чави* (сал., ках., ахт., джаб.) – *чоклуи* (зиз.); корову: *сус-чан* (зиз.) – *вѡгьа* (исп., сал., ках., орт., юх., ахт., джаб.);

в) слова, при помощи которых погоняют осла и осленка: *гьач* (лит., исп., сал., ках., орт., юх., ахт., джаб.) – *гьеч* (зиз.); лошадь: *гьей* (исп.) – *ну* (исп., при желании всадника резко сдвинуть лошадь с места) – *гьай* (сал.) – *nInInI* (зиз.) – *гьей // nInI // ну* (орт., юх.) – *дагь // ну* (ахт.) – *дагь//mImI* (джаб.); быка, корову: *ишт* (исп., сал., орт., юх.) – *иш* (ахт.) – *сус* (исп., зиз.) – *ше* (джаб.); телят: *сус* (исп.) – *гуз* (зиз.) – *сис* (ахт.) – *дист* (джаб.); собаку: *квахь // алад* (исп.) – *йери // паиол* (ахт.) – *йери // вери* (джаб.) – *йери // тери // квахь* (орт., юх.); курицу: *киш* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.); буйвола: *туьйа* (исп., орт., юх.) – *чхарма* (исп., орт., юх., когда гонят буйвола к канаве), *йанаиш* (исп., орт., юх., когда гонят буйвола к целине), *бари* (исп., когда буйвол не идет в нужном направлении).

Когда быка или буйвола подают назад, используется междометие *хих* (орт., юх., ахт.) – *хе* (исп.).

При натравливании собак используются слова: *чахь-чахь* (исп.) – *чахь-чахь // кыс-кыс // йахь-йахь* (орт., юх.) – *кыс-кыс // йахь-йахь* (джаб.).

1.8. Названия животноводческих построек, пастбищ

Агьыл (ахт.) «помещение из камыша (в поле)» – *агьыл* (джаб.) «большое помещение для взрослых ягнят и козлят». Слово усвоено из азербайджанского языка, ср. азерб. *агьыл* «загон».

Алачух «навес для доения овец и коз» (исп.) – «место стоянки животноводов» (орт., юх.) – *алачых* (ахт.) «палатка». Лексема тюркского происхождения, ср. азерб. *алачыг* «войлочный шатер, кибитка, палатка, юрта».

Ахур (исп.) «место привязи лошади» – *ахур* (сал., орт., юх.) «плетенка над кормушкой для лошади».

Бару (зиз.) «каменная ограда». Слово иранского происхождения (САПС).

Бере (лит., исп., сал., ках., орт., юх., джаб.) «проход для подсчета и доения коз и овец».

Берхана // чубан пине (джаб.) «место отдыха, ночлега пастухов и обработки молока». Сложное и сложно-составное названия, заимствованные из азербайджанского языка.

Гимре (исп., сал.) «стоянка овечьего стада». Тюркское слово, возможно, заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. гэрмэ.

Гырарар (ахт.) «плетенка над кормушкой в хлеве». Исконная основа, употребляющаяся только в форме множественного числа. Основное значение – «лестница».

Демек (исп.) «помещение для собаки и ягнят» – *демек* (сал.) «помещение для ягнят» – *демек* (орт., юх., зиз., ахт.) «курытник» – *демек* (джаб.) «помещение для телят и собаки». Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. дәмәк.

Джалан (лит., зиз., орт., юх.) «плетеный загон».

Джугъун (исп., сал., зиз., арт., юх.) – *жыгъын* (ахт.) «плетеная ограда». Восходит к азерб. джагъ «частокол» [Селимов 2001: 187].

Йатах (исп.) «зимняя стоянка для скота и чабанов» – *йатах* (сал., ахт., джаб.) «помещение для овец и коз» – *йатагъ* (орт., юх.) «закрытая стоянка для скота». Слово усвоено из тюркских языков, ср. азерб. йатаг «овчарня; сарай» [Селимов 2001: 543].

Йейлах (ахт.) «летнее пастбище». Термин заимствован из азербайджанского языка, ср. азерб. йайлаг «дачное место, дача; горное плато» (АРС).

Кар (исп., сал.) «загон для коз» – *кар* (орт., юх.) «двор для скота». Основа простая непрямая исконная.

Куз (лит.) «овчарня» – *куз* (исп., орт., юх., ахт.) «помещение для ягнят» – *куз* (сал.) «плетеная из веток ограда для молодняка» – *куз* (зиз.) «телятник» –

куъз (джаб.) «помещение для взрослых ягнят, козлят». Усвоено из иранских языков ср.перс. *каз* 1) «загон для скота» 2) «шалаш» [Селимов 2001 : 341].

Кун (лит., исп., сал., ках., орт., юх.) «загон (место отдыха скота в жаркое время)» – *кунаш* (зиз.) «помещение для ягнят и козлят». Простая непроеводная исконная основа. *Кунаш* – простое производное слово. Конечный *-аш*, видимо, словообразовательный суффикс, ныне застывший и слившийся с основой.

Къазма (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «землянка». Вошло из азербайджанского языка, ср. азерб. *газма* «землянка, подземелье» (АРС),

Къишлах (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «зимнее пастбище». Тюркизм, ср. азерб. *гышлаг* «зимнее пастбище, зимовье» (АРС).

Къур (лит., зиз.) «насед для кур». Простая непроеводная исконная основа.

Муъхц (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт.) – *михч* (джаб.) «сарай для хранения сена, топлива». Простая исконная основа.

Клушц (ахт.) «телятник». Простая исконная основа.

Парах (лит.) «загон для скота» – *парах* (исп., сал., зиз.) «загон для МРС и лошадей» – *парах* (орт., юх.) «загон (плетеный из веток ограда для лошадей)» – *парах* (джаб.) «загон с оградой из веток для животных».

Тевле (лит., исп., сал., ках., зиз., ахт., джаб.) «конюшня» – *тевле* (орт., юх.) «помещение для КРС». Слово арабского происхождения и заимствовано через азербайджанский язык, ср. азерб. *тоъвлаь* «стойло, конюшня» [Селимов 2001 : 428]. Зафиксировано также в дарг. *тевла*, лак. *тавла*.

Тун (лит.) «ясли, кормушка» – *тун* (зиз.) «плетеная ограда для молодняка» – *тын* «ясли, кормушка в хлеву». Простая непроеводная исконная основа.

Цур (лит., джаб., исп., сал.) – *куър* (зиз., орт., юх.) – *чур* (ахт.) «хлев». Простая непроеводная основа исконного происхождения. Начальный *к* в ре-

чи селений Испик, Салиян, Джаба, аффрикатизируясь, перешел в свистящую аффрикату *ц*, а в ахтынском диалекте – в шипящую аффрикату *ч*.

1.9. Названия болезней животных

Бугъма (лит., «круп») – *бугъма* (исп., сал., ках., орт., юх.) – *быгъма* (ахт.) «дифтерит». Лексема заимствована из азербайджанского языка, ср. азерб. *богъма*. Зафиксирована и в табасаранском языке, ср. *бугъма* [Загиров 1981: 52]. В джабинском диалекте данное понятие передается другой самостоятельной лексемой *инагъ*.

Буз хьын (джаб.) «опухание вымени у овец, коров». Сложно-составное название, образованное сочетанием слова *буз*, этимология которого неясна, и вспомогательного глагола *хьын* «стать, становиться». В сел. Испик в этом значении употребляется другое название *сугъвал хьун*.

Бурцелез (исп., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) – *буърцелез* «бруцеллэз». Термин заимствован из русского языка.

Векъе аткын (джаб.) «отравление». Сложно-составное название из двух исконных самостоятельных слов *векъ* «трава» > мест. п. *векъе* + производный глагол *аткын* «попасть», букв. «в траву попасть».

Вилел цуък хьун (исп., сал., зиз.) – *вилал цуък хьун* (орт., юх.) – *улал цуък хьын* (ахт.) – *уълел чуък хьын* (джаб.) «бельмо (на глазу)». Трехкомпонентное название из самостоятельных исконных слов *вил* «глаз» > *вилел* «на глазу» + *цуък* «цветок» + вспомогательный глагол *хьун* «быть, стать».

Гачал (лит., исп., сал., орт., юх.) – *качал* (зиз., ахт., джаб.) «парша». Самостоятельный простой термин иранского происхождения, ср. перс. *качал* «парша; плешивый». Исходную форму сохранили диалекты кюринского наречия, а в диалектах самурокого наречия и в речи сел. Зизик налицо оглушение начального звонкого смычного *г* и переход его в глухой *к*. Термин зафиксирован также в дарг. *кечел*, лак. *качал* и табас. *кечал*.

Дабакъ (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «ящур». Усвоено из азерб. *дабаг* [Селимов 2001 : 147].

Иникъара (орт., юх.) «сибирская язва». Сложный термин тюркского происхождения.

Йаман хьун (исп.) «простудная опухоль». Составное название, образованное сочетанием двух разных по происхождению слов. *Йаман* заимствовано из азербайджанского языка, где наряду со значением «дурной, плохой» выражает также понятие «злокачественная опухоль, нарыв, язва». Вторым компонентом сочетания выступает исконный вспомогательный глагол *хьун* «быть, стать»,

Кикер алатун (орт., юх.) «отпадение копыт». Сложно-составное название из двух самостоятельных исконных слов *кикер*, мн.ч. от *кек* «ноготь», «копыто» и глагола *алатун* «сойти», «соскочить с чего-либо», «отпасть», букв. «копыта отпадать».

Кыдав (джаб.) «бурсит» (болезнь лошади). Простой самостоятельный термин,

Кыл кыватын (ахт.) «вывих лопатки (лошади)», букв. «лопаточная часть свисать». Сложно-составное название из самостоятельных исконных слов (существительное + глагол).

Къара далах (джаб.) «болезнь селезенки». Сложно-составное название, оба компонента которого тюркского происхождения, ср. азерб. *гара* «черный» и азерб. *далаг* «селезенка», букв. «черная селезенка».

Къылавар (джаб.) «болезнь передних ног (животных)».

Къылан хьын (джаб.) «болезнь задних ног (животных)».

Мих кыкьын (ахт.) «ранить ногу гвоздем (при подбивании подковы)». Сложно-составное название из двух самостоятельных слов: перс. *мих* «гвоздь» + *кыкьын* «задеть», букв. «задеть, дотронуться гвоздем» (существительное + глагол).

Нефес хьун (лит., исп., орт., зиз., орт.) – *нефес хын* (ахт., джаб.) «заболеть запалом». Первая часть сочетания состоит из самостоятельного слова *нефес* иранского происхождения, ср. перс. *нефас* 1) «деторождение, роды» 2)

«послеродовое кровотечение» (ПРС). В качестве второго компонента выступает простой вспомогательный глагол *хьун*, *хьын* «быть, стать» исконного происхождения.

Палкамры глаьзаьр (ахт.) букв. «лошадиная болезнь». Словосочетание определительного типа, первый компонент является именем существительным в форме родительного падежа, второй – имя существительное в форме именительного падежа. Компоненты словосочетания исконного происхождения.

Перци йаьглаьн // перци тьышын (ахт.) букв. «ударить вьюком» // «натиравание вьюком». При неудобном, нехорошем седле спина лошади натирается, образуется кровавая рана. Сложно-составное название из двух самостоятельных слов – из существительного *пар* «вьюк, поклажа» и глагола *йаьглаьн* «ударить».

Пехьи хьун (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *пехьи хьын* (ахт., джаб.) «бешенство». Сложно-составное название, состоящее из прилагательного *пехьи* «сумасшедший» и вспомогательного глагола *хьун* «быть, стать». Оба компонента исконного происхождения.

Руфун тIа хьун (исп.), букв. «живот заболеть» – *руфунин азар* (сал.), букв. «живота болезнь».

Сакъав (ахт., джаб.) сап.

Сивер-кIвачер хьун (исп., сал., орт., юх., зиз., ках.) – *сивер-кIвачар хьын* (ахт.) «болезнь рта и носа животных», букв. «рты и ноги быть». Сложно-составное название из трех самостоятельных исконных слов: существ. *сив* «рот» во мн. ч. + сущ. мн. ч. *кIвачер* «ноги» + вспом. гл. *хьун* «стать, быть».

Туьлек хьун (лит.) – *туьлек авун* (орт., юх.) – *тулак авун* (ахт.) «линять (выпадение шерсти)» – азерб. *тулак* «линька» (АРС) + вспом. гл. *авун* «делать». В сел. Салиян также употребляется сложно-составное название, но образованное из других слов исконного происхождения *чIар фин*, букв. «волос идти».

Пегъуьн (лит., исп., орт., юх.) – *mIagIyn* (джаб.) «чума». Слово тюркского происхождения, заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *таун*.³

Улар кызей кIарабар «болезнь глаз» < *улар* «глаза» + причастие *кызей* «жгущие» + существительное *кIарабар* «кости».

Хъул (орт., юх.) «болезнь, при которой у собаки выпадает шерсть». Самостоятельная простая исконная основа, передающая также понятие «зуд».

Цуьквез глаьзаьр (ахт.) «лихорадка» < *цуьк* «цветок» > *цуьквезин* > *цуьквез* (род. п.) + араб. *глаьзаьр* «болезнь», букв. «цветка болезнь». В сел. Испик данное понятие передается простой исконной лексемой *фул*.

Царнах (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт.) – *цIернех* (джаб.) «трихофитоз (вид лишая)». Самостоятельный термин исконного происхождения. Различия фонетического порядка – соответствие гласных *а-е*.

Чер (джаб.) «полипы (в носу лошади)». Простая исконная основа.

1.10. Названия частей тела и мясной туши животного

В основном названия частей тела представляют собой простые самостоятельные лексемы исконного происхождения. Однако здесь, хоть и редко, встречаются и сложно-составные названия, а также названия иноязычного происхождения.

К простым исконным терминам относятся: *регъуь* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «вымя»; *карч* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «рог»; *кIур* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «клык»; *тум* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *тым* (ахт., джаб.) 1) «хвост» 2) «курдюк»; *йатур* (лит., исп., орт., юх.) – *йутур* (сал., ахт., джаб.) «ляжка»; *хъурхъ* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) «внутренний покров желудка» – *хъырхъ* (ахт.) «кусочек овчины для обмазки пола»; *цIег* (исп.) – *цIлез* (сал., джаб.) – *цIег* (зиз.) – *цуьIег* (орт., юх.) «селезенка»; *фири* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт.) – *вири* (джаб.) «грива»; *мег* (лит., сал., ках., ахт.)

³ Фонетический облик слова предполагает скорее непосредственный арабский источник, ср. ЪЯмD⁷ (прим. ред.).

«челка»; *кIур* (сал.) «каштаны и шпоры осла»; *тIиш* (лит., исп., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «морда» – *тIиш* (сал.) 1) «морда» 2) «ноздри»; *санкьу* (орт., юх.) «соединение голени и бедра»; *кек* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «ноготь», «копыто»; *кIараб* (лит., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) – *кIраб* (исп.) «кость»; *сурлумпI* (исп., сал.) «отросток внутри грудины»; *пил* (сал., зиз.) «сычуг»; *туькьуьл* (исп., сал.) «желчь»; *ген* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *ган* (ахт.) «послед» (плацента); *хук* (лит., исп., зиз., ахт., джаб.) «желудок»; *йаб* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «ухо»; *пел* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «лоб»; *кьвал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «бок»; *гьер* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «слюна»; *пагв* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «ребро».

Сложно-составные названия; *гьвечIи руфун* (сал.) – *гьвачIи руфун* (орт., юх.) «желудок», букв. «маленький живот»; *сивин кьав* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «нёбо», букв. «рта крыша»; *ирид чарар* (исп., сал., орт., юх.) – *ирид чарчи руфун* (зиз.) «часть желудка в виде кошелька (гармошки)»; *хурун синтI* (исп.) «отросток внутри грудины», букв. «груди бугорок»; *кIарабд мефт* (сал.) – *кIарапIд мефт* (исп.) – *кIарабд мефтI* (зиз.) – *кIарабд маьхт* (орт., юх.) – *кIарабзи маштв* (ахт.) «костный мозг»; *пехьре кIараб* (сал.) «тазобедренная кость», букв. «вороны кость»; *вилик квай кIвачер* (исп., сал., ках., орт., юх.) – *уьлуьк кевей кIвачар* (ахт.) – *уьлуьк кывай кIвачар* (джаб.) «передние ноги», букв. «впереди находящиеся ноги»; *кьулуьхь квай кIвачер* (исп., сал., ках., орт., юх.) – *кьылыхьь кевей кIвачар* (ахт.) – *кьылыхьь кывай кIвачар* (джаб.) «задние ноги», букв. «сзади находящиеся ноги»; *тумун кьачахьан* (исп., орт., юх.) – *тумун кьачI* (джаб.) «жировой копчик курдюка», букв. «хвоста кочерыжка»; *тумун цыпIых* (джаб.) «хвостовые позвонки»; *йутурд кIараб* (джаб.) «бедренная кость», букв. «ляжки кость»; *кьилер-кIвачер* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *кьилаьр-кIвачар* (ахт.) букв. «голови-ноги» – *гьилер-кIвачар* (джаб.) «конечности», букв. «руки-ноги»; *гарданди йан* (исп., сал.) – *гарданд йак* (зиз., орт., юх.) «шейное мясо»; *гарданд кIар*

(исп., сал., джаб.) – *гарданз кIар* (ахт.) «шейный позвонок»; *кьулан тар* (орт., юх., ахт.) – *кьулан синин тар* (сал.) – *йыкъан тарсан кIараб* (джаб.) «позвоночник».

К заимствованным относятся: *келле* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) 1) «голова» 2) «череп» < перс.; *гардан* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт.) «шея» < перс.; *шырдан* (исп., сал., орт., юх.) – *шардан* (ахт.) «сычуг» < перс.; *жигерар* (лит., ахт.) – *джигерар* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) «сердце, печень, почки, легкие (вместе взятые)» < перс.; *пац* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) «лапа» < перс.; *чекмейар* (ахт., джаб.) «копыта», букв. «туфли» < азерб.; *тепиг* (джаб.) «копыто» < азерб.; *нерви* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «нерв» < русск; *занг* (лит., сал., зиз., орт., юх., ахт., ках., джаб.) – *занг// зингил* (исп.) «голень» < перс.

2. Названия диких животных

Млекопитающие

Говоря о терминологии домашних и диких животных в лезгинском языке, следует констатировать тот факт, что в наименованиях домашних животных каждый вид животного имеет несколько дифференцированных названий, характеризующих их с разных сторон (по полу, возрасту, масти, аллюру, по форме рогов, хвоста и т.д.). Однако этого мы не можем сказать в отношении диких животных, обозначения которых ограничиваются одним или двумя наименованиями. В этом проявляется тенденция, о которой писал А. М. Щербак: «разнообразие, богатство или бедность лексики в пределах каждого конкретного вида животных предопределено его хозяйственной ценностью или той ролью, которую оно играло в религиозных представлениях народа» [Щербак 1961: 156-157].

В лезгинском языке понятие «дикие животные» передается сложно-составным названием *вагыши гьайванар* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) –

ваьхIши хIаьйванар (ахт.) – *ваьхIши хIайванар* (джаб.), оба компонента которого представляют собой слова арабского происхождения.

Аслан (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «лев». Слово тюркского происхождения, ср. азерб., балк., гаг., тур. *аслан*, алт., к.-калп., ку-мык., ног., тат., туркм., уйг. *арслан*, башк. *аріслан*, казах., кирг. *ар(і)стан*, тув. *арзіланз*, узб. *арслан*, чув., *ар*слан*, чув. (диал.) *услан* [Щербак 1961: 137].

Жанавур (лит.) – *джанавур* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх., джаб.) – *жанагур* (ахт.) «волк». Термин иранского происхождения, ср. перс. *жанвар* «животное», «зверь», заимствован через посредство азербайджанского языка, ср. азерб. *джанавар* 1) «волк» 2) перен. «хищник». Представлен и в других дагестанских языках: авар. *жанавар*. лак. *жанавар*. табас. *жанавар*.

Жейран (лит., ахт.) – *джайран* (орт., юх.) – *джейран* (исп., сал.) «джейран». Данная основа имеет параллели в дагестанских языках: авар. *жайран*, лак. *жайран*, дарг. *жайран*, рутул., цахур. *джайран*, крыз. *джейран* [Хайдаков 1973: 11].

Къабан (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «кабан». Термин тюркского происхождения: ср. азерб. *габан*, башк., к.-калп., каб. *кабан*, кирг. *каман*, узб. *кабан*, уйг. *каван* «самец свиньи», «дикая свинья» [Щербак 1961: 125]. Данный термин употребляется и в переносном значении «упрямый»: *ам са къабан йе, андаг кецаьхIмир* (ахт.) «он упрям (букв. он кабан), его не трожь». Лексема *къабан* в лезгинском языке используется также и в бранных выражениях, что, как отмечает У. А. Мейланова, «связано с предписаниями мусульманской религии» [Мейланова 1975: 225].

Название *къабан* зафиксировано и в других лезгинских языках: табас. *къабан*, агул. *къабан*, рутул. *къабан*, цахур. *къабан*, будух. *къабан*, крыз. *къаьбаьн*, *къабан*, хинал. *къабан*.

Къаракъулах (орт., юх., ахт.) «кенгуру». Сложное слово тюркского происхождения, заимствовано, видимо, из азербайджанского языка, ср. азерб. *гара* «черный» + *гулагъ* «ухо», ср. алт. *каракула* «лев».

Къуър «заяц». Во всех диалектах лезгинского языка употребляется без изменения единая форма. Основа непроизводная простая. Из дагестанских языков родственные основы сохранились в лезгинских и цезских языках [Хайдаков 1973: 11].

Къуьрен шапІа (исп., сал., ках., зиз., орт., юх., джаб.) – *къуьрен шапІамІ* (ахт.) «зайчонок». Сложно-составной термин. В качестве определения использовано название зайца *къуър* в форме родительного падежа единственного числа, а второй компонент представляет собой название зайчонка. Ахтынская производная форма *шапІамІ* содержит в составе деривационный суффикс *-mI*.

Еж во всех диалектах лезгинского языка обозначается одним термином *къуьгъуър*. В разных фонетических вариантах лексема представлена и в других дагестанских языках [Хайдаков 1973: 11]. Помимо данного термина, в ахтынском диалекте зафиксировано также одно самостоятельное исконное название *кІужур*.

Лекьен (зиз., орт., юх., ахт.) «лемур». Происхождение неясно.

Маймун (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *маймын* (ахт., джаб.) «обезьяна». Усвоено из арабского языка, ср. маймўн [Селимов 2001:310] и встречается во многих тюркских и иберийско-кавказских языках: азерб. *мәймун*, башк., казах., кирг., к.-калп., ног., тат. *маймёл*, гаг., тур., узб., уйг. *маймун*, туркм. *маймён* [Щербак 1961: 140], груз. *maimuni*, дарг. *maimun*, авар. *maimalak*, инг. *теитаьл*, карач. *maimul*, адыг. *meimun*, *maimun* [Абаев 1973: 66].

Марал (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «марал». Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *марал*.

Машах (орт., юх.) «рысь». Слово иранского происхождения, ср. перс. *vašag* [Забитов, Эфендиев 2001:83]

Для понятия «олень» во всех диалектах лезгинского языка используется термин *мирг*. Основа простая исконная. Термин в разных фонетических вари-

антах представлен и в других лезгинских языках: рутул. *михь*, табас. *мири*, *мери*, крыз. *миргъ*, уд. *муькъ* [Хайдаков 1973: 13].

Перленг // *пеленг* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *перленг* (ахт., джаб.) «тигр». По мнению В. И. Абаева, слово иранского происхождения, ср.перс. паланг «барс», «пантера», «леопард» [Абаев 1958: 450]. Представлено также и в других лезгинских языках: табас. *пеленг*, крыз., хинал. *паьлаьнг*, цахур. *паланг*, агул. *фаланг* [Хайдаков 1973: 10].

Сев «медведь». Единое для всех диалектов название. Основа простая непроизводная исконная. Основа с некоторыми фонетическими различиями сохранилась почти во всех дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 155-156].

СикI «лиса». Во всех диалектах лезгинского языка звучит одинаково. Простая непроизводная исконная основа. Генетически родственные основы сохранились почти во всех дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 154-155].

Фил «слон». Слово арабского происхождения, ср.араб. *fil*. Данная основа представлена в языках разных семей: азерб. башк., ног., тат., узб. *fil*, казах., кирг., к.-калп., кумык., тур., туркм., уйг. *pil* [Щербак 1961: 139]. Сюда же примыкают: авар. *pil*, чеч. *pijl*, инг. *pil*, *pilla*. каб. *pəl*, груз. *sp'ilo* [Абаев 1973: 244].

ЦуцIул (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *цIьцIыл* (ахт., джаб.) «куница». Лексема исконная простая. Генетически родственные основы представлены и в других лезгинских языках [Хайдаков 1973: 12].

Название шакала *чакъал* является единым для всех лезгинских диалектов. Это слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *чаггал* «шакал» (АРС).

Для выражения понятия «шакал» в лезгинском языке используется еще одна самостоятельная лексема лелев (зиз., орт., юх.). Лексема исконная, образованная при помощи сложения звуковых комплексов, не обладающих самостоятельным значением.

В лезгинском языке для передачи одного понятия «каменный козерог» используются разные по составу и происхождению названия: *члуран цлэгъ* (зиз., орт., юх.) – *члырын цлэгъ* (ахт.), букв. «горный козел» – *дагъдин йац* (джаб.) «каменный козерог» (самец), букв. «горный бык» – *гъирч* (джаб.) «каменный козерог» (самка), букв. «дичь». Следует констатировать тот факт, что названия диких животных, с которыми лезгины знакомы хорошо и которые водятся на их территории, обозначаются исконными терминами. Если же дикое животное мало известно и если зверь не водится на данной территории, то он чаще всего обозначается заимствованной лексемой.

Къаркъулув (лит., исп., сил.) – *къаркъулуф* (зиз., орт., юх.) – *хъыркъараг* (ахт.) – *хъыркъанлыв* (джаб.) «летучая мышь». Лексема исконная, образованная способом сложения основ. Происхождение данного термина легко объясняется по форме джабинского диалекта *хъыркъанлыв* < *хъыркъан лыв* «крыло из овчинки (из перепонки)»> *хъырхъ* «кусочек овчинки или высушенного очищенного желудка животных» и *лыв* «крыло».

Къиф (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., джаб.) – *кьуш* (ахт.) «мышь». Основа исконная простая непроеизводная, восходящая к общедареотанскому хронологическому уровню [Хайдаков 1973: 13].

С основой *къиф* образуются и другие названия: *кIвалин къиф* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *кIвелин кьуш* (ахт.) – *кIвелин къиф* (джаб.), букв. «домашняя мышь»; *чуьлдин къиф* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., джаб.) – *чуьлзин кьуш* (ахт.) – *члырын къиф* (джаб.) «полевая мышь»; *таран къиф* (юх.) «желтогорлая мышь», букв. «дерева мышь»; *цин къиф* (юх.) «водяная полевка», букв. «водяная мышь»; *цимил къиф* (юх.) – *цимил кьуш* (ахт.) «ласка» (значение первого компонента затемнено); *ригал къиф* (зиз.) «крыса» (значение первого компонента затемнено).

Анализ приведенного выше материала показывает, что в лезгинском языке для обозначения пола, возраста, масти и т.д. домашних животных существуют специальные термины. Однако для дифференцированного названия

пола, возраста и масти диких животных в лезгинском языке специальные термины отсутствуют. Для обозначения пола и названий детенышей диких животных в лезгинском языке используются описательные названия, образованные сочетанием названия животного с самостоятельными словами – различителями пола животного или его детеныша: *диши* «самка», *эркек* «самец», *бала* «дитя», *шараг* «детеныш».

Примеры: *диши сев* «медведица» – *эркек сев* «медведь»; *севре бала* «медвежонок», букв. «медведя детеныш»; *диши сикI* «лисица» – *эркек сикI* «лис», *сикIре шараг* «лисенок», букв. «лисы детеныш»; *диши жанавур* «волчица» – *эркек жанавур* «волк», *жанавурди шараг* «волчонок» и т. д.

Следует отметить, что для обозначения пола волка, кроме названных выше слов – различителей пола, используется также одно самостоятельное слово – *кач* «сука»: *кач жанавур* «волчица», букв. «сука-волк». А название волка *жанавур* без слов-различителей пола может обозначать волка-самца и волчицу.

3. Названия домашних и диких птиц

В лезгинском языке и диалектах представлено значительное количество названий птиц. Анализу некоторых из этих названий посвящена наша статья [Ганиева 1988].

Основное ядро названий птиц лезгинского языка относится к раннему и устойчивому пласту лексического состава языка. Среди них немало слов, относящихся к трем хронологическим уровням: общедагестанские, общелезгинские и собственно лезгинские.

Понятие «птица» в лезгинском языке и диалектах передается тремя самостоятельными лексемами. Первая основа *кьуш* является единой для всех диалектных единиц лезгинского языка и заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *гошу* «птица» (АРС).

Вторая исконная основа также представлена во всех диалектных единицах лезгинского языка, но в разных фонетических вариантах: *нуькI* (лит., исп.,

сал., ках., зиз., орт., юх.) – *нучI* (ахт.) – *нуцI* (джаб.). В ахтынском диалекте налицо фонетический процесс палатализации ауслатного заднеязычного *кI* [Талибов 1980: 86]. Следует отметить, что в лезгинском языке лексемы *нуькI*, *нучI*, *нуцI* обозначают не всех птиц, а птиц мелких (диких).

Термин *нуькI*, кроме своего основного значения «мелкая птица», передает также понятие «воробей». В ахтынском диалекте в переносном значении оно используется для выражения понятия «маленький человек», «человек небольшого роста»: *нуькIре наб* «жена низкорослого», букв. «жена птички», *нуькIре бахча* «сад маленького человека», букв. «сад птички». Интересно отметить тот факт, что для передачи понятия «мелкая птичка» в ахтынском диалекте используется форма *нучI*, а в переносном значении употребляется форма, характерная для кюринского наречия, *нуькI*.

Для обозначения птицы в лезгинском языке употребляется еще и третье название *ничхир* (лит., исп., сал., зиз., орт.) – *нахчыр* (ахт.), заимствованное из персидского языка [САПС 1967: 475]. Самостоятельный термин *ничхир* передает, кроме того, понятие «волк»: *нахчыр* (Фий) – *нахчур* (Маза) – *нахчыр* (ахт.), а также «дичь», «пернатые».

В лезгинском языке отсутствует родо-половая дифференциация птиц. В большинстве случаев одно и то же название птиц используется для обозначения и женской, и мужской особи. В исключительно редких случаях пол птиц выражается и лексическим способом. Примером лексического выражения пола являются названия курицы и петуха, обозначаемые самостоятельными лексемами *верч* «курица» и *кIек* «петух».

В лезгинском языке редки случаи обозначения пола птиц синтаксическим способом посредством названных выше самостоятельных слов *кIек* «петух», *верч* «курица» в сочетании с названием птицы: *ачкардин кIек* «фазан» (петух), букв. «фазана петух», *ачкардин верч* «фазан» (курица), букв. «фазана курица». В ахтынском и джабинском диалектах понятие «индюшка» передается с помощью самостоятельной лексемы *верч* «курица» и названия индюка:

верч гьундьюшка букв. «курица индюк», «индюшка». В остальных диалектах лезгинского языка два понятия «индюк» и «индюшка» передаются одной лексемой *гьундьюшка*. В значении «индюк» и «индейка» используется также одна самостоятельная лексема *аштерхан* (лит.) – *гьаштерхан* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *Глаштерхан* (ахт., джаб.). Оба термина заимствованы из русского языка.

Основа *верч* «курица» является исконной, восходящей к общедагестанскому хронологическому уровню [СИЛДЯ 1971: 154; Хайдаков 1973: 27]. В детской речи употребляется также одно название курицы *дуть-дуть*, образованное редупликацией основы.

Понятие «петух» в литературном языке и диалектах выражается единым исконным термином с незначительными фонетическими расхождениями: *клек* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *кек* (ахт., джаб.). В ахтынском и джабинском диалектах произошла дезабруптивизация начального *кI*, зафиксированная в диалектных единицах кюринского наречия.

Термин *клек*, кроме своего основного значения «петух», передает также и другие понятия «задира», «драчун»: *ам са клек йа хьи* «он такой задиристый», *адан хва хьсан клек йа* «его сын хороший драчун»; *ам клек хьыз кикIидайди йа* «он дерется, как петух».

В лезгинском языке и диалектах, хотя и редко, наблюдаются случаи и возрастной дифференциации орнитонимов. Эти различия выражаются лексическим и синтаксическим способами. В качестве примера следующие названия: *цицIиб* «цыпленок» – *фере* «курочка» – *верч* «курица»; *пIарла* «птенец куропатки» – *чIалитI* (лит.) «молодая куропатка» – *къвед* «куропатка».

Синтаксический способ выражения возрастной дифференциации орнитонимов в лезгинском языке представлен шире, чем лексический. При этом способе в качестве определителя возраста орнитонима используются слова *шараг* и очень редко *денбаьл*: *нуькIре(н) шараг* «птенец воробья», *лифре(н) шараг* «голубенок», *къазра(н) шараг* «гусенок», *нуькIре(н) шараг // нуькIрен*

денбаъл «птенец воробья», *пехър(ен) денбаъл* (орт., юх.) «птенец вороны». Самостоятельная лексема *шараг* сочетается со всеми названиями птиц для обозначения птенцов за исключением названия курицы *верч*.

Термин *денбел* в литературном языке обозначает «птенец» (не покрывшийся оперением)».

Слово *шараг*, помимо понятия «птенец», выражает значение «детеныш животных»: *сикIре шараг* «лисенок», букв. «лисы детеныш», *севре шараг* «медвежонок», букв. «детеныш медведя».

Название *шараг* употребляется и в переносном значении «ребенок», «дитя» с оттенком ласкательности: *чан шараг*, *ше зы патаг* «милое дитя, иди ко мне», *ви шарагар гьикI ава?* «как твои дети?»

Название голубя в лезгинском языке является единым – *лиф* (лит., сал., ках., ахт., джаб.) – *луф* (зиз., орт., юх.). Исконная основа. Фонетические изменения сводятся к соответствиям гласных *и-у*.

Понятие «ласточка» в лезгинском языке передается самостоятельной исконной лексемой *чубарук* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чыпарукI* (ахт.) – *чыпарук* (джаб.). В данном слове в ахтынском и джабинском диалектах прослеживается характерный для них процесс оглушения звонких смычных, в ахтынском диалекте налицо и абруптивизация конечного глухого смычного *к*.

Сорока в литературном лезгинском языке и диалектах обозначается самостоятельной исконной лексемой *керекул* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *керекуьл* (ахт., джаб.). Фонетические различия сводятся к соответствиям гласных *у-уь*.

Для обозначения вороны в лезгинском языке используется исконная самостоятельная лексема в различном фонетическом оформлении: *пехъ* (лит., исп., сал., ках., ахт., джаб.) – *павхъ* (орт., юх.) – *баьхъ* (зиз.).

Единым для всех диалектных единиц лезгинского языка является название сокола *кард*. Основа простая непроезводная исконная.

Специальное название имеет и серая куропатка *чIалитI* (лит.) «молодая куропатка» – *чIагълутI* (орт., юх.) – *чIигълит* (зиз.) – *чIиргълитI* (ахт., джаб.).
Основа исконная.

Горлица в лезгинском языке именуется *кару* (лит., орт., юх.). Основа простая исконная.

Одинаковым для всех диалектов лезгинского языка является название совы *тIуб*. Основа простая исконная. Параллельно с данным термином для передачи понятия «сова» в лезгинских диалектах употребляется самостоятельная лексема *санкьв* (орт., юх.) – *санкь* (зиз.). В речи селения Зизик налицо бесследная утеря лабиализации ауслатного согласного *кьв*.

Название журавля *дурна* в лезгинских диалектах является единым. Основа заимствована из азербайджанского языка, ср. азерб. *дурна*.

С незначительными фонетическими расхождениями название аиста, возможно, заимствовано из азербайджанского языка: *гьажилеглег* (лит.) – *гьаджилеглег* (орт., юх.) – *эджилеглег* (зиз.) – *хIаьжилеглег* (ахт.) – *гьаьджилаьглег* (джаб.), арабо- тюркс. композит.

Сокол в лезгинском языке и диалектах обозначается единым термином *лачин*. По утверждению В. И. Абаева, основа, имеющая тюркское происхождение, представлена во многих кавказских языках, ср.: авар. *laçen*, дарг. *laçin*, лак. *laçin*, чеч. *laçi* и др. [Абаев 1973: 11].

Название утки в литературном языке и диалектах также едино – *уьрдег*. Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *ördäk* (APC).

Для обозначения стервятника в лезгинском литературном языке и диалектах употребляется самостоятельный термин *къузгъун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *кьыизгьын* (ахт., джаб.). Основы различаются соответствием гласных *у-ы*. Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *гузгун* «ягнятник, ястреб» (APC).

Название коршуна *чалагъан* литературным языком и всеми диалектами лезгинского языка без изменений в звучании и семантике заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *чалагъан* «коршун» (АРС).

Название орла является единым для всех диалектных единиц лезгинского языка: *лекъ* (лит., исп., сал., ках., ахт., джаб.) – *лаькъ* (зиз., орт., юх.). Простая непроединная исконная основа с незначительными расхождениями в звучании.

Интересно заметить, что среди названий птиц лезгинского языка обнаруживается большое количество звукоподражательных слов.

Эти слова можно распределить по следующим группам:

1) слова, передающие характерный крик или пение птиц: *цIуцI-непе* (ахт.) «синица», *nIamI* (лит., исп., джаб., сал., ахт.) – *бад-бад* (зиз., орт., юх.) «утка», *къвед* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «куропатка», *чIагъ* (лит., исп., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «галка», *къаз* (исп., сал., ках., зиз., орт., ахт., джаб.) «гусь», *куьдкьюрьутI* (орт., юх.) – *куьдкьюрьуд* (зиз.) «щурка» (подражание пению щурки), *кукупI* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *куку* (джаб.) «кукушка», *цицIиб* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *цIуцIиб* (ахт., джаб.) «цыпленок». Последняя лексема тюркского происхождения проникла в лезгинский язык из азербайджанского языка. Отмечается это слово и во многих других языках Кавказа [Абаев 1979: 227].

Название кукушки является звукоподражательным почти во всех дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 154]. Известно это название и для многих языков Кавказа и языков иных систем [Абаев 1958: 506; Климов 1964: 65].

2) Слова, образованные простым повторением звуковых комплексов: *чихчих* (лит., орт., юх.) «чиж», *туртур* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «перепел, перепелка», *кIве-кIве* (орт., юх.) «дятел», *къеркъер* (зиз.) «скворец», *липIипI* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *липIипIей* (ахт.) «ястреб».

3) Слова, образованные повторением основ, второй компонент которых подвергается изменениям: *чИимчИир* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) «чиж» (подражание крику чижа), *къемкъер* (орт., юх.) – *къеркъер* (зиз.) «дрозд», *куькве* (лит.) – *кIекIел* (ахт.) «дятел» (подражание стуку клювом по дереву).

4) Слова, образованные от звукоподражательной основы + название птицы: *къукъу лиф* (ахт.) «кукушка», *къуртIуь верч* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *кIуртI верч* (ахт., джаб.) «наседка» (*къуртI* // *кIуртI* – звук, издаваемый наседкой + *верч* «курица»). Здесь звукоподражание перешло на само название этой птицы.

В лезгинском языке встречается также целый ряд названий птиц, образованных путем сочетания слов, указывающих:

а) на цвет оперения и других частей тела: *чIулав нуькI* (лит., орт., юх.) «скворец», букв. «черная птица», *чIулав уьрдег* (юх.) «лысуха», букв. «черная утка», *кIыф къипи къаргъа* (ахт.) «альпийская галка», букв. «клюв желтая ворона»;

б) на места обитания птиц: *хуьруьн нуькI* (лит., исп., ках., зиз., юх.) – *хуьруьн нучI* (ахт.) – *хуьруьн нуцI* (джаб.) «воробей», букв. «сельская птица», *цин нуькI* (орт., юх.) «белая трясогузка», букв. «воды птица», *чархи чубарук* (орт.) «деревенская ласточка», *цин кард* (орт., юх.) «оляпка», букв. «воды сокол», *чIырын верч* (ахт.) «фазан», букв. «полевая курица», *тамын далдамчи* (ахт.) «дятел», букв. «лесной барабанщик», *тамын верч* (ахт.) «глухарь», букв. «лесная курица», *чуьлд лаькъ* (юх.) «орел-могильник», букв. «полевой орел», *чIырын верч* (ахт.) «рябчик», букв. «дикая курица», *тамын керекуьл* (ахт.) «сойка», букв. «лесная сорока»;

в) названия, связанные с оценкой птиц человеком: *чIуру тIанIац* (орт., юх.) «клинтух», букв. «дикий голубь», *къени тIанIац* (орт., юх.) «стриж», букв. «домашняя ласточка», *чIуру кукунI* (орт., юх.) «удод», букв. «дикая кукушка», *чIуру кIвекIве* (орт., юх.) «пестрый дятел», букв. «дикий дятел», *чIуру уьрдег* (юх.) «чирок-трескунок», букв. «дикая утка».

Целый ряд орнитонимов в разных диалектных единицах или в одной диалектной единице обозначается разными словами, создавая тем самым синонимические пары, многие из которых возникли в связи с параллельным употреблением названий исконного и иноязычного происхождения: *бадбад* (орт., юх.), *nIamI* (ахт.) // *уърдег* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «утка»; *уьндуюшка* (лит., исп., сал., зиз.) – *гьуьндуюшка* (ахт., джаб.) // *аштерхан*, *эштерхан*, *гьаштерхан* «индюк, индейка»; *пехъ* (лит., ках., ахт., джаб.) – *паьхъ* (орт., юх.) – *баьхъ* (зиз.) // *къаргъа* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «ворона»; *къвед* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) // *чIалитI* (лит. «молодая куропатка») – *чIагълутI* (орт., юх.) – *чIигълитI* (зиз.) – *чIиргълитI* (ахт.) «серая куропатка»; *маллакуткитI* (лит., зиз.) // *чуру кукупI* (орт., юх.) // *пайгъамбарз чывыш* (ахт.) // *кьилел регъ алай кьюш* (джаб.) «удод»; *чыбан алдатан* (джаб.) // *къарачи* (юх.) // *чулав уърдег* (юх.) «лысуха»; *кард* // *тарлан* «сокол».

С названиями птиц связаны поверья: если курица кричит, как петух, случится несчастье; если петух запоет в неурочное время, то придет гость; если черный ворон сядет на крышу дома – быть несчастью.

Непочтительное отношение у народа сложилось к филину. Дело в том, что филин (*байкьюш*) скрывается в руинах, развалинах, поэтому считают что жилище, вблизи которого оказался филин, превратится в руину, развалину, а хозяин дома останется одиноким и несчастным. И не случайно одинокого и несчастного человека называют «байкьюш».

Названия птиц в лезгинском языке встречаются во многих сравнениях, проклятиях, устойчивых выражениях и поговорках: *чан зи гьвечли чубарук* «милый мой малыш», букв. «милая моя маленькая ласточка»; *са цыцлиб хьти айал* «маленький, как цыпленок, ребенок»; *кард хьти айал* «красивый ребенок», букв. «как сокол ребенок»; *катран вилер* «красивые глаза», букв. «соколиные глаза»; *лиф хьтин инсан* «степенный, спокойный человек», букв. «как голубь человек»; *пехъре хабар* «печальная весть», букв. «воронья новость»; *ви*

кIвалал пехъ ацукьый (ахт.) – бран. «чтоб несчастье пришло в твой дом», букв. «чтоб на твой дом ворона села»; *ам кыка гелей верч хьти ава* (ахт.) «ему не терпится», букв. «он, как курица, которая хочет снести яйцо»; *анда заг кыка рахуз гугузва* (ахт.) «она стоит над моей душой», букв. «она заставляет меня снести яйцо»; *верчер санбар хьайи кьур уькIуьда* (зиз.) – погов. «насест, на котором много кур, рушится» (от тяжести), т.е. все хорошо в меру; *кьве хзандикай хкатай чIагъ хьиз амуьна* (зиз.) – погов. «остаться, как галка, оторвавшаяся от двух семей», т. е. «остаться невезучим».

4. Насекомые

Понятие «насекомое» в лезгинском языке передается самостоятельной лексемой арабского происхождения *гьашарат*. Слово едино для всех диалектов.

Саранча, кузнечики

В лезгинском языке для передачи двух понятий «кузнечик» и «саранча» используется единая для всех диалектов лексема *цIицI*. Основа, восходящая к общедагестанско-нахскому хронологическому уровню [Хайдаков 1973: 21]. Корневая аффриката *цI* редуплицируется также в: бежт. *цIацIака* «саранча», дарг. *цIерцI*, *цIирцI* (урах.), табас. *цIицI*, *цIарцIар*, рутул. *цIыцI*, крыз. *цIыцIаьнг* [Хайдаков 1973: 21].

Производными от *цIицI* являются названия *чуьлд цIицI* (юх.) «саранча пустынная», букв. «полевая саранча»; *рагьул цIицI* (исп., сал., орт., юх.)- *рагьу цIицI* (ахт., джаб.) «бурый кузнечик», *кьацу цIицI* (лит., исп., сал., орт., юх.) – *кьацы цIицI* (ахт., джаб.) «зеленый кузнечик», *лув гудай цIицI* (исп., сал., орт., юх.) «перелетная саранча», букв. «крыло дающая саранча»; *мырдардиз йад гудайди* (исп., сал.) – *гьуьлаьгьдиз йад гудайди* (орт., юх.) «стрекоза», букв. «змее воду дающий»; *чулав цIицI* (исп., сал., орт., юх.) «черная саранча», *кIвалин цIицI* (орт., юх.) «домовой сверчок», букв. «домашний кузнечик»; *цин цIицI* (орт.) «стрекоза», букв. «водяной кузнечик».

Понятие «перелетная саранча» в джабинском диалекте передается самостоятельным термином *чагырга*.

Жуки

Название жука *пепе* едино для всех диалектных единиц лезгинского языка. Основа исконная, зафиксирована также в табасаранском языке (*пепе*).

В сочетании с данной лексемой образуется целый ряд названий разновидностей жуков: *цин пепе* (юх.) «жук-плавунец», букв. «водяной жук»; *ракь атлудай пепе* (зиз., орт., юх.), букв. «железо режущий жук» – *кьасар пепе* (ахт., букв. «кусающий жук») «жук-олень»; *цIару пепе* (орт., юх.), букв. «пестрый жук» – *картышказ пепе* (ахт., букв. «картофельный жук») «колорадский жук»; *пухъ кIватIдай пепе* (исп., сал., орт., юх.) – *лакад пепе* (зиз., джаб.) – *цIапад пепе* (юх.) – *лаказ пепе* // *жутар пепе* (ахт.) «навозный жук», *цIахдай пепе* (исп.) – *цуфад пепе* (зиз.) – *ни ахъайдай пепе* (юх.) – *цыфар пепе* (ахт.) «жук-вонючка», *ни къведай пепе* (юх.) «красотель пахучий», *цуф ахъайдай пепе* (юх.) «вредная черепашка», букв. «вонь испускающий»; *цIулав пепе* (исп., юх.) «жук-рогач», букв. «черный жук»; *кере-мере* (зиз.) «жук-рогач», *цIылав пепе* (ахт.) «жук-вонючка», букв. «черный жук»; *шурван пепе* (зиз., юх.) – *шырван пепе* (ахт.), букв. «ширванский жук» – *аллагьбад кал* (юх.), букв. «бога корова» – *чар пепе* (джаб.) «божья коровка»; *дербенд пепе* (орт.) «красноклопы (клопы-солдатики)», букв. «дербентский жук»; *ракъин пепе* (исп.), букв. «солнечный жук» – *тумуна цIай авай пепе* (юх.) «светлячок», букв. «в хвосте огонь имеющий жук»; *карч алай пепе* (исп., сал., орт.) – *карч элей пепе* (ахт.) «жук-носорог», букв. «рог имеющий жук».

В значении «жук-носорог» употребляется также самостоятельный простой термин *дев*.

В лезгинском языке самостоятельными словами передается понятие «медведка» – *хъипренI* (лит., сал., орт., юх.) – *шалаша* (зиз.) – *данадуьш* (ахт.) – *данадиши* (джаб.). В речи сел. Зизик для этого понятия используется описательное название *цин цах* (значение второго компонента здесь неясно).

Понятие «водяной извозчик» в ахтынском диалекте передается описательным названием *ицин пехIлеван*, букв. «водяной акробат».

Двукрылые

Для названия бабочки в лезгинском языке используется самостоятельная исконная лексема *чепелукъ* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чепелькъ* (ахт., джаб.).

Муха в лезгинском языке именуется *тIветI* (лит., сал., ках., орт., юх.) – *тIетI* (зиз.) – *цIетI* (ахт.) – *тIотI* (джаб.). Основа хорошо сохранилась во всех дагестанских языках [Хайдаков 1973: 20]. В ахтынском диалекте и в речи сел. Зизик наблюдаем бесследную утрату лабиализации. В джабинском диалекте делабиализация начального согласного оставила след в соседнем гласном.

Самостоятельная лексема *тIветI* вступает в сочетания, образуя целый ряд сложно-составных слов, обозначающих разновидности мух: *къацу тIветI* (исп., сал., орт., юх.) – *къацы цIетI* (ахт.) букв. «зеленая муха», *ветI йагIадий тIотIар* (джаб.) «синяя мясная муха», букв. «личинку оставляющие мухи»; *кIвалин тIветI* (лит., исп., сал., ках., орт., юх.) – *кIвалин тIетI* (зиз.) – *кIвелин цIетI* (ахт.) – *кIвелин тIотI* (джаб.) «комнатная муха»; *цин тIветI* (орт.) «муха (которая бегаёт по воде свободно)», букв. «водяная муха»; *йацра тIветI* «бычья муха», *тIветIре кIуф* (юх.), букв. «мухи рот»; *цIетIре сух* (ахт.) «хобот (мухи)», букв. «мухи жало»; *балкIанди тIветI* (лит., исп., сал., орт., юх.), букв. «лошадиная муха» – *хени цIетI* (ахт.) (значение первого компонента затемнено) – *палканд тIотI* (джаб.) «лошадиный овод», букв. «лошадиная муха».

Для обозначения овода в лезгинском языке употребляется и самостоятельная лексема *бувун* (лит., исп., сал., зиз., юх.) тюркского происхождения.

В значении «комар» используются разные по происхождению и составу лексемы: *ветI* (лит., исп., сал., ках., орт., юх.) – *мизмиз* (зиз.) – *мичек* (ахт.) – *мирчек* (джаб.). Первая лексема, вероятно, собственно лезгинская. В зизикском говоре использована редуцированная основа *мизмиз*, передающая

подражание пisku комара. В ахты́нском и джаби́нском диалектах представлено заимствованное из азербайджанского языка слово *мичек*, *мирчек*, ср. азерб. *милчэк*. В ахты́нском диалекте сонорный *л* выпал, а в джаби́нском диалекте он замещен вибрантом *р*. Азербайджанский термин зафиксирован также в лакском (*мичIак*), цахурском (*мичак*), удинском (*моцIак*) [Хайдаков 1973: 19].

Ночная бабочка обозначается простой самостоятельной лексемой *руьгь* (зиз.). Слово, видимо, является необычным семантическим развитием слова арабского происхождения со значением «дух, душа».

Для названия гусеницы и непарного шелкопряда используется самостоятельная исконная лексема *цIарнах* (лит., исп., орт., юх.) и производные от него наименования: *вергед цIарнах* (орт.) «гусеница, которая ест крапиву», букв. «крапивная гусеница»; *келемди цIарнах* (орт., юх.) «капустница», *чIар алай цIарнах* (орт.) «волосатая гусеница». Шелкопряд обозначается описательно: *кIазун гьуьлаьгь* (зиз., юх.) – *кIазын гьуьлаьгь* (ахт.) «гусеница шелкопряда», в то время как кокон шелкопряда обозначается самостоятельной лексемой *кIаз*.

Название москита *агькьинет* (юх.) заимствовано из азербайджанского языка.

Слепень обозначается двумя самостоятельными терминами *бугьубугь* (лит.) – *бугьу* (орт., юх.) – *бугьубугьу* (джаб.) – *быгьабыгь* (ахт.), *джугли* – (зиз.) Первый термин представлен редуцированной звукоподражательной основой.

Название ночной бабочки *фарфалаг*, видимо, звукоподражательное, осложненное деривационным суффиксом *-аг*.

Название таракана заимствовано из русского языка: *таракан* (исп., зиз.) – *тIаракан* (орт.) – *тарун* (юх.) – *тIаракIан* (ахт.).

Производными от данного термина являются: *чIулав таракан* (исп., зиз.) – *чIулав тIаракан* (орт.) – *чIулав тарун* (юх.) – *чIылав тIаракIан* (ахт.) «черный таракан»; *рагьул тарун* (юх.), букв. «бурый таракан»; *йары тIаракIан* (ахт.) «рыжий таракан», букв. «красный таракан».

Термины пчеловодства

Для названия пчелы в лезгинском языке используется простой непроемный самостоятельный термин *члиж* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чугъ* (ахт.) – *куьнуьд тIомI* (джаб.). Основа собственно лезгинская.

С названием пчелы образуются следующие наименования: *члуру члиж* (зиз., орт., юх.), букв. «дикая пчела» – *цIыры чугъ* (ахт.) «оса», букв. «пестрая пчела»; *къени члиж* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *къени чугъ* (ахт.) «медоносная пчела», букв. «домашняя пчела»; *вирт ийидай члиж* (исп., сал., зиз., орт., юх.), букв. «мед делающая пчела» – *квалахзей чугъ* (ахт.) «рабочая пчела»; *шарагзиз тIуьн гузей чугъ*, букв. «детенышу еду дающая пчела»// *гелкъвезей ччугъ* (ахт.) «воспитательница», букв. «ухаживающая пчела»; *члижре кIур // кIуф* (юх.) букв. «пчелы рот» – *чугъра сух* (ахт.) « жало пчелы», *чIырын чугъ* (ахт.) «разновидность шмеля», букв. «дикая пчела»; *рекъер хырхазей чугъвар* (ахт.) «строители сот», букв. «соты ткущие пчелы»; *чугъварын хизан* (ахт.) «пчелиная семья».

В значении «оса» употребляется два разных самостоятельных термина *хуз* (лит., исп., сал., ках., орт., юх.) и *чIовгъуь - чIовгъуь* (джаб.). Обе основы исконные. Во второй основа редуцируется. В ахтынском диалекте используется составной термин *цIыры чугъ*, букв. «пестрая пчела».

Матка пчел обозначается самостоятельной простой лексемой *эмир* (зиз., юх., ахт.).

Понятие «трутень» передается простой самостоятельной лексемой *лам*. Генетически родственные основы представлены в крыз., буд. *лем*, удин. *элэм*, цахур. *аьмаьле*, рутул. *йимал*, *йумал*, хинал. *гьилам* [Хайдаков 1973: 26]. Основное значение данного слова – «осел».

Улей обозначается единым термином *куьни* (лит., исп., сал., ках., зиз., ахт., джаб.) – *куни* (юх.). Простая исконная основа.

Производными от *куьни* являются: *куьнуьз кук* (ахт.) «магазинная подставка», букв. «улья верхушка»; *куьнуьз кьалпах* (ахт.) «подкрышник», букв. «улья крышка»; *куьнуьзин къав* (ахт.) «крыша», букв. «улья крыша».

Названия остальных частей улья являются описательными: *чугъвар кьыдгар тахта* (ахт.) «прилетная доска», букв. «пчелы прыгающая доска»; *кьвалан тахта* (ахт.) «вставная доска», букв. «боковая доска»; *йукъван сетка* (ахт.) «разделительная решетка», букв. «средняя сетка»; *улун ракъ* (ахт.) «метковый загородитель», букв. «глазное железо»; *тлуьн гузей къапар* (ахт.) «кормушки для подкормки пчел», букв. «еду дающая посуда».

Пчелиные соты во всех диалектах лезгинского языка обозначается единым термином *регъ*, представляющим собой простую самостоятельную исконную лексему, при словоизменении которой конечный звонкий спирант *гъ* переходит в *къ*: *регъ* > мн.ч. *рекъер*. Лексема, помимо данного значения, выражает понятия: 1) «гребень» 2) «обоймы (патронов)».

В значении «мёд» употребляется самостоятельная простая исконная основа *вирт* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *уьрт* (ахт., джаб.). В диалектах самурского наречия начальный звуковой комплекс *ви-* дал губной гласный *уь*.

Для передачи понятия «воск» в лезгинском языке используется простая самостоятельная исконная лексема *мум* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *мым* (ахт., джаб.). Слово употребляется и в переносном значении «тихий, спокойный»: *за андак̄ мым ийиза* «я его успокою», букв. «я из него сделаю воск»; *зун акурди, ам цIай акур мум хьыз хьана* (лит., перен. «увидев меня, он стал, как воск перед огнем, т.е. притих, присмирел») [Талибов, Гаджиев 1966: 244].

Название роя пчел для всех диалектных единиц лезгинского языка является единым – *кул*. Слово многозначное: 1) «куст, кустарник» 2) «хворостина» 3) «палец ноги» 4) «кисть, гроздь» 5) «ливень» [Талибов, Гаджиев 1966: 165].

Клубок (роя пчел) называется *галгам*. Основа редуплицированная.

Для обозначения прополиса используется описательное название *улу*н *мум* (ахт.), букв. «глазной воск». Первый компонент *улу*н представляет собой форму родительного падежа единственного числа от основы *вил* (лит.) «глаз». В ахтынском диалекте звуковой комплекс *ви-* дал губной гласный *у-*.

Названия, связанные с оборудованием пасеки, являются различными как по составу, так и по происхождению: *кълпах* (ахт.) «колпачок (для временной изоляции матки на сотах во время осмотра)». Слово тюркского происхождения, ср. азерб. *гапах*.

Название стамески для очистки брусков, рамок от прополиса, наростов, воска и пятен поноса пчел *къллем* также заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *галем*.

Самостоятельная исконная лексема *адгъараг* (ахт.) используется для обозначения скребка для очистки дна улья. Основа звукоподражательная.

Остальные названия, связанные с оборудованием пасеки являются описательными: *куьнуьйар алай чка* (лит., исп., сал., зиз.) – *кунийар алай чка* (орт., юх.) – *куьнуьйар злей чака* (ахт., джаб.) «пасека», букв. «ульи находящееся место»; *гым йеглаьзвй цел* (ахт.) «дымарь», букв. «дым дающий мех»; *кылел акълзей сетка* (ахт.) «лицевая сетка», букв. «на голову натягивающая сетка»; *тым патях чыкъл* (ахт.) «пасечный нож», букв. «с кривой ручкой нож».

Клещи

В лезгинском языке для обозначения клещей употребляются четыре разных по происхождению самостоятельных названия: *гене* (джаб.) – *хенцІ* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт.) «фиолетовый клещ» - *ккІлам* (лит., исп., зиз., орт., юх.) – *пІакълъей* (ахт.). Первое название заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *кэнэ*. Остальные названия являются исконными, родственные основы представлены и в некоторых других дагестанских языках [Хайдаков 1973: 19].

Производными от *хенцІ* являются названия: *чуьлдин хенцІ* (юх.) «пастбищный клещ», *малар хенцІ* (юх.) «собачий клещ», букв. «животных клещ»;

хъутурди хенцI (юх.) – *хъутурдин нет* (сал., букв. «чесоточная вошь») «чесоточный зудень».

Муравьи

Для названия муравья в лезгинском языке употребляется самостоятельная лексема *цегв* (лит., исп., зиз., орт., юх.) – *цъъз* (джаб.) – *сваж* (ахт.). В джабинском диалекте в результате делабиализации начального согласного элемент лабиализации перешел на последующий гласный. Родственные основы зафиксированы в бежт. *гьуца*, гунз. *гьуцо*, гин. *рецен* [Хайдаков 1973: 20].

Зафиксированы следующие словосочетания, содержащие название муравья: *лемсер сважар* (ахт.) «мелкие черные муравьи», букв. «немецкие муравьи»; *тамун цегв* (юх.) «лесной муравей», *лувар квай цегв* (юх.) «рыжий лесной муравей с крыльями»; *цвекре кIунтI* (юх.) – *сважар кIунтI* (ахт.) «муравейник», букв. «муравья бугорок».

Названия вредителей садов, огородов, полевых культур и паразитов человека

Для обозначения блохи в лезгинских диалектах используется самостоятельная лексема *чIут* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чIит* (ахт., джаб.). Слово имеет единое фонетическое оформление во всех диалектах, если не считать соответствия гласных *у-и*. Данная общедагестанская основа хорошо сохранилась во всех родственных языках [СИЛДЯ 1971: 149]. Исходный согласный *чI* сохранился почти во всех дагестанских языках, в даргинском он перешел в свистящую аффрикату *цI*. Конечный исходный согласный *д* в разных языках дал разные рефлексy. В лезгинских диалектах он оглушился и перешел в глухой смычный *т*.

Данная лексема в форме множественного числа *чIутар* в селении Юхари-Стал выражает совсем иное понятие «земляные блошки».

Название блохи в сочетании с названием капусты *келемди чIут* (орт., юх.) обозначает «земляные блошки на капустных листьях».

Для передачи понятия «вошь» во всех диалектах употребляется единый самостоятельный термин *нет*. Основа общедагестанская. С некоторыми изменениями в звучании она представлена почти во всех дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 150-151; Хайдаков 1973: 19].

Производными от *нет* являются названия: *келемз нет* (ахт.) «тля», букв. «капустная вошь»; *кылин нет* (исп., сал., зиз., орт., юх.) «головная вошь», *чулав нет* (орт.) «головная вошь», букв. «черная вошь»; *лацу нет*, букв. «белая вошь» – *джендекдин нет*, букв. «тела вошь» (орт.), *парталди нет* (сал., ках.), букв. «одежды вошь» – *беденз нет* (ахт.) «платяная вошь», букв. «тела вошь».

Молодая вошь имеет самостоятельное название *пиж*. Основа простая. Она выражает и переносное значение «хитрец»: *вун пиж йе* (ахт.) «ты хитрец». Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *пиж* «незаконнорожденный» (АРС). В значении «незаконнорожденный» в ахтынском диалекте используется слово *паж*.

Понятие «гнида» передается тремя самостоятельными терминами *чIарчIал* (лит., зиз., юх.) – *нетI* (ахт.) – *кIаха* (джаб.). Основы исконного происхождения. Последние два названия являются простыми непроизводными, а первое название – производное, образованное от *чIар* «волос» + падежный аффикс *-ал*, который в данном случае выполняет роль деривационного суффикса.

Название постельного клопа является единым для всех диалектных единиц лезгинского языка *шутI* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *шатI* (ахт.) – *шотI* (джаб.). Различия фонетического характера: соответствие гласных *у-а-о*.

В значении «платяная моль» употребляется исконная простая непроизводная основа *гъуьчI* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *кыьчI* (ахт.). Термин собственно лезгинский.

Название ухвертки *йанатІул* (лит.) – *йанатІан* (зиз., юх.) – *йаначІул* (ахт.) происходит от исконного слова *йаб* «ухо» > *йана* (форма местного падежа со значением «внутри») + непродуктивный словообразовательный суффикс *-тІул* и его вариантов *-тІан* и *-чІул*. В джабинском диалекте для обозначения ухвертки также используется исконное слово *къепечІул*. Этимология первой части здесь неясна, а конечный элемент *-чІул* в данном случае выполняет роль словообразовательного суффикса.

Паукообразные

Для обозначения паука в диалектах лезгинского языка используются три разные самостоятельные лексемы *хиракан* (лит., исп., сал., ках., орт., юх.) – *хуьшреган* (зиз.) – *хаиш* (джаб.) – *магьманхаиш* (ахт.). Термины *хиракан* и *хуьшреган* являются производными, образованными от *хаиш* «крест», ср. азерб. *хач* «крест» (АРС), и словообразовательного суффикса *-кан*, *-ган*. Ахтынская форма является сложным термином, состоящим из *магьман* «гость» и *хаиш* «крест».

Самостоятельные термины *хиракан* и *магьманхаиш* входят в состав описательных названий: *ицин магьманхаиш* (ахт.) «водяной паук», *агьу эвей магьманхаиш* (ахт.) «тарантул», букв. «яд имеющий паук», *чІулав хиракан* (юх.) «черный паук»; *хиракандин муг* (юх.) – *хуьшрегандин муг* (зиз.) «паутина».

В значении «паутина» в ахтынском диалекте употребляется производное слово *хышрыв*, образованное от *хаиш* «крест» и словообразовательного аффикса *-ыв*.

Понятие «скорпион» в лезгинском языке также передается разными терминами: *атІраган* (зиз., орт., юх.) – *къачІараг* (ахт.) – *ченберкьули* (джаб.). Первые два названия являются производными. *атІраган* образован от глагола *атІун* «резать» с помощью непродуктивного суффикса *-раг*, второе название (*къачІараг*) образовано посредством суффикса *-раг* от основы, ныне утратившей лексическое значение. Третье название *ченберкьули* имеет тюркское происхождение.

Название фаланги *бев* является единым для всех диалектных единиц лезгинского языка. Слово тюркского происхождения, ср. азерб. *боьв*.

Ракообразные

Название рака в лезгинском языке является сложным, заимствованным из азербайджанского языка: *къирхайагъ* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт.) – *къирхайагъ* (джаб.) < *къирх* (азерб. *гырх*) «сорок» + *айагъ* (азерб. *айаг*) «ножка», букв. «сороконожка».

Слово входит в состав описательных наименований: *къирхайагъдин спелар* (юх.) «антенны рака», букв. «рака усы», *къирхайагъдин кIвачер* (юх.) «ходильные ноги рака», букв. «рака ноги», *къирхайагъдин цацар* (юх.) «большие клешни рака», букв. «рака колючки».

Название мокрицы является исконным: *лам* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *шлам* (ахт.). Происхождение начального элемента *ш* в ахтынском диалекте неясно. Лексема *лам* выражает также два омонимичных понятия: 1) «осел» 2) «сырость».

5. Земноводные

Для обозначения лягушки и жабы в лезгинских диалектах представлен единый термин *къиб*. Термин хорошо сохранился во всех лезгинских языках: ср. табас. *къуIб*, агул. *гIуб* (тпиг.), *гъуIб* (ус.), *гIу* (бурш.), рутул. *гъуIб*, крыз. *къуб* [СИЛДЯ 1971: 155].

При помощи исконной лексеммы *къиб* образуются и другие описательные названия: *хъалхъас къиб* (юх.) (значение первого компонента затемнено) – *кIвал элей къиб* (ахт.) «черепаха», букв. «дом имеющая лягушка»; *цин къиб* (юх.) «озерная или прудовая лягушка», букв. «водяная лягушка»; *таран къиб* (юх.) «травяная лягушка», букв. «дерева лягушка».

Название головастика образовано редупликацией основы: *варвар* (юх., орт.) – *тваркватварк* (ахт.).

6. Рыбы

Название рыбы не только в лезгинском, но и в некоторых дагестанских языках является заимствованным из тюркских языков: *балугъ* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *балыгъ* (ахт., джаб.). Из дагестанских языков это название представлено также в лакском (*балугъ*) и даргинском (*балихъ*) языках. По утверждению Н. С. Джидалаева, название рыбы «в лакском и лезгинском языках – это заимствование из азербайджанского языка, ср. *балыг* «рыба», в даргинском – из кумыкского языка, ср. кумык. *балыкъ* «рыба» [Джидалаев 1990: 85].

Для обозначения лосося в лезгинском языке употребляется термин также тюркского происхождения *къизилбалугъ* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *къизилбалыгъ* (ахт., джаб.), заимствованный, вероятно, из азербайджанского языка, ср. азерб. *гызыл* «красный», *балыг* «рыба».

Угорь в лезгинском языке обозначается сложно-составным названием, образованным сочетанием названия рыбы *балугъ* с самостоятельными лексемами *кфил* и *илан*: *кфил балугъ* (юх.), букв. «свирель-рыба», *илан балыгъ* (юх.) букв. «змея-рыба». Название, видимо, получено по сходству.

Название икры для всех диалектных единиц лезгинского языка является единым – *куър*. Термин заимствован из азербайджанского языка, ср. азерб. *куърюь*.

Если приведенные выше названия, связанные с рыбой, заимствованы из азербайджанского языка, то для обозначения мелкой рыбы используются два самостоятельных исконных термина *клезри* (лит.) – *клизри* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *кгуржум* (ахт.). Обе основы простые непроезводные.

7. Пресмыкающиеся

Змея в лезгинских диалектах обозначается единым исконным термином *гъуълаьгъ*.

Для обозначения ужа в лезгинских диалектах имеется три термина: *руьц* (лит., орт., юх.) – *курамал* (зиз.) – *курамал // ицин гъулаьгъ* (ахт.). Лексема

руьц исконного происхождения. Основа простая непроезводная. Термин *курамал* заимствован из азербайджанского языка, ср. азерб. *корамал*. Сложно-составное название *ицин гьулаьгь* букв. «водяная змея» является калькой с азерб. *суиланы*, букв. «воды змея».

Для обозначения пород ядовитых змей используются три разных заимствованных термина: *илаьн* (ахт.) «ядовитая змея», ср. азерб. *илан* «змея» (АРС), *гуьрзе* (лит., юх., джаб.) – *горза* (ахт.) «гюрза», *шагьмар* (лит., юх.) 1) «особая порода ядовитых змей» 2) «легендарная змея, являющаяся покровительницей жилища». Последний сложный термин имеет иранское происхождение, где буквально обозначает «шахская змея».

В значении «змея» в лезгинском языке используется также самостоятельный термин *мурдар* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *мырдар* (ахт., джаб.), заимствованный из азербайджанского языка, ср. азерб. *мырдар* «грязный». В лезгинском языке лексема *мурдар* выражает и значение «грязный». Это значение перешло на обозначение змеи, как бы выражая пренебрежительное отношение к этому виду животного.

Шкура змеи имеет свое самостоятельное название *хьуьр* (лит., зиз., орт.) – *хам* // *хьуьр* (юх.). Обе лексемы выражают и иные понятия: *хьуьр* «перхоть», *хам* «кожа», «шкура» (МРС и КРС).

Для названия ящерицы сохранились самостоятельные исконные названия *чурчул* (лит., зиз., юх.) – *кьиршил* (ахт.) – *кьаршыл* (джаб.). Первое название *чурчул* представлено и в табасаранском языке [Хайдаков 1973: 14].

Водяная ящерица именуется *хурлинкI* (лит., зиз.). Слово, по всей вероятности, производное, содержащее в составе словообразовательный суффикс -*линкI*.

Один из видов ящерицы (хамелеон) в ахтынском диалекте обозначается самостоятельным исконным словом *хьварц*, который в литературном языке выражает иное понятие – «домовой».

Название одного из видов ящерицы в джабинском диалекте *акъреб* имеет арабское происхождение, оно представлено также в табасаранском языке (*аькъраб*). В литературном лезгинском языке лексема *акъраб* выражает иные понятия: 1) «часовая стрелка» 2) «скорпион».

8. Черви

Понятие «червь» в лезгинском языке передается двумя самостоятельными исконными названиями: *квак* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) – *буьтIруьк* (орт., юх.). Обе основы исконные. Из дагестанских языков родственные основы сохранились в цахур.*кок* «личинка», лак. *кIвакIи, кьвачIи* «личинка в мясе», анд. *къекIа* «червь», авар. *къвекI* «шелковичный червь» [Хайдаков 1973: 11].

От самостоятельной исконной лексемы образуются производные наименования *къацы квак* (ахт.) «гусеница», букв. «зеленый червь»; *йемишзин квак* (ахт.) «плодожорка», букв. «фруктов червь»; *кIарасд квак* (джаб.) «короед», букв. «древесины червь» – *таран квак* (орт.) «короед», букв. «дерева червь».

В значении «короед» употребляются и другие описательные названия, образованные сочетанием названия дерева *тар* в форме генитива (*таран*) и самостоятельных исконных слов *цIарнах* и *нет*: *таран цIарнах* (юх.) «короед», букв. «дерева гусеница»; *таран нет* (ахт.) «короед», букв. «дерева вошь».

Для выражения двух разных понятий «человеческая аскарида» и «дождевой червь» используется одно название *шар*, общее для всех диалектных единиц лезгинского языка. Из дагестанских языков родственные основы сохранились в агульском (*шар* «глист»), табасаранском (*шар* «червь»), в лакском (*щира* «глист»), аварском (жал «червь») языках [Хайдаков 1973: 11].

Производными от этой лексемы являются *къве къил алай шар* (юх.) «человеческая аскарида», букв. «две головы имеющий червь»; *марфад шар* (юх.) букв. «дождевой червь», *куьлуь шар* (исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *чуьлуь шар* (ахт.) – *гъвечIи шар* (джаб.) «острицы», букв. «мелкий червь»; *чIехи шар*

(исп.) «собачий солитер», букв. «большой червь»; *йаргъи шар* (орт.) «солитер», букв. «длинный червь»; *йаргъи шар* (юх.) «бычий солитер», *йаргъи шар* (сал.) «собачий солитер», *къулу шар* (сал., юх.) «солитер», букв. «плоский червь»; *чIар алай шар* (юх.) «власоглав», букв. «волосы имеющий червь»; *джигерд шар* (орт.) «эхинококковый или собачий солитер», букв. «печени червь».

Название пиявки в литературном языке и диалектах *зили* (лит., зиз., орт., юх.) – *зали* (исп., сал.) – *зеле* (ахт., джаб.) и в других лезгинских языках табас. *зили*, *зуюлубь*, цахур.*зали*, крыз. *заъли*, хинал.*заъли* заимствовано, вероятно, из азербайджанского языка, ср. азерб. *зэли* (АРС). Слово иранского происхождения (САПС). В других дагестанских языках употребляется исконное название [Хайдаков 1973: 14].

С участием лексемы *зили* образуются описательные названия: *чуру зили* (орт., юх.) «пиявка ложноконская», букв. «дикая пиявка»; *къени зили* (юх.) – *къени зеле* (ахт., джаб.) «медицинская пиявка», *руфун кIан хъипи зили* (орт.) «медицинская пиявка», букв. «низ живота желтая пиявка».

9. Брюхоногие

Для названия улитка в лезгинском языке используется самостоятельный исконный термин *шуйкъуьнт* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *шкъинт* (ахт.). Из лезгинских языков основа представлена в табасаранском языке (*шаьнкъуьнт*) [Хайдаков 1973: 14]. Улитка без раковины в джабинском диалекте именуется *шейтIан*. Слово арабского происхождения, проникшее во многие дагестанские языки.

Раковина улитки в джабинском диалекте обозначается заимствованным из азербайджанского языка термином *къабых*.

Название улитки входит в различные сочетания: *кIвал алай шуйкъуьнт* (исп., орт.) «улитка с раковиной», букв. «дом имеющая улитка»; *гъер элей шкъинт* (ахт.) букв. «слизь имеющая улитка»// *кIвал алачир шкъинт* (ахт.) «голый слизень», букв. «дом не имеющая улитка»; *шкъинтзи кIвал* (ахт.) «ра-

ковина улитки», букв. «улитки дом»; *шкьуьнтди къаб* (юх.) «раковина улитки», букв. «улитки коробка».

10. Отражение названий животных в антропонимии

В лезгинском языке наблюдаются случаи отражения названий животных в антропонимике. «Основная причина появления подобной ономастики, – как отмечает И. Ю. Алироев, – уходит в глубины истории» к первобытнообщинному строю, к его древнейшей религии – тотемизму, т.е. преклонению перед животными, растениями, камнями и т.д. Тотемизм как пережиточная религиозная форма мировоззрения встречается почти у всех народов мира и сохраняется довольно долго и в религиях» [Алироев, Орлов 1978: 5].

В антропонимике лезгин больше всего отражаются имена крупных, сильных, красивых животных. В данной группе слов обнаруживается большой слой ономастики, связанной, в основном, с названиями диких животных и птиц. Наличие в языке определенного количества фаунизированных собственных имен И. Ю. Алироев и Б. А. Салаева объясняют тем, что «жизнь человека самым тесным образом связана с природой, с определенными видами животных, на которых он охотился, которых приучал и одомашнивал» [Алироев, Салаева 1983].

В преобладающем большинстве представленные в лезгинском языке антропонимы животноводческого происхождения, как и в других кавказских языках, имеют арабское, персидское и тюркское происхождение⁴:

Абубакар мужское имя (< араб. *абу* «отец»+араб. *бакар* «молодой верблюд»), букв. «отец молодого верблюда».

Аслан мужское имя (< тюрк. *аслан* «лев»).

Асланбег мужское имя (< тюрк. *аслан* «лев» + тюрк. *бек* «господин»).

Букар, Бекир мужское имя (< араб. *бакар* «молодой верблюд»).

⁴ Отметки о происхождении и значении некоторых приведенных слов взяты из работ И. Ю. Алироева и М. М. Орлова «Зоонимия народов Северного Кавказа». Грозный, 1978 и Э. Я. Сафаралиевой. Как тебя зовут? Махачкала, 1987.

Гъайдар мужское имя (< араб. *хайдар* «лев»).

Гъумай женское имя (< перс. *хумай* «птица счастья»).

Дурна женское имя (< тюрк. *дурна* «журавль»).

Жейран женское имя (< перс. *джейран* «горная лань, горная серна»).

Йунус мужское имя (< араб. *йунус* «голубь»).

Къазанфер мужское имя (< араб. *газанфар* «лев»).

Къафлан мужское имя (< араб. *кафлан* «тигр»).

Лачин мужское имя (< тюрк. *лачин* «сокол»).

Лифри мужское имя (< лезг. *лиф* «голубь» + антропонимический формант *-ри*).

Марал женское имя (< перс. *марал* «лань»).

Суна женское имя (< азерб. *сона* «фазан»).

Павус женское имя (< араб. *тавус* «павлин»),

Тарлан мужское имя (< перс. *тарлан* «сокол»).

Тутубике женское имя (< кумык. *туту* «попугай» + тюрк. *бике* «госпожа»).

Унейзат женское имя (< араб. *унайзат* «козленок», «козочка»).

Чубан мужское имя (< перс. *чабан* «пастух»).

Шагъабас мужское имя (< перс. *шахбаз* «сокол-лабакан»).

Шейрихан женское имя (< перс. *шер, шир* «лев» + тюрк. *хан* «хан»).

Ширали мужское имя (< перс. *шир* «лев»).

Эсед мужское имя (< араб. *асад* «лев»).

Эседуллагъ мужское имя (< араб. *асад* «лев» + араб. *аллагъ* «бог», букв. «божий лев»).

11. Словосочетания, устойчивые выражения, пословицы и поговорки, связанные с названиями животных

Адан гъилаьй кицли фуни къачудац (сал.) «Из его рук собака (даже) хлеба не возьмет».

Ажуз ламрал кьвед акьахда (исп.) «На беспомощного осла двое садятся».

Айал кьепІенамаз, дана эпенамаз вердишарна канза (ахт.) «Надо воспитывать ребенка, пока он в колыбели, а теленка – пока он на привязи».

Аллагь патал каџи кьифни кьадач (исп.) «Ради бога кошка даже мышки не поймает».

Ам кьика гелей верч хьти ава (ахт.) «Он себе места не находит от беспокойства», букв. «он как курица, которая хочет снести яйцо».

Анда заг кьика рухуз гугузва (ахт.) «Он стоит над душой, требует сделать что-либо безотлагательно», букв. «он заставляет меня снести яйцо».

Агьуларин сев хьтинди (юх.) «Ленивый, неповоротливый человек», букв. «как медведь агульцев».

БалкІанд тІветІ акатай лам хьиз ава (юх.) «Он подвижен и неспокоен», букв. «он как осел, на которого сел лошадиный овод».

Ада тІветІ авуна (юх.) «Он побежал быстро», букв. «он муху сделал».

Вакā чІар акьатна (ахт.) «Выпала шерстинка из кожи свиньи» (т.е. получить что-либо у скупого).

Верчер санбар хьайи кьур уькІуьда (зиз.) «Все хорошо в меру», букв. «насест, на котором много кур, падает (от тяжести)».

Ви шиврез не лем лагьана? (джаб.) «Кто тебя обидел?», букв. «твоего сказочного коня кто назвал ослом?»

Вичин тІеквенда кьифни аслан я (сал.) «В своей норе и мышь подобна льву».

Виш балкІан авайди са тІвалуниз муьгьтаьж жеда (сал.) «Имеющий сто лошадей будет нуждаться в одном кнуте».

Вирт гьйдаи чІиж йаргьамаз чир жеда (исп.) «Медоносную пчелу можно узнать издали».

Вун гьинавай лелев йа? (юх.) «Кто ты такой?» (пренебрежительно) букв. «ты откуда взялся такой шакал?»

Вун кIазуз фидай гъуьлаьгъ хъыз ава (юх.) «Ненасытен, как змея, которая собирается уходить в спячку» (перед тем, как уходить в спячку, змея много ест).

Вун сикI йатIа, зун тум йа (юх.) «Если ты лиса, то я её хвост».

Гишин вечрез ахварай цуькI аквада (сал.) «Голодной курице во сне про-со снится».

Гъуьлаьгъзи мез кивей (ахт.) «Злой язык», букв. «змеиный язык имеющий».

Гъуьлаьгъ акур кьиб хьтинди (юх.) «Оказаться в растерянности», букв. «как лягушка, увидевшая змею».

Деве Мекедиз финалди адакай гъажи жедач (исп.) «От того, что верблюду пошел в Мекку, он святым не станет».

Деведин гъи чка дуьз йа гардан дуьз жез (исп.) «Какое место у верблюда ровное, чтобы шее быть ровной».

Делидан ламни делиди жеда (сал.) «У сумасшедшего и осел бывает сумасшедшим».

Данайри тIветI авуна (юх.) «Телята побежали быстро», букв. «телята муху сделали».

Жанатурзал хеб тапшырмишна (ахт.) «Поручил волку овцу».

Зилидив хъыз экъуьчиз тада за вав (юх.) «Я заставлю тебя отвечать за свои поступки», букв. «Я тебя, как пиявку, заставлю вырвать».

Зирек сикI фаз ракъарыз аватза (ахт.) «Бойкая лиса быстро в капкан попадает».

Инсан чиниз килигда, гъайван гъилиз (исп.) «Человек смотрит в лицо, а животное – на руки»,

Ийеси авай кицI дири жеда (сал.) «Собака, у которой есть хороший хозяин, бывает смелой».

ИчIи гъилиз кицIни килигзач (ахт.) «На пустую руку даже собака не по-смотрит».

Иландизни хандиз далу йамир (исп.) «Не надейся на змею и хана».

Иланди йагъайдаз йетинихъайни кичӀе жеда (исп.) «Ужаленный змеей и веревки боится».

Йана квак эвейзи (ахт.) «Упрямый человек», букв. «в ушах червь имеющий».

ЙегӀаъзей жынга хъти килигзава (ахт.) «Смотрит как бык, который хочет бодаться».

Йетим хвейд киме хъана, дана хвейд – чӀиме (зиз.) «Воспитавший сироту оказался на улице, а смотревший за теленком, купается в масле».

Катра улар (ахт.) «соколиные глаза» (красивые глаза).

Кецин кести къушар къын йе (ахт.) «Занятие кошки – ловить мышей».

Кецих галаз йулдаш йыхъ, амма гъилӀъ лаш акъудмир (ахт.) «С кошкой дружи, но палку из рук не выпускай».

Кек хъти чиныз экъифзава (ахт.) «Как петух, бросается в глаза».

Кецин шенӀи хътин (ахт.) «Нездоровый, худой», букв. «как котенок».

КицӀ вацӀу тухудан? (зиз.) «Собака не утонет в реке».

КицӀи кицӀин йак уънезач (ахт.) «Собака не ест собачье мясо» (о верности).

КицӀи кӀвалин къаравул йа (зиз.) «Собака – сторож дома».

Кал кӀвелин былах йа (джаб.) «Корова – домашний родник».

Кал къацазалзи кӀушиц хӀазыр эйе (ахт.) «До покупки коровы подготовь телятник».

Кал къвалахъагъ ацада, цӀегъ къалыхъагъ (джаб.) «Корову доят сбоку, козу – сзади».

Курамалти дугъруза (ахт.) «Очень честен, правдив», букв. «как уж безобиден».

Къайи къиб хътинди (юх.) «Безразличный, холодный человек», букв. «как холодная лягушка (человек)».

Къиб хъиз къазунда за вун (юх.) «Я быстро расправлюсь с тобой», букв. «Я с тебя, как с лягушки, сдеру шкуру».

Къиб хъиз къуразва цихъ (юх.) «Сильно жаждать пить», букв. «как лягушка сохнет из-за воды».

Къиб хъиз къурурда за вун (юх.) «Я тебя растерзаю», букв. «я тебя, как лягушку, высушу».

Къиб къвалак кваз фена уьмуьр (юх.) «Жизнь прошла без любви», букв. «жизнь прошла, имея лягушку под боком».

Къиб туькъуьмай гъуьлаьгъ хътинди (юх.) «Толстый с большим животом человек», букв. «Как змея, проглотившая лягушку (человек)».

Къен фей шар хътинди (юх.) «Худой слабый человек», букв. «Как аскарида после поноса».

Къирхайагъ хъиз къулу-къулухъди фида хъи вун (юх.) «Человек, который все делает наоборот», букв. «Ты ведь, как рак, идешь назад».

Къуьр вилер ахъайна ксуда (исп.) «Заяц спит с открытыми глазами».

Къипрез вичин уьрелā багъа зад авач (ахт.) «Лягушке нет ничего дороже своего пруда».

Къунишидин кицIи къуниши къадач (исп.) «Соседская собака не укусит соседа».

Къунишидин верч къаз хъиз аквада (сал.) «Соседа курица кажется гусем».

Къуьр тегIаьнмаз гъажгъан къулал эцигмир (ахт.) «Пока не убил зайца, кастрюлю на огонь не ставь».

КъачIарагзи хъти атIуза (ахт.) «Кусает больно», букв. «Как скорпион режет».

Къве хзандикай хкатай чIагъ хъиз амукъна (зиз.) «Остался невезучим», букв. «Остался, как галка, оторвавшаяся от двух семей».

Къенерар чинихейда палканни чинихза (ахт.) «Кто украдет недоуздок, тот и лошадь уведет».

Къве къуър са тфендыг йагІан (джаб.) «Убить двух зайцев одним ружьем».

Къве кицІ кыкызейла вун йаргъязыхъ (ахт.) «Когда дерутся две собаки, ты отстранись».

КІвалин угъридал кицІ элукъдач (сал.) «На домашнего вора собака не лает».

КІуф гъуьчІре кІуф хъиз акъваздач (юх.) «Ненасытный», букв. «Рот, как рот моли, не отдыхает».

Ламралā аватей хъти хъана (ахт.) «Оказался в дураках, сел в галошу», букв. «Почувствовал так, будто упал с осла».

Лиф хътин инсан (ахт.) «Спокойный, степенный человек», букв. «Как голубь человек».

Ламраз руьхъ, жейрандиз цуьк (исп.) «Ослу – зола, джейрану – цветы».

Лекъ акур верчер хъиз катна (сал.) «Разбежались, как куры, которые увидели орла».

Леэн хъайила, балкІан жигъида (исп.) «Если есть подкова, то лошадь найдется».

Масадан балкІандал акъахайди фад эхвичІда (сал.) «Севший на чужую лошадь быстро сойдет (с нее)».

Нехир хкведач лугъуз йугъ наьни жедачни (зиз.) «Разве вечер не наступит от того, что стадо не возвращается».

Пехъре хабарар гава (ахт.) «Печальную, горестную весть сообщает», букв. «Вороны весть есть».

Севре кІвачар (ахт.) «Толстые, широкие ноги», букв. «Медвежьи лапы».

Сев хътин инсан (ахт.) «Неповоротливый человек», букв. «Как медведь человек».

Сенкъеран катра хъиз йана валлагъ (юх.) «Быстро и неожиданно женился», букв. «Ей-богу, как сокол Сенкера, сорвал».

СикІ фейи патахъ тумни фида (зиз.) «Куда лиса, туда и хвост»,

Сивиг кьуьраьр кьазва (ахт.) «Ловит зайцев ртом».

Тарун хьиз хьиткьинда (юх.) «Лопнет, как таракан».

Тух каци кьиф кьадач (исп.) «Сытая кошка мышей не ловит».

ТветI йакIув агудмир, айал цIув (исп.) «Не подпускай муху к мясу, а ребенка – к огню».

Хпен хам алай жанавур (сал.) «Волк в овечьей шкуре».

Хьипрен сирнав (ках.) «Плавание, отталкиваясь одновременно обеими руками и ногами», букв. «лягушки плаванье».

Цин кьиб хьтинди // цин хьипре жуьре йа букв. «Как водяная лягушка»
// «водяной лягушки один из видов» (о человеке чистоплотном и о человеке, который пьет много воды).

Цуьрнуьгьриз хух йагьун вакIавай чир жеда (исп.) «Поросята хрюкать научились от свиньи».

Чарадан иви хьвадай зили (ках.) «Человек, эксплуатирующий другого, пользующийся плодами, результатами чужого человека», букв. «Чужую кровь пьющая пиявка».

Чубарукди муг кIвалера ийида (сал.) «Ласточки вьют гнезда в домах».

Чубандин мес лит, хьуьцуйганни чанта йа (сал.) «Периной для пастуха служит войлок, а подушкой – переметная сума».

Йа хуьре хала авач, йа нехирда дана (сал.) «Одинокий человек, сирота», букв. «В селении нет ни тети, в стаде нет ни теленка даже».

Йад рагьулармир цIегь «Не мути воду, коза».

Йак алаштIа, кIарабар сагь хьый (ахт.) «Будь здоров», букв. «Если нет мяса, то пусть кости будут здоровы».

Йа йак хьурай, йа йак кьван дуркIун (исп.) «Или мясо пусть будет, или с кусок мяса величиной почки».

ГЛАВА III

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

(Земледелие и названия растений)

«Кавказ, по определению Н.И.Вавилова, является одним из древнейших мировых очагов земледелия, ставших родиной важнейших культурных растений – пшеницы, ячменя и ржи, а также большого количества плодовых культур» [Вавилов 1965].

Растительный покров Дагестана с его сильным расчлененным рельефом, разнообразным климатом и сложным геологическим строением представляет удивительное богатство и разнообразие. Особенно многочисленны плодовые и травянистые культуры. Основными отраслями хозяйственной деятельности народов Дагестана, как и других народов Кавказа, являлись полеводство, садоводство, огородничество, животноводство, домашние ремесла и т.д.

Растения играют важную роль в жизни людей, в их хозяйстве, пище, народной медицине и т.д. Они имели широкое употребление и в жизни лезгин, многие применяются и сейчас: *серг* «чеснок», *чичлек* «лук», *кьубл* «пшеница», *сил* «рожь», *мух* «ячмень» и т.д.

Разнообразие естественно-географических и климатических условий способствовало развитию у лезгин таких отраслей хозяйства, как земледелие, скотоводство, огородничество, животноводство, шелководство, мареноводство и т.д.

Названия растений, как и названия животных, частей тела человека, одежды, терминов родства и т.д. относятся к наиболее древнему слою словарного фонда лезгинского языка. О древности названий растений в лезгинском языке свидетельствует тот факт, что они широко употребляются в устойчивых выражениях типа: *севре рикел нарар акьалтна* (ахт.) «Медведь захотел покушать что-то необычное» (букв. «медведю в голову взбрело поест гранат»); *туьтуьнай хьвадай яд аквадай руш* «красивая девушка» (букв. «в горле пьющая вода виднеющаяся девушка»); *никлерал жанавурдин ранг акьалтна* «ни-

вы окрасились в волчий цвет (хлеба достигли молочно-восковой спелости)»; *сулуф авун* «переборщить, перегнуть палку» (букв. «нелущенное зерно риса делать»). Это же подтверждается наличием у лезгин старинных земледельческих обрядов и праздников: *Яран сувар* «праздник весны», *КIару* «праздник черешни», *Пешанай* «обряд по вызыванию дождя», *Гуьнуь* «обряд по вызыванию солнца при обильных дождях», а также старинного земледельческого календаря.

«Широка и многообразна роль растительного мира у лезгин. С давних времен лезгины используют в хозяйстве, пище, народной медицине и др. разнообразные дикорастущие и культурные растения. Естественно поэтому в лезгинском языке наличие богатой терминологии, связанной с названиями растений. Особенно многочисленны названия плодовых и травянистых культур. Беднее в лезгинском языке представлены названия цветов» [Мейланова, Ганиева 1989: 5]. Лезгинский язык богат и названиями хлебных растений. Почти все основные виды хлебных злаков имеют местные названия и являются древними культурами.

Наряду с животноводством одной из ведущих отраслей хозяйственной деятельности не только народностей лезгинской группы, но и других народностей Дагестана является земледелие. Между тем, по утверждению Н. А. Брегадзе, «вопрос возникновения и развития земледелия занимает значительное место в изучении истории культуры» [Брегадзе 1963: 3].

Б.А.Калоев пишет, что «Северный Кавказ – часть древнего кавказского очага земледелия, он богат археологическими находками орудий труда и остатков зерновых злаков различных исторических периодов. Возникновение земледелия на Северном Кавказе относится ко второй половине III тысячелетия до н.э., что подтверждается находками из Далининского поселения (Кабардино-Балкария) и раскопками на территории г.Нальчика. Это следующие орудия земледелия: кремневые вкладыши, обломок каменной мотыги, зерно-

терки, теречники и плиты» [Калоев 1981 : 6]. Сказанное Б.А. Калоевым подтверждается и находками дагестанских археологов.

Как отмечают археологи, «пашенное земледелие в Дагестане возникло в III тысячелетии до н.э., о чем свидетельствуют обнаруженные на Каякентском поселении отпечатки чешуек твердой пшеницы, а на Мекегинском – зерен голозерного ячменя. Но наиболее ценные и интересные находки злаков выявлены в Гильярском поселении (на территории лезгин), где в раздавленном сосуде обнаружены обуглившиеся зерна твердой и мягкой пшеницы, голозерного и пленчатого ячменя и даже льна» [История Дагестана 1967:46]. Найденные во многих частях Дагестана «каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши серпов, каменные мотыги, отпечатки зерен на обложках керамики, относящиеся к первой половине II тысячелетия до н.э., а также остатки так называемой каякентско-хорочоевской культуры, датируемой началом первого тысячелетия до н.э. свидетельствуют о древности земледельческо-скотоводческого типа хозяйства народов Дагестана, в том числе и лезгин [Котович 1961а :282; 1961б : 107; Пикуль 1961: 158 и др.].

Земледелие народов Дагестана в том числе и лезгин получило достаточно полное освещение также в исторической и этнографической литературе [Хашаев 1959; Рамазанов, Шихсаидов 1964; Сергеева 1967; Гаджиева, Османов, Пашаева 1967; Булатова 1971; Рамазанов 1972; Агларов 1974; Агаширинова 1978].

«Земледелие, – как отмечает М. В. Кантария, – является одним из ведущих отраслей хозяйства и на Кавказе. Новые данные специальных исследований проливают свет на длительную историю развития земледелия на Кавказе, на его локальные и общие характерные черты» [Кантария 1965: 3].

Для земледелия лезгинами занята территория трех природно-географических зон: предгорная, горная и высокогорная.

По свидетельству С. С. Агашириновой, «в горных районах издавна резко ощущался земельный голод. Лезгинское население горной части Дагестана

использовало сколько-нибудь пригодные участки земли. Обрабатывали склоны, прилегавшие к горным уступам, курганчики, даже каменистые скаты, и путем натаскивания плодородной земли, а затем и удобрения этих участков создавали террасовое земледелие» [Агаширинова 1978: 24].

Террасовое земледелие уходит в далекое прошлое народов Дагестана. Этот вид земледелия нашел подробное отражение в исследованиях этнографов [Никольская, Шиллинг 1952; Агларов 1964; 1979; Гаджиева, Османов, Пашаева 1967:20-21; Агаширинова 1978:24].

Малоземелье было присуще не только народам Дагестана, но и жителям других горных районов Кавказа. В. П. Кобычев отмечает, что до Великой Октябрьской революции этнографическое положение коренного населения Кавказа, обитавшего в горных районах, характеризовалась крайним малоземельем. К числу наиболее безземельных народов края принадлежали горцы Северного Кавказа – осетины, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и большинство народов Дагестана [Кобычев 1971: 9].

Основными зерновыми районами лезгин были Гюнейский участок Кюринского округа, Кубинский и Кусарский районы Азербайджана. Недаром самурские лезгины называли кубинских лезгин «фуан чувалар», букв. «хлебные мешки» [Агаширинова 1978: 26].

Наряду с земледелием и животноводством, - пишет С.С.Агаширинова, - лезгины издавна занимались садоводством в горах и на равнине. Особенно было развито садоводство у жителей речных долин, где климатические условия наиболее благоприятствовали развитию этой отрасли хозяйства. В Ахтах, Касумкенте, Мискинджа, Магарамкенте и т.д. выращивали различные сорта груш, яблок, персиков, абрикосов, слив, тута, вишни» [Агаширинова 1978:42].

Огородничество у лезгин было развито недостаточно, но и здесь произошли положительные сдвиги. Местные жители под влиянием русских переселенцев впервые начали разводить помидоры, свеклу, картофель. Жители

Дагестана с 90-х годов XIX века начали с успехом возделывать картофель [Рамазанов, Шихсаидов 1964:234].

Безусловно, сельским хозяйством лезгины, как и другие народы Дагестана, занимались активно и на протяжении последующих периодов истории вплоть до наших дней.

1. Земледельческая терминология

Земледелие является древнейшим занятием народов Дагестана. Как отмечает С.С.Агаширинова, «первые зачатки земледелия относятся к концу неолита, а в энеолитическую эпоху и в эпоху бронзы эта отрасль получает свое дальнейшее развитие» [Агаширинова].

Характер земледелия в Дагестане во многом определялся природными условиями. Именно благодаря благоприятным климатическим условиям жители Дагестана имели возможность сеять важнейшие хлебные злаки, широко разводить, особенно на равнинной, предгорной, а в некоторых случаях и в горной части, сады и огороды.

Земледельческая лексика имеет большое значение для изучения истории и культуры лезгин. Она позволяет определить вклад народа в развитие материальной и духовной культуры лезгин.

Терминология сельского хозяйства, так же как и другие области отраслевой лексики лезгинского литературного языка и диалектов, остается все еще слабо разработанной областью. Необходимо отметить, тем не менее, что некоторые названия растений нашли свое отражение в совместной статье У.А.Мейлановой и Ф.А.Ганиевой [1989], посвященной фономорфологическому и семантическому анализу названий деревьев и кустарников в лезгинском языке, в статье Ф.А.Ганиевой, в которой дается морфологическая и семантическая характеристика травянистых растений в лезгинском языке, а также в небольших статьях Б.Б.Галибова [1989], Э.М.Шейхова [1989], Г.А.Гаджиева [1989] и Т.М.Алиджанова [2003], посвященных истории образования названий деревьев в дагестанских языках, словообразовательным мо-

делям названий растений в лезгинском языке, названию руты и образованию некоторых терминов земледелия в лезгинском языке.

Первые сведения о терминах земледелия и названиях культурных и травянистых растений встречаются в монографии Р.И.Гайдарова «Лексика лезгинского языка» [1966], а также в некоторых сравнительных и сопоставительных исследованиях по дагестанским языкам. Специально рассматриваются и анализируются некоторые названия культурных и травянистых растений в лезгинском языке в научных публикациях У.А.Мейлановой, Б.Б.Талибова, Ф.А.Ганиевой, Э.М.Шейхова, Г.А.Гаджиева, Т.М.Алиджанова и Гусейновой М.Ш.

В совместной статье У.А.Мейлановой и Ф.А.Ганиевой «Характеристика наименований деревьев и кустарников в лезгинском языке» [1989:5-15] сделана попытка выделения структурной модели образования названий деревьев и кустарников в лезгинском языке и его диалектах и говорах. Авторами установлено, что лезгинский язык обладает разветвленной сетью названий деревьев и кустарников, многие из которых восходят к общелезгинскому и общедагестанскому хронологическому уровню, что свидетельствует о древности знакомства лезгин с множеством реальных растительного мира и давности истории множества культурных растений у лезгин. Выделены названия деревьев и кустарников иноязычного происхождения. По словам авторов, заимствуются прежде всего названия плодовых культур, не растущих в Дагестане и ранее неизвестных дагестанцам.

В статье Ф.А.Ганиевой «Морфологическая и семантическая характеристика травянистых растений в лезгинском языке [1989:44-50] на большом фактическом материале подвергаются анализу травянистые растения в лезгинском языке в сопоставлении с говорами и диалектами лезгинского языка. В структурном отношении травянистые растения подразделены на простые (непроизводные), производные, сложные и составные, из которых последние составляют самую большую группу травянистых растений. По семантике ком-

поненты моделей образования травянистых растений разнообразны: они обозначают цвет, вкус, названия частей тела человека и животных, сходство с чем-либо и т.д. Здесь также, как и в названиях деревьев и кустарников, выделены основы общедагестанского, общелезгинского и собственно лезгинского лексического фонда. В данной группе лексем заимствованных слов значительно меньше, и, в основном, они тюркского происхождения.

Характеристике зерновых и огородных культур посвящены еще две статьи Ф.А.Ганиевой [2004:52-55;59-60].

Словообразовательные модели названий съедобных трав в лезгинском языке рассматриваются в статье Э.М.Шейхова [1989:102-106]. Автор названия съедобных и лекарственных трав в лезгинском языке структурно делит на простые [непроизводные], производные и сложные. К сожалению, автор в статье не дает перевода на русский язык названий съедобных растений.

Названия дерева в некоторых дагестанских, в том числе и лезгинских, языках рассматривается в небольшой статье Б.Б.Талибова [1989:90-91]. Основу *тар* «дерево» многие дагестановеды [С.М.Хайдаков, Г.Х.Ибрагимов, М.Е.Алексеев] считают общедагестанской, а Б.Б.Талибов по генезису данную основу связывают с индоевропейской и по мнению автора, она проникла в лезгинский язык, по всей вероятности, непосредственно из армянского языка [1989:91].

Фитониму *гьармулаяр* «рута» у самурских лезгин посвящена статья Г.А.Гаджиева [1989: 127-129]. По мнению автора, данное название в лезгинском языке является заимствованным из латинского, *гьармала* (лат. *Peganum harmala*).

Аффиксальному способу образования земледельческой лексики лезгинского литературного языка посвящена небольшая статья Т.М.Алиджанова [2003].

Анализ вышеназванных статей показывает, что земледельческая лексика в лезгинском языке изучена в общих чертах. Поэтому необходимость подроб-

ной разработки и травянистых растений со всеми тематическими группами и их подгруппами очевидна.

1.1. Названия земли, почвы

В литературном лезгинском языке и диалектах для обозначения понятия «земля» используется исконный термин *чил*. Термин *чил* является полисемантическим: он обозначает 1) «земля»; *къурамаат чил* «богарная земля», *къел квай чил* «солончак», *хам чил* «целина» 2) «суша»; *гьуълубкай чил яргъа ава* «суша далеко от моря» 3) «мир, свет, вселенная»; *са члелни вун хътин инсан жеч* «во всем мире не сыскать такого человека, как ты» 4) «родина, родная земля»; *хайи чил* «родина».

Верхний плодородный слой земли в литературном лезгинском языке и его диалектах называется исконным термином *накъв*: *чIулав накъв* «чернозем» (букв. «черная земля»), *къум квай накъв* «песчаная почва» (букв. «песок имеющая почва»), *яру накъв* «краснозем».

Лексема *накъв* имеет также значение «родина»: *зун зи накъвадал хутах къейила* «после смерти меня повези на родину». Термин *накъв* выступает как синоним лексемы *чил*.

Оба термина *чил* и *накъв* являются древними и исконными, что подтверждает сохранение этих названий и в других дагестанских языках, ср., с одной стороны, лезг. *накъв* – авар. *ракъь*, гинух. *ракъ*, гунз. *ракъь*, арчин, *накъв*, табас. *накъв* «могила», агул. *накъьв*, рутул. *накъв*, цахур. *накъв*, криз. *къум*, будух. *йонокъ* и, с другой стороны, лезг. *чил* «земля» – цахур. *чIийе*, хиналуг. *инчи*, цез. *чIедо*, хварш. *чIида* [СИЛДЯ 1971: 186].

Общелезгинской основой является *накъв*, которая хорошо сохранилась в арчинском, табасаранском, рутульском, цахурском языках и с незначительными изменениями в агульском и будухском. В языках аварской группы наблюдаем делабиализацию исходного **къв* [Талибов 1980: 239].

Исконная лексема *чил* < **джил* хорошо сохранилась во многих лезгинских языках: лезг. *чил*, табас. *джил*, агул. *джил*, рутул. *чил*, цахур. *чIийе*, хина-

луг. *инчи*. Б. Б. Талибов отмечает, что в цахурском и хиналугском языках конечный согласный основы *л* утрачен: цахур. *чIийе* < *чIиле* < *чIил* < *чил* < **джил*, хиналуг. *инчи* < *ичи* < *чийел* < **чил* [Талибов 1980: 257].

Все земельные угодья лезгин делятся на несколько видов:

а) Пашни: *ник* > *никIер* (исп., сал., нют., ках.) *ник* > *никер* (ахт., джаб.). Термин *ник* является простой самостоятельной исконной лексемой. Он употребляется в литературном языке и диалектах без особых изменений в звучании и семантике. Фонетические изменения наблюдаем только при словоизменении. При словоизменении конечный придыхательный заднеязычный глухой смычный *к* в диалектах кюринского типа переходит в смычно-гортанный *кI* (*ник* – мн. ч. *никIер*), а в диалектах самурского типа конечный придыхательный *к* переходит в непридыхательный *к* (*ник* – мн.ч. *никер*) [Мейланова 1964: 332].

Понятие «пашня» обозначается также и описательным термином *цазвай чилер* (исп., сал., нют., ках.) – *цазвей чилаьр* (ахт.) – *цазвай чилер* // *къени чIы-рар* (джаб.). Первая часть этого названия выражена причастием *цазвай* «пашущий, пахотный», а вторая часть исконным словом *чил* в форме множественного числа. В джабинском диалекте самурского наречия используется также другое название, состоящее из имени прилагательного *къени* «культивированный» + *чIырар* «пашни».

б) Сенокосы: *векьин чкаяр* (исп., сал., нют., ках.) – *векьин чакайар* (ахт., джаб.). Название «сенокосы» образовано сочетанием имени существительного в родительном падеже *векьин* < *векь* «трава» и определяемого *чка, чака* «место» в форме множественного числа *чкайар, чакайар*.

в) Леса: *там, тамар* – мн.ч. (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Лексема простая непроеводная. Происхождение неясно.

г) Пастбище – *чIур* (исп., сал., нют., зиз., орт., юх., ках.) – *чIыр* (ахт., джаб.). Слова различаются только фонетически. Общелезгинская основа, ср.: агул. *чIур*, табас. *чIур* [Хайдаков 1973: 72].

Для выражения понятия «пастбище» используется также термин *чуьл* (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Слово *чуьл* тюркского происхождения. В лезгинский оно перешло, по-видимому, из азербайджанского языка, ср. азерб. *чоьл* (РАС). Слово *чуьл* означает также «поле»: *айалри чуьлда цуьквер кIватIзава* «дети в поле собирают цветы».

д) Сады: *багъ*, *багълар* – мн.ч. (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Лексема усвоена из иран. языков, ср. перс. *багъ* [Селимов 2001:63]. Встречается она во всех диалектных единицах лезгинского языка без изменений в звучании и семантике.

Полевые участки имеют различные наименования, характеризующие их с различных сторон:

а) Названия полей, данные им по имени их владельца: *Дуьгуюшан ник* (исп.) «поле Дюгюша», *Алисултанан ник* (исп.) «поле Алисултана», *Гъуьсенан ник* (исп.) «поле Гусейна», *Манафан ник* (нют.) «поле Манафа», *Джаватан ник* (нют.) «поле Джавада», *Мегъераман ник* (нют.) «поле Магарама», *Къайибханан ник* (нют.) «поле Кайибхана», *Исифан ник* (джаб.) «поле Юсуфа», *МехIаьмедан ник* (джаб.) «поле Магомедана», *Ханбытайан ник* (джаб.) «поле Ханбутая» и др.

б) Названия полей, связанных с местом их расположения. Они образованы по модели: топонимическое название + *ник* «поле»: *МеркIидихъ галай ник* (ках.) «поле, расположенное за коньоном реки Курахчая» (букв. «поле за Мерки»), *Къелегъал алай никIер* (ках.) «пашни на Келеге», *Вегъревай никIер* (ках.) «пашни на Вегре», *гъунедавай никIер* (ках.) «пашни, находящиеся на солнечном склоне», *пелеллай никIер* (исп.) «пашни находящиеся на вершине горы», *Чуквар кIулах галай никIер* (исп.) «пашни за Чукарком», *Эргед квай никIер* (нют.) «пашни, находящиеся на спуске Эрге», *Калаллай никIер* (нют.) «пашни, находящиеся на Кале», *КъветIерук квай никIер* (нют.) «пашни, находящиеся под Кветом», *къилеллай никIер* (нюг.) «пашни, находящиеся на вершине», *шыраналлай никIер* (джаб.) «пашни, находящиеся на Шыре», *Сийирил-*

лай никкер (джаб.) «пашни, находящиеся на Сийире», *Касанзавай никер* (ахт.) «пашни, находящиеся в Касане», *Шытканзык кивей никер* (ахт.) «пашни, находящиеся в Шткане»,

в) Названия полей с различной оценочной характеристикой: *нуькIре булахдин ник* (исп.) букв. «поле родника воробья», *винеллай кьалар* (исп.) «пашни, находящиеся вверху», *хьипер квай никIер* (ках.) «поле, в котором лягушки», *кьаджгъандин кьилеллай никIер* (ках.) букв. «пашни, находящиеся над кастрюлей», т.е. «пашни, находящиеся вверху», *пIурен никIер* (исп.) букв. «поля святых», *хьуьтуьл накьвад ник* (нют.) «пашня с мягкой землей», *гьуьлягъар авай ник* (нют.) «пашня, в которой змеи водятся», *мискIинд никIер* (нют.) «мечетские поля», *кпыл йад авай ник* (джаб.) «поле, в котором вода от ревматизма», *уьчIуь былах авай ник* (джаб.) «поле, в котором соленый родник», *былах элей ник* (ахт.) «поле, в котором есть родник» и др.

г) Названия, образованные от наименований тех культур, которыми засеяны поля, по модели: название культуры, которым засеяно поле, в родительном падеже + *ник* «поле»: *кьуьлуьн ник* (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.) «пшеничное поле», *мухан ник* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *мухан ник* (ахт., джаб.) «поле, которое засеяно ячменем», *силин ник* (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.) «ржаное поле», *цукIуьн ник* (исп., сал., нют., ках.) – *цукIуьн ник* (ахт.) – *чуькIуьн ник* (джаб.) «поле, которое засеяно просом» и др.

д) Названия полей, связанные с мерой засеваемой культуры: *вад путан ник* (исп., сал., нют., ках.) – *вад пытан ник* (ахт., джаб.) «поле, которое засеивается пятью пудами зерна», *кьуд рипед чка* (исп., сал., нют., ках.) – *кьуд рипед чка* (ахт.) – *кьуд рипед чака* (джаб.) «поле, засеиваемое четырьмя руба зерна» (рипе = 81,90 кг.).

1.2. Термины, связанные с уходом за землей

Земля требовала большого ухода и работы. Для получения хорошего урожая землю тщательно обрабатывают: удобряют, пахут, поливают и т. д.

а) Названия удобрений:

Навоз: *кьук* (исп., сал., ках., нют.). В ахтынском и джабинском диалектах зафиксированы совершенно иные термины *жуд* – мн.ч. *жутар*; (ахт.) *вид* – мн.ч. *виттер* (джаб.), которые в селениях Испик, Салиян, Нютюг и Кахцуг используются для выражения понятия «навоз крупного рогатого скота». Исконная основа.

Навоз крупного рогатого скота: *фид*, мн.ч. *фиттер* (исп., сал., ках.); *хьуд*, *хьуттер* (нют.); *жуд*, *жуттар* (ахт.) «навоз»; *вид*, *виттер* (джаб.) «навоз». При словоизменении наблюдаем характерное для лезгинского языка оглушение ауслатного звонкого смычного *д* и переход его в интервокальной позиции в преруптив *т* [Талибов 1960, 1980: 64-66, 224-225].

Из всех форм приведенного термина *фид*, *хьуд*, *жуд*, *вид* наиболее архаичным является форма нютюгского говора яркинского диалекта *хьуд*, зафиксированная в таком звучании и в монографии У. А. Мейлановой [Мейланова 1964: 70]. Здесь лабиализация исходного *хьв* перешла на соседний гласный: *хьвид* > *хьуд*, а в остальных диалектных единицах лезгинского языка заднеязычный лабиализованный спирант *хьв* распался. Затухание заднеязычного элемента в комплексе *хьв*, как справедливо замечает Б. Б. Талибов, привело к тому, что элемент лабиализации *в* трансформировался в губно-губной глухой спирант *ф* [Талибов 1980: 246], а в ахтынском и джабинском диалектах в *ж* (*жуд*) и *в* (*вид*). Генетически родственные основы представлены в: авар. *хьил*, ахвах. *шили*, карат. *шила*, чамал. *ши*, ботл. *шили*, годоб. *шили*, арчин. *лъльвит*, лезг. *фид* (*хьуд* нют., *жуд* ахт., *вид* джаб.), агул. *фурд*, табас. *уршъил*, рутул. *хьид*, цахур. *хьид*, крыз. *хьид*, хиналуг. *пи*. Исходной формой этих лексем специалисты считают **лъвид* [СИЛДЯ 1971: 175-176].

Как отмечено в специальной литературе, исконная основа подверглась значительным изменениям. В языках аварской группы исторический **лъв* > *хь* > *ш*, а в языках лезгинской группы **лъв* > *хьв* > *хь* > *ф*, *шь* [СИЛДЯ 1971: 175].

По мнению Б. Б. Талибова, изменению подвергся и конец этой лексемы. В языках аварской группы исходный *ɔ* перешел в *л*, в чамалинском *л* выпал совсем. В большинстве лезгинских языков хорошо сохранился исходный *ц* (лезг., агул., рутул., цахур., крыз.), а в хиналугском языке он утрачен: *пи < хьи < хьвид* [Талибов 1980: 172].

Для обозначения названия «навоз крупного рогатого скота» в ахтынском, джабинском и в других диалектах лезгинского языка употребляется также термин *лак*. В. И. Абаев предполагает, что это слово кавказского происхождения: ср. сван. *лекъ* «дрянь», «дерьмо», авар. *рак* «навоз» [Абаев 1972: 39].

Навоз мелкого рогатого скота – *гимре* (исп., сал., нют., ках.) – *камра* (ахт., джаб.). Слово тюркского происхождения, ср. азерб. *gärmä* [Селимов 204-109]. В ахтынском и джабинском диалектах произошло характерное для диалектных единиц самурского типа оглушение звонкого смычного в начальной позиции слова [Мейланова 1964: 368; Талибов 1980: 64-70].

Зола – *руьхъ* – мн.ч. *руьхъвер* (исп., сал., нют., ках.) – *руьхъ* – мн.ч. *руькъвер* (ахт., джаб.). Конечный согласный *хъ* в диалектах кюринского типа при словоизменении остается без изменений, а в ахтынском и джабинском диалектах перешел в интервокальной позиции в ударном слоге в преруптив *къ*. Это характерное для лезгинского языка фонетическое явление [Талибов 1980: 182].

Термин *руьхъ* «зола» общелезгинского происхождения. Сохранился он без особых изменений в табас. *руьхъ*, агул. *руьхъ*, рутул. *рулхъ*, цахур. *йилхъ*, крыз. *ралхъ*, будух. *рехъ*, хинал. *зекI*, арчин. *дикъ*, удин. *икъ*. Исходным согласным в этих словах Б. Б. Талибов считает **къ*, который перешел в *хъ*, *къ*, *кI*, *къ* [Талибов 1980: 309].

Птичий помет – *тлекъ* – мн.ч. *тлекъер* (исп., сал., нют., ках.) – *тIe^hкъ* – *тIe^hкъер* (ахт., джаб.). Исконная лексема.

Существовал также один способ удобрения земли, который заключался в том, что «на пашню специально пускали скот, особенно овец и коз, не только на день, но иногда и на всю ночь под наблюдением пастуха. Этот способ обработки поля назывался у лезгин *мал ацукъарун*, что в дословном переводе означает «посадить скот». Скот «сажали» на удобных пашнях, а крутые пологие места удобрялись навозом» [Агаширинова 1978: 29].

Для получения хорошего урожая важное значение имеет орошение и прополка земли. Понятие «полив» в лезгинском языке передается двумя терминами: *дугун*, который имеет другое значение «долина» и аналитическим термином *йад гун* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) *йад гын* (ахт. джаб.) (букв. «воду дать»).

Канавы, по которой пускают воду для полива, именуется *хвал*. Слово многозначное, ср. 1) «борозда» 2) «пойло» 3) «жом»; *ципицIрин хвал* «выжимки винограда, чоп» 4) «складки на одежде» 5) «нарез, паз». От него образуется производный термин *хваларбан* 1) «поливальщик» 2) «осмотрщик оросительной системы».

В значении «прополка» используется исконный термин *эчIуьн* (лит., исп., сал., ках., зис., орт., юх.) *ачIын* (ахб., джаб.), образованный от субстантива *эчIел* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) *ачIал* (ахт., джаб.).

1.3. Термины, связанные с пахотой

Пахота – *цан* (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). В литературном языке и в остальных диалектных единицах лезгинского языка для понятия «пахота» используется тот же термин *цан*.

Название это исконное, восходящее к общелезгинской лексеме, ср. табас. *изан*, агул. *изан*. *йезан*, рутул. *йезал*, цахур. *эзвий*, будух. *йизан*, крыз. *йи-заън*, хиналуг. *цIили*, удин. *эз* «вспашка» [Талибов 1980: 293].

В лезгинском языке лексема *цан* является именем, производным от общелезгинского по происхождению глагола *цун* «пахать», ср. табас. *удзуз*, агул. *узас* (< *урдзас), рутул. *йезес* (< *едзес), цахур. *эзас* (< *эдзас), крыз. *йи-заз*,

будух. сузу, удин. эз бесун, хиналуг. *цIили* (< *цили* < **дзили*) «пахать» [там же]. Для понятия «пахать» употребляется и описательное название *цан цун* (исп., сал., нют., ках.) – *цан цын* (ахт., джаб.), состоящее из двух компонентов: отглагольного существительного *цан* «пахота» и глагол *цун* «пахать» (букв. «пахоту пахать»).

Весенняя вспашка обозначается исконным термином *кьубгъвер* (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). В литературном лезгинском языке *кьубгъвер* означает «пахота», «вспашка», «пашня» [Талибов, Гаджиев 1966: 209].

Название зяби является описательным – *зулун цан* «осенняя вспашка».

Обработанная земля – *ишлемишзавай чил* (исп., сал., нют., джаб.) – *ишлемишзевей чил* (ахт.). Название это образовано по модели: причастие + лексема (*ишлемишзавай* «использующий, используемый» + *чил* «земля»).

Необработанная земля – *чIурухъан* (исп., сал.) – *хам чил* (ках., ахт.) – *цан тавунвай чил* (нют.) – *чIырых* (джаб.). Термины *чIурухъан* и *чIырых* являются производными, образованными посредством словообразовательных суффиксов *-хъан* и *-х*: *чIурухъан* «дикий» < *чIуру-хъан*, *чIырых* < *чIыры* 1) «дикий» 2) перен. «плохой» + *-х*. В остальных диалектных единицах лезгинского языка зафиксированы описательные названия: *цан тавунвай чил* (нют.) букв. «пахоту не сделанная земля», *хам чил* (ках., ахт.) «целина», букв. «необработанная земля».

В некоторых диалектных единицах лезгинского языка встречается специальный термин для обозначения борозды, служащей межей (границей) на полевых участках. Так например, в селении Испик для этого используется специальный термин *часпар*, этимология которого пока неясна. В джабинском диалекте в этом значении нами зафиксирован термин *амIарар*, образованный от глагола *амIун* «резать» по схеме : *амIай* (причастие) > *амIар* + аффикс множественного числа *-ар*.

1.4. Наименования сельскохозяйственных орудий

По определению Н.И.Вавилова, «в процессе вековой практики горцы создали не только сорта важнейших культурных растений, но и большое количество оригинальных земледельческих орудий, многие из которых до сих пор находят широкое применение, особенно в горах» [Вавилов 1936:83-84].

С давних времен лезгины, как и другие народы Дагестана и Кавказа, для обработки земли пользовались различными орудиями. Одним из древнейших видов орудия обработки почвы являлись деревянные и железные землекопалки. Как отмечает Т.А. Бунятов, «широко распространенным сельскохозяйственным орудием в первобытном обществе была мотыга. Она делалась обычно из дерева, камня, рога оленя, металла. Самыми примитивными мотыгами на Кавказе были две каменные, которые найдены в энеолитическом слое Очемчири» [Бунятов 1957:31].

Мотыга в лезгинском языке именуется *къулу*. Ею лезгины пользовались там, где невозможно было применять другие орудия пахоты. Такая мотыга применялась и на каменистых почвах.

Главными орудиями обработки почвы были пахотные орудия. Большое распространение при обработке земли у лезгин имела соха - *туьрез* (лит., исп., сал., нют., ках., зиз., ахт., джаб.). «В прошлом у лезгин, - пишет М.М.Ихиллов, - встречались сохи из цельного куска дерева с суком. Такие сохи вошли в обиход, видимо, вслед за молотьбой, в эпоху бронзы. Появление сохи было вызвано необходимостью более глубокой вспашки» [Ихиллов 1967:113].

В русской литературе это орудие встречается под разными названиями: плуг, соха, рало; начиная с XIX в. Наиболее широкое распространение получил термин «соха». Как отмечает Б.А.Калоев, «в кавказоведческих изданиях, в том числе в специальных этнографических работах, горное орудие Северного Кавказа ошибочно именуют «сохой». Рассматриваемое орудие совершенно аналогично по своему устройству широко распространенному у многих наро-

дов мира безотвальному пахотному орудью – ралу, возникшему также в период зарождения плужного земледелия – в VII-VI вв. до н.э.» [Калоев 1981:114].

Древняя соха (или рало) состоит из семи основных частей: *тик* «стойка» (букв. «крутой»), *хур* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *хыр* (ахт., джаб.) «дышло» (букв. «грудь»), *кIвач* (лит., исп., сал., зиз., ках., ахт., джаб.) «колени» (букв. «нога»), *десте* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «ручка для опоры пахаря», *кыл* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «полоз или пята» (букв. «голова»), *магъ* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «железный лемех, надетый на переднюю часть пяты», *дабан* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «задняя часть пяты» (букв. «пятка»).

Там, где невозможно было пользоваться сохой, применялась лопата местного изготовления, которая обозначается простым исконным термином *пер* (лит., исп., сал., зиз., ках., ахт., джаб.).

Как отмечает С.С.Агаширинова, с конца XIX - начала XX в. для обработки земли лезгины стали применять тяжелый сложный полуг [Агаширинова 1978: 30], который называется *куьтен* (лит., исп., сал., зиз., ках.), *кветен* (ахт., джаб.). Такой плуг был распространен у всех народов Кавказа и имеет единый источник происхождения. По этому поводу акад. И.А.Джавахишвили пишет, что «на Северном Кавказе плуг появляется в XII веке», и нет никакого сомнения в том, что чеченцы, ингуши и другие кавказские народы пользовались таким плугом, как грузинский плуг «гутани» [Джавахишвили 1930 : 232]. Термин «гутани» вошел в грузинскую литературу не ранее X века. [Генко : 1930].

Как известно, название плуга имеет общекавказский характер. Так, в кавказской языковой области оно представлено: груз., мегр., *гутани*, сван. *гутан*, абх. *а-кватана* // *а-кIватан.*, абаз. *кIватан* // *а- кIватан*, каб. *куэтэниэрхъ*, бацб. *гутан*, инг., чеч. *гуота*, авар., лак., дарг., табас., арчин., будух. *кутан*, лезг. *куьтен*, удин. *коьтаьн*, хинал. *готан*, цез., гунз. *гутан*, бежт. *готани* // *гутани*. Оно прослеживается и в других языках кавказского ореала:

осет. *гутан*// *готан*, балк. *гатан* // *готан*, азерб. *котан*, кум. *гутан*. И, наконец, встречается в курдском (*котан*), сирийском (*кутан*), турецком (*кутан*).

Как отмечают Г.А.Климов и А.К.Шагиров, «интересующим нас словом обозначается достаточно сложная железная конструкция - так называемый тяжелый плуг, в который обычно впрягаются несколько пар волов и который, следовательно, приспособлен к условиям пахоты на равнине или в речной долине, а не в горах. Естественно полагать, что уже одно это обстоятельство подсказывает, что такой артефакт (как, по видимому, и его обозначение) должен возникнуть, во-первых, не ранее начала железного века и, во-вторых, отнюдь не в горных отрогах Большого и Малого Кавказа. В последней связи необходимо упомянуть, что данные этнографии прямо свидетельствуют об относительно позднем проникновении плуга - кутана в горные районы Кавказа» [Климов, Шагиров 1990 : 4-5].

В нахские языки, особенно в бацбийский, оно вошло из грузинского в XVI веке [Дешериев 1953 : 6], а в цезские языки проникло не ранее XVII столетия, когда начали укрепляться экономические связи с Кахетией [Климов, Шагиров 1990 : 5]. Большинство же дагестанских форм слова *кутан*, вероятно, обязаны азербайджанскому посреднику.

В соху впрягают пару быков, а в плуг - пару или четыре пары быков, которые имеют свои названия :

кIвенкIвеллайбур (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) *кIуькIвевейбур* (ахт., джаб) «впереди находящиеся»;

чаргавар (лит., исп., сал., ках., орт., юх., ахт.) «средняя упряжка буйволов или быков их трех упряжек на один плуг»;

кIанер (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *кIаналлейбыр* (ахт., джаб.) «последняя пара быков и буйволов (запряженных в плуг при пахоте)».

Лексема *кIанер* < *кIан* «дно» выражает и другие понятия: 1) «заготовки подошв (обуви)» 2) «остатки».

При пахоте на шею быков надевали ярмо, которое состоит из:

вик (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., джаб.); *век* (ахт.) «ярмо»;

хевелаг < хев «воротник» (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.); *хивелаг* (ахт., джаб.) «подушка на ярме для (предохранения шеи животного от натирания)»;

тамаскъа (лит., исп., сал., зизи., ках., орт., юх.); *дамаскъа* (ахт., джаб.) «нижняя перекладина ярма (которая удерживает верхнюю перекладину на горбу скотины)»;

крчараг < *карч* «рог» (лит., исп., сал., ках.); *крчарган* (орт, юх.); *крчарген* (ахт.) «специальная веревка или ремень (которая привязывается за рога запряженного рабочего скота)»;

чатар (исп., сал., зиз., ках.) «деревянная оглобля (применяемая для запряжки парных быков, буйволов в плуг при пахоте)»;

къекъуьц (лит., исп., сал., зиз., ках.) «деревянный круг (привязанный к концу хозяйственной веревке)»;

кIур (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «крючок на конце хозяйственной веревки».

После завершения пахоты продолжалась обработка почвы:

бороной - *гъар* (лит., исп., сал., зиз., ках., ахт., джаб.);

волокушей - *шеле* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.);

деревянным молотком - *кIаш* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.);

киркой - *каца* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *кацай* (ахт., джаб.);

вилами - *къуьк* (лит. исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.);

граблями - *цурьургъуьл* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.).

Большинство орудий труда лезгины изготавливали в кузнице:

чад (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) *чат* (ахт., джаб.) «кузница»;

кIавузар (исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «наковальня»;

йиге (исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «напильник»;

дегъре (исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «секач, топорик»;

нажсах // *йакIв* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «топор»;

рекъучI (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *ракъыч* (ахт., джаб.) «топорик (по форме напоминающий мотыгу)»;

целер (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.), *целяр* (ахт., джаб.) «кузнечные меха».

В современных условиях с развитием экономических формаций, появление большого количества сельскохозяйственных орудий и машин оказали значительное влияние на изменение традиционного земледелия дагестанцев, в том числе и лезгин. Здесь на смену вышедшим из употребления некоторым традиционным орудиям, особенно в равнинной части Дагестана, пришли усовершенствованные орудия и машины, появились новые приемы и навыки и, естественно, появились такие слова как: *лапатка* «лопата», *трактор*, *комбайн*, *сенокосилка* и т.д.

В лезгинском языке и диалектах многие названия по уходу за землей встречаются в пословицах и поговорках : *Керкизи хъти жывах кегIаьзва* (ахт.) «Как мотыга, к себе тянет»; *Мых цейла, къуъл гуьзач* (ахт.) «Если посеял ячмень, пшеницу не жнут»; *Вири меле хъейла, Мелик цанава* (ахт.) «Все помогают (т.е. на том месте, где помогают), а Мелик находится на пахоте»; *Турездын тым лежбердын гъиле кан йа* (джаб.) «Ручка сохи должна находиться в руке крестьянина»; *Тым цадалди уьлуьк ник цана кан йа* «Прежде чем сеять семена, надо вспахать поле»; *НикIиз йад гайида магъсулни гуьда* (ках.) «Кто поливал поле, тот и урожай соберет», *Лапаткади вахъ, керкиди жувахъ, мишерди захъ - вахъ йада* (орт., юх.) «Лопата к тебе, кирка к себе, пила к тебе и к себе тянет»; *Цайида гуьнни ийида* (зиз.) «Кто вспахал, тот и пожнет (урожай)»; *Цан цазвай магъ муьрхъуь къадач* (исп.) «Пашущий (землю) лемех (сохи) не ржавеет»; *Цана хъсан фидай йац вирида гьалда* (сал.) «Хорошо пашущего быка все захотят погонять».

1.5. Сельскохозяйственный календарь

Хозяйственный год у лезгин делится на четыре основных периода: весна, лето, осень, зима. В каждый период выполнялись определенные работы.

Термин «весна» – *гатфар* (исп., сал, ках., ахт., джаб.) без изменения в звучании встречается в литературном лезгинском языке и других диалектах, за исключением нютюгского говора яркинского диалекта, в котором У. А. Мейлановой зафиксированы две параллельные формы данного термина *гатхъвар* // *гутфар* [Мейланова 1964: 72].

Термин *гатфар* «весна» Б. Б. Талибов считает словом общелезгинского происхождения, ср. также агул. *хъхъир*, цахур. *йихъхъан*, табас. *хъхъаракар*, *хъхъаркар*, *хъхъаркав*, *хъадукарат*. Общекорневыми морфемами являются *хъхъ*, *ф* [Талибов 1980: 64].

Как видно из приведенного материала, из всех диалектных единиц лезгинского языка форма нютюгского говора яркинского диалекта наиболее близка к формам остальных лезгинских языков. На наш взгляд, корневой согласный *хъв* в нютюгском говоре яркинского диалекта является исходным.

Лето – *гад*, мн.ч. *гатар* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Во всех лезгинских диалектах, а также в самом литературном лезгинском языке зафиксирована одна форма данного термина. Однако при словоизменении происходит характерный для лезгинского языка фонетический процесс оглушения конечного звонкого смычного *д*, когда он оказывается в положении между гласными звуками в ударной позиции и переход его в глухой непридыхательный *т* [Талибов 1980: 64].

По мнению Б. Б. Талибова, исконным здесь был *гг* [Талибов 1980: 322], который в фийском диалекте лезгинского языка перешел в *хъ^о*: *хъ^оид* «лето» [Мейланова 1964: 388]. С некоторыми фонетическими различиями по диалектам этот термин обнаружен Б. Б. Талибовым в табасаранском языке: *хъад* (южн. наречие) – *хъав* (сев. наречие) – *хъай* (дюбек. говор) «лето» [Талибов 1980: 108].

Осень – *зул* (лит., исп., сал., ках., джаб.) – *гзуьл* (нют.) – *жул* (ахт.). Основа представлена различными фонетическими вариантами. Из приведенных форм исходной является форма нютюгского говора яркинского диалекта *гзуьл*

< **zɣvɪl*. Б. Б. Талибов пишет, что заднеязычные *zɣv*, *kq̄v*, *kIv*, представленные в яркинском диалекте в позиции перед или после гласного переднего ряда, переходят в гюнейском диалекте в свистящие согласные (то же самое имеет место в кубинском диалекте), а в ахтынском диалекте – в шипящие [Талибов 1980: 86]. Общекорневые элементы зафиксированы и в других генетически родственных языках, ср.: табас. *чвил*, *чвул*, агул. *цул*, *чул*, цахур. *сувул*, *цывыл*, хиналуг. *цуваж* и др. [Хайдаков 1973: 97].

Зима – *кьуьд*, мн.ч. *хь(уь)тIер* (исп., сал., нют., ках., джаб.) *кьуьд* – *кьуьтIаьр* (ахт.).

Термин *кьуьд* «зима» обнаруживает генетическое родство с названиями зимы в других дагестанских языках: авар. *кььин*, бежт. *лIилма*, цез. *элIни*, дарг. *гIин*, лак. *гIурд*, рутул. *кIуьд*, цахур. *кьыIдим*, хиналуг. *кIинаж*, криз. *кьуд* [СИЛДЯ 1971: 186]. Большую близость термин *кьуьд* проявляет с формами лезгинских языков. Исходный **д*, хорошо сохранился в лезгинских языках. Проиллюстрируем это на примерах из работы Б. Б. Талибова: табас. *кьуIрд*, агул. *гIурд*, рутул. *кьуIд*, цахур. *кьуIд-им*, арчин. *кьоIттихь* (< **кьоIд-ихь*), будух. *кьаIдж-раIдж*, криз. *кьуд*, хиналуг. *кIинаж* < **кIидаж* [Талибов 1980: 279].

Каждый из названных выше сезонов года (весна, лето, осень, зима) состоял из трех месяцев и делился на шесть мелких периодов, приблизительно по пятнадцать дней с 7 по 22 число одного месяца или с 22 числа одного месяца по 7 число следующего [Трофимова 1961:143]. По этому поводу А.Р. Шихсаидов пишет: «В результате многовекового опыта в области ведения сельского хозяйства, в частности полеводства, народы Дагестана выработали оригинальный сельскохозяйственный календарь. Сельскохозяйственный календарь уходит корнями в глубь веков. Есть основание полагать, что в своих основных чертах календарь сложился в средневековье до принятия монотеистической религии (ислам), а к новому времени он принял вполне законченный, ста-

бильный вид, отражая многовековые навыки земледельца и скотовода, огромный эмпирический опыт крестьянина [Шихсаидов 1974: 183].

Более подробное освещение сельскохозяйственного календаря лезгин находим в работах историков и этнографов [Гаджиева, Трофимова, Шихсаидов 1974; Ихиллов 1967: 115; Агаширинова 1978: 38-41]. Следует заметить, что при сборе названий сельскохозяйственного календаря мы столкнулись с большими трудностями, заключавшимися в том, что нелегко было найти представителей старшего поколения, знающих эти термины. Если же кто-то и вспоминал те или иные названия, то путал их и не всегда знал, какие названия повторяются в каждом периоде года. На этот факт обращено внимание и в специальном исследовании, посвященном земледельческому календарю народов Дагестана: «Такая периодизация в настоящее время не везде фиксируется, в ряде сел не могут вспомнить, на какие периоды весна распадается, в иных же селах вообще не помнят о существовании таких периодов» [Гаджиева, Трофимова, Шихсаидов 1964: 2].

Хозяйственный год у лезгин, как и у других народов Дагестана, начинался с весны – 22 марта, в день весеннего равноденствия [Ихиллов 1967:115].

День весеннего равноденствия у лезгин назван термином *йар* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт.. джаб.). Этимология слова неясна: это название встречается только в лезгинском языке, в других дагестанских языках день весеннего равноденствия обозначается иными терминами.

День весеннего равноденствия лезгины отмечали как праздник. Праздник этот назывался *Йаран сувар* (лит., исп., ках., сал., нют.) – *Йаран сывар* (ахт., джаб.) букв. «праздник зарева».

Следующий период весны с 6 по 12 апреля называется *алкъвар-далкъвар* (исп., сал., ках., нют.) – *алкъвар-такъвар* (ахт., джаб.). Различие этих названий имеет фонетический характер. В диалектах кюринского наречия в основе наблюдается смычно-гортанный *къ*, который в диалектах самурского типа заменяется непридыхательным *къ*. Название это сложное, образованное реду-

пликацией основ. В монографии С. С. Агашириновой приводится и простой вариант этого названия *алкъварар* [Агаширинова 1978: 40]. В лезгинско-русском словаре термин *алкъвар-далкъвар* переводится как «название времени года по народному календарю – 15 дней в конце зимы» [Талибов, Гаджиев 1966: 44]. Отнесение данного термина у разных авторов к разным периодам года лишний раз подтверждает о правильности суждения А. Р. Шихсаидова о том, что названия мелких периодов могут встречаться в каждом из сезонов года [Гаджиева, Трофимова, Шихсаидов 1964: 2].

«С наступлением *алкъвар* начинался посев яровых культур и в последующем периоде весны *элхен-гелхен* (с 12 апреля по 20 апреля). А в период *турукӀун* (с 20 апреля по 5 мая) все яровые посева завершались» [Агаширинова 1978: 40].

Название *элхен-гелхен*, сохранившееся во всех диалектных единицах лезгинского языка без изменений (исп., ках., сал., нют., ахт., джаб.), образовано редупликацией основы. При образовании его во второй части основы наращивается согласный *г*.

Термин *уругун-туругун* (исп., сал., нют., ках.) – *уругун-турукӀун* (ахт., джаб.) образован сложением основ (редупликацией). Здесь также при повторении основы с гласным анлаутом в начале второй части появляется смычный непридыхательный *т*. В ахтынском и джабинском диалектах во второй части слова звонкий согласный *г* заменен смычно-гортанным *кӀ*.

Время, исчисляемое с 6 мая по 20 мая называется *цӀиг*. Этот термин встречается во всех лезгинских диалектах без изменения в звучании (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Различие наблюдаем только в семантике. В лезгинско-русском словаре слово переводится «середина какого-либо времени года» [Талибов, Гаджиев 1966: 362]. В ахтынском и джабинском диалектах лексема *цӀиг* означает самое холодное время зимы, т.е. джабинцы и ахтынцы забыли, что это название может повториться и в других периодах года. Слово *цӀиг* является исконной лексемой.

Период весны с 12 мая по 5 июня обозначен термином *чIем* (исп., сал., ках., нют.) – *чIим* (джаб.). Мы не можем пока объяснить, имеет ли это название что-либо общее с омонимичным словом *чIем* «масло». Термин *чIем*, *чIим* – самостоятельная исконная лексема.

Последний период весны называется *ракъар* (с 6 июня по 21 июня). Название сохранилось без изменения во всех диалектных единицах лезгинского языка. Буквально слово *ракъар* означает «солнце». Название *ракъар* А. Р. Шихсаидов связывает с днем летнего солнцестояния [Гаджиева, Трофимова, Шихсаидов 1964: 2]. Термин *ракъар* используется в форме множественного числа, формой единственного числа является *рагъ*.

Период с 22 июня называется *гад* «лето». Лето распадалось на следующие периоды, наименования которых полностью сохранились в лезгинских районах: *ракъар*, *хиб*, *чиш*, *цIиг*, *чIем*, *къуьгъвер* – по 15 дней каждый [Гаджиева, Трофимова, Шихсаидов 1964: 7].

За летом начиналась осень: *зул* (исп., ках., джаб.) – *ггул* (нют.) – *жул* (ахт.), которая длилась до 22 декабря. С 22 декабря начинается зима: *къуьд* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.), которая делится на следующие периоды: *чиш* // *тиш* (с 22 января по 20 февраля), *хиб* (с 21 февраля по 6 марта), *къуьгъвер* (с 7 марта по 22 марта).

Название *чиш* имеет только фонетические варианты. В диалектных единицах кюринского наречия фиксируется форма *чиш* (исп., сал., 'ках., нют.), а в диалектах самурского типа – *тиш* (ахт., джаб.). Термины *хиб* (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.) и *къуьгъвер* (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.) являются общими для всех диалектов.

С названием *къуьгъвер* связано выражение *къуьгъвер гъуьтI, яр, гатфар, миччин, афар, ччан ппалпар* «къуьгъвер прошел, наступила весна, появилась трава для чуда, милые женщины» (букв. кюгвер прошел, яр, весна, чуду с травой, милые женщины»).

В период *кьубьгъвер* начинали вспашку земли, поэтому весенняя вспашка получила название *кьубьгъвер*.

В селении Джаба Ахтынского района мы обнаружили также два названия – *гъигъ*, *гъумп*. К какому периоду года эти названия относятся, нам не удалось выяснить. Мы просто констатируем факт наличия этих терминов в джабинском диалекте.

Как отмечено выше, пахоту лезгины начинали весной, в равнинных районах в период *яр*, а в горных районах в период *элхен-гелхен* и *алкъвар-далкъвар*.

В лезгинском языке в значении «крестьянин» употребляется термин *лежбер* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт.) – *нажбар* (джаб.).⁵

Как видно, здесь исходную форму сохранили все диалектные единицы, кроме речи селения Джаба. Основа простая, происхождение ее неясно.

Заимствованным из персидского языка является название *тум* «семена» (лит., исп., сал., нют., ках.) – *тым* (ахт., джаб.), ср. перс. *тохм* [Селимов 2001:440].

1.6. Названия зерновых культур

Вспаханые поля лезгины засеивали различными культурами: пшеницей, ячменем, просом, овсом, полбой, горохом, кукурузой и частично рисом, льном.

По поводу засеваемых культурных растений на Кавказе и в Дагестане акад. Н. И. Вавилов указывал, что, «входя в основную область видообразования пшениц, ячменя, ржи и льна, Кавказ благодаря различным условиям, горному характеру, древней культуре в особенности в Закавказье и Дагестане, выработано чрезвычайное разнообразие экотипов, представляющих собой разительные контрасты при сопоставлении их в одних и тех же условиях. При этом целые ботанические типы соответствуют определенному экотипу. Многие из эндемичных кавказских пшениц, ржи, диких культурных плодовых не

вышли за пределы начальной родины» [Вавилов 1936: 18]. Как отмечает Б.А. Калоев, «в горах одним из наиболее распространенных злаков был ячмень, имевший несколько разновидностей и множество сортов. В соседнем Дагестане, например, имелось до 30 форм ячменя, т.е. свыше 60 % общего числа форм в СССР» [Калоев 1981:77; Ковалевский 1931:167]. Вторым после ячменя хлебным злаком в горах Северного Кавказа была пшеница, получившая позднее широкое распространение и в его равнинной зоне. Для названия «крестьянин, пахарь» используются общие для всех диалектов термины *лежбер* «крестьянин», *уртабаб* «средняк», *уьзден* «свободный крестьянин».

Для выражения понятия «зерно», «хлеб (в зерне)» употребляется термин *техил* (лит., исп., сал., нют., ках.) – *тахыл* (ахт., джаб.). Слово это арабского происхождения. Усвоено через тюркское посредство [Селимов 2001:436].

Название одного зернышка *твар* в лезгинском языке является исконным, восходящим, видимо, к общелезгинскому языку-основе, ср. также: табас. *удар, вудар* (хюр.), агул., крыз. *видар* («рис»), удин. *видар* («рис») «зернышко», цахур. *дан, будух. дан* [Талибов 1980: 279].

Единым для литературного языка и диалектов является название семени - *тум*.

Название термина «колосовые культуры» также является заимствованным. Для этого термина используется заимствованное из арабского языка слово *магьсул* (лит., исп., сал., нют., ках.) – *махӀсул* (ахт., джаб.). В лезгинский язык термин перешел из азербайджанского языка, ср. азерб. *магьсул* (APC).

От термина *магьсул* «зерновые культуры» посредством словообразовательного суффикса *-дар*, заимствованного из персидского языка, образуется новое производное слово – *магьсулдар* со значением «хлебороб», а от этого термина посредством суффикса *-вал* - другое производное слово *магьсулдарвал*, передающее два понятия: 1) «хлебопашество» 2) «зерноводство».

⁵ Очевидно, слово усвоено из персидского **рGWЫЮ** ranjbar (прим. ред.).

Одной из более распространенных зерновых культур у лезгин является пшеница. Пшеница и ее разновидности в Дагестане имеют давние традиции возделывания, что подчеркивает и Р.М. Мунчаев: «Твердая пшеница, наряду с мягкой, также представляет собой древнейший вид зерновых культур. Кроме Каякентского поселения, она найдена в Кургане около станции Манас Дагестанской АССР в миске, содержащей отпечатки колосовой чешуи с характерным крупным зубом» [Мунчаев 1953:14].

В литературном лезгинском языке и во всех диалектных единицах название пшеницы едино: *къуьл*. Оно родственно названию пшеницы в других дагестанских языках: агул. *кьур*, рутул. *кьир*, криз. *къгул*, будух. *къгул*, ср. также ахвах. *къкъиру* карат. *къкъеру*, годоб. *къкъеру*, анд. *къкъир*, бежт. *хъибо*, гунз. *хъыбы*, арчин. *хъохъол*. Исходным корневым в этих словах специалисты считают *къг*, представленный в кризском и будухском языках [СИЛДЯ 1971: 111]. Н. И. Вавилов в специальной работе, посвященной ресурсам зерновых культур, отмечал, что «по числу оригинальных видов пшеницы, по разнообразию агроэкологических групп пшеницы, ячменя, зерновых, бобовых, а также по богатству разновидностей Закавказье и Дагестан выделяются на всем земном шаре» [Вавилов 1957: 87-88].

Пшеница у лезгин является древней культурой. Давняя традиция выращивания этой культуры доказывается наличием местных сортов пшеницы: *сарубугьда* и *гуьлгери*, *ригей алачир* *къуьл*. Сложный термин *сарубугьда* (лит., исп., сал., нют., ках.) *сарыбугьда* (ахт., джаб.) тюркского происхождения. Лексема вошла в лезгинский язык из азербайджанского, ср. азерб. (*сары* «желтый» + *бугьда* «пшеница») букв. «желтая пшеница». Вторая часть сложного слова *бугьда*, как отмечено в специальной литературе по земледельческой терминологии, встречается в большинстве тюркских языков в различных фонетических вариантах [Пенжиев 1983: 8]. Лезгинское название *бугьда* ближе всего к азербайджанской форме *бугьда* и заимствовано, видимо, непосредственно из азербайджанского языка.

Происхождение термина *гуьлгери* (лит., исп., сал., нют., ках.) – *гуьлгер* (ахт., джаб.) неясно.

Новым сортом пшеницы, например, является безостая пшеница – *ригей алачир кьуьл* (исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.) букв. «ость не имеющая пшеница».

Описательными является также названия озимой и яровой пшеницы. Название озимой пшеницы – *зулун кьуьл* (исп., сал., нют., ках., джаб.) – *жулун кьуьл* (ахт.) образовано по модели: имя существительное *зул* «осень» в родительном падеже (*зулун*) + имя существительное *кьуьл* «пшеница». А название яровой пшеницы *гатфарин кьуьл* (исп., сал., нют., ках.) – *гатфар кьуьл* (ахт., джаб.) состоит из имени существительного *гатфар* «весна» в родительном падеже и имени существительного *кьуьл* «пшеница».

Названия сортов пшеницы в лезгинском языке позднего происхождения. Они являются либо кальками (напр., название безостой пшеницы), либо прямыми заимствованиями (например, название сорта пшеницы *сарубугьда* из азербайджанского языка).

Из пшеницы лезгины готовят ритуальное кушанье *калар* «жареные зерна пшеницы с семенами конопли», которое употребляется, например, при появлении первых зубов у ребенка. Зерна сыпят на голову ребенка и при этом приговаривают: *ви сарар калар хьиз кIевибур хьурай* «чтобы твои зубы были такими крепкими, как жареные зерна пшеницы».

Из проросших зерен пшеницы лезгины готовили очень полезный напиток *тIач*, а из поджаренных зерен ячменя – *сав* «толокно».

Широкое распространение у лезгин имел и ячмень. Рассматривая распространение этой культуры в мировом масштабе, Н. И. Вавилов писал, что «в горных странах ячмень идет наиболее высоко, поднимаясь до пределов вечных снегов, где невозможна ни культура яровой ржи, ни культура яровой пшеницы... Ячмень не боится заморозков даже в том случае, если понижение температуры происходит после появления всходов» [Вавилов 1965: 241].

В значении «ячмень» в лезгинском языке употребляется единый термин *мух* (лит., исп., ках., сал., нют.) – *мыш* (ахт., джаб.). В лезгинских диалектах наблюдаем только фонетические разновидности этого термина.

Название ячменя, по мнению С. М. Хайдакова, восходит к дагестанско-нахскому хронологическому уровню [Хайдаков 1973: 62].

Название ячменя входит в состав поговорки: *мух пара хъайи ламра цав кIуру йада* «От избытка ячменя осел начнет лягать небо» [Талибов, Гаджиев 1966: 246].

В литературном лезгинском языке и диалектах зафиксировано одно название для ржи – *сил* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Рожь относится к древним традиционным зерновым культурам, о чем свидетельствуют родственные основы и в других дагестанских языках, общекорневым в которых выступает *с*: табас. *сурсул*, агул. *силки*, *суьл*, *сулен*, рутул. *сыкIыл*, цахур. *сикIыл*, хиналуг. *сылг*, криз. *силсил*, будух. *сылсыл*, ср. также дарг. *сусул*, лак. *сус* [СИЛДЯ 1971: 167].

В некоторых языках (табасаранском, кризском, будухском и даргинском) наблюдаем редупликацию основы. Как отмечено в специальной литературе, исторически сложные основы представлены в даргинском *сусул-анкIи* букв. рожь-пшеница, агульском *сил-ки*, рутул. *сы-кIыл* (< *сыл-кIы*), цахур. *си-кIыл* (< *сил-кIы*), хиналуг. *сыл-г*. С течением времени эти основы (**свил* «рожь» и **кIин* «пшеница») в указанных языках сливаются в единую лексему и в ряде случаев подвергаются фонетическим изменениям: основы становятся дефектными, происходит стяжение и деривация, а также упрощение семантики, т.е. лексема становится простой и соответствует простому понятию «рожь» [СИЛДЯ 1971: 167].

В лезгинском литературном языке и диалектах нами зафиксировано несколько различных названий для могоара или итальянского проса – *цуйкI* (лит., исп., сал., нют., ках.) – *цIуйкI* (ахт.) – *чуйкI* (джаб.). В ахтынском диалекте в этом значении употребляется также и другая самостоятельная лексема *кIунчI*,

которая в лезгинском литературном языке и в некоторых других диалектах обозначает «букет цветов». Для последнего понятия в ахтынском диалекте используется лексема *кунцI*.

Название могоар хорошо сохранилось также и в других лезгинских языках: лезг. *цубкI*, *цIубкI*, *чубкI* (< *дзубкI* < **дубкI*), табас. *дукI*, агул. *дукI*, рутул. *дубысI*, цахур. *дикI*, будух. *дикI* [Талибов 1980: 279].

Исходный **д* хорошо сохранился в табасаранском, агульском, рутульском, цахурском и будухском языках. В лезгинском исходный **д* перешел в *цц*, *цI*, *чI*, о чем см. [Бокарев 1961: 93].

Основа эта зафиксирована также в грузинском (*дикIа*) и чанском (*(т)дикIа*) языках. В грузинском и чанском языках *дикIа*, *(т)дикIа* означает «пшеница», «зерно» [Климов 1964: 73].

Как отмечает Б. А. Калоев, просо было главным хлебным продуктом многих народов Северного Кавказа [Калоев 1981: 92-94], так как бедный человек не мог позволить себе есть пшеничный хлеб каждый день, он считался роскошью и готовился в основном для гостей и торжественных случаев.

Раньше лезгины выращивали полбу. Сейчас эта культура почти не возделывается. Название полбы в литературном лезгинском языке и во всех его диалектах звучит одинаково – *нехв* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Полбу в основном выращивали лезгины Кюринского округа. Она была редким злаком и у народов Северного Кавказа [Калоев 1981:95].

Лексема *нехв* «полба» общедагестанского происхождения, засвидетельствованная в других дагестанских языках со значением «овес»: авар. *нехо*, *ниха*, *неха*, анд. *ниха*, ахвах. *ниха*, ботлих. *ниха*, годоб. *ниха*, чамал. *ниха*, тинд. *ниха*, багвал. *ниха*, хваршин. *ниха*, арчин. *нихIа*, лак. *нехъваъ*, дарг. *нихъаъ* [Хайдаков 1973: 60].

Для обозначения овса в лезгинском языке употребляется слово *гергер* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Название овса во всех лезгинских диалектах едино. Основа общелезгинского происхождения и представлена в та-

бас. *гаргер, ггарггар*, рутул. *ггарггал*, хиналуг. *гыргар* [Хайдаков 1973:60]. Основа сложная, образована редупликацией.

Культура риса в Дагестан проникла недавно. Об этом свидетельствует преобладание заимствованных названий для обозначения риса в дагестанских языках. В лезгинском языке понятие «рис» передается лексемой *дутьгуй* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.) тюркского происхождения. Оно представлено в большинстве тюркских языков: *туьви, туьги, дутьги, дутьгуй, дутьге, доьгоь, дуйу* [Пенжиев 1988:9]. Лезгинский язык заимствовал этот термин, вероятно, из азербайджанского языка.

Название риса является заимствованным почти во всех дагестанских языках. В одних языках наименование риса заимствовано из тюркских языков (лезг. *дутьгуй*, табас. *дутьгуй*, рутул. *дутьгуй, дугу*, цахур. *дутьгу*, ср. азерб. *дуйуй*), в других – из персидского (агул. *бурундж*, рутул. *бурунз*, цахур. *биринз*, удин. *бириндз*, арчин. *биринз*, хиналуг. *ппарынци*, авар. *птуринчI*, цез. *биринжи*, бежт. *биринжи*, лак. *ширинж* «рис», «плов»), ср. перс. *birinj* [Абаев 1973: 246]. Название риса В. И. Абаев отмечает и в других кавказских языках: арм. *brinš*, груз. *brinsi*, авар. *pirinči*, каб. *prunž* [Абаев 1973: 246].

Нелущеный рис в лезгинском языке обозначается термином *чалтук* (лит., исп., сал., нют., ках.) – *чалтык* (ахт., джаб.). Слово тюркского происхождения. Лезгинский язык заимствовал этот термин, по всей вероятности, из азербайджанского языка, ср. азерб. *чалтык*.

Заимствованным термином обозначается и сечка: *хурда* (лит., исп., сал., нют., ках.) – *хурда* (ахт.) – *хырда* (джаб.). Термин персидского происхождения. В лезгинский язык, видимо, проник через азербайджанское посредство, ср. азерб. *хырда* (РАС).

В персидском языке слово *хурда* означает мелочь. В лезгинском языке налицо расширение семантики: 1) «мелочь (деньги)» 2) «сечка (риса)».

Название конопли в лезгинском литературном языке и диалектах едино – *кканаб* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Это название встречается и в

некоторых других дагестанских и кавказских языках: авар. *ганаби*, рутул. *ганаб*, крыз. *гагнаб*, табас. *гиниб*, хиналуг. *кканап*, лак. *ччанаппи*, груз. *КІанати*, арм. *канеп* [Хайдаков 1973: 59]. По всей вероятности, название конопли *канаб* персидского происхождения, ср. тадж., перс. *канаб*, *канаф*, осетин. дигор. *гагнав* [Стеблин-Каменский 1982: 64].

Семена конопли обозначаются другим термином. В лезгинском языке встречаются различные (различающиеся фонетически) названия семян конопли: *фин* (лит., исп., сал., ках.) – *хьуьн* (нют.) – *шун* (ахт.) – *вин* (джаб.).

Из зерновых культур у лезгин культивировалась и кукуруза, названия которой в лезгинском языке и диалектах различные: *гьажикІа* (лит., ках.) – *гьажибугьда* (лит.) – *гьаджибугьда* (исп., сал., нют.) – *кьуьлуьн кьил* (ахт.) – *кьаргьудали* (джаб.). Все варианты являются заимствованными, за исключением ахтынского *кьуьлуьн кьил*, состоящего из двух исконных слов *кьуьл* «пшеница» > род.п. *кьуьлуьн* + *кьил* «голова»; «колос», букв. «пшеницы голова». Названия кукурузы *гьажикІа*, *гьажибугьда*, *гьаджибугьда* являются сложными, образованными сложением двух основ: араб. *гьаджи*, *гьаж* «паломник» и тюрк. *бугьда* «пшеница», дарг. *кІа* < *анкІи* «пшеница». Буквально данное название означает «хаджская пшеница» или «пшеница паломника».

Эти сложные наименования кукурузы *гьаджибугьда*, *гьажибугьда* дают нам основание предположить, что культура кукурузы пришла к нам из южных (арабских) стран. Возможно, впервые зерна кукурузы были привезены из Мекки и поэтому эта культура получила название «пшеница паломника», т.е. *гьажибугьда*

Сложным наименованием (причем заимствованным) обозначается также кукуруза и в большинстве других дагестанских языков: лак. *шагьнал лачІа* «шахская пшеница», дарг. *хІажэжа анкІи* «хаджская пшеница», *гьаж* *лачІи* (кубачин.), арчин. *гьажала хьохьол* «хаджская пшеница», *гьажала*, табас. *гьаж* *бугьда*, агул. *хІаджи-бугьда* (кумык. *гьаж* *бугьда*), анд. *гьеджикІа*, *гьечІинкІа*, чечен. *хІаьжкІа* [Хайдаков 1973: 60].

В аварском языке мы наблюдаем название *цIороса рольь*, что буквально обозначает «пшеница из Грузии».

Таким образом, названия кукурузы в одних языках указывают, что она проникла из арабского Востока, другие же названия в качестве источника указывают на Грузию. Возможно, первоначально кукуруза проникла в Грузию, а из Грузии к аварцам. К другим народам Дагестана кукуруза, вероятно, проникла из арабских стран.

В джабинском диалекте лезгинского языка мы зафиксировали также одно название кукурузы тюркского происхождения – *къаргъудали*, засвидетельствованное и в некоторых других дагестанских языках: авар. *къагъдали* (анцухск.), цахур. *къаргъадалы*, удин. *къаргъадали*, рутул. *къаргъадали*, хиналуг. *къаргъадали* [Хайдаков 1973: 60]. Возможно, термин *къаргъудали* является поздним заимствованием. В джабинский диалект это слово вошло, видимо, из азербайджанского языка, ср. азерб. *гаргъыдалы* (РАС), так как джабинцы с давних пор имели тесные связи с Азербайджаном.

В лезгинском литературном языке и диалектах зафиксировано также заимствованное из русского языка название кукурузы – *кукруз* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.). Производными от него являются названия *лацу кукруз* букв. «белая кукуруза», *хъипи кукруз* (лит., исп., сал., нют., ках., джаб.) – *къипи кукруз* (ахт.) «желтая кукуруза», *йару кукруз* (лит., исп., сал., нир., ках.) – *йары кукруз* (ахт., джаб.) «красная кукуруза», образованные по модели: имя прилагательное + название кукурузы.

1.7. Названия, связанные с уборкой зерновых культур, молотьюбой, помещением для хранения зерна, мельницей и т.д.

Уборка зерновых культур лезгинами производилась исключительно серпами - *мукал* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *мангал* (ахт., джаб.) и очень редко косами - *дергес* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх., джаб.), *дуьргес* (ахт.).

Лезгинские серпы и косы ничем не отличались от аналогичных же жатвенных орудий других народов Дагестана и Северного Кавказа.

Убранный жнецами хлеб связывали в снопы - *цуйл* (исп., сал., зиз., орт., юх.) - *чул* (ахт., джаб.).

Процесс уборки хлеба во всех диалектах обозначается единым термином *гвен* «жатва». Отглагольное имя, ср. *гуьн* «жать».

Сжатый хлеб именуется *йуг* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) - *йыг* (ахт., джаб.).

Для названия «насущенный хлеб, средство к существованию» используется лексема иранского происхождения *рузи* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *рузу* (ахт., джаб.).

Название *тадарак* «запас хлеба на зиму» во всех диалектах является единым. Слово арабского происхождения.

Сток хлеба или сена обозначается простым исконным названием *маркв*.

Самым трудным процессом является молотьба - *йуг* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *йыг* (ахт., джаб.). Простая исконная основа.

Ток, на котором молотят зерновые культуры, во всех диалектах звучит одинаково - *рат*. Основа простая общедагестанская [СИЛДЯ 1971 : 171].

С процессом молотьбы связаны следующие слова: *харманчи* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «молотильщик». Слово иранского происхождения со словообразовательным аффиксом - *чи*, заимствованным из азербайджанского языка.

Кларкларар «конская упряжка, прикрепленная к молотильным доскам». Слово имеет только форму множественного числа.

Ругун (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *рыгын* (ахт., джаб.) «молотильная доска».

Кьуьк (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «вилы». Общедагестанская простая основа [СИЛДЯ М., 1971 : 170].

Йирф (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *йырф* (ахт., джаб.) «деревянная лопата». Простая исконная основа.

Нагъв (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «мякина». Простая общедагестанская основа. [СИЛДЯ 1971 : 177].

Агъалар (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «мякина». Слово арабского происхождения [Селимов 2001:33]. В грузинском языке имеет только форму множественного числа.

Очищенное зерно, полученное ценой больших усилий, после сортировки взвешивалось на больших весах прямо на току - *къапан*. Слово, по видимому, тюркского происхождения. Во всех диалектах употребляется без изменений в звучании.

Зерно складывали в специальные зернохранилища: *канду*, *кIамI*, *тапус*, *пикI* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *пIикI* (ахт., джаб.).

Полученное зерно молотили на мельницахур.Как и у других народов Северного Кавказа, у лезгин известны два вида мельниц: ручные - (*гъилин регъвер*), водяные - (*цин регъвер*), время появления которых пока не установлено [Калоев 1981 : 163]. Ручные мельницы почти не сохранились, а водяные мельницы все еще сохраняются в высокогорных селах. С мельницей связаны термины, отражающие ее конструкцию и процессы помола:

регъв (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *роьх* (ахт., джаб.) «мельница». Простая общедагестанская основа [СИЛДЯ 1971 : 175]. В ахтынском и джабинском диалектах налицо делабиализация корневого согласного и переход лабиализации на соседний гласный.

Зулдан (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) - *зилдан* (ахт., джаб.) «деталь мельницы».

Регъуьн къван «жернов». Во всех диалектах представлен составной термин, образованный из двух самостоятельных исконных слов : *регъв* « мельница » и *къван* (род. пад.) + *къван* «камень», букв. «мельницы камень».

КІаник къван (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *кІеник къван* (ахт., джаб.) «нижний жернов».

Винел къван (исп., сал., зиз., орт., ках., юх.) - *ванал къван* (ахт., джаб.) - «верхний жернов».

Гиг (лит., исп., сал., зиз., ках., юх., орт., ахт., джаб.) «ось жерновов». Простая исконная основа.

Чутхвар «желоб мельницы (по которому течет вода)». Единая для всех диалектов основа.

КІаркІар «коник». Основа исконная, образованная редупликацией.

ТІун (лит., исп., сал.) - *къак* (ахт., джаб.) «бункер (мельничное корыто, откуда зерно падает по желобу на жернов)». Простые исконные основы.

Анбер (лит., исп., сал.) - *банд* (ахт., джаб.) «запруда, плотина (возле мельницы)».

Регъуьн кІах (лит., исп., сал., зиз., ках., юх., орт., ахт., джаб.) «отверстие на дне мельничного корыта». Составной термин из двух исконных слов : *регъв* «мельница» и *регъуьн* (род. пад.) + *кІах* «отверстие».

Производными от лексемы *регъв* «мельница» являются *регъуьхбан* «мельник», *регъуьхбанвал* «занятие мельника».

Общим для всех диалектов является название муки - *гъуьр*. Простая общедагестанская основа [СИЛДЯ 1971 : 205]. Специальные названия имеет мука, собирающаяся вокруг жерновов - *хъуьченар* (лит., исп., сал.) - *цІиницІар* (ахт.). В ахтынском диалекте слово *цІиницІ* обозначает и прозвище человека, который служил мельником.

В значении «крупа» используется два разных фонетических варианта лексемы *кІахар* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *кІухер* (ахт., джаб.).

Для перевозки грузов в хозяйстве лезгины использовали *гъел* (*гъелерар* - мн. ч.) «сани», *араба* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *гІараба* (ахт., джаб.) «арба», *фургъун* «фургон». Производными от них является термины: *арабачи* // *гІарабачи* «аробщик», *фургъунчи* «фургонщик».

Названия частей средств передвижения и перевозки грузов:

гъелцин хур «дышло саней», букв. «грудь саней»;

гъелцин къамар «полозья саней», букв. «саней шеи»;

алагъан «поперечные перемычки в санях»;

чарх «колесо (арбы или фургона)»;

денде «спица (у колеса арбы)»;

синтI «чека, стержень (вкладывающийся в отверстие на конце оси)»;

тили «деталь арбы»;

буд «часть обода (одна из 4-5 частей обода)»;

гъул «высокий плетеный кузов для саней»;

демагъаж «сошка, подставка для арбы (которая подставляется под переднюю часть арбы, когда волю распряжены для передышки)»;

кIаркIар 1) «валец для фургона» 2) «деревянный подхвостник (для осла)»;

бурма «поперечная жердочка, перекладинка (с чеками в задней части арбы для натягивания веревок, удерживающих груз)»;

бурмадин спек «чека (приделанная к бурме, чтобы зацепить канат)»;

тIанIатIанI «деревянная опора (на которой вращается ось арбы)»;

цIуьнуь «короб арбы (без оси и колес)»;

гиг (лит., исп., сал., орт., юх.) - *ух* (ахт., джаб.) «ось».

Лезгинами использовались также другие матерчатые приспособления для доставки тех или иных товаров:

Хуржин (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *хуржун* (ахт.) - *хурджын* (джаб.) «переметная сума». Иранизм.

Гъебе (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *гъебге* (ахт., джаб.) «переметная сума». Арабизм [Селимов 2001:137].

Чанта (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «сума, мешочек». Слово тюркского происхождения, ср. азерб. *чанта*.

Йеб (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *эб* (ахт., джаб.) «веревка». Слово тюркского происхождения, ср. азерб. *ип* [Селимов 2001:174].

Кашу «широкий домотканый пояс, хозяйственная веревка (сплетенная из шерстяных ниток)».

Зурба (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - *журба* (ахт.) «мера сыпучих тел вместимостью в 14 кг». Сложное слово, состоящее из *зур* // *жур* «половина» + *рине* «мера сыпучих тел (равная 28 кг зерна)».

Киле (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх., ахт., джаб.) «мера сыпучих тел (равная приблизительно 2,5 кг зерна)». Слово иранского происхождения, ср. перс. *каула* [Забитов, Эфендиев 2001:67].

1.8. Названия бобовых культур

Отдельные виды бобовых культур представлены в горных и предгорных районах. Из бобовых культур лезгины выращивали горох, фасоль, чину, бобы.

Французская чечевица (разновидность чечевицы) *кIахар* встречается в Дагестане в Цунтинском, Кулинском, Рутульском, Ахтынском, Курахском, частично Хивском районах и характеризуется семенами темнокоричневого цвета с черной мраморностью и пятнистостью [Гаджиева, Агларов, Омаров, Алимова, Османов 1982: 24]. Данное название встречается только в лезгинских языках: лезг. *кIах*, агул. *кIах*, будух. *кIах*, криз. *кIаьх*, хиналуг. *кIах* [Хайдаков 1973: 53].

Горох в лезгинском литературном языке и диалектах обозначается двумя основами *хар(ар)* и *нахутI(ар)*. Первая основа восходит к общедагестанской, которая в разных языках дала различные рефлексy: ср. авар. *гьоло*, ахвах. *гьали*, карат. *гьали*, тинд. *гьали*, чамал. *гьал*, багул. *гьал*, ботл. *гьали*, годоб. *гьали*, анд. *гьали*, бежт. *гьоло* (из авар.), хварш. *хIел*, дарг. *хъара*, лак. *хъуIру*, лезг. *хархар*, *хар*, табас. *хар*, агул. *хархар*, рутул. *хар*, цахур. *хара*, криз. *хархар* [СИЛДЯ 1971: 162]. В лезгинском, агульском, кризском языках основа редулицируется. Основа *хар(ар)* является общей для лезгинского литератур-

ного языка и диалектов. Исходными согласными в этих основах являются *x и *p [СИЛДЯ 1971: 162].

Второй термин *нахутI* является единым для диалектов лезгинского языка. По мнению Стеблина-Каменского, термин *нахутI* иранского происхождения [Стеблин-Каменский 1982: 50]. В лезгинский язык, по всей вероятности, проник из азербайджанского языка, ср. азерб. *нохуд* (РАС).

Самостоятельный исконный термин *хар(ар)*, по своему фонетическому облику близкий с другими языками лезгинской группы, в лезгинском языке и диалектах употребляется также для другого понятия «боб».

К семейству бобовых культур относится фасоль. Специалисты утверждают, что эта культура в Дагестан привезена из южных стран [Хайдаков 1973: 61]. Однако названия фасоли в некоторых дагестанских языках указывают на разные источники – в одних случаях на южные страны, в других – на Грузию: лак. *шагьнал хьоьру* «шахский горох», дарг. *гуржи хьаьра* «грузинский горох», *хIаьжла хьаьра* «хаджский горох» [Хайдаков 1973: 61]. В лезгинском языке и диалектах понятие «фасоль» передается разными лексемами – заимствованной и исконными: *пахла*, *хар(ар)*, *цIарни*.

Название *пахла* тюркского происхождения. По всей вероятности, лезгинский язык заимствовал этот термин из азербайджанского языка, ср. азерб. *пахла* (РАС). Лезгинский язык сохранил исходную форму. Слово *пахла* засвидетельствовано и в некоторых других лезгинских языках: табас. *пахла*, криз. *пахла*, хинал. *пахла*, удин. *пахла*.

Название *хар(ар)* для передачи понятия «фасоль» находим в ахтынском диалекте. Здесь укажем и на то обстоятельство, что лексемой *хар(ар)* передается три понятия: 1) «горох» – *хар* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт., джаб.) 2) «боб» – *хар* (лит., исп., ках., сал., нют., ахт., джаб.) 3) «фасоль» – *хар* (только в ахтынском диалекте). Данная лексема (*хар*) восходит к общелезгинской основе, где общекорневым согласным для всех лезгинских языков является глухой увулярный *x.

В нютюгском говоре яркинского диалекта представлен термин *цIарни* «фасоль». Термин исконного происхождения. В Нютюге выращивают пеструю фасоль. А понятие «пестрый» в лезгинском языке передается словом *цIару*. Так что, возможно, название фасоли в нютюгском говоре получено по цвету и образовано от слова *цIару* «пестрый».

Специальные названия зафиксированы для обозначения зеленого стручка фасоли в лезгинском языке и диалектах: *къацу пахла* (исп., сал., нют., ках.) – *къацы харар* (ахт.) – *къацы кIепер* (джаб.).

В лезгинском языке разными лексемами обозначается и стручок фасоли: *хъуьруьшар* (исп., сал., нют., ках.) – *харан кIепер* (ахт.) – *харчын кIепер* (джаб.).

Как видно из приведенного материала, оба компонента данного композита – исконные слова. В диалектах кюринского наречия наблюдается общий термин *хъуьруьш*. Названия в ахтынском и джабинском диалектах также являются общими. Отличаются они только словоизменительными морфемами. Здесь разными аффиксами оформлен эргатив (*хара* – ахт. д., *харчы* – джаб. д.), от которого образована форма родительного падежа (*харан*, *харчын*): *хар* «фасоль» > *харан* (род.п.) + *кIепер* «стручки», букв. «фасолевые стручки».

Различается фасоль двух видов: вьющаяся и невьющаяся (низкорослая). Соответственно различны и наименования этих видов фасоли в лезгинском языке: «вьющаяся фасоль» – *таран пахлайар* (исп., сал., нют., джаб.) букв. «дерева фасоль» – *таран пахлайар* // *цавун пахлайар* (ках.) букв. «дерева фасоль»//«неба фасоль» – *таран харар* (ахт.) букв. «дерева фасоль»; «невьющаяся фасоль (низкорослая фасоль)» – *чили́н пахлайар* (исп., нют., сал., ках., джаб.) – *чили́н харар* (ахт.) букв. «земли фасоль».

Наконец, из семейства бобовых культур на территории Лезгинистана встречается и чина. Это название (*чина*) является единым для лезгинского литературного языка и всех диалектов. Понятие «чина» заимствовано лезгинским языком, видимо, из русского языка. В русском языке слово *чина* также

является заимствованным. Стеблин-Каменский пишет, что «русское слово *чина* может быть обязано своим появлением санскритскому *cinaka, cina, cīna*. Более близким источником русского слова *чина* следует считать индийские названия: хинди *cīna, cenā*, синдхи *cīno*, лохнда *cīni* «просо» и др. [Стеблин-Каменский 1982: 44].

Обозначение чечевицы *мержемек* в лезгинском языке заимствовано из азербайджанского *мәрджимәк* (РАС). Эта лексема зафиксирована и в некоторых других лезгинских языках: ср. криз. *маьрджимаьк*, хиналуг. *маьрджимаьк*.

Приведенный выше перечень названий бобовых культур (бобов, гороха, фасоли, чины, чечевицы) показывает, что они служили основным продуктом питания не только лезгин, но и других народов Дагестана, а возможно, и Кавказа.

1.9. Названия частей зерновых и бобовых культур

Колос. В лезгинском литературном языке и во всех диалектах, кроме джабинского диалекта, для обозначения понятия «колос» употребляется общий термин *кьил*. В джабинском диалекте наряду с названием *кьил* используется и второй вариант *сумбуьл*. Термин проник в джабинский диалект из азербайджанского языка, ср. азерб. *сумбуьл* (РАС). В джабинском диалекте наблюдаем субституцию (переднеязычный сонорный *н* в джабинском диалекте замещен губным сонорным *м*). Заимствованные названия наблюдаем также в удинском (*симбил*) и цахурском (*сумбыл*) языках.

Стебель. Понятие «стебель» в лезгинском языке и диалектах передается двумя разными лексемами: *тан* (лит., исп., сал., нют., ках., ахт.) и *бугьум* (джаб.). Основа *тан* для многих диалектных единиц лезгинского языка является общей, за исключением лексемы *бугьум* в джабинском диалекте, которая, видимо, заимствована из азербайджанского языка.

Соломинка, стебель зерновых культур. Это понятие во всех лезгинских диалектах передается единым словом *сам*. Общая основа засвидетельствована

и в других дагестанских языках: авар. *сум*, анд. *сума*, ахвах. *шума*, лак. *сун*, табас. *швум*, агул. *сум*, рутул. *сум*, цахур. *сам*, хиналуг. *сам*, крыз. *сум* [Хайдаков 1973: 65].

Общекорневыми элементами здесь выступают *с-м*, *ш-м*, *шв-м*.

Ость. Одной общей лексемой обозначается значение термина «ость» в лезгинском литературном языке и диалектах – *риге*. Кроме исконного названия *риге*, в джабинском диалекте используется также и другой термин *къылчых*, заимствованный из азербайджанского языка.

Лист. Термин во всех лезгинских диалектах представлен единой основой *пеш*. Различия наблюдаются лишь в оформлении морфем множественного числа. Все диалектные единицы лезгинского языка в этом слове во множественном числе принимают аффикс множественности *-ер* за исключением ахтынского диалекта, в котором зафиксирован аффикс *-ар*: *пеш* «лист» – мн.ч. *пешар*. В ахтынском диалекте нарушена гармония гласных, наблюдающаяся в основном в диалектных единицах кюринского наречия: *пеш* — мн.ч. *пешер*.

Кармашек (колоса, в котором расположено зернышко). Это понятие в диалектах передается разными способами. В одних случаях используется простой самостоятельный термин. Так, например, в речи селения Кахцуг для передачи данного понятия используется лексема *муг* – мн.ч. *мукар* с исходным значением «гнездо». Здесь налицо расширение семантики слова. При образовании множественного числа слова *муг* конечный звонкий заднеязычный смычный *г*, оглушаясь, переходит в глухой непридыхательный смычный: *муг* > *мукарат*. В джабинском диалекте кармашек колоса обозначается описательным термином, состоящим из существительного *къуъл* «пшеница» > род. п. *къуълуьн* и существительного *къаш*: *къуълуьн къаш(ар)* букв. «пшеницы каш». *Къаш* в лезгинском языке обозначает «камешек в кольце или сережках».

В остальных диалектных единицах название «кармашек» образовано сложением трех слов *къуъл* «пшеница» + причастие *жедай* «содержащийся» +

чка «место» (исп., сал., нют.) – *къуъл жезей чака* (ахт.) букв. «пшеница (зернышко) содержащее место».

Шелуха (зернышка). Во всех привлекаемых диалектных материалах понятие передается разными способами. В нютюгском говоре яркинского диалекта обозначается самостоятельным словом *хъуьруьш*. Этим же термином обозначается и стручок фасоли (см. выше).

Самостоятельный термин *хъилчик* зафиксирован в речи селений Испик и Салиян. В джабинском и ахтынском диалектах и в речи с. Кахцуг обнаруживаются составные названия, образованные сложением двух слов – имени существительного *къуъл* в родительном падеже и субстантива *хам*: *къуьлуьн хам* букв. «пшеницы кожа», *къуьлуьн чкал* (ках.) «пшеницы кожура».

Корень. Термин представлен тремя названиями. Название *дувул* является общим для речи селений Испик, Салиян и Нютюг. В специальной литературе отмечено, что основа возникла после распада общедагестанского языкоосновы, свидетельством чему является очень ограниченный круг родственных корневых морфем [Хайдаков 1973: 64]. В ахтынском и джабинском диалектах лезгинского языка представлены слова *чIварах* (ахт.) – *чIарах* (джаб.). Кроме лексемы *чIарах* в джабинском диалекте представлено также одно описательное название *къуьлуьн тIанI*, состоящее из двух имен существительных, оформленных формами двух падежей – генитива и номинатива, букв. «пшеницы пень».

Стебель (кукурузы). В нютюгском говоре яркинского диалекта для передачи понятий «стебель колосовых культур» и «стебель кукурузы» употребляется единый термин *тан*. В остальных диалектных единицах, рассматриваемых в данной работе, зафиксированы композиты, образованные сложением двух слов – названий кукурузы и лексемы *тар* в значении «дерево»: *гьаджибугьдадин тар* (исп., сал.) – *гьаджикIад тар* (ках.) – *кукруззин тар* (ахт.) – *кукруздын тар* (джаб.) букв. «кукурузы дерево». Встречаются также составные названия, образованные сочетанием термина *кукруз* в форме родительного

го падежа с термином *лаш* «палка»: *кукуруздын лаш* (джаб.) – *кукуруззин лаш* (ахт.) букв. «кукурузы палка».

Метелка кукурузы. В исследуемой группе диалектных единиц представлены различные названия. Простой самостоятельный термин засвидетельствован в джабинском диалекте – *пангучI*. В остальных диалектных единицах названия являются составными. Первая часть этих композитов состоит из названий кукурузы в родительном падеже, а вторая часть – из названия метелки (*кул*): *гьаджибугьдадин кул* (исп., сал.) – *гьаджикIадин кул* (ках.) – *кукуруззин кул* (ахт.). Вторая часть композита *кул* прослеживается и в других лезгинских языках и восходит к общедагестанскому хронологическому уровню [СИЛДЯ 1971: 195]. Основное значение термина *кул* – «веник».

Рыльца кукурузы. Понятие передается составным названием: *гьаджибугьдадин мекер* (исп., сал.) букв. «кукурузы чёлка» – *гьаджибугьдадин чIарар* (нют.) – *гьаджикIадин чIарар* (ках.) – *кукуруззин чIарар* (ахт.) – *кукуруздын чIарар* (джаб.) букв. «кукурузы волосы».

Початок кукурузы. Понятие выражается композитами: *гьаджибугьдад кIаш* (исп., сал., нют.) – *гьаджикIад кIаш* (ках.) букв. «кукурузы палка» – *кукуруззин кьил* (ахт.) – *кукуруздын кьил*// *кьаргьудалидин кьил* (джаб.) букв. «кукурузы головка».

Самостоятельной исконной лексемой *кIаш* обозначается понятие «початок без зерен» в нютюгском говоре яркинского диалекта. Данная лексема созвучна с лексемой *кIеп* ахтынского диалекта, которая выражает понятие «стручок фасоли».

Листья на початке. Понятие представлено терминами разного происхождения – *пеш* – мн.ч. *пешер* (исп., сал., нют., ках.) – *пеш, пешар* (ахт.) – *пегьремар* (джаб.). Термин *пеш* восходит к общедагестанскому уровню [Хайдаков 1973: 64]. Второе название термина *пегьремар*, засвидетельствованное в джабинском диалекте, восходит к перс. *пирahān* [Селимов 2001:363].

2. Названия культурных растений

Флора во всех языках отражает разные стороны окружающей их носителей действительности. По утверждению В.И. Абаева, «элементы языка отражают элементы объективной действительности..., мир языка есть не что иное, как своеобразная переработка в общественном сознании мира реалий» [Абаев 1968:35].

Почвенно-климатические условия благоприятствовали росту и развитию различных видов растений у лезгин, многообразна и хозяйственная роль растительности у лезгин. С давних времен лезгины широко используют как дикорастущие, так и культурные растения, среди которых можно выделить овощные, плодово-ягодные культуры и различного рода травы (съедобные, лекарственные и кормовые).

Среди плодово-ягодных и овощных культур у лезгинского народа широкое распространение получили яблоки, груши, сливы, айва, персики, абрикосы, ежевика, шиповник, лук, чеснок и ряд других культур.

В пищу лезгины, как и другие народы Дагестана, употребляют различные травы, среди которых встречаются и лекарственные: крапива, тмин, чабрец, мята, пастушья сумка, лебеда и т.д.

Богато и разнообразно представлена в лезгинском языке терминология, связанная с названиями растений. Особенно разнообразны названия плодовых культур и травар. Беднее всего в лезгинских диалектах представлены названия цветов, так как специально разведением цветов лезгины не занимались.

В названиях растений прослеживаются основы общедагестанского, общезлезгинского и собственно лезгинского лексического фонда.

Следует заметить, что из названий растений в дагестанских языках хорошо сохранились наименования груши, яблока, винограда, крапивы, дуба, березы, барбариса, говорящие о том, что дагестанцам эти культуры были известны давно [СИЛДЯ 1971: 279-280].

В структурном отношении исследуемая часть отраслевой лексики также является различной. Здесь мы отмечаем непрямые (простые), производные и сложно-составные наименования.

Неоднородна эта часть лексики и с точки зрения происхождения. Здесь, помимо слов исконного происхождения, прослеживаются и заимствованные из других языков слова.

2.1. Названия деревьев

Родовое понятие «дерево» в лезгинском литературном языке и диалектах передается единым термином *тар*. Лексема иранского происхождения. Аффиксом множественности во всех диалектных единицах в данном слове выступает *-ар* (*тарар*). Различия наблюдаются лишь в оформлении эргатива. В одних диалектных единицах аффиксом эргатива выступает *-а/-ци*: *та-ра/тарци* (лит., исп., сал., ках., зиз., нюг., ахт., орт., юх.), в других *-а/-чы*: *та-ра/тарчы* (джаб., докуз.).

Термин *тар* употребляется также в значении «запор», «задвижка, засов (из дерева)». Слово *тар* входит также в состав сочетаний, передающих самые различные понятия: *айвандин тар* «перекладина на балконе», букв. «балкона дерево», *гам храдай тарар* «ткацкий станок», букв. «ковёр ткающие деревья», *кьулан тар* «позвоночник», букв. «поясницы дерево» [Талибов, Гаджиев 1966: 306].

Основное, главное значение термина *тар* – «дерево».

Термин *тар* в значении «дерево» встречается во многих пословицах и поговорках, что также подтверждает главное значение этого слова: *тек тар тама тахьурай* «пусть не будет одинокого дерева в лесу» (т.е. пусть не будет человек одинок), *тараз йакIв йада тамуз ван хьуй лугьуз* «по дереву топором стучат, чтобы лес слышал», *ич таран кIеник аватда* «яблоко падает под дерево» (соотв. «яблоко от яблони далеко не падает»), *йарх хьайи тараз йакIв йадайбур гзаф жеда* «тех, кто хочет рубить свалившееся дерево, окажется много», *вак йагъайла тараз акьах* «убив кабана, залезай на дерево», *гъвечIи*

тараз акъахна чӀехи хел йузурда «взобравшись на маленькое дерево, качает большую ветку», *чӀварах галачий тар йарх жеза* (ахт.) «дерево без корней свалится», *чӀехи тарцих чӀехи куьлгени жеда* «у большого дерева и крона большая бывает».

Многие из названий деревьев в лезгинском языке образуются описательно. В них первым компонентом выступает название вида дерева в полной или усеченной форме родительного падежа, а вторым компонентом – слово *тар* как словообразовательный элемент с семантикой «дерево». Этот способ образования названий деревьев является распространенным не только в иберийско-кавказских языках [см. Шенгелиа 1975: 124], но и в индоевропейских [см. Техов 1979: 17] и тюркских [см. Мусаев 1975: 154] языках.

Гийин тар (лит.) – *гайин тар* (исп., сал., ках., зиз., нют.) – *гайун тар* (орт., юх.) – *гигин тар* (ахт., джаб.) «осина». Расхождения здесь фонетического характера – соответствия гласных и согласных. Иногда вместо составного термина в некоторых лезгинских диалектах может употребляться простой термин *гиг* (ахт.), который в литературном языке и других диалектах выражает понятие «ось».

Гъулцин тар (лит., исп., сал.) – *гъелцин тар* (зиз., нют., орт., юх., ахт., джаб.) – *гъвалци тар* (ках.) – *гъилцин тар* (зрых.) «липа». Во всех диалектных единицах, кроме речи селений Испик, Салиян и Кахцуг и литературной формы, наблюдаем гармонию гласных. По-видимому, исходная форма сохранилась в речи селения Кахцуг (*гъвалцин тар*). В литературном языке, а также в речи селений Испик и Салиян лабиализация перешла на соседний гласный звук (*гъулиц тар*). В остальных диалектах лабиализация исчезла бесследно.

Название «осина» в лезгинском литературном языке и диалектах представлено разными фонетическими вариантами корневого согласного: *верхьи тар* (лит., исп., сал., ахт., джаб.) – *верши тар* (зиз., нют., орт., юх.).

В лезгинском литературном языке и диалектах название ивы представлено единой основой с незначительными расхождениями фонетического по-

рядка: *цIвелин тар* (лит., исп., сал., ках.) – *кIвелин тар* (зиз., нют., юх.) – *чIулун тар* (ахт.) – *чIольуьн тар* (джаб.). В диалектах самурского наречия (ахтынский и джабинский) заднеязычные лабиализованные согласные в положении перед или после гласного переднего ряда палатализируются и переходят в шипящие аффрикаты. Здесь же наблюдается делабиализация согласных с последующим переходом ее на соседний гласный звук. Основа, общая с собственно лезгинской, прослеживается и в других языках лезгинской группы: табас. *чIвал*, рутул. *чIул*, цахур. *чIов* <**чIол* [Талибов 1980: 268].

Название «бука» в большинстве лезгинских диалектов является единым: *пипин тар* (лит., исп., сал., ках., нют., орт., юх., ахт., джаб.).

Понятие «дуб» в литературном языке и диалектах передается описательным термином *мегъуьн тар* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., ках., орт., юх., ахт.) – *моьгъуьн тар* (джаб.). В джабинском диалекте налицо делабиализация согласного и переход её на гласный, что дало появление умляутизированного *оь*.

Различными способами передается название дубового желудя. В одних диалектных единицах данное понятие выражается простым (непроизводным) термином *мегъв* (исп., сал., ках., ахт.) – *моьгъ* (джаб.) – *маьгъв* (орт., юх.), в других – составным термином *мегъуьн хвехвер* (зиз., нют.) букв. «дубовые орехи». В джабинском диалекте наблюдаем делабиализацию конечного согласного основы и переход её на соседний гласный, что дало появление в этом диалекте отсутствующего в других диалектных единицах лезгинского языка, кроме куткашенских говоров [Гюльмагомедов 1966] и джабинского диалекта [Ганиева 1972: 229], гласного *оь*.

Основа *мегъв* небезосновательно возводится исследователями к дагестанско-нахскому хронологическому уровню [Хайдаков 1973: 54].

В лезгинском литературном языке и во всех диалектах понятие «береза» передается двумя разными по составу терминами *верхь* и *верхьи тар*. Первое название является простым (непроизводным) словом исконного происхожде-

ния, а второе – атрибутивным словосочетанием названия вида дерева со словом-индикатором *тар* «дерево». Первая основа общедагестанская и сохранилась в авар. *махх*, табас. *муьрх*, рутул. *йуІх*, цахур. *вуІх*, будух. *маьрх* [СИЛДЯ 1971: 161].

Термин «сосна» в лезгинском литературном языке и диалектах представлен двумя названиями. Первое – *нарат*, являющееся ареальным названием сосны в западнокыпчакских языках [Мусаев 1975: 159-160], во всех диалектных единицах лезгинского языка используется без фонетических и семантических изменений. Второе, также заимствованное, в разных диалектных единицах выступает в двух фонетических вариантах с конечным шипящим спирантом и аффрикатой – *шамагъаж* (лит., ахт.) – *шамагъадж* (исп., сал., ках., зиз., нют., орт., юх.). В джабинском диалекте для обозначения данного понятия используется первая заимствованная основа *шам*, восходящая к названию древней Сирии, а вторая основа *агъаж* «дерево», «дрова» заменяется исконно лезгинской основой *тар* «дерево» < *шамдин* (род. п.) *тар*.

Единая лексема с незначительными фонетическими расхождениями используется для выражения понятия «вяз»: *къарагъаж* (лит., ахт., джаб.) - *къарагъадж* (исп., сал., ках., зиз., нют., орт., юх.). Слово сложное тюркского происхождения, ср. др.-тюрк. *qaraqъaġ*, тат. *къарагъач*, каз. *къарагъаш*, туркм. *гъарагъач*, кирг. уйг. *къарийагъач*, узб. *къайрагъоч* «карагач» [Дмитриева 1972: 190].

Единую семантику и звуковое оформление во всех лезгинских диалектах имеет термин *къавах*. Слово тюркского происхождения [Мусаев 1975: 179]. Возможно, для всех диалектов источником заимствования является азерб. *говаг*.

В речи селения Зизик термин *къавах*, сочетаясь с прилагательным *яргъи* «длинный», образует название пирамидального тополя *яргъи къавах*, что буквально означает «длинный тополь».

В речи сел.Зрых Ахтынского района мы зафиксировали также один составной термин *ибришин ттар* для обозначения пирамидального тополя. Значение первого компонента *ибришин* неясно.

В большинстве лезгинских диалектов понятие «пирамидальный тополь» передается термином *чинар*, используемым и для передачи понятия «платан восточный». Слово иранского происхождения, проникшее в лезгинский язык из азербайджанского, ср. азерб. *чинар*. Встречаются и другие разновидности тополя: *лацу къавах* «белый тополь» и *чулав къавах* «черный тополь».

Различны в лезгинском языке названия ели. Один термин является составным – *муьтквер тар*. Первый компонент композита составляет слово исконного происхождения. Второй термин представлен заимствованным из русского языка словом *йолка* «ёлка». Это позднее заимствование в настоящее время получило широкое распространение в лезгинском литературном языке и диалектах, вытеснив прежнее название *муьтквер тар*.

2.2. Названия кустарников и ягод

Если названия дикорастущих и одомашненных плодовых деревьев в основном образуются описательно, то названия кустарников в преобладающем большинстве случаев (за редким исключением некоторых из них) представляют собой простые лексемы. Названия кустарников и их плодов в основном совпадают.

Понятие «кустарник» в лезгинском языке передается двумя терминами – *вал* и *кул*. Первое название отсутствует в диалектах самурского наречия и представлено только в кюринском наречии. Вторым термином является общим для всех диалектных единиц лезгинского языка. Слово *кул*, помимо понятия «кустарник», имеет также несколько значений: 1) «хворостина» 2) «палец ноги» 3) «кисть, гроздь (винограда)» 4) «рой (пчел)» 5) «ливень» [Талибов, Гаджиев 1966: 165] 6) «ветка дерева» (ках.). Термин *кул* представлен и в других языках лезгинской группы: табас. *кул*, рутул. *кул*, криз. *кул*, удин. *кол*, цахур. *кол* [Хайдаков 1973: 54].

В лезгинском языке для обозначения барбариса употребляется самостоятельное слово *мерт-ер* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх.) – *моьрт-ар* (ахт.) – *моьрт-ер* (джаб.).

В нютюгском говоре яркинского диалекта, помимо исконного названия *мерт*, представлено также одно – *зириш*. Полагаем, что оно восходит к прилагательному *цуру* «кислый» со словообразовательным аффиксом *-иш*.

В лезгинском языке и диалектах в различном фонетическом оформлении представлен термин «шиповник» – *жикли-яр* (лит., исп., ках., зиз., нют., орт., юх.) – *шикли-яр* (ахт., джаб.) – *шкликI-ар* (ахт.). В ахтыньском и джабинском диалектах звонкий спирант *ж* оглушился и першел в глухой шипящий *ш*, иногда с редупликацией корневого согласного (*шкликI*).

Термин «ежевика» в лезгинском языке передается тремя разными по происхождению и звуковому оформлению словами: *мере* (лит., исп., сал., зиз., нют., ках., орт., юх.), *фырыфыл* (ахт.), *гугур-ткан* (джаб.). Простая основа *мере* представлена лишь в диалектных единицах кюринского наречия. Она обнаруживает соответствия в табас. *мер-ер*, дарг. чираг. *мимре*, лак. *мамари*, чеч. *мур-г*, что дает возможность реконструировать соответствующую правосточнокавказскую основу [Николаев, Старостин 1994:804]. В речи селений Зизик и Юхари-Стал налицо также составной термин *кацин мере* букв. «кошачья ежевика», обозначающий одну из разновидностей ежевики.

Лексема *мере* в зизикском говоре яркинского диалекта используется также для передачи сходного понятия «малина».

В остальных диалектных единицах лезгинского языка для выражения понятия «малина» употребляется заимствованный из русского языка термин «малина».

Второе название ежевики – *фырыфыл*, зафиксированное в ахтыньском диалекте, представлено и в табасаранском языке – *фур* [Хайдаков 1972: 56]. В ахтыньском диалекте, судя по табасаранской форме, лексема образована редупликацией основы с диссимилятивным переходом вибранта *p* в плавный *л*.

Название ежевики *гугурткан* в джабинском диалекте тюркского, скорее всего азербайджанского происхождения, ср. азерб. *бейурткан*.

В диалектах лезгинского языка имеются две лексемы, обозначающие смородину. Одна из них (*цIурицI*) зафиксирована в диалектных единицах кюринского наречия (лит., исп., сал., зиз., ках., нют., орт., юх.). Слово, видимо, производное, образованное посредством суффикса *-ицI*. Второе название (*къибриш*), видимо, также производное, представлено в диалектах самурского наречия (ахтынский и джабинский). Эта же основа с незначительными фонетическими расхождениями представлена и в других близкородственных языках: ср. рутул. *гъибриш*, цахур. *гъабрыш* [Бокарев 1961: 72]. Основа тюркского происхождения.

Для различения трех разновидностей смородины – красной, белой и черной – используются описательные названия, состоящие из имен прилагательных, обозначающих цвет плода – соответственно *лацу* «белый», *йару* «красный», *чIулав* «черный» и названия самого плода смородины: *лацу цIурицIар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *лацы къибриш-ар* (ахт., джаб.) «белая смородина», *йару цIурицI-ар* (лит., исп., сал., зиз., нют., орт., юх.) – *йары къибриш-ар* (ахт., джаб.) «красная смородина», *чIулав цIурицI-ар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *чIылав къибриш-ар* (ахт., джаб.) «черная смородина». В последнее время исконное название смородины вытесняется русским названием – черный смородина «черная смородина».

Название земляники в лезгинском языке едино: *некъи* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., орт., юх.) – *некъи* (ахт., джаб.), где наблюдается соответствие между абруптивом и глухим увулярным. Термин простой, исконного происхождения, восходящий к общедагестанскому хронологическому уровню, ср. авар. *къаркъи* (андал.), анд. *гъуркъи*, лак. *къоьнукъи*, табас. *никъ*, *никъа* [Хайдаков 1973: 56].

В лезгинском языке и диалектах название бузины представлено разными словами, которые образуют синонимические пары: *серкIв* // *кирф* (лит.) –

кърфер (нют.) – *гандавуш* (зиз., нют.) – *мардаши-йар* // *мырдачи-йар* // *мардашиз тIвалар* (ахт.). Первые два названия *серкIв* // *кирф* и *кърфер*, видимо, являются простыми исконными словами. Происхождение других названий неясно.

Для понятия «боярышник» во всех диалектных единицах лезгинского языка используется единый термин с незначительными фонетическими отклонениями: *ини* (лит., исп., сал., ках., орт., юх., ахт., джаб.) – *гьини* (зиз., нют.). В форме зизикского и нютюгского говоров яркинского диалекта (гьини-яр) начальный *гь*, видимо, является наращением.

Название облепихи в лезгинском литературном языке и диалектах передается разными по своей структуре словами. В речи селения Юхари-Стал зафиксирована простая исконная основа *игди-йар*. В остальных регионах бытуют описательные названия: *вакIан кIири-йар* (лит.) – *вакан кIири-йар* (ахт., джаб.) – *цацын кIери-йар* (с. Зрых). Образованы они по модели: сочетания имен существительных *вакIан*// *вакан* «свиньи», *цацын* «колючки» в родительном падеже и имени существительного *кIири-йар* // *кIери-йар* «мелкие некачественные яблоки». Возможно, плоды облепихи являлись кормом для диких свиней (кабанов), откуда название *вакIан кIирийар* букв. «свиньи яблоки».

Третье название облепихи *цацын кIери-йар* обязано тому обстоятельству, что кустарник или деревце облепихи является колючим, а плоды мелкими, что послужило основанием для обозначения, букв. «колючки яблоки», т.е. мелкие яблоки, растущие на колючем кустарнике.

Понятие «калина» в лезгинском языке и диалектах передается одним словом – *чIухлумпI*. Слово исконного происхождения и, видимо, производное. Возможно, конечный элемент *-умпI* раньше выполнял роль словообразовательного аффикса.

Черемуха обозначается сложно-составным названием *кицIин цIитицIар* (ахт.) – *кицIин рацIар* (Зрых, нют.). В остальных диалектных единицах нам не удалось выяснить название этой культуры. В приведенных названиях первым

компонентом выступает название собаки *кицI* > род. п. *кицIин*, вторым – два самостоятельных слова *цIипицIар* «виноград» и *рацIар*. Значение последнего (*рацIар*) неясно.

В лезгинском языке и диалектах представлены два разных по происхождению названия для обозначения понятия «виноград». Одно название *ци-пицI* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., орт., юх., джаб.) - *цIипицI* (ахт.) исконного происхождения. Виноград в Дагестане является древней культурой, о чем свидетельствуют генетически родственные основы, представленные в большинстве дагестанских языков, где общекорневыми согласными выступают *mI* и *цI*: авар. *цIибил*, карат. *цIибил*, дарг. *mIymlu*, лак. *mIymlu*, агул. *mIлубит* (бурк.) < **mIлувитI* (тпиг.), табас. *mIлумутI* < **mIлубутI*, рутул. *mIымыл*, цахур. *тымыл*, арчин. *mIлумул*, удин. *ттул* [СИЛДЯ 1973: 161]. Как видно из приведенного материала, в большинстве из приводимых языков корневой согласный *mI* или *цI* редуплицируется.

В лезгинском языке понятие «виноград» передается также словом *уь-зуьм* тюркского происхождения, которое широко представлено во многих тюркских и монгольских языках [Севортян 1974: 625].

В лезгинском языке зафиксировано много названий различных сортов винограда на территориях, где была развита данная отрасль: *агъадайи*, *ркац-тел*, *изабела*. Эти названия вошли в лезгинский язык из русского языка.

Сорт винограда без косточек во всех диалектных единицах лезгинского языка обозначается одним словом *кишмиш*. Слово это широко представлено и в других дагестанских языках. Лексема иранского происхождения.

Названия сортов винограда, в которых отражается цвет, образованы описательно – сложением имени прилагательного, обозначающего цвет плода, и слова *ципицI* «виноград»: *лацу ципицI* (исп., сал., ках., зиз., нют., орт., юх.) – *лацы цIипицI* (ахт.) – *лацы ципицI* (джаб.) «белый виноград», *чIулав ципицI* (исп., сал., ках., зиз., нют., орт., юх.) – *чIылав цIипицI* (ахт.) – *чIылав ципицI*

(джаб.) «черный виноград», *къацу ципицI* (орт., юх.) «столовый винный сорт винограда», букв. «зеленый виноград».

Название сорта «дамские пальчики» *цIегьре мумар* букв. «козы соски», данное по сходству, является составным. Название одного из видов сорта винограда «дамские пальчики» *иришба // иришбуба*, зафиксированное в селениях Орта-Стал, Юхари-Стал и Нютюг, возможно, является сложным.

Термином *дакIулар* (орт., юх.) обозначается сорт крупного винограда округлой формы. Название дано по сходству: основа *дакIур* является причастной формой от глагола *дакIун* «опухать».

Зафиксировано также несколько названий сортов винограда – *хатми-йар* (мускат розового цвета), *уьлквемар* (несладкие мясистые сочные плоды коричневого цвета), *къеридж-ар*, *къуьркъуьм-ар*, *гилишма-йар*, *пурни-йар* и др.

Исконной основой *чIакъракъ* (юх.) обозначается самый поздний сорт винограда, а винный сорт винограда с тонкой кожицей и крупными ягодами – термином *мермери* (юх.). Возможно, термин имеет связь со словом *мермер*, мрамор «мрамор».

Специальным термином тюркского происхождения обозначается сорт дикого винограда – *къере-йар* (юх., зиз.). А для обозначения различных видов дикого винограда используются составные термины *лацу къере*, *чIулав къере*, *мумаш къере* (юх.).

В лезгинском языке существует два термина для выражения понятия «виноградная лоза» *тегьенг* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., орт., ахт., джаб.) и *чIере* (лит., исп., сал., зиз., нют., орт., юх.).

Термин *чIере* исконного происхождения. Лексема эта, помимо понятия «виноградная лоза», имеет также значение «край крыши», «стреха».

Со словом *ципицI* употребляются и поговорки: *адан кIвачик ципицIдин тIвар хъиткъиндач* (юх.) «под его ногой и зернышко винограда не лопнет», т. е. он настолько ловок и хитер, что даже зернышко винограда под его ногой

останется целым; *цIунIицIзин кул хъти рыш* (ахт.) «красивая девушка» букв. «как гроздь винограда (красивая) девушка» и др.

2.3. Названия садовых культур

Наряду с полеводством в хозяйстве лезгин большое место занимает садоводство и огородничество. Садоводство является древним занятием не только лезгин, но и других народов Дагестана, что подтверждается находками фруктовых косточек на Ирганайском поселении [Атаев, Погребова 1973: 35].

Садоводство на территории Лезгинистана наиболее развито в Сулейманстальском, Ахтынском и Магарамкентском районах. В садах этих районов выращиваются различные сорта груш, яблок и слив, персики, вишня, черешня, абрикосы, кизил, алыча, мушмула, тут, орехи и другие культуры.

Мастерами-садоводами выведено много местных сортов фруктов, которые имеют и свои местные названия. В качестве примера можно привести сорт яблок *дагранат*, выращенный ахтынцами, получивший впоследствии название «ранет ахтынский». Фрукты, выращенные лезгинами, известны не только в нашей республике, но и за её пределами, т. е. фрукты выращиваются не только для личного потребления, но и для продажи.

Таким образом, большой опыт в разведении садов, наличие в пище большого количества блюд и напитков из фруктов, наличие общих названий в других дагестанских языках некоторых плодовых культур – все это подчеркивает древность садоводства в Дагестане. А длительное занятие садоводством, большой опыт в разведении садов способствовало появлению в лезгинском языке богатой и разнообразной садоводческой терминологии.

Для обозначения понятия «сад» во всех лезгинских диалектах используется слово иранского происхождения *багъ* (лит., исп., сал., зиз., нют., орт., ахт., джаб.). В ахтынском диалекте, кроме лексемы *багъ*, употребляется также и термин *бахча*.

Обобщающее понятие «фрукт» в лезгинском языке и диалектах обозначается единым термином тюркского происхождения *йемши-ар* (лит., исп.,

сал., ках., зиз., нют., юх., орт., ахт., джаб.), проникшим в лезгинский язык, видимо, из азербайджанского языка, ср. *емиш*. Широко представлено слово и в других дагестанских языках [см. Хайдаков 1973: 57].

Слово *йемиш*, сочетаясь с другими словами, образует составные названия культурных и диких фруктов: *къени йемишар* «культурные фрукты» < *къени* «культурный» + *йемиш* «фрукт». Понятие «дикие фрукты» также передается описательно: *члуру* «дикий» + *йемиш-ар* «фрукты».

Лексема *йемиш* в некоторых диалектных единицах лезгинского языка используется для передачи и понятия «дыня», ср. *йемиш* (джаб.) «дыня».

Среди разнообразных названий видов фруктов особое место занимают яблоки и груши.

В лезгинском литературном языке и диалектах термин «яблоко» обозначается словом *ич*, восходящим к общедагестанскому хронологическому уровню [СИЛДЯ 1971: 168].

Понятие «яблоня» передается сочетанием названия плода в родительном падеже со словом *тар* «дерево»: *ич* «яблоко» > род.п. *ичин* + *тар* «дерево», букв. «яблока дерево». Таким способом образуются названия и других деревьев: *хутун тар* «сливовое дерево» < *хвад* «слива» > род. п. *хутун* + *тар* «дерево»; *шефтелид тар* «персиковое дерево» < *шефтели* «персик» > *шефтелидин* > *шефтелид* (усеченная форма генитива) + *тар* «дерево» и т. д.

Слово *ич* «яблоко» служит для образования и других новых понятий: *ичин багъ* «яблоневоый сад», *ичин мураба* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *ичин мыраба* (ахт., джаб.) «яблочное варенье»; *ичин цъыс* (ахт.) «яблочный сок», *ичин рикI* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт., ахт., джаб.) «сердцевина яблока», *ичин кIап // кIури* (ахт.) «огрызок яблока».

Для обозначения плодов яблок и других фруктов, осыпавшихся с дерева, существует специальное название – *авахъайбур // кIвахъайбур* (исп., сал.) – *авахъайар* (зиз., нют.) – *кавахъейбыр* (ахт.) – *кавахъайбыр* (джаб.) букв. «осыпавшиеся».

Дольки яблок и некоторых других фруктов имеют свои специальные названия, которые различаются фонетически: *зурар* (лит., исп., сал.) – *згуьрер* (зиз., нют.) – *жураар* (ахт.). Здесь представлено звукосоответствие согласных *з-г-ж*, исходным в котором предполагается *зг*, хорошо сохранившийся только в яркинском диалекте, где был зафиксирован П. К. Усларом [Услар 1896: 13] и У. А. Мейлановой [Мейланова 1964: 67].

Лезгины славятся хорошими садами. Ими выведено много лучших сортов фруктов, среди которых особое место занимают сорта яблок и груш.

Среди названий сортов яблок и груш представлены слова, разные по структуре, семантике и происхождению. Преобладающее большинство названий сортов яблок и груш представляют собой различные двучленные и редко трехчленные термины – словосочетания, в которых определяемым словом выступает родовое название фрукта, а определением – слова, выражающие вкус, цвет, величину, форму, время созревания, место, откуда был завезен сорт, имя человека, который вывел данный сорт и т.д. Подобного рода словосочетания образованы:

а) Сложением имени существительного с родовым названием фруктов в форме множественного числа:

Шекер ичер (исп., сал.) букв. «сахар-яблоки». Название дано по цвету. Яблоки этого сорта светлые, почти белые.

Къаьнфет ичер (исп., сал.) букв. «конфеты-яблоки». Название дано по вкусу. Яблоки желтого цвета, ароматные и очень приятные на вкус.

Джунгав ичер (исп., сал.) букв. «бычьи яблоки». Данный сорт имеет также одно название – *кIвалакI ичер* (исп., сал.) – *кIвалакI ичар* (ахт.). Название по сходству: слово *кIвалакI* означает кусок теста, приготовленный для раскатки. Называемые этим именем яблоки по форме являются сплюснутыми, круглыми. По вкусу они сладкие, на цвет желтоватые, краснощекие с крапинками.

Къабах ичар (ахт.) букв. «тыква-яблоки». Название – по величине и вкусу. Не очень вкусные, но крупные по величине яблоки.

Хуьруьг ичар (ахт.) «хрюгские яблоки». *Хуьруьг* – название селения в Ахтынском районе. Название сорта дано по местности. Возможно, сорт был выращен или привезен из сел.Хрюг.

Шырван ичар (ахт.) «ширванские яблоки». Название сорта дано по месту, откуда завезена культура: по сведениям информаторов, этот сорт привезен в сел.Ахты известным в Ахтах садоводом Килинджем Агаевым из Шемахи, которую лезгины называют иначе Ширван.

Куг ичер (исп., сал.) – *куг ичар* (ахт.) «сорт яблок». Название по форме, чему ахтынцы дают такое объяснение: яблоки продолговатые и немного зауженные к верхушке, в то время как *кук* по-ахтынски – «верхушка», «макушка», «зауженный, заостренный конец чего-л.»

Кьиф ичер (зиз., нют.) «сорт яблок» , букв. «мышинные яблоки». Название этому сорту дано по величине: плоды этого сорта очень мелкие.

Клахар ичар (ахт.). Зимний сорт, который культивируется в Ахтынском районе свыше 150 лет. Высокоурожайный сорт, плодоносящий ежегодно. На вкус кислые, по цвету красные со светлыми полосками.

б) Сочетанием прилагательного с родовым названием фрукта:

чырычI ичар (ахт.) «сорт яблок». Название сорта дано по вкусу: лексема *чырычI* по-ахтынски означает «сладкий».

Урус ичер (нют., зиз.) «сорт яблок» , букв. «русские яблоки». Видимо, сорт привезен из России.

Цару ичер (исп., сал., орт. юх.) – *цIары ичар* (ахт.) «пестрые яблоки». Названия по цвету (в полоску). На вкус кисло-сладкие. Обычно идут на мочение, поэтому жители селения Испик эти яблоки называют по-другому: *цин ичер* букв. «воды яблоки», т. е. яблоки, которые можно мочить.

Цуру ичер (исп., сал., орт., юх.) – *цыры ичар* (ахт.) букв. «кислые яблоки». Яблоки зеленого цвета, по вкусу кислые, так что название дано по вкусу. Идут на мочение.

Клуьгьуь ичер (орт., юх.) «сладкие яблоки». Название дано по сладкому вкусу. Красные в полоску. Половинки этих яблок сушат.

Гатун ичер (лит., исп., сал., зиз., орт.) – *гатын ичар* (ахт.) – *гатын ичер* (джаб.) «скороспелые яблоки», букв. «летние яблоки». Название, как видим, дано по времени созревания плодов.

в) Сочетанием существительного в родительном падеже (усеченная форма) + название яблока:

НафтIад ичер (исп., сал., орт., юх.) букв. «керосиновые яблоки». Красивые, на вкус немного горькие яблоки. Название дано по вкусу.

Нуьгвед ичер (лит., исп., сал., зиз., нют., орт., юх.) «нугинские яблоки». Сорт тяжелый, красный сочный и сладкий.

Пачагьд папар (зиз., нют.) – *пачагьз папар* (ахт.) «наполеон», букв. «жёны царя». Очень вкусные сочные ароматные яблоки. В Юхари-Стале используется позднее название «наполеон», вошедшее из русского языка.

г) Сочетанием имени существительного с прилагательным или причастием и названием яблока: *цилинлай хьайи ичер* (орт., юх.) букв. «от косточки образовавшиеся яблоки»; *Къен йары ичар* (ахт.) букв. «сердцевина красная яблоки» < *къен* «внутренность» + *йары* «красный» + *ичар* «яблоки». Название дано по цвету мякоти.

д) Сочетанием слов, семантика первого компонента которых неясна: *снар ичер* (лит.) – *снер ичер* (исп., сал.) – *снар ичар* (ахт.) «бельфлер китайский», *кирич ичер* (орт., юх.) «сорт яблок», *адец ичар* (ахт.) «апорт», *цIенкь ичер* (исп., сал.) «сорт мелких краснощеких сладких яблок».

Наименования некоторых сортов яблок представляют собой сложные слова.

Мишккалма «сорт яблок». Выращивается в Ахтынском и Сулейманстальском районах. Один из старых, наиболее распространенных местных сортов народной селекции. Оба компонента сложного слова составляют основы, заимствованные из разных языков. Первый компонент, видимо, происходит от уменьшительно-ласкательной формы русского имени *Мишка*, а второй компонент *алма* тюркского происхождения [Мусаев 1975: 207].

Гемелмайар (исп., сал.) «сорт яблок», образованный сочетанием двух слов. Значение первого компонента затемнено.

Жиргъажи (лит.) – *жырхIаьжи-йар* (ахт.) «сорт красно-сладких яблок». В диалектных единицах кюринского наречия эти яблоки называются *нуьгвед ич*. Слово образовано из *жыр* (ахт.) «молодое деревце, саженец (дикий)» + имя собственное *Гъажи, ХIаьжи*. Возможно, саженец этого растения привез откуда-л. мужчина по имени Гаджи, тем более старожилы тоже утверждают, что молодой саженец этого сорта был привезен из Северного Азербайджана свыше 100 лет назад.

КъизилаьIмед (ахт.) «сорт красных яблок». Модель состоит из тюркского *къизил*, ср. азерб. *гызыл* «красный» + имя собственное мужское *АьхIмед* «Ахмед». Название дано по цвету плода и имени человека, выведшего данный сорт.

Джирджирма-йар (зиз., нют.) «джирджирма» (сорт яблок). Название образовано редупликацией основы. Лексема *жиржирма* в литературном языке, *жыржырма* в ахтынском диалекте выражает понятие «цикада», ср. *жыржырма рахазва* букв. «цикада говорит».

Сийидагъмед (юх., орт.) «сийидахмед» (сорт яблок). Сладкие яблоки красного цвета, удлиненные. Название сорта образовано сложением двух самостоятельных собственных имен: Сийид и Агъмед.

Магъулагъмед (юх., орт.) «магулахмед» (сорт яблок). В лезгинском литературном языке слово *магъул* обозначает «тюркский» ср. *магъул чIал* «тюркский язык». В ахтынском диалекте лексема *мугъул* обозначает «азер-

байджанец»: *мугъулар аттана* «тюрки (азербайджанцы) пришли», *мугъулзиз гъуьлиз фена* «вышла замуж за тюрка (азербайджанца)». Отсюда можно предположить, что сорт этих яблок впервые был выведен азербайджанцем по имени Ахмед или привезен на территорию, населенную лезгинами, азербайджанцем Ахмедом.

Маллахмед-ар (ахт.) «сорт яблок». Образованный сложением *малла* 1) «мулла», «священный человек» 2) собственное имя мужчины + собств. имя мужчины *АьхИмед* «Ахмед». Старожилы рассказывают, что сорт этих яблок выращен в саду бедняка по имени Малла-Ахмед.

Дагранат-ар «ранет Ахтынский». Данный сорт является местным, выведенным в селении Ахты, отсюда и русское название этого сорта: слово *дагранат*, вероятно, сложное, состоящее из двух слов. Первая часть *даг* является сокращенной формой прилагательного *дагестанский*, вторая *ранат* < *ранет* (название сорта яблок), букв. «дагестанский ранет».

В лезгинском языке представлены и простые названия сортов яблок. По сравнению с описательными и сложными названиями простых производных названий местных сортов в лезгинском языке мало:

Афат-ар (юх., орт.) «сорт яблок». Сорт назван по имени мужчины Афат, который его вырастил. В селении Касумкент до сих пор сохранились другие названия, связанные с его именем: *Афатан багъ* «сад Афата», *Афатан кьер* «русло Афата» и др.

Циган-ар (ахт.) «сорт яблок», букв. «цыгане». Яблоки красного цвета. Объясняют, что цыгане любят одевать одежду в красный цвет, поэтому яблоки этого сорта передают термином *циганар*.

Нами зафиксировано и несколько названий зарубежных сортов. Фонетический облик многих этих названий изменился, но некоторые названия сохранились в своем первоначальном звучании. Первоисточником для перехода названий зарубежных сортов в лезгинский язык явился, несомненно, русский язык: *шафран-ар* (лит., исп., сал., зиз., нют., орт., юх., ахт., джаб.) «шафран»;

гатун шафранар (зиз., нюх., юх., орт.) букв. «летний шафран», *полосатый шафранар* (ахт.) «полосатый шафран»; *къацы шафранар* (ахт.) букв. «зеленый шафран», *зулун шафранар* (зиз., нют.) букв. «осенний шафран», *зимний шафран* (исп., сал., юх., орт.) (букв. «зимний шафран») «зеленый шафран»; *снабар* (исп., сал.) – *синаб-ар* (юх., орт.) – *снеб-ар* (ахт.) «кандиль синап»; *сапри синаб* (юх., орт.) «синап (краснощекий)»; *апорт* (юх., орт.) «апорт»; *бумажный ранет* (юх., орт.) – *пымажна-йар* (ахт.) «бумажный ранет»; *пепел-ар* (зиз., нют.) – *пепе-йар* (ахт.) «пепел лондонский»; *дилишес* (исп., сал., нют., зиз., юх., орт., ахт.) «дилишес»; *розмарин-ар* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт., ахт.) «розмарин»; *вагни-йар* (ахт.) «вагнеры»; *симиренка* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *симеренка* (ахт.) «симеренка»; *китайски ичер* (юх., орт.) «мелкие красивые яблоки, из которых готовят варенье», букв. «китайские яблоки».

Пословицы и поговорки, связанные с названиями яблока: *ичин са пад йару, са пад хъипи хъуналди адан дад чIуру жедач* «от того, что у яблока одна сторона красная, а другая – желтая, вкус плохим не бывает»; *са ич йе къве патх пайневей* (ахт.) букв. «одно яблоко на две части разделенное (т.е. очень похож)»; *ич таран кIаник аватда* «яблоко падает под яблоню», соотв. «яблоко от яблони далеко не падает»; *Еке ич тарал алумкъдач, гуьрчек цуьк хилел* «Крупное яблоко не остается на дереве, а красивый цветок - на ветке».

Общим родовым названием груши в лезгинском литературном языке и диалектах является *чуьхвер* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт., джаб.) – *чихер* (ахт.). В ахтынском диалекте налицо бесследная утеря лабиализации. Груша в Дагестане является древней культурой, о чем свидетельствует наличие в других дагестанских языках близких по звучанию исконных основ: цез. *цихоли*, гинух. *цихали*⁶, дарг. *хъаIр*, лак. *хъуIрт*, арчин. *хаIрт*, лезг. *чуьхвер*, табас. *джаIхаIр*, *джихир*, агул. *чехер*, *джехер*, рутул. *хыIр*, цахур. *джыIхали*, криз. *джуьхуIр*, будух. *чухIур* [СИЛДЯ 1971: 162]. Исходным корневым согласным

⁶ Лексемы цезских языков скорее получены из груз. *msxali* (прим. ред.).

в этих лексемах является *хъ [Бокарев 1961: 77-78]. Начальная звонкая аффриката дж в лезгинском, агульском, будухском оглушился [Бокарев 1981: 101].

Названия сортов груш в лезгинском языке различны. Образованы они различными способами: словосложением, суффиксацией и сочетанием слов. Многие из названий подчеркивают цвет, форму, величину и другие качества плода.

а) Простые названия

Пайгъамбар-ар (исп., сал., юх., ахт., орт.) «сочные, с длинной плодоножкой и гранями крупных размеров груши». Название иранского происхождения (букв. «пророки»).

Гачал-ар (исп., сал.) «кисло-сладкие груши с крапинками». Слово *гачал* в лезгинском языке означает «парша». Название дано по цвету кожицы.

Хъенпар (исп.) «круглые, с короткой плодоножкой и с очень сладким соком сорт груш», *къаьлпар* (юх., орт.) «сорт терпкий и с грубой мякотью груш». Происхождение названий неясно.

СукІра-йар (исп., сал.) «сорт желтых груш с крапинками и с длинной плодоножкой». По форме плоды эти приплюснуты и напоминают пиалу, которая в лезгинском языке обозначается термином иранского происхождения *сукІра*, так что название дано по форме. Оно зафиксировано также в аварском (*суркІа*) и даргинском (*сукура, сукра*) языках.

ДакІур-ар (исп., сал.) «сорт круглых желтых груш, зауженных к плодоножке». Слово *дакІур* является формой причастия прошедшего времени со значением «опухший», «округленный» от глагола *дакІун* «пухнуть». Название дано по форме.

Чахма-йар (исп., зиз., сал., нют., юх., орт.) «сорт сочных груш с грубой крепкой кожицей». Значение и происхождение слова неясно. Видимо, собственно лезгинская основа.

Къаби-йар (исп., сал.) – *къарбу-йар* (юх., орт.) «один из видов диких груш». Значение неясно.

Анар-ар (исп., сал., юх., орт.) «сорт сладких сочных груш». Название термина иранского происхождения и означает «гранат». В лезгинский язык, видимо, перешло из тюркских языков, где это слово широко представлено [Мусаев 1975: 197]. Название дано по сходству.

ТунутIар (юх., орт.) «сорт приплюснутых мелких груш». При созревании мякоть темнеет. Слово *тIунутI* (лит.) – *тIулумI* (ахт.) исконного происхождения, в лезгинском языке оно обозначает лепешку, а в ахтынском диалекте маленькую лепешку. Название дано по форме.

Сев-ер (юх., орт.) «сорт терпких небольших груш». Основное значение термина *сев* – «медведь». Видимо, носители языка хотели этим названием подчеркнуть свое отношение к этому сорту. Когда плоды являются грубыми или терпкими и крупными по размеру, им дают названия крупных животных, ср. *вак чихерар* (ахт.) букв. «свинья-груши». Плоды этого сорта груш также являются крупными, сочными, но грубыми.

Названия некоторых сортов груш связаны с собственными именами: *на-сирар* (ахт.) < *Насир* (мужское имя), *исакъар* (ахт.) < *Исакъ* (мужское имя). По всей вероятности, сорт назван по имени человека, который их вывел.

Отдельные названия сортов груш обозначают географические названия: *куьре-йар* (ахт.) «сорт поздних сочных зеленых груш с узким основанием». Сорт, видимо, завезен из Кюринского округа. Ахтынцы Кюринский округ называют *куьре пад*, а кюринцев – *куьре-йар*.

Дербенар (исп., сал.) «сорт краснощеких мягких груш», Название, видимо, дано по месту, откуда был привезен сорт.

Кърим-ар (юх., орт.) «сорт поздних с очень приятным вкусом зеленых груш». Сорт, видимо, был привезен из Крыма, которого специалисты считают «образцовым районом возделывания высокосортных груш» [Жуковский 1960: 301].

б) Сложные названия

Названий сортов груш, образованных сложением основ, немного. Среди них можно отметить *абасбиги* (исп., сал., зиз., нют., юх. орт.) – *гIабас алмытI* (ахт.). В диалектных единицах кюринского наречия во второй части выступает слово *биги*, которое не поддается этимологизации⁷, а в ахтынском диалекте в данном случае использовано тюркское название груши *алмутI* // *армуд*, которое является широко распространенным в тюркских языках [Мусаев 1975: 198]. Первая часть названия во всех диалектах за некоторыми фонетическими различиями одина и обозначает, видимо, имя человека, выведшего этот сорт.

Тумкуьруь-йар (исп., сал., юх., орт.) «сорт груш с короткой плодоножкой, а также широкой вершиной и узким основанием». Название дано по размеру. Слово образовано сложением *тум* «хвост» > «плодоножка» и прилагательного *куьруь* «короткий».

Ширалайбур (зиз., нют., юх., орт.) «сладкий сорт груш с темной кожицей и узким основанием». Слово образовано из *шир* «краска» и причастия *алай-бур* «имеющие», букв. «краску на (себе) имеющие». Название дано по цвету: объясняют, что кожица этого сорта выглядит так, будто её покрасили краской (темно-желтой).

Авчавучар (исп., сал.) «зеленые круглые сочные груши с крупчатой мякотью». Слово образовано редупликацией основы. Исходное значение слова неясно. Обычно сходным по звучанию словом начинаются загадки: *имучамуча-муч халича...*

Абыгарданар (ахт.) «сорт очень сладких груш». В кюринских диалектах этот сорт называется *ширалайбыр* (о чем см. выше). Слово, состоящее из иран. *аб* «вода» + иран. *гардан* «шея»⁸.

Жыржырма-йар (ахт.) «сорт груш». Название образовано редупликацией основы. Исконное значение неясно.

⁷ Сложный термин усвоен из азербайджанского *абасбэји*, где вторая часть, по-видимому, *бэј* 1) бек, дворянин 2) новобрачный, жених (прим. ред.).

⁸ Ср. лезг. лит. *абугерден* «половник».

НаралмытIар (ахт.) «сорт очень вкусных сочных краснощеких груш, по форме приплюснутых». Слово образовано по модели *нар* «гранат», ср. перс. *анар* «гранат» + *алмытI* < тюрк. *армуд* «груша», букв. «гранат-груша». Название дано по сходству.

в) Составные названия, образованные сочетанием прилагательного с именем существительным: *чIуру чухвер-ар* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *чыры чихер-ар* (ахт.) – *чыры чухвер-ар* (джаб.) < *чIуру* «дикий» + *чухвер-ар* «груши» - «лесная груша», букв. «дикая груша».

Лацу чухвер-ар (исп., сал.) «сорт светлых сладких груш» < *лацу* «белый» + *чухвер-ар* «груши», букв. «белые груши». Название дано по цвету.

Хъипи чухвер-ар (исп., сал.) «сорт кислых груш с узкой вершиной и основанием» < *хъипи* «желтый» + *чухвер-ар* «груши», букв. «желтые груши». Название дано по цвету.

Къацу тIегъри-йар (исп., сал.) «сладкий, круглый сорт груш с тонкой кожицей и длинной плодоножкой» < *къацу* «зеленый» + *тIегъри-йар* (значение неясно). Название дано по цвету. Этот сорт в селении Нютюг обозначается простым словом *тIегъри*.

Чулав чухвер-ар (юх., орт.) «сорт груш, при созревании которых мякоть темнеет» < *чулав* «черный» + *чухвер-ар* «груша» букв. «черные груши». Название дано по цвету мякоти.

Сав чухвер (юх.) «сорт груш с рассыпчатой мякотью» < *сав* «рассыпчатый» + *чухвер* «груша», букв. «рассыпчатая груша».

Гатун чухвер-ар (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *гатын чихер-ар* (ахт.) – *гатын чухвер-ар* (джаб.) «сорт скороспелых груш» < *гад* «лето» > *гатун* «летний» + *чухвер-ар* «груши», букв. «летние груши». Название дано по времени созревания плодов.

Быц чихер-ар (ахт.) «сорт округленных груш» < *быц* «полный», «круглый» + *чихер-ар* «груши», букв. «круглые груши». Название дано по форме.

Лесной красавица-йар (ахт.) «сочные желтые с румянцем груши». Название позднее, заимствованное из русского языка.

Ряд названий сортов груш образованы сочетанием имени существительного с прилагательным или причастием:

Пад йару (исп., сал., нюх., орт.) «сорт краснощеких груш» < *пад* «половина», «сторона» + *йару* «красный», букв. «половина красный». Название дано по цвету. Данный сорт в селении Испик называется *чулав бише-йар* < *чулав* «черный» + *бише-йар* (значение неясно).

Кьел квачир-ар (исп., сал.) «сорт краснощеких безвкусных груш» < *кьел* «соль» + *квачир* «не имеющий», букв. «соль не имеющий» т.е. «невкусный». Название дано по вкусу.

Встречаются также названия, образованные сочетанием имени существительного с существительным:

кьиф чуьхвер (юх.) «сорт мелких с узким основанием груш» < *кьиф* «мышь» + *чуьхвер* «груша», букв. «мышь-груша». Название дано по размеру.

Шекер чуьхвер-ар (исп.) «сорт сладких груш» < *шекер* «сахар» + *чуьхвер-ар* «груши», букв. «сахарные груши». Название дано по вкусу. Первая часть *шекер* иранского происхождения.

Хали чуьхвер-ар (исп.) «сорт груш со вкусом дыни» < *хали* «арбуз» + *чуьхвер-ар* «груши», букв. «арбуз-груша». Название дано по вкусу.

Кьал чихер-ар (ахт.) «сорт мелких желтых груш». В других диалектных единицах *кьал* означает «груша». Второй компонент – *чихер-ар* «груши», букв. «груша-груши».

Мижид чуьхвер-ар (юх., орт.) – *меджид чуьхвер-ар* (нют.) «сорт сочных вкусных груш с грубой кожицей» < *Мижид*, *Меджид* (мужское имя) + *чуьхвер-ар* «груши», букв. «Меджид-груша». Сорт назван, видимо, по имени человека, который его вывел.

Вак чихер-ар (ахт.) «сорт сочных груш с грубой кожицей и мякотью» < *вак* «свинья» + *чихер-ар* «груши», букв. «свинья-груши». Название дано по величине.

Следующие названия сортов груш, на наш взгляд, исторически были производными, но на современном этапе развития языка значимые части слов трудно выделить, чаще они являются непродуктивными: *цIарax* (юх.) «сорт желтых крепких груш», ср. *цIар* «линия»; *аццагъанар* (исп.) «сорт кислых груш», ср. *аццун* «доить»; *савагар* (исп.) «сорт круглых скороспелых сочных кисло-сладких груш», ср. *сав* «рассыпчатый».

Понятие «слива» в лезгинском языке и диалектах передается единым словом *хвад* (лит., ахт., джаб.) – *хват* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.). В диалектных единицах кюринского наречия первичный звонкий смычный *д* в ауслауте перешел в глухой преруптив *т*. Слово исконного происхождения. Родственные основы представлены и в других языках лезгинской группы: табас. *хут*, *хутт*, *хур*, крыз. *хед*, агул. *худ* [Хайдаков 1973: 57]. В табасаранском и агульском языках делабиализация корневого согласного перешла на соседний гласный. Делабиализация корневого согласного и переход лабиализации на соседний гласный обнаруживается и в лезгинском языке при словоизменении: *хват*, *хвад* > *хутар*, при этом конечный глухой преруптив переходит в преруптив *т*.

Со словом *хвад* «слива» употребляется выражение: *хвад над-надзейзи* (ахт.) «очень скупой, скряга», букв. «сливу половину-половину делающий»; поговорка: *бубади хват неда, хци свах регъведа* «отец ест сливу, а сын оскомину набил» (букв. зубы жуёт).

В лезгинском языке зафиксировано несколько названий сортов слив, среди которых встречаются как простые, так и составные.

Многие из составных названий состоят из сочетания прилагательного и общего названия сливы в форме именительного падежа множественного числа: *чIуру хутар* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *чIыры хутар* (ахт.,

джаб.) «дикие сливы»; *хъипи хуттар* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт., джаб.) – *къипи хутар* (ахт.) «желтые сливы»; *вили хутар* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *жуьлуь хутар* (ахт.) «синие сливы».

В названии сорта «ренклюд» в лезгинском языке и диалектах первым компонентом выступают два различных слова. В диалектах кюринского наречия используется заимствованное из иранских языков слово *ширин* «сладкий», а в ахтынском диалекте первым компонентом выступает слово иранского происхождения *шекер* «сахар»: *ширин хутар* (исп., сал., зиз., нют.) букв. «сладкие сливы»; *шекер хутар* (ахт.) букв. «сахарные сливы». Название дано по вкусу.

В речи селения Юхари-Стал для данного сорта используется более позднее заимствование *рангулат* «ренклюд», которое заимствовано из русского языка.

Салан хутар (ахт.) «сорт узких, синих, кисло-сладких слив наподобие венгерки». Лексема *сал* в лезгинском языке означает «огород», а в ахтынском диалекте, кроме этого, выражает также понятие «огородные культуры»: *вуна салар цанван?* (ахт.) «ты огородные культуры посадил?» Связь слов, составляющих название данного сорта, неясна.

Интересно название сорта слив *ахвар хутар* (ахт.) < *ахвар* «сон» + *хутар* «сливы». Дело в том, что некоторые сливы (на дереве) вышеназванного сорта (*салан хутар*) после дождя теряют свою форму и вкус и перестают свое дальнейшее развитие, как бы застывая в этом состоянии. Поэтому эти сливы называются *ахвар хутар* «сонные сливы». Это название в ахтынском диалекте встречается в выражении по отношению к человеку, который любит много спать: *ам ахвар хвад я* «он сонная слива есть» (т. е. он - соня).

Самым поздним сортом слив является *жулун хутар* (ахт.) < *жул* «осень» > *жулун* (род. п.) + *хутар* «сливы», букв. «осенние сливы».

Зейте хутар (ахт.) «сорт мелких продолговатых скороспелых слив». Значение первой части неясно.

Урус хутар (исп.) – *урусатзи хутар* (ахт.) «сорт продолговатых мясистых слив синего цвета наподобие венгерок», букв. «русские сливы». Название, видимо, дано по месту, откуда привезен сорт.

Пери хутар (ахт.) «сорт круглых слив» < *Пери* (женское имя) + *хутар*. Старожилы рассказывают, что впервые этот сорт обнаружили в саду старушки Пери.

Как видно, в приведенных выше названиях сортов слив, наименования даются по цвету, вкусу, по состоянию развития плода.

В лезгинском языке наблюдается и такая закономерность, которая заключается в том, что названиями слив в одних диалектных единицах выступают простые слова, а в других – названия являются сложными или составными: *бухвари* (юх.) – *бухари* (зиз., нют.) – *эл-бухари* (исп.) – *эл-быхарар* (ахт.). Слово иранского происхождения, что букв. означает «бухарская слива». Слово это заимствовано и другими дагестанскими языками.

Разными по структуре являются названия сорта красно-желтых слив, круглых и крупных. В диалектах кюринского наречия он обозначается простым названием *дамбул-ар* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.). В ахтынском диалекте для данного сорта используется составное название из *пымадур* «помидор» + *хутар* «сливы», букв. «помидор-слива». Сорт крупный, плоды мясистые и по внешнему виду напоминают помидоры. Название дано по сходству.

Название *дамбул* употребляется при сравнении: *адан вилер аку дамбулар хьтин* «на его глаза смотри, как сливы дамбул» (т.е. выпуклые большие глаза). Название *дамбул* (варташ.) – *дампул* (нидж.) в удинском языке также выражает понятие «слива» [Талибов 1980: 186].

В диалектных единицах кюринского наречия для обозначения терна используется простое название *кьукьва-йар* (исп., сал., юх., орт.). В ахтынском диалекте для данного понятия используется составное название – *мискиска-рын хутар*, букв. «мискинджинские сливы». Видимо, к ахтынкам сорт попал из селения Мискинджа Ахтынского района.

Сорт продолговатых сочных и сладких слив обозначается термином *кIишти-йар* (юх.). Исконное значение слова неясно.

Единым для всех диалектных единиц лезгинского языка является название сорта слив *венгерка-йар* «венгерка». Название сорта заимствовано из русского языка без фонетических и семантических отклонений.

Общим для всех диалектных единиц лезгинского языка с незначительными фонетическими расхождениями является название «алычи» – *алуца* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *алча* (ахт., джаб.). По мнению Л. В. Дмитриевой, слово состоит из иран. *алу* «слива» + тюркский словообразовательный аффикс *-ча* [Дмитриева 1972: 177].

В лезгинских диалектах понятие «абрикос» передается разными по происхождению терминами: *къенси*, *къайси* и *машмаш*.

Название *къенси*, *къайси* тюркского происхождения. Лезгинским языком оно заимствовано, видимо, из азербайджанского, ср. азерб. *гайсы*.

Мелкий сорт абрикоса в диалектах лезгинского языка обозначается термином *машмаш*. Слово иранского происхождения, которое представлено также в рутульском, табасаранском, крызском языках [Хайдаков 1973: 55]. Основа слова редуплицируется.

Здесь следует остановиться на некоторых семантических изменениях в отношении второго названия абрикоса *машмаш*. Этот сорт абрикосов лезгины различают по вкусу косточек. В ахтынском диалекте словом *машмаш* обозначаются мелкие абрикосы с горькой косточкой. Для мелких абрикосов со сладкой косточкой в ахтынском диалекте существует специальное название *кIийис-ар*, а в речи селения Юхари-Стал – *чIуру къенси-йар* букв. «дикие абрикосы». В диалектах кюринского наречия для обозначения сорта мелких абрикосов со сладкой косточкой к названию *машмаш* добавляется также слово *къени* «культивированный» – *къени машмашар*, а для мелких абрикосов с горькой косточкой используется слово *чIуру* «дикий» – *чIуру машмашар* букв. «дикие абрикосы». В ахтынском диалекте для мелких круглых абрикосов за-

фиксировано также одно название – *цIуициI машмаш-ар* букв. «виноградные абрикосы». Плоды этого сорта очень сочные, круглые и по форме напоминают виноград. Название дано по сходству.

В ахтынском диалекте представлено несколько названий сортов абрикосов:

быц къенси-йар «сорт красных круглых абрикосов». Название дано по форме. Слово *быц* в ахтынском диалекте обозначает «полный, толстый».

Эици къенси-йар «сорт желтых продолговатых абрикосов с очень сладкой мякотью». Название образовано из *эици* (усеченная форма генетива) < тюрк. *аш*, ср. кум. *аш* «пища, хлеб») + *къенси-йар* «абрикосы». Лексема *аш* в лезгинском языке обозначает плов. Ахтынцы сушеные дольки этого сорта абрикос используют для приправы к плову, в силу чего этот сорт называется *эици къенси-йар* букв. «плова абрикосы». Название дано по назначению.

Иран къенси-йар «сорт белых продолговатых абрикосов» < иран «Иран» + *къенси-йар* «абрикосы», букв. «иранские абрикосы». Сорт, видимо, пришел из Ирана.

Названия вишни и черешни в разных диалектных единицах лезгинского языка различны. В одних диалектных единицах вишня обозначается простым термином *пIуни-йар* (зиз., нют.), в других представлены составные названия: *жыр пели-йар* (ахт.) – *чIыры пели-йар* «дикая вишня» (джаб.) – *шурван пIуни-йар* (исп., сал.), букв. «ширванская вишня».

Название черешни во всех диалектных единицах является одинаковым за некоторыми фонетическими различиями: *пIуни-йар* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) *пели-йар* (ахт., джаб.). Как видно, в зизикском и нютюгском говорах яркинского диалекта одним термином *пIуни* выражается два понятия – «вишня» и «черешня». В. И. Абаев название черешни связывает с персидским *bālu*, *ālubālu* и находит параллели в других кавказских языках [Абаев 1958: 233]. Эта лексема представлена также и в некоторых дагестанских языках [Хайдаков 1973: 55].

Различается несколько сортов черешни: *чИулав пИини-йар* (исп., сал., зиз., ках., нют., юх., орт.) – *чЫлава пели-йар* (ахт., джаб.) «черная черешня»; *лацу пИини-йар* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *лаццы пели-йар* (ахт., джаб.) «белая черешня». Оба названия являются составными, состоящими из имени прилагательного, обозначающего цвет (*чИулав* «черный», *лацу* «белый») и общего названия черешни *пИини, пели*.

Сорт «шпанка» обозначается разными названиями. В ахтынском диалекте этот сорт именуется *кыцIар пели-йар* букв. «кусарская черешня». *КыцIар* – это название города Кусары и районного центра Кусарского района республики Азербайджан. Сорт впервые привезен, видимо, из этого района. В яркинском диалекте данный сорт называется *урус пИинийар*, букв. «русская черешня». Видимо, этот сорт к яркинцам попал от русских, из России.

Название *шурван пИини-йар* в разных диалектных единицах выражает разные понятия: *шурван пИини-йар* (исп., сал.) «вишня», но *шыр-ван пели-йар* (ахт.) «сорт мелкой, круглой, прозрачной черешни», букв. «ширванская черешня». Видимо, сорт завезен из Ширвана.

Самый ранний сорт черешни называется *майски пИини-йар* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *майски пели-йар* (ахт.) «майская черешня». Название дано по времени созревания плодов.

Темно-бордовая черешня, имеющая форму сердца, обозначается двояко. В одном случае оба компонента сочетания выражены исконными словами – *къуьрен рикIер* (ахт.) < *къуьрен* (род.п.) < *къуьр* «заяц» + *рикIер* «сердца», букв. «заячьего сердца». В другом названии оба компонента выражены заимствованными из русского языка словами: *воловый сердце* (юх., орт.) «воловье сердце». Название дано по форме.

Название айвы в рассматриваемых диалектных единицах является единым, ср. *жум* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *жым* (ахт., джаб.). Различия имеют лишь фонетический характер – соответствия гласных *у-ы*.

Общее название айвы *жум*, сочетаясь с другими словами, образует названия сортов айвы: *агьмед жум* (юх., орт.) «мелкая скороспелая ароматная айва», букв. «Ахмед-айва». Название, видимо, получено от имени человека, который завез данный сорт.

Вак жум (юх., орт.) «сорт поздней айвы крупных размеров», букв. «свинья-айва».

Понятие «персик» в рассматриваемых диалектных единицах передается разными по происхождению терминами – *шефтели* (ахт., джаб.) – *шефтел* (исп., сал., зиз., юх., орт.). Слово иранского происхождения. Широко представлено в тюркских [Дмитриева 1972: 200, Мусаев 1975: 205] и дагестанских языках [Хайдаков 1975: 57]. В лезгинский язык слово, видимо, вошло из азербайджанского языка ср. азерб. *шафтэли*. Особенно близки к азербайджанской форме названия в ахтынском и джабинском диалектах, что объясняется тесными контактами лезгин этой территории с азербайджанцами.

Кроме заимствованного названия для обозначения персика, в некоторых диалектных единицах лезгинского языка используется и исконное название *гугъри* (зиз., нют., юх., орт.). Родственная основа представлена также в табас. *жугъри* [Хайдаков 1973: 57].

Скороспелые и поздние сорта персиков передаются описательными названиями, в которых первым компонентом выступают относительные прилагательные со значением времени: *гатун шефтелар* (лит., исп., сал.) – *гатын шефтелийар* (ахт., джаб.) «скороспелый сорт персиков» < *гад* «лето» > род. п. *гатун* + *шефтел-ар* букв. «летние персики»; *зулун шефтел-ар* (исп., сал.) – *жулун шефтели-йар* (ахт., джаб.) «поздний сорт персиков» < *зул, жул* «осень» > род. п. *зулун, жулун* + *шефтел-ар*, букв. «осенние персики».

Специальное название зафиксировано для персиков крупных размеров в селении Юхари-Стал – *къаьни гугъри-йар* «культивированные персики».

Название миндаля в лезгинских диалектах является единым без семантических и фонетических изменений – *бадам*. Слово иранского происхожде-

ния. Судя по фонетическому облику, источником заимствования является один язык. Для лезгинского языка в данном случае им, по-видимому, является азербайджанский. Широко это слово представлено и в других тюркских языках [Дмитриева 1972: 197; Мусаев 1975: 200].

Название кизила в рассматриваемых диалектных единицах является общим – *ччумал* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *чимел* (ахт., джаб.). Генетически родственные варианты зафиксированы и в других дагестанских языках [Хайдаков 1973: 57]. В. И. Абаев полагает, что основа этого слова восходит к персидскому *сирсир* [Абаев 1958: 233].

Понятие тутовника в рассматриваемых диалектах передается двумя заимствованными лексемами. Одна из них является простой и зафиксирована в большинстве лезгинских диалектов: *тут* (лит., исп., сал., зиз., нют., джаб.) – *турт* (ахт.). Другим названием туты, представленным не во всех диалектных единицах (в ахтынском и джабинском диалектах отсутствует), является *хатрут* (лит., юх., орт.) – *хартут* (зиз., нют.). Близкое по звучанию слово находим в язгулямском языке – *xarted*, которое, по мнению И. М. Стеблина-Каменского, является сложением с таджикским, персидским *хар* «ослиный» (исторически – «большой») и названием туты [Стеблин-Каменский 1982: 93].

Название мушмулы в лезгинском языке является исконным: *кицик* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *китик* (ахт., джаб.). Как отмечено в специальной литературе, исходной формой данной лексемы является *кидик* [Талибов 1980: 279]. В основе слова звонкий *д* в ахтынском и джабинском диалектах оглушился и перешел в глухой преруптив *т*, а в диалектных единицах кюринского наречия в положении перед гласным переднего ряда звонкий смычный *д* аффрикатизировался.

Термин для обозначения ядра ореха в лезгинских диалектах является единым – *хвех*. Основа исконного происхождения.

В ахтынском и джабинском диалектах лексема *хвех* выражает также понятие «орех» (со скорлупой). В диалектах кюринского наречия для данного понятия используется слово *кIерец* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.).

Специальное название имеют зеленые незрелые орехи: *хъархъ* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *къарк* (ахт.) – *къархъ* (джаб.). Данная основа в специальной литературе возводится к общедагестанскому хронологическому уровню [Хайдаков 1973: 57]. Корневой согласный в диалектах кюринского наречия редуплицируется.

Название орехового дерева является составным. Оно образуется сложением названий ореха и слова-индикатора *тар* «дерево», причем в качестве первого компонента используется как название плода вместе со скорлупой (*кIерец*), так и название зеленого незрелого ореха (*хъархъ*): *кIерец тар* (лит., исп., сал., зиз., нют., орт.) – *хъархъу тар* (лит., исп., сал., зиз., юх., орт.).

Следует отметить, что в ахтынском и джабинском диалектах название орехового дерева также является составным, образованным сложением названия ореха *хвех* в генитиве и слова *тар* «дерево»: *хвехуьн тар*.

Самостоятельным словом выражается понятие «скорлупа ореха» *хъире* (лит., исп., сал.) – *хъере* (зиз., нют., юх., орт.). Слово исконного происхождения. В ахтынском диалекте понятие «скорлупа ореха» передается составным названием, состоящим из наименования ореха в генитиве (*хвехуьн* < *хвех* «орех») и слова исконного происхождения *чыкал* со значением «кожура», «скорлупа».

Зеленая скорлупа ореха, отпадающая при созревании, также имеет три специальных названия, не совпадающих по звучанию ни в одной диалектной единице лезгинского языка: *хъархъу сирке-йар* (исп., сал.) – *цIерк* (зиз.) – *серкIе* (юх., орт.).

Исконным словом обозначается перегородка, находящаяся между двумя половинками ядра ореха – *лам* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.).

В речи селения Юхари-Стал зафиксировано слово *буклуш*, обозначающее целое ядро ореха. В других диалектных единицах лезгинского языка это слово отсутствует. Слово *буклуш* используется также при сравнении: *буклуш хьтин руш* «полная красивая девушка» (букв. «как целое ядро ореха девушка»).

Различны названия половинки ядра ореха. В одних диалектных единицах она обозначается *лепе* (ахт., джаб.), в других – *пад* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.). Второе слово является многозначным: 1) «сторона» 2) «чужбина» 3) «поддержка» 4) «половина, часть».

Название полого, пустого ореха в лезгинских диалектных имеет разные варианты: *ничли клерец* (лит., исп., сал., юх., орт.) – *ничли хвех* (ахт., джаб.). Данные названия являются составными, образованными сложением прилагательного *ничли* «пустой» и названия ореха *клерец*, *хвех*. В зизикском и нютюгском говорах яркинского диалекта для обозначения полого ореха употребляется простое производное слово *ничлек*, образованное от прилагательного *ничли* «пустой» с помощью суффикса *-ек*.

Понятие «орешник» в диалектах лезгинского языка передается двумя разными по происхождению лексемами. Название *шумьмаьгь* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) является исконным и представлено в диалектах кюринского наречия. В ахтынском же и джабинском диалектах самурского наречия употребляется лексема арабского происхождения *фындых*.

Название каштана для всех диалектных единиц лезгинского языка является единым – *шабалт* (лит., юх., арт.) – *шабалут* (исп., сал.) – *шабалат* (ахт., джаб.). Слово, по мнению К. М. Мусаева, иранского происхождения [Мусаев 1975: 199], ср. иран. *шагь* «шах» + *булут* < иран. *белут* «дуб» [Дмитриева 1972: 190]. В лезгинский язык слово перешло, видимо, из азербайджанского языка, ср. азерб. *шабалыд*. Одинаковое обозначение этого растения с незначительными фонетическими отличиями наводит на мысль о том, что название данной культуры перешло к лезгинам вместе с реалией.

Инжир на территории, населенной лезгинами, является очень редкой культурой. Он здесь появился сравнительно недавно. Во всех лезгинских диалектах эта культура обозначается одним общим названием *инжир*. Слово иранского происхождения и широко представлено также в тюркских языках [Дмитриева 1972: 189].

В рассматриваемых диалектах название граната передается одним словом в двух фонетических вариантах: *анар* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *нар* (ахт., джаб.). Слово иранского происхождения. Зафиксировано также и в других дагестанских языках [Хайдаков 1973: 58]. Широко представлено оно и в тюркских языках [Дмитриева 1972: 185, Мусаев 1975: 197].

В лезгинский язык название этой культуры могло войти или непосредственно из персидского языка, или же через соседний азербайджанский язык. Усеченная форма *нар* ахтынского и джабинского диалектов ближе к источнику, ср. перс. *нар*, азерб. *нар*. Полная форма этого слова *анар*, зафиксированная в диалектах кюринского наречия, характерна для тюркских языков, распространенных в Средней Азии и Казахстане [Мусаев 1975: 197].

Названия цитрусовых культур в лезгинском языке и диалектах являются заимствованными. Источники заимствований разные. Некоторые названия цитрусовых культур вошли из русского языка: *лимон* (лит.) – *ламун* (исп., сал.) – *лымын* (ахт., джаб.), *мандарин* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт., ахт., джаб.), другие же – из азербайджанского: *партахал* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт., ахт., джаб.) «апельсин», ср. азерб. *партагал*.

2.4. Названия огородных культур

По сравнению с плодоводством в прошлом огородничество у лезгин было развито слабо. Широкое возделывание овощей началось только с конца XIX века.

Из огородных культур наиболее распространенными были лук, чеснок, красный перец и свекла, выращиваемые с давних времен почти на всей территории Северного Кавказа. Значительным событием стало появление кар-

тофеля - культуры более поздней; в изучаемом регионе возделывание картофеля относится лишь к первой половине XIX века. Данная культура была заимствована горцами от русских поселенцев, о чем свидетельствует, в частности, ее русское название (осет., адыг., балк. *картоф*, ср.лезг. *картуф*) [Калоев 1981: 98].

Названия большинства огородных культур в лезгинском литературном языке и диалектах являются заимствованными из других языков, за исключением некоторых из них. Это говорит о том, что выращиванием огородных культур лезгины раньше занимались мало.

Понятие «огород» в лезгинском литературном языке и диалектах передается простым термином *сал*, от которого образуются другие названия: *салан мейвайар* «огородные культуры», *салан набататар* «огородные растения», *саларбан* «огородник», *саларбанвал* «огородничество».

Лезгины на своих земельных участках по сей день выращивают картофель, капусту, помидоры, огурцы, чеснок, лук, морковь, свеклу и т.д.

В лезгинском литературном языке и диалектах для обозначения лука используется одно общее слово в трех фонетических вариантах: *чичЛек* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *чичлаг* (ахт.) – *чичЛег* (джаб.). Первичными являются формы ахтынского и джабинского диалектов с конечным звонким смычным *г*. Родственные в структурном отношении основы представлены также в других лезгинских языках [Хайдаков 1973: 58]. Основа общелезгинская.

Названия репчатого и зеленого лука являются описательными: *кьил чичЛек* (исп., сал., зиз., нют., ках., юх., орт.) – *кьил чичлаг* (ахт.) – *кьил чичЛег* (джаб.) «репчатый лук», букв. «голова-лук»; *кьацу чичЛек* (исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *кьацы чичлаг* (ахт.) – *кьацы чичЛег* (джаб.) «зеленый лук».

Во всех диалектных единицах лезгинского языка название чеснока *серг* едино без фонетических и семантических изменений. При словоизменении во всех лезгинских диалектах конечный звонкий смычный *г*, оглушаясь, переходит

дит в преруптив *к*: *серг* > мн.ч. *серкер*. Родственная основа представлена также в крызском (*сарг*), агульском (*ссарг*) языках [Хайдаков 1973: 59]. Слово иранского происхождения, ср. тадж., персид. *sir* «чеснок», др.-иран. **sigra* [Стеблин-Каменский 1982: 74].

Общее название чеснока в лезгинских языках служит основой для образования новых слов. При помощи названия чеснока *серг* в лезгинских диалектах образуются словосочетания, связанные по значению с чесноком: *серки кьил* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт., джаб.) – *серки силих* (лит.) – *серки цилаьг* (ахт.) «долька чеснока».

В рассматриваемых диалектных единицах названия дикого чеснока различны по структуре. В одних диалектах представлено простое слово *пил-ер* (джаб.) – *пил-аьр* (ахт.), в других – описательные термины: *пехьре серг* (исп., сал.) – *бехьре серг* (юх., орт.) букв. «вороний чеснок» – *чуру серг* (зиз., нют.) букв. «дикий чеснок».

Понятие «капуста» во всех диалектных единицах лезгинского языка передается одним словом – *келем-ар*. Слово иранского происхождения [Стеблин-Каменский 1982].

Название капусты (*келем*) вступает в синтаксические связи с другими словами и образует новые понятия: *фад жедай келемар* (исп., сал., зиз., ках., нют.) букв. «рано поспевающая капуста» – *гатун келемар* (юх., орт.) букв. «летняя капуста»; *гедж жедай келемар* (исп., сал.) «поздно поспевающая капуста» – *геж жедай келемар* (зиз., нют.) – *зулуз жедай келемар* (юх., орт.) букв. «осенью поспевающая капуста» – *зулун келемар* (джаб.) «поздний сорт капусты»; *келемдин кIватI* (исп., сал., зиз., нют., ках., орт., джаб.) – *келемз кIватI* (ахт.) «кочан капусты, вилок», букв. «капусты клубок»; *келемдин рикI* (исп., сал.) букв. «капусты сердце» – *келемди тум* (юх., орт.) букв. «капусты хвост» *келемз кьачI* (ахт.) (букв. «капусты стебель») «кочерыжка капусты».

Название картофеля лезгинским языком заимствовано из русского языка. Одни диалектные единицы используют название клубня картофеля *кар-*

тышка (ахт.), другие – название самого растения с клубнем *картуф* (исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.). Второе название является усеченной формой от русского *картофель*.

Название картофеля участвует в аналитическом словообразовании: *картуфдин кьалар* (исп., сал.) букв. «картофеля былинки» - *картуфдин кьенерар* (зиз., нют., юх., орт.) букв. «картофеля уздечка» – *картышказ чIичIар* (ахт.) букв. «картофеля ворс» – *картышкад чичIер* (джаб.) «ботва картофеля»; *картуфдин вилер* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *картышкад уьлер* (джаб.) букв. «картошки глаза» – *картышказ клацIар* (ахт.) (букв. «картошки дырки») «глазки клубня»; *тумун картуфар* (исп., сал., ках., зиз., нют., ках., юх., орт.) – *тымын картышка-йар* (ахт., джаб.) «семенная картошка» < *тум, тым* «семена».

Наименование огурца в лезгинском литературном языке и диалектах представлено двумя разными по происхождению лексемами. Одно название *афни* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *алфынаг* (ахт.) имеет исконное происхождение. Основа представлена и в близкородственных языках [Хайдаков 1373: 58]. Другое название – *хийар* (джаб.) – является словом тюркского происхождения. В джабинский диалект, видимо, вошло из азербайджанского языка. Эта лексема засвидетельствована также в даргинском, рутульском, цахурском, крызском языках [см. Хайдаков 1973; 58].

В двух фонетических вариантах представлено в лезгинском литературном языке и диалектах название моркови: *газар* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., ках., юх., орт.) – *казар* (ахт., джаб.). Исходное состояние сохранили диалектные единицы кюринского наречия (*газар*). В ахтынском и джабинском диалектах пралезгинские звонкие [Талибов 1980: 217] в начальной позиции оглушились и перешли в глухой вариант (*казар*). В специальной литературе отмечено, что слово *газар* иранского происхождения [Хайдаков 1973: 58]. Засвидетельствовано оно в афганском и индоарийских языках: афг. *gzera* «мор-

ковь», хинди *gājar*, синдхи *gājiro*, пенджаби *gājjar*, др.- инд. *gārjara* «морковь» [Стеблин-Каменский 1982: 70].

В рассматриваемых диалектных единицах лезгинского языка понятие «репа» передается двумя словами. Диалектные единицы кюринского наречия, а также джабинский диалект самурского наречия, как и в большинстве других лезгинских языков, используют для этого заимствованное из тюркских языков термин *турп* [Хайдаков 1973: 58]. Исключением из их числа является ахтынский диалект, в котором сохранилось исконное название репы *кылампI*.

Название свеклы в лезгинском литературном языке и диалектах выражается одним словом *чугъундур*. Слово иранского происхождения. С незначительными фонетическими изменениями оно зафиксировано почти во всех дагестанских языках [см. Хайдаков 1973: 58]. Слово *чугъундур* в лезгинском языке выступает в качестве словообразовательного компонента при образовании других названий свеклы: *шекердин чугъундур* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *шекерзин чугъундур* (ахт.) «сахарная свекла». Оба компонента данного названия имеют иранское происхождение.

Название красной свеклы, как и сахарной свеклы, является калькой с русского: *йару чугъундур* (исп., сал., зиз., нют., ках., юх., орт.) – *йары бырак* (ахт., джаб.) < *йары* «красный» + *чугъундур, бырак* «свекла» .

По-разному в рассматриваемых диалектных единицах образовано название кормовой свеклы. В одних диалектах в качестве первого компонента выступает заимствованное из арабского языка слово *мал* в форме генитива, в других – первым компонентом является имя прилагательное *лацу* «белый». Второй компонент в обоих случаях является общим – *чугъундур* «свекла»: *малдин чугъундур* (исп., сал.) букв. «животного свекла», *лацу чугъундур* (зиз., нют., юх., орт.) – *лацы чугъундур* (ахт., джаб.), букв. «белая свекла» «кормовая свекла».

Диалектные единицы лезгинского языка проявляют единство в названии перца: *истивут* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт., ахт., джаб.). Слово

тюркского происхождения. По всей вероятности, заимствовано из азербайджанского языка.

Название редиски во всех диалектных единицах лезгинского языка является единым без фонетических и семантических изменений – *редиска*. Наличие сходных форм во всех диалектных единицах говорит о том, что источником заимствования является один язык – русский.

С некоторыми фонетическими отличиями в лезгинских диалектах представлены и названия баклажана и помидора: *бадамжан* (лит., исп., сал.) – *бадамджи* (зиз.) – *батлажан* (нют.) – *бадамжан* (юх., орт.) – *баклажан* (ахт.) – *бадымджан* (джаб.) «баклажан»; *памидур* (исп., сал.) – *камадур* (зиз., нют.) – *памадур* (юх., орт., джаб.) – *пымадур* (ахт.) «помидор».

Понятие «укроп» во всех диалектах лезгинского языка передается одним словом без фонетических и семантических изменений: *шивит* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт., ахт., джаб.). Слово, по мнению специалистов, иранского происхождения, ср. перс. *šivid* «укроп» [Стеблин-Каменский 1982: 75]. В лезгинском языке произошло оглушение конечного звонкого смычного *д*.

Название кинзы в лезгинских диалектах также является единым, но здесь наблюдаются отличия фонетического характера: *клашнши* (лит., юх., орт.) – *кишнши* (исп., сал., зиз., нют., ахт.) – *кишнши* (джаб.). Слово иранского происхождения, ср. перс. *gašniz* [Стеблин-Каменский 1982: 75]. В лезгинском языке налицо оглушение начального звонкого смычного *з* и переход его в одних случаях в непрерывтив *к* (джаб.), в других – в абруптив *кI*.

Разными фонетическими вариантами представлено название кресс-салата: *цIуьлуьк* (лит.) – *цIвелик* (исп., сал.) – *кIуьлуьк* (нют.) – *цIелуьк* (юх., орт.) – *цIулук* (ахт.) – *чIоьлуьк* (джаб.). В приведенных выше вариантах слов проявляется два фонетических процесса – делабиализации и палатализации согласных. Первичная форма с лабиализованными согласным сохранилась в речи селения Испик (*цIвелик*), а в остальных диалектных единицах лезгинско-

го языка элемент лабиализации перешел на последующий гласный основы (*цIвелик* > *цIуьлуьк*, *кIуьлуькI* < *кIвелуькI*, *чIулук* < *чIвалук*, *чIоьлуьк* < *чIвелуьк*). В речи селения Юхари-Стал и Орта-Стал лабиализация исчезла полностью, не оставив никакого следа.

В названиях кресс-салата ярко проявляется и другой характерный для лезгинского языка фонетический процесс, а именно палатализация согласных, которая, как отмечено в специальной литературе, «заключается в том, что заднеязычные лабиализованные согласные *ггв*, *ккв*, *кв*, *кIв*, представленные в яркинском диалекте, в позиции перед или после гласного переднего ряда переходят в гюнейском диалекте в свистящие аффрикаты, а в ахтынском (и джабинском – *Г.Ф.*) диалекте – в шипящие» [Талибов 1980: 86].

Понятие «топинамбур» в рассматриваемых диалектных единицах лезгинского языка передается разными по своей структуре словами. В ахтынском и джабинском диалектах, а также в речи селения Калук и Кахцуг употребляется сложное слово *йаралма*, состоящее из двух разных по происхождению слов: иран. *йар* «весна» + тюрк. *алма* «яблоко», букв. «весеннее яблоко». Значение данного названия можно объяснить так: клубни этого растения лезгины находят во время весенней вспашки земли, поэтому название дано по времени созревания клубней.

Второе название топинамбура является описательным: *кьуьрен ичер* (зиз., нют., юх., орт.) - род.п. *кьуьрен* < *кьуьр* «заяц» + *ичер* «яблоки», букв. «заячьи яблоки». Судя по названию, клубни этого растения, видимо, любят зайцы.

В лезгинском литературном языке и диалектах понятие «бутень» передается тремя разными самостоятельными лексемами. В диалектных единицах кюринского наречия бутень обозначается термином *кьев-ер* (лит., исп., сал., юх., орт.) – *кьев-ер-ар* (зиз., нют.). Сюда же относится и речь сел. Калук Ахтынского района, где представлено слово *кьев-ер*. Аффиксом множественного числа в большинстве случаев выступает *-ер*, за исключением формы зизикско-

го и нютюгского говоров яркинского диалекта, где выступает удвоенный аффикс множественности: *къев-ер-ар*. В ахтынском диалекте бутень обозначается словом исконного происхождения *шлам*. Слово *шлам* в ахтынском диалекте выражает также понятие «мокрица». Название дано по сходству. В речи селения Зрых Ахтынского района засвидетельствовано название *цIыхрых*. Слово исконного происхождения. Оно образовано редупликацией основы, при этом начальный согласный второй основы заменен другим.

2.5. Названия бахчевых культур

Названия всех бахчевых культур в лезгинском языке являются заимствованными. Это свидетельствует о том, что данные культуры лезгинам стали известны относительно недавно.

Для названия тыквы в лезгинском языке и диалектах употребляется два термина: *буран* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *къабах* (ахт., джаб.). Термин *буран* А.А.Селимов считает иранизмом [Селимов 2001:92], а вторая основа *къабах* - тюркского происхождения [см. Хайдаков 1973: 58]. Основы представлены также в ряде других дагестанских языков [Хайдаков 1973: 58].

Вторая лексема, кроме понятия «тыква», имеет также и переносные значения: 1) «верхняя часть головы, череп» 2) «башка (умный человек)» [Талибов, Гаджиев 1966: 58]. В ахтынском диалекте выявлено также одно дополнительное значение «невкусный»: *къабах хъти ич* (ахт.) «яблоко, как тыква» (т.е. невкусное, как тыква, яблоко).

Различны и названия сортов тыквы: *куг* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) 1) «тыква-горлянка» 2) «посуда сделанная из тыквы-горлянки».

Приведенные ниже названия сортов тыквы являются составными. В них в качестве второго компонента выступает общее название тыквы – *къабах* или *буран*: *бал къабах* (ахт., калук) «тыква, у которой середина уже, чем концы»; *къазах буран* (юх., орт.) «желтая тыква», букв. «казахская тыква», *маларин къабах* (юх., орт.) «кормовая тыква», букв. «скотины тыква» ; *гъаджи буран*

(юх., орт.) «белая тыква с тонкой кожурой», букв. тыква Гаджи», *къабах буран* (юх., орт.) «тыква быковская», букв. «тыква-тыква». Последнее название образовано повторением разных названий тыквы.

Название дыни в диалектных единицах кюринского наречия является описательным, состоящим из двух самостоятельных исконных слов: *гатун хали* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.), букв. «летний арбуз». В ахтынском и джабинском диалектах представлены заимствованные из тюркских языков слова: *къавым* (ахт.) – *йемиш* (джаб.), ср. азерб. *говун, йемиш* [Селимов 2001 : 174, 249].

Сорта дыни: *асма* (юх., орт.) «сорт дыни с зеленой кожурой», *мегъуьн хам алай хали* (юх.) букв. «дуба кожуру имеющая дыня», *шамума* (лит., юх., орт.) «несъедобная мелкая душистая дыня».

В обозначении арбуза лезгинские диалекты также делятся на две группы – одна с исконным названием, другая с заимствованным. Исконное название представлено в диалектных единицах кюринского наречия – *хъуьтлуьн хали* (исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) букв. «зимний арбуз». Заимствованная основа представлена в ахтынском и джабинском диалектах самурского наречия – *къарпыз*. Слово иранского происхождения, ср. перс., тадж. *tarbuz* [Стеблин-Каменский 1982: 79]. В лезгинский язык, видимо, вошло из тюркских языков, ср. тур. *karpuz* (РТС).

2.6. Названия частей растений

Названия частей растений в лезгинском литературном языке и диалектах в основном представляют собой простые непроеизводные основы. Среди них засвидетельствованы слова, разные по происхождению – исконные и заимствованные. Заимствованные слова встречаются больше всего в ахтынском и джабинском диалектах.

В лезгинском языке и диалектах для обозначения понятия «корень» употребляются три слова: *дувул* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *чIварах* (ахт., джаб.) – *куьк* (джаб.).

В большинстве диалектных единиц лезгинского языка употребляется исконное слово *дувул*. Глухой вариант данного названия *тывыл* засвидетельствован в ахтынском диалекте, но в другом значении – «корень языка». Например: *мез этлейла, тывыл гьургъаза* погов. «Если язык отрезать, то корень языка двигается» (о человеке, который любит много говорить).

Слово *дувул* вступает в связь и с другими словами, образуя новые названия: *кылин дувул* (исп.) «главный корень», *члехи дувул* (сал.), букв. «большой корень» – *шагь дувул* (зиз., нют., юх., орт.) (букв. «шахский корень») «главный корень»; *куьлуть дувулар* (исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *чуьлуть чIварахар* (ахт., джаб.) «мелкие корни».

Ареал распространения второй собственно лезгинской лексемы *чIварахар* меньше, чем первый. Она зафиксирована в литературном языке, а также в ахтынском и джабинском диалектах. Лексема *чIварахар* в ахтынском диалекте, помимо основного значения «корень», имеет также и переносное значение «поддержка», «опора»: *андан чIварахар къелин йе* «у него большая поддержка», букв. «его корни густые есть»; *анда пара чIварахар йаьглаьнва* «он пустил большие корни», букв. «он много корней ударил».

Третье название корня *куьк*, представленное только в джабинском диалекте, является заимствованным из азербайджанского языка, ср. азерб. *көк* [Мусаев 1975: 224]. Кроме своего основного значения, слово *куьк* «корень» в джабинском диалекте выражает и значение «пень».

Понятие «пень» в лезгинском литературном языке и диалектах передается двумя терминами. Первое название является общим для рассматриваемых диалектных единиц: *пун* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *пын* (ахт., джаб.). Данное название имеет как фонетические, так и семантические варианты. Если в диалектных единицах кюринского наречия лексема *пун* выражает два понятия 1) «пень» 2) «основа, основание», то в диалектных единицах самурского наречия (ахт., джаб.) данное слово выражает лишь значение «основа, основание». Для названия пня в ахтынском и джабинском диалектах

используется простое исконное слово *кІанчІ*. Слово производное, образованное суффиксом *-чІ*: *кІан* «дно, основание» > *кІан-чІ* «пень» .

Название ствола *тан* в лезгинских диалектах является общим. Данное слово имеет также и другое значение – «стан, туловище». Слово иранского происхождения ср. перс. *тан* [см. Хайдаков 1973: 44]. В ахтынском и джабинском диалектах, помимо слова *тан*, для обозначения понятия «ствол» используется и описательное название *таран йацІ* букв. «дерева толщина».

Название ветки в лезгинских диалектах едино: *хел*. Слово исконное и многозначное: 1) «рукав (одежды)» 2) «приток (реки)» 3) «один из парных предметов» 4) «отрасль» 5) «сук (дерева)» [Талибов, Гаджиев 1966: 344].

Разными по происхождению являются слова, обозначающие понятия «побег» и «отросток». В диалектных единицах кюринского наречия зафиксированы исконные названия: *берт* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) и *цурц* (лит., юх., орт.). Во втором названии начальный согласный основы редуцируется. В ахтынском и джабинском диалектах самурского наречия также засвидетельствованы два названия – *зугъ* и *птах*. Оба слова здесь тюркского происхождения, ср. азерб. *зогъ*, *будаг* [Мусаев 1975: 256].

Название листа в лезгинском литературном языке и диалектах является единым: *неш* (лит., исп., сал., ках., юх., орт., ахт., джаб.) – *беш* (зиз., нют.). Слово общелезгинское. Засвидетельствовано также в крызском языке: *беш* [см. Хайдаков 1973: 65]. Исходная форма (*беш*) сохранилась в зизикском и нютюгском говорах яркинского диалекта.

В литературном языке и во всех диалектах лезгинского языка понятие «почка» передается единым словом *тІур*. Слово исконного происхождения. Основа простая непродеривная и имеет также одно значение – «прыщ», «опухоль».

В рассматриваемых диалектных единицах название цветка едино – *цук* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *цук* (ахт.) – *цук* (джаб.). Основы различаются фонетически. В ахтынском диалекте непродеривная свистя-

щая аффриката перешла в придыхательную аффрикату *ц*, а в джабинском диалекте свистящая аффриката перешла в *ч*, т.е. произошла палатализация, характерная для диалектных единиц самурского наречия (*цуьк* > *чуьк*).

Название цветка участвует в аналитическом словообразовании: *цуьквед пеш* (исп., сал., юх., орт.) – *цуьквед беш* (зиз., нют.) – *цуьквез пеш* (ахт.) – *чуьквед пеш* (джаб.) «лепесток цветка»; *цуьквед тум* (исп., сал., зиз., нют., юх., ках., орт.) – *цуьквез тым* (ахт.) – *чуьквед тым* (джаб.) «цветочная ножка», букв. «цветка хвост»; *цуьк ахъайун* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) букв. «цветок раскрыть», *цуьк акъудун* (ахт.) букв. «цветок вытащить» – *чуьк акъудун* (джаб.) «цвести»; *цуьквед кIумп* (исп., сал.) – *цуьквез кIымп* (ахт.) – *чуьквед кIымп* (джаб.) «бутон (цветка)». В литературном языке слово *кIумп* имеет иное значение – «пробка».

Во всех диалектах лезгинского языка название колючки едино – *цаз*. Во всех диалектных единицах лезгинского языка при словоизменении конечный звонкий спирант *з* одинаково переходит в свистящую аффрикату *ц*: *цаз* > мн.ч. *цацар*. Основа общедагестанская. Генетически родственные основы представлены и в других дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 164].

Понятие «сережка (березы и орешника)» в рассматриваемых диалектных единицах передается двумя словами: *сирсил-ар* (лит., нют., ахт., джаб.) – *пирпил-ар* (исп., сал., нют.). Оба названия образованы редупликацией основы с изменением конечного согласного основы.

В рассматриваемых диалектах древесная смола называется по-разному. В диалектах кюринского наречия представлено название *шкъакъ* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.), в ахтынском и джабинском диалектах самурского наречия представлены лексемы *килиш* (ахт.) – *гилеш* (джаб.). Происхождение этих слов неясно. С названием древесной смолы связано выражение: *ам шкъакъ хъиз алIанва* «он, как смола, прилип», *ам килиш хъти кыканва* (ахт.) «он, как смола, прилип».

Название косточки во всех диалектах лезгинского языка является единым: *цил*. Слово исконное. Множественное число данного слова образуется по-разному. Диалекты кюринского наречия и литературный язык образуют множественное число при помощи суффикса *-ер* (*цил* «косточка» > мн.ч. *цилер*), в ахтынском диалекте используется отсутствующий в других диалектных единицах лезгинского языка аффикс *-аьр* (*цил* > *цилаьр*).

В рассматриваемых диалектных единицах лезгинского языка для выражения понятий «кора» и «кожура» используются разные по происхождению слова. В выражении понятия «кожура» лезгинские диалекты проявляют единство: *хам* (лит., исп., сал., ках., зиз., ках., юх., орт., ахт., джаб.). Лексема исконная. Генетически родственные основы засвидетельствованы в даргинском и арчинском языках [см. Хайдаков 1973: 64].

Название коры отмечено разными по происхождению словами. Диалекты кюринского наречия данное понятие выражают исконным словом *чкал* (лит., исп., сал., ках., зиз., ках., юх., орт.). А диалекты самурского наречия – ахтынский и джабинский – словами *хам* и *кьабых*. Второе название имеет тюркское происхождение [Хайдаков 1973: 64].

Названия частей некоторых других растений в лезгинских диалектах приведены в разделах, посвященных этим растениям.

2.7. Названия травянистых растений

Растительный мир земли обнаруживает карйнее разнообразие. Богата и разнообразна также растительность Дагестана [Львов 1978 : 3]. Помимо культурных растений в жизни дагестанских народов, в том числе и лезгин, большую роль играли различные травянистые растения. Большинство из травянистых растений представлено на территории проживания лезгин. Почвенно - климатические условия благоприятствовали росту и развитию различных видов растений. Многообразна и хозяйственная роль растительности. С давних времен лезгины широко используют как дикорастущие, так и культурные растения, среди которых выделяются овощные, плодово-ягодные культуры и раз-

личного рода травы [Ганиева 1989 : 44]. Когда заканчивались запасы муки, раньше эти растения служили основной пищей для беднейшего слоя населения. В настоящее время травянистые растения употребляются также в качестве приправ к еде или в медицинских целях. Так, например, в голодные годы распространенным кушаньем беднейшего слоя лезгин было блюдо из дико-растущих трав, именуемое *чиргъин*.

Часто встречающимся и в настоящее время является кушанье *давугъа* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) - тагъугъа (ахт.) - тугъа (джаб.) «суп (из пахты или из разбавленного водой кислого молоко, приправленный обязательно мятой)».

Наиболее распространенным у лезгин, как и у других народов Дагестана, является специальный пирог из тонко раскатанного теста, начиненный различными травами (пастушья сумка, крапива, дикий лук и т.д.). У дагестанцев такой пирог именуется *чуду*, а у лезгинов - *афарар*.

Лезгины крапиву употребляют как в свежем, так и в обработанном виде. Полезной лезгины, как и другие народы Дагестана, считают мятую ладонями и посыпанную солью крапиву, именуемую *хъикъиф* (лит., исп., сал.)- *къеплши* (ахт.). По сведению С.М.Хайдакова, «роль крапивы в пищевом рационе горцев в прошлом была значительна... Отражением ее роли в питании горцев в языке является общность происхождения этого слова во всех дагестанских языках» [Хайдаков 1973 : 62].

На территории Ахтынского и Сулейман-Стальского районов широкое распространение получили и травянистые растения, среди которых различаются съедобные и несъедобные травы, лекарственные растения, сорняки, травы, идущие на корм скоту.

В литературном лезгинском языке и диалектах понятие «трава» передается двумя самостоятельными словами *векъ* и *хъач*.

Название *векъ* является общим для всех диалектных единиц лезгинского языка. Корневой къ является рефлексом исторического *къІ. Родственные ос-

новы засвидетельствованы и в ряде других дагестанских языков [СИЛДЯ 1971: 168]. Кроме своего основного значения «трава», слово *векъ* выражает также и другие понятия: 1) «сено» 2) «луг, покос, сенокос (место)» [Талибов, Гаджиев 1966: 74].

В значении «съедобная трава» термин *векъ* не употребляется, а употребляется термин *хъач* (только в диалектах кюринского наречия). Понятия «съедобная трава» и «несъедобная трава» передаются сочетаниями термина *хъач* с прилагательными *члуру* «дикий», «несъедобный» и *недай* «съедобный»: *недай хъачар* «съедобная трава», *члуру хъчар* «несъедобная трава». Слово *хъач* исконного происхождения.

В диалектных единицах самурского наречия для передачи понятия «съедобная трава» используется самостоятельное слово *миж* (ахт., джаб.), которое, в большинстве дагестанских языках выражает понятие «крапива». Исходной основой является *мидж* [СИЛДЯ 1971: 165].

Понятие «лекарственные травы» передается описательным названием, состоящим из двух разных по происхождению слов – *дарман векьер* (ахт., джаб.) – *дарман хъчар* (исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.). Первая часть обоих названий выражена словом *дарман* иранского происхождения со значением «лекарство» [САПС: 146], а вторая часть – словами *векъ* и *хъач* в значении «трава».

В структурном отношении названия травянистых растений различны. Они подразделяются на простые (непроизводные), простые, сложные и составные названия. Встречаются случаи, когда одно понятие в разных диалектных единицах передается разными в структурном отношении названиями, что будет отмечено ниже.

а) К **простым** (непроизводным) словам относятся: *верг* «крапива». Единое название без изменений в звучании и семантике представлено во всех лезгинских диалектах. Слово исконного происхождения.

Название соцветия лопуха в диалектных единицах лезгинского языка выражается двумя самостоятельными словами: *кьакь-ар* (исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *кьекь-ер* (ахт.) – *птрах* (джаб.). Оба названия исконного происхождения.

Разные фонетические варианты используются для передачи понятия «корневище лопуха»: *пенкьв* (исп., сал., лит.) – *побнкь* (ахт., джаб.) – *пуркьвез чIварах* (джаб.). В остальных диалектных единицах лезгинского языка представлено сложное название – *деведабан*. В основе *кьакь* редулицируется корневой согласный *кь*.

Название лопуха в рассматриваемых диалектных единицах представлено двумя терминами: *паркьул* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *пуркьвее* (ахт.). В джабинском диалекте одно слово (*побнкь* < *пенкьв*) выражает два понятия – «лопух» и «корневище лопуха». Лопух является лекарственным растением. Лексема *паркьул* иранского происхождения.

Единым термином в рассматриваемых диалектных единицах обозначается рогоз: *легь-ер* (зиз., нют., юх., орт., сал.) – *лигь-ер* (ахт.). Различия имеют фонетический характер – соответствие гласных основы *e ~ и*.

Двумя разными словами выражается понятие «повой заборный». В большинстве диалектных единицах понятие в незначительных отличиях передается термином *цагьам-ар* (исп., сал., ках., зиз., нют.) – *цыгьам-ар* (ахт., кал.). В литературном языке слово *цагьам* имеет другие значения: 1) «куст ежевики» 2) «вьющееся растение с шипами, колочками (вообще)» [Талибов, Гаджиев 1966: 357]. В речи сел. Зрых Ахтынского района для понятия «повой заборный» используется самостоятельная лексема *рычал-ар*.

Синяк обыкновенный обозначается термином *хьвехьвер* (зиз., нют., юх., орт.). Слово используется во множественном числе. Основное значение данного слова – «невеста», ср. лит. *свас* (исп., сал., ках., джаб.) – *хьвехь* (зиз., орт., юх.) – *шваиш* (ахт.). Основа исконная.

Козлобородник обозначается общим термином *парс* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.). Слово исконного происхождения.

Съедобную траву «дикий чеснок» выражают термином *сурар* (исп., сал., ках., ахт., зрых.).

В рассматриваемых диалектных единицах название черемши является единым: *цири-йар* (лит., исп., сал., зиз., нют., орт.) – *цIури-йар* (ках.). Отличия фонетического характера. Слово исконного происхождения.

Название мужского папоротника также едино для рассматриваемых диалектных единиц, за некоторыми фонетическими отличиями – *кьиджи* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт.) – *кьиже* (джаб., зрых.). Слово исконного происхождения. Папоротник мужской является лекарственным растением.

К съедобным растениям относятся и каперсы – *кевер* (ахт.). Слово имеет только форму множественного числа. По утверждению И. М. Стеблина-Каменского, слово иранского происхождения [Стеблин-Каменский 1982: 83].

Двумя разными по своему звуковому оформлению словами выражается понятие «гусиный лук» в ахтынском и джабинском диалектах – *куш* (ахт.) – *тиф* (джаб.). Обе основы исконного происхождения.

Различны в рассматриваемых диалектных единицах лезгинского языка наименования мяты. В диалектах кюринского наречия название мяты едино: *пурни* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.). В диалектах самурского наречия мята обозначается разными терминами: *чидрикь-ар* (ахт., кал.) – *чIуь-дри-йар* (зрых.) – *куьдруь* (джаб., хрюг.). Названия исконного происхождения.

С незначительными фонетическими отличиями в лезгинском языке и диалектах представлено название мальвы круглолистной: *курквачI* (лит., исп., сал., ках., зиз., юх., орт.) – *кIваркIвачI* (ахт.) кал.) – *кваркIвачI* (джаб.). Слово исконного происхождения. Возможно, слово образовано редупликацией основы с изменением конечного согласного основы.

Самым ранним (весенним) растением является мать-и-мачеха, которое обозначается исконным термином *тIе^hгур* (ахт.) – *тIекIер* (джаб., зрых.,

хрюг.). В речи селений Джаба, Зрых, Хрюг, термин имеет форму только множественного числа. В ахтынском диалекте наблюдаем назализацию гласного *e*, и слово употребляется в обоих числах. Исходный звонкий смычный *z* ахтынского диалекта в остальных диалектах перешел в абруптивный *kl*.

Название тмина в рассматриваемых диалектных единицах является единым: *эферар* (лит., исп., сал., ках., юх., орт., джаб.) – *уьхьверар* (зиз., кют.) – *ашварар* (ахт., ках.) – *гьеферар* (зрых.). Слово имеет только форму множественного числа. Исходная форма слова сохранилась в яркинском диалекте лезгинского языка – *уьхьверар* (зиз., нют.). Е. А. Бокарев отмечает, что лабиализованный *хь* различного происхождения дал в лезгинском языке *ф*, который представлен из дагестанских языков только в языках лезгинской группы [Бокарев 1961: 93]. В ахтынском диалекте лабиализованный *хь* перешел в *ш*, ср. также *хьвехь* (зиз., нют.) «невеста» – *шваиш* (ахт.). Разными являются и начальные гласные основы *a - э - уь*.

В двух фонетических вариантах засвидетельствовано название донника лекарственного: *тыкъар* (ахт.) – *тыхар* (зрых.). Лексема исконного происхождения. Употребляется только в форме множественного числа.

Водяной перец обозначается термином *цланар* (ахт., зрых.). Слово исконного происхождения. Имеет форму только множественного числа.

Единым термином обозначается в рассматриваемых диалектных единицах лезгинского языка марена красильная: *ругьун-ар* (лит., исп., сал., зиз., нют., юх., орт., ахт., зрых.) – *рагьун-ар* (джаб.). Отличия фонетического характера – соответствия гласных *у-а*.

В литературном языке и в говорах сел. Испик и Салиян чага (березовый гриб) обозначается простым термином *къавар*. В лезгинском языке и диалектах лексема *къав* выступает синонимом другого слова *къав* со значением 1) «крыша, кровля» 2) «настил» 3) «потолок» [Талибов, Гаджиев 1966: 173].

Редким полукустарниковым растением Дагестана, подлежащим охране, является астрагал. Астрагал в некоторых диалектных единицах лезгинского

языка обозначается простым непроизводным термином *мажв* (лит., исп., сал., ахт.) – *моьж* (джаб.) – *моьрж* (зрых.). Исходная основа *мажв* в джабинском диалекте и в речи сел. Зрых Ахтынского района подверглась изменению. Здесь лабиализация перешла на предыдущий гласный и дала появление губного *ов*. Согласный *р* в основе *моьрж* (зрых.), видимо, является наращением.

Разными словами обозначается в лезгинском языке лебеда: *гимI-ар* (ахт., кал.) – *хьетI-ар* (зрых.) – *селмейар* (джаб.). Все названия являются простыми непроизводными.

Названия люцерны и люцерны посевной также являются простыми непроизводными терминами. Люцерну называют исконным словом *спах* (ахт., ках., зрых., джаб.). Название люцерны посевной заимствовано из азербайджанского языка: *йунжа* (ахт., зрых.) – *йунджа* (джаб.), ср. азерб. *йонджа* «клевер» (РАС).

Название полыни в рассматриваемых диалектах является общим, за исключением некоторых фонетических изменений: *йавшан* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт., джаб.) – *эвшан* (ахт.). Слово тюркского происхождения [Дмитриева 1972: 22]. Засвидетельствовано в отдельных дагестанских языках [Хайдаков 1973: 63]. Сходные формы в большинстве диалектных единиц говорят о единстве времени заимствования и о едином источнике заимствования. По всей вероятности, слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *йовшан*.

Очень распространено в Дагестане лекарственное растение чабрец, которое обозначается терминами *кьыртыкъ-ар* (ахт.) – *гьун-дукъ-ар* (зрых.). Слова исконного происхождения. Возможно, конечные *-ыкъ*, *-укъ* являются словообразовательными аффиксами, однако в настоящее время они слились с основой.

Различается также один вид чабреца, который отмечается термином *цIинтарар*. Слово исконного происхождения и имеет форму только множественного числа.

Название сурепки *тагв* во всех диалектных единицах лезгинского языка в фонетическом и семантическом аспектах совпадает. Слово исконного происхождения. При словоизменении конечный звонкий *г*, оглушаясь, переходит в глухой преруптив *к*: *таг* > мн.ч. *такарат*.

Гармала *reganum harmala* в ахтынском и джабинском диалектах обозначается термином *гьармыла-йар* (ахт.) – *гьармыл-ар* (джаб.). Лезгинские названия по звучанию очень сходны с латинским. По-видимому, термин заимствован из русского языка.

Понятие «чертополох» во всех рассматриваемых диалектных единицах обозначается единым термином *кьалгъан*. Слово тюркского происхождения. Источником заимствования, видимо, является азербайджанский язык, ср. азерб. *гангал*. Источником заимствования является единый язык, что подтверждается совпадением звучания этого слова во всех диалектных единицах лезгинского языка.

б) К **производным** относятся названия, образованные посредством различных словообразовательных аффиксов. Таких названий в лезгинском языке очень мало. Наличие некоторых аффиксов в них допускается.

При сравнительном анализе в составе целого ряда слов наблюдаем общий элемент, который в ныне действующем морфологическом инвентаре лезгинского языка как словообразовательный аффикс не функционирует.

Мятая и посыпанная солью крапива в разных диалектах обозначается разными терминами: в некоторых он является производным, в других – непроизводным. Непроизводным выступает термин *хьикъиф* (лит., исп., сал., ках., зиз.. нют., орт., юх.). Лексема *кьаьнIиш* (ср. зрых. *шириш* «ятрышник», *надрыш* «цикорий»), засвидетельствованная в ахтынском диалекте, по-видимому, является производной, образованной от глагола *кьенI хьын* > *кIенI хьын* «мяться» с помощью непродуктивного словообразовательного аффикса *-иш*. В миграхском и храхском говорах самурского наречия в данном значении

употребляются производные слова *nIenIegъan* (храх.) *nIenIegIal* (мигр.), которые впервые зафиксированы У. А. Мейлановой [Мейланова 1964: 320].

Производным словом, образованным от глагола с помощью суффиксов *-ал*, *-эл*, является название сорняка: *эчI-ел* < *эчI-ин* [Гайдаров 1966: 45] (лит., исп., сал., зиз., нют., ках., юх., орт.) – *ачI-ал* (ахт.) «сорняк» < *ачI-ал ачI-ын* «произвести прополку».

Производными, на наш взгляд, являются и названия некоторых других травянистых растений, однако словообразовательные аффиксы и значимые части в них выделять трудно. Они являются единичными и слились настолько, что порой вызывают сомнения в их наличии, ср.: *цIегьрекь* (юх., орт.) «рододедрон кавказский», ср. также *чидрикь* (ахт., кал.) «мята», *шириш* (зрых.) «ятрышник», *надрыш* (зрых.) «цикорий»; *къыртыкь* (ахт.) – *гьундукь* (зрых.) «чабрец» и др.

в) **Сложных** названий травянистых растений в лезгинском языке также мало. К ним относится лексема *темезхан* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) «пастушья сумка». Слово сложное, состоящее из двух самостоятельных основ. Первая часть лексемы, возможно, является собственным мужским именем Темез, Таймаз, широко представленным у тюркских народов. Вторая часть *хан* «хан», также заимствованная из тюркских языков, выступает в роли словообразовательного элемента и в целом ряде других собственных имен: *Велихан*, *Севзихан*, *Келбихан*, *Медетхан*, *Алихан*, *Девлетхан* и др. В ахтынском диалекте в значении «пастушья сумка» употребляется составной термин *цIинтар мичар*.

В джабинском диалекте пырей ползучий обозначается сложным термином *бугьдавут*, заимствованным из азербайджанского языка, ср. азерб. *бугьда* «пшеница» + азерб. *от* > *ут* «травя», букв. «пшеничная трава».

Во всех рассматриваемых диалектных единицах лезгинского языка, кроме ахтынского диалекта самурского наречия, сферофиза солонцовая обозначается сложным словом, образованным редупликацией основы: *хархар-ар*

(исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.). В ахтынском диалекте засвидетельствовано описательное название *хархар векь* букв. «сферофизы солонцовой трава».

Возможно, название зверобоя в ахтынском и джабинском диалектах также является сложным: *гылиба-йар* (ахт., джаб., зрых.). По-видимому, оно состояло из двух слов *гыли* (значение слова неясно) + *ба* – усеченная форма от *буба* «отец».

Сложным термином обозначается название корневища лопуха в речи селений Юхари-Стал и Орта-Стал – *деведабан* < *деве* «верблюд» + *дабан* «пятка», букв. «пятка верблюда».

В остальных диалектных единицах лезгинского языка названия корневища лопуха выражены исконными словами: *пенкъв* (лит., исп., сал.) – *поьркь* (ахт., джаб.). В речи селения Нютюг яркинского диалекта имеем описательное название *паркьулд дувул* букв. «лопуха корень».

Термин *деведабан* заимствован из азербайджанского языка, где слово *давадабаны* обозначает «мать-и-мачеха» [Дмитриева 1972: 219]. В лезгинском языке, соответственно, произошло переосмысление термина.

г) Самую большую группу названий травянистых растений составляют **составные**, в основном, описательные названия. Здесь много названий, которые в большинстве случаев в разных диалектных единицах оформляются по-разному. Поэтому каждое название приводится здесь в соответствующей семантической группе.

По семантике компоненты моделей образования составных травянистых растений разнообразны. Они могут выражать цвет, вкус, названия частей тела животных и человека, сходство с чем-нибудь и т.д. Таковыми являются:

Описательные названия травянистых растений, в качестве первого компонента которых выступает прилагательное, указывающее на вкус: *цуру тIехв-ер* (зиз.) «пукциния злаковая (эцидин на барбарисе)» < *цуру* «кислый» + *тIехв-ер* «крапинки», букв. «кислые крапинки»; *туькьуьл векь-ер* (исп., сал.)

«попынь» < *туькьуьл* «горький» + *векь-ер* «травы», букв. «горькие травы», *туькьуьл рекьер* (зиз., нют.) – *тлуькьуьл рекьей* (ахт.) – *туькьуьл рекьей* (джаб.) < *туькьуьл*, *тлуькьуьл* «горький» + *рекьер*, *рекей* (значение слова неясно) «попынь»; *цурун пеш* (исп., сал., ках., юх., орт.) – *цурун беш* (зиз., нют.) «щавель» < *цуру* «кислый» > род.п. *цурун* + *пеш*, *беш* «лист» , букв. «кислый лист», *цырын лырс-ар* (джаб.) – *цыры лырс-ар* (ахт.) «щавель» < *цыры* «кислый» + *лырс-ар* (название съедобной травы)»; *ширин цуьк* (ках.) «цветок клевера» < *ширин* «сладкий» + *цуьк* «цветок» букв. «сладкий цветок», *шекерз цуьк* (ахт.) «цветок клевера» < *шекер* «сахар» > *шекерз* (усеченная форма генитива) + *цуьк* «цветок», букв. «сахара цветок».

Названия, в качестве первого компонента которых употребляются слова, обозначающие животного или человека в форме родительного падежа, а второй компонент представляет собой названия частей тела человека или животных: *папан хук* (ахт., джаб., кал.) «белена черная» < *паб* «женщина» > род. п. *папан* + *хук* «желудок», букв. «желудок женщины»; *ламра йаб* (ахт., сал., ках.) «подорожник» < *лам* «осел» > *ламра* (усеченная форма генитива) + *йаб* «ухо» букв. «ухо осла»; *къетирди тым* (джаб.) «хвощ лесной» < *къетир* «мул» > род.п. *къетирдин* > *къетирди* + *тым* «хвост» , букв. «мула хвост»; *пехъре чангар* (ахт., кал., зрых., зиз., нют.) «шафран посевной» < *пехъ* «ворона» > *ппехърен* > *ппехъре* + *чанг* «горсть» , букв. «горсть вороны»; *псид тым* (джаб.) «рогоз» < *пси* «кошка» > *псидин* > *псид* + *тым* «хвост», букв. «хвост кошки»; *ламра кикер* (ахт.) «мордовник круглоголовый» < *лам* «осел» > *ламран* > *ламра* + *кикер* «копыта» , букв. «осла копыта».

Названия, в которых первый компонент обозначает человека или животного, а второй – название растения: *ваклан канаб* (зиз., нюх., орт.) «хвощ лесной» < *вак* «свинья» > род. п. *ваклан* + *канаб* «конопля», букв. «свиньи конопля»; *пехъре цуьквер* (юх., орт.) «касатик флорентийский» < *пехъ* «ворона» > *ппехърен* > *пехъре* + *цуьквер* «цветы», букв. «вороны цветы»; *хуран лырс* (зрых.) «конский щавель» < *хвар* «кобыла» > *хуран* + *лырс* «щавель» букв.

«кобылы щавель»; пехърен серг (зиз., нют., юх., орт.) «гусиный лук» < *пехъ* «ворона» > *пехърен* + *серг* «чеснок», букв. «вороний чеснок»; *нинид цуьк* (зиз., нют., юх., орт.) «первоцвет или баранчики» < *нини* «кукла» > *нинидин* > *нинид* + *цуьк* «цветок», букв. «куклы цветок»; *нинид пеш* (юх., орт.) - *нинид беш* (зиз., нют.) «конский щавель» < *нини* «кукла» + *пеш*, *беш* «лист», букв. «куклы лист»; *къуьрен йемишар* (зиз., нют., юх., орт.) «волчье лыко» < *къуьр* «заяц» > *къуьрен* + *йемишар* «фрукты», букв. «заячьи фрукты»; *кел миж* (ахт., кал.) < *кел* «ягненок» + *миж* «трава (съедобная)», букв. «ягненка трава»; *ламра цацар* (ахт., зиз., нют.) «мордовник круглоголовый» < *лам* «осел» > *ламран* > *ламра* + *цацар* «колючки», букв. «ослиные колючки».

Названия трав, состоящие из сочетания прилагательного со значением «съедобный», «культурный», «несъедобный», «дикорастущий» и названия растения: *недай хъчар* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) «съедобная трава» < *недай* «съедобный» + *хъчар* «травы»; *члуру терефул* (зиз., нют., юх., орт.) «горец вьюнковый» < *члуру* «дикий» + *терефул* (лит.) «хмель»; *члуру парс* (юх., орт.) «козлобородник луговой» < *члуру* «дикий» + *парс* «козлобородник»; *къени парс* (зиз., нют., юх., орт.) «козлобородник, растущий на нивах вместе со злаковыми» < *къени* «культурный» + *парс* «козлобородник»; *члуру паркьул* (зиз., нют., юх., орт.) «девясил» < *члуру* «дикий» + *паркьул* «лопух» букв. «дикий лопух»; *къени терей* (зиз., нют.) «вид съедобной травы» < *къени* «съедобный» + *тере* «вид съедобной травы»; *члуру верг* (ках.) «крапива двудомная» < *члуру* «несъедобный» + *верг* «крапива» букв. «несъедобная крапива».

Значение «несъедобный, дикорастущий» передается использованием названия собаки в качестве первого компонента. Например, простое производное слово *верг* обозначает крапиву (съедобное растение). Это же слово в сочетании со словом *кицI* «собака» уже выражает понятие «двудомная (несъедобная) крапива»: *кицIин верг* (исп., сал., ках., зиз., нют., ахт., юх., орт.) – *кичIин верг* (джаб.) «двудомная крапива», букв. «собачья крапива».

Многие растения, как отмечает Ф. Д. Техов, обладают лечебными признаками. Эти свойства их людям стали известны благодаря многовековому знакомству с ними. Нередко даже случайное употребление той или иной травы в пищу приводило людей к выявлению их особенностей» [Техов 1979: 56]. Лечебные свойства многих растений отразились в их названиях. В этой семантической группе описательных названий растений в качестве первого компонента выступают слова, обозначающие название болезни, раны. Семантика вторых компонентов также различна. Ими могут выступать в основном слова со значением «трава», «лист», «лекарство» и т. д.: *хирен пеш* (джаб.) «подорожник ланцетолистный» < *хер* «рана» > род. п. *хирен* + *пеш* «лист», букв. «раны лист» (т. е. лист, который ставится на рану); *сухан дарман* (зиз.) «белена черная» < *свах* «коренной зуб» > *сухан* + *дарман* «лекарство», букв. «зуба лекарство»; *мызылаз векь* (ахт.) «ромашка аптечная» < *мызыла* «мигрень» > род. п. *мызылазин* > *мызылаз* + *векь* «трава», букв. «мигрени трава»; *хирен векьер* (ахт., зрых.) «тысячелистник» < *хер* «рана» > *хирен* + *векь* «трава», букв. «раны трава» (т. е. трава, которая ставится на рану); *къенен векьер* (ахт.) «трава от поноса» < *къен* «понос» + *векь* «трава»; *йалта кларас* (ахт.) «лекарство от астмы, отечности и простуды» < *йал* (ахт.) «пар» > *йалтан* > *йалта* + *кларас* «деревяшка», букв. «пара деревяшка» (т. е. кусок дерева отваривают, а затем парят больные места); *палхунз пешар* (зрых.) «донник лекарственный» < *палхун* «гнилой» > *палхунзин* > *палхунз* + *пешар* «листья», букв. «гнилая листья» (т. е. трава, которая ставится там, где нарываяет); *тлакунры векьер* (ахт.) «почечная трава» < *тлакунар* «почки» > *тлакунрын* > *тлакунры* + *векьер* «травы», букв. «почек трава»; *хецлер хкудар векь* (зрых.) «чистотел» < *хецлер* «бородавки» + прич. *хкудар* «снимающий» + *векь* «трава», букв. «бородавки убирающая трава»; *шатIра цуьквер* (ахт.) – *шатIра векьер* (зрых.) «клопогон даурский» < *шатI* «клоп» > род. п. *шатIран* > *шатIра* + *цуьквер* «цветы», *векьер* «трава», букв. «клопа цветы, трава».

Названия, обозначающие сходство растения с чем-либо: *дамард пеш* (лит., исп., сал., ках., юх., орт.) – *дамард беш* (зиз., нют.) – *дамын пеш* (джаб.) «подорожник» < *дамар* «жила» > *дамардин* > *дамард* + *пеш, беш* «лист», букв. «жилы лист» (т.е. жилистый лист); *машмаш чуьк* (джаб.) «осот желтый» < *машмаш* «сорт абрикосов» + *чуьк* «цветок», букв. «цветок абрикоса» (т.е. цветы, похожие на цветы абрикоса); *туьдгъвер цуьк* (ахт.) «лютик» < *туьдгъвер* «сливочное масло» + *цуьк* «цветок», букв. «сливочного масла цветок» (т.е. цветы желтого цвета и гладкие, как сливочное масло); *туьдгъвер миж* (кал.) «лютик» < *туьдгъвер* «сливочное масло» + *миж* «съедобная трава», букв. «сливочная трава»; *кIаш векь* (кал.) «тимофеевка» < *кIаш* «молот» + *векь* «трава», букв. «молот-трава»; *майрамд тапац* (джаб.) «трава лекарственная (от бесплодия)» < *Майрам* (женское имя) > род.п. *Майрамдин* > *майрамд* + *тапац* «кисть (руки)», букв. «Майрама кисть» ; *сил векь* (ахт., кал., зиз., нют., юх., орт.) «рожь Куприянова» < *сил* «рожь» + *векь* «трава», букв. «ржи трава».

Составные термины, обозначающие названия растений и выражающие их назначение: *кIышкIымзи цуьк* (ахт.) «лютик едкий» < *кIышкIым* «жевательная резина» > род. п. *кIышкIымзин* > *кIышкIымзи* + *цуьк* «цветок», букв. «жевательной резинки цветок» (ахтынцы лепестки этого цветка жевали вместе с жевательной резинкой, чтобы придать ей желтый цвет); *кулун кьалар* (нют.) «сорго техническое» < *кул* «веник» > *ккулун* + *кьалар* «былинки», букв. «веники», «былинки» (из этого растения изготавливают веники); *хьырыс кул* (ахт.) «веник из полыни цитварной» < *хьырыс* «полынь цитварная» + *кул* «веник»; *бармакда акIурдай ваькь* (юх., орт.) «ковыль» < *бармак* «шапка» > мест. п. *бармакда* «в папахе» + прич. *акIурдай* «втыкающий» + *ваькь* «трава», букв. «в шапку втекающая трава»; *камбар цуьквер* (ахт., зрых.) «ветреница» < *камбар* «название кушанья» + *цуьквер* «цветы» (т.е. цветы, идущие на приготовление камбар); *чайд кьалар* (нют.) «зверобой» < *чай* «чай» > род. п. *чайдин* > *чайд кьалар* «былинки», букв. «чая былинки» (т.е. трава для заваривания чая).

Названия травянистых растений со значением цвета, времени и места их произрастания: *чЫлав кьалар* (ахт., джаб.) «душица» – *чИулав кьалар* (ках.) < *чЫлав* «черный» + *кьалар* «былинки», букв. «черные былинки»; *хьипи цуьк* (зрых., юх., орт.) «лютик» < *хьипи* «желтый» + *цуьк* «цветок», букв. «желтый цветок»; *шырван куш* (кал.) «куколь» < *Шырван* «Ширван» + *куш* «гусиный лук», букв. «ширванский гусиный лук»; *йаран кьалар* «омег пятнистый» < *йаран* «весенний» + *кьалар* «былинки», букв. «весенние былинки»; *гIарба цуьк* (кал.) «первоцвет» < *гIарба* «среда» + *цуьк* «цветок», букв. «среды цвет-ток» (видимо, цветок, раскрылся в среду); *гатфар цуьк* (зрых.) «первоцвет» < *гатфар* «весна» + *цуьк* «цветок», букв. «весенний цветок»; *верхин чычаф* (зрых.) «чага» (березовый гриб) < *верх* «береза» > род. п. *верхин* + *чычаф* «гриб», букв. «березовый гриб».

Единичные составные наименования травянистых растений: *некIед хьач* (лит., ках.) «одуванчик», букв. «молочная трава», *некIед цуьк* (исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *некIед чуьк* (джаб.) «одуванчик» < *нек* «молоко» > *некIедин* > *некIед* + *цуьк* «цветок», букв. «молочный цветок», *нек векь* (ахт.) «одуванчик» < *нек* «молоко» + *векь* «трава (несъедобная)», букв. «молочная трава»; *пьд рекьей* (ахт., кал., джаб.) «клевер» < *пьд* «три» + *рекей* (значение неясно, видимо, от рекеера «три раза»); *инджи векь* (исп., сал.) – *инжи векь* (зиз., нют.) – *инжи ваькь* (юх., орт.) «клевер» < *инжи* «клевер» + *векь* «трава»; *моьтроьт чуьквер* (джаб.) «первоцвет» < *моьтроьт* «лютик» + *чуьквер* «цветы»; *хьилчих ваькь* (юх., орт.) «пырей ползучий» < *хьилчих* (значение неясно) + *ваькь* «трава»; *чЫрын ичар* (ахт.) «молодило» < *чЫры* «дикий» + *ичар* «яблоки» букв. «дикие яблоки».

Анализ названий травянистых растений в лезгинском языке показал, что в этом разделе лексики представлена богатая терминология, подтверждающая положение о давнем знакомстве лезгин с самыми различными видами травянистых растений и умении использовать многие из них в пище и народной медицине.

2.8. Названия цветов

Названия цветов как в литературном лезгинском языке, так и в диалектах представлены очень бледно. Среди них встречаются названия, разные по структуре и происхождению. Многие названия цветов легли в основу собственных женских имен.

Общим наименованием цветка в литературном языке и диалектах является *цук* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *цук* (ахт.) – *чук* (джаб.). В джабинском диалекте палатализация аффрикаты ц.

Названием цветка *цук* нарекают девочку. Встречаются женские собственные имена, выраженные названием цветка как в форме единственного числа, так и множественного числа: мн.ч. *Цуквер* – ед. ч. *Цук* (ахт.).

Букет цветов в лезгинском литературном языке и диалектах обозначается исконным термином *кунчI* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) - *кунцI* (ахт.). Генетически родственные основы обнаруживаются в аварском, андийском, лакском, арчинском, табасаранском языках [см. Хайдаков 1973: 63].

Название розы в рассматриваемых диалектных единицах и литературном языке различно как по структуре, так и по происхождению. Одни диалектные единицы для обозначения розы употребляют составной исконный термин *марвар цук* (ахт.) – *муд цук* (исп., сал., ках.). Второе название в литературном языке выражает понятие «фиалка».

В речи селений Испик и Салиян, кроме наименования *муд цук*, используется также и другое сложное название *кызилгуьл*, которое засвидетельствовано и в других диалектах лезгинского языка (ках., зиз., нют., юх., орт., джаб.) и заимствовано из азербайджанского языка, ср. тюрк. *гызыл* «золотой» + иран. *гуьл* «цветок», «роза», букв. «красный цветок» [Дмитриева 1973: 202].

Название фиалки во всех рассматриваемых диалектах едино: *бевеша* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) - *бевеше* (ахт., джаб.). В ахтынском и джабинском диалектах налицо полная гармония гласных. Слово иранского происхождения.

Тремя разными по происхождению и структуре терминами обозначается полевой мак: *бубу* (лит., исп., сал., ках., зиз., нют., юх., орт.) – *лале* (джаб.) – *телли фаф* (ахт.). В литературном языке и диалектах кюринского наречия название полевого мака едино – *бубу*. Здесь мы имеем простую редупликацию основы. В джабинском диалекте термин заимствован из азербайджанского языка, ср. азерб. *лалә* (РАС). По структуре название полевого мака в ахтынском диалекте является составным, образованным сложением названия женского собственного имени *Телли* + *фаф* «тетя со стороны отца», букв. «тетя Телли».

Отметим в то же время, что название мака снотворного в литературном языке и во всех рассматриваемых диалектных единицах едино: *хвешхвеш*. Оно заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *хаишаиш* (РАС). Образовано оно редупликацией основы. От тюркской формы лезгинская отличается лабиализацией корневого согласного.

В литературном языке и диалектах названия подснежника различны: *гъвергъвер* (лит.) – *гъверер* (исп., сал.) – *данакъыран* (лит., юх. орт.) – *кал кый чуюквер* (джаб.). Литературная форма *гъвергъвер* образована редупликацией основы. Термин *гъверер* употребляется только в форме множественного числа. Оба термина исконного происхождения. Описательное название джабинского диалекта состоит из трех также исконных слов – *кал* «корова» + причастие *кый* «убивший» + *чуюквер* «цветы», букв. «корову убившие цветы». Третье название подснежника *данакъыран* тюркского происхождения, ср. кум. *танакъыргъон*.

Следует отметить, что многие из приведенных выше названий цветов используются для обозначения женских собственных имен: *беневиша* «фиалка» – *Беневиша* (женское имя); *лале* «полевой мак» – *Лале* (женское имя); *къизилгуьл* «роза» – *Къизилгуьл* (женское имя); *гуьл* «цветок» – *Гуьл* (женское имя); *сирень* «сирень» – *Сейран* (женское имя); *марвар цуюк* (ахт.) «роза» – *Марвар*

(женское имя), *жасмин* «жасмин» – *Жасмина* (женское имя), *роза* «роза – *Роза* (женское имя).

ГЛАВА IV

НАЗВАНИЯ ЖИЛИЩА И ЕГО ЧАСТЕЙ, СТРОЙМАТЕРИАЛОВ И СТРОИТЕЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Жилище лезгин в своем историческом развитии проделало длительный путь от однокомнатной постройки без окон, очага без дымохода до больших двухэтажных домов с двумя или несколькими комнатами и со светлыми окнами и печью с дымоходом. «Жилище, – как отмечает Л. Н. Чижикова, – относится к тем компонентам культуры, развитие которых особенно тесно связано с окружающей средой и социально-экономическими условиями жизни» [Чижикова 1983].

При исследовании жилища лезгин обнаруживаются, с одной стороны, локальные, характерные только им особенности, с другой – черты общие с культурой соседних народов или прямые заимствования в результате давних с ними контактов.

Общность жилища лезгин с жилищем других народов Дагестана прослеживается в планировке жилого дома, в основных конструкциях устройства стен, потолка и крыш, в строительных материалах, в интерьере и т.д.

1. Названия жилища и его частей

В лезгинском языке и диалектах для названий «дом» и «комната» используется один исконный термин *кIвал*. Такая же картина наблюдается и в других дагестанских языках: авар. *рукъ*, анд. *гъакъу*, чам. *гъакъв*, ботл. *гъанкъу*, годоб. *гъанкъо*, беж. *билЮ*, гин. *булIе*, хвар. *буллу*, гунз. *булИ*, лак. *къатта*, дарг. *хъали*, лезг. *кIвал*, табас., рутул., агул. *хал*, криз., буд. *кIул*, хинал. *цIва*, арчин. *нокъ* «дом», «комната» [СИЛДЯ 1971: 281; Хайдаков 1973: 79]. Наличие одного названия для понятий «дом» и «комната» свидетельствует о том, что у лезгин, как и у других народностей Дагестана [Гаджиева 1961; Сергеева 1967; Гаджиева, Османов, Пашаева 1967: 108; Ахмедов, Исламмагомедов, Булатова 1975: 105 и др.], в прошлом жилище было однокамерным.

Термин *кIвал*, кроме своего основного значения «дом», «комната», имеет также и переносное значение «семья»: *вахъ кIвал-йугъ хъанвани?* «ты обзавелся семьей», букв. «у тебя дом-день есть?»; *кIвал авун* «создавать семью»; «обзаводиться имуществом», букв. «дом делать» .

Термин *кIвал* входит в состав словосочетаний и поговорок: *кIвалин гъайванар* «домашние животные», *кIвалер эцигун* «строить дома», *итим авачир кIвал хайи чанах хъиз аквада* погов. «дом, в котором нет мужчины, подобен разбитому корыту»; *кIвал авун* а) «строить дом» б) перен. «создавать семью; обзаводиться имуществом»; *кIваливай авун* «лишать кого-л. дома, лишать всего, отчуждать от дома, семьи»; *кIвал атIун* «ограбить дом (со взломом)» букв. «дом резать»; *кIвал къени авун* «делать так, чтобы в доме, в семье было благополучие»; *кIвал къени хъун* «быть благополучию в доме, в семье»; *кIвал чIурун* а) «разрушать дом» б) перен. «разрушать семью; навлекать беду на семью»; *кIвал чIур хъун* а) «разрушаться (о доме)» б) перен. «разоряться, лишаться всего, оставаться ни с чем»; *кIваливай хъун* «лишаться дома, крова»; «отчуждаться от дома, семьи»; *кIвалей акъудун* а) «выносить из дому» б) «выгонять, выселять (кого-л.) из дому»; *йа кIвал чIур хъайи кас, за ваз гъикъван лугъуда!* «ах ты окаянный, сколько раз можно тебе говорить!»; *йа кIвал чIур тахъайди* или *йа кIвал къени хъайиди* «милый, любезный (обращение)» [Талибов, Гаджиев 1966: 213].

Наличие большого количества подобных словосочетаний, выражений и поговорок со словом *кIвал* «дом», «комната» и сохранение генетически родственных основ в дагестанских языках лишний раз свидетельствует о том, что лексема *кIвал* является исконной и что с жилищем (хотя оно и было примитивным) лезгины, как и другие народы Дагестана, знакомы издревле.

Редупликация простой непроемной основы *кIвал* может передавать также одно значение: *кIвалба-кIвал* нареч. «дом за домом», «подряд». В данном сочетании первый компонент осложнен элементом *ба*.

Дома строили мастера-строители, которые в лезгинском литературном языке и диалектах именуется единым термином арабского происхождения *устIар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *устар* (ахт., джаб.). С помощью этого термина образуются описательные названия, обозначающие мастера по роду его занятий: *кIарас устIар* «столяр», букв. «дерева мастер»; *ракъун устIар* «жестянщик», букв. «железа мастер»; *къванцин устIар* «каменщик», букв. «камня мастер»; *чатун устIар* «кузнец», букв. «кузницы мастер».

Лезгины строят дома в основном из камня и кирпича. Дом, построенный из кирпича, именуется составным названием, образованным сочетанием заимствованного из русского языка термина *кирпич* в форме родительного падежа и исконного слова *кIвал* со значением «дом», «комната», а для названия «каменный дом» в качестве первого компонента используется самостоятельный исконный термин *къван* «камень» в родительном падеже единственного числа: *кирпичрин кIвал* (исп., сал.) – *керпич* < *керпичрин кIвал* (зиз.) – *кирпичрын кIвал* (ахт., джаб.) «саманный дом», *къванцин кIвал* (исп.) – *къванци кIвал* < *къванцин кIвал* (сал., зиз., орт.) – *къвензи* < *къвензин кIвал* (ахт.) – *къванджын кIвал* (джаб.) «каменный дом».

Как было отмечено выше, жилище лезгин было однокамерным. Эта одна комната служила для разных целей (для приготовления пищи, для приема гостей, для хозяйственных нужд и т.д.), о чем свидетельствуют сохранившиеся до сих пор различные названия этой комнаты в диалектных единицах лезгинского языка: *цIун кIвал* (сал., орт.) букв. «комната огня», *хазанар авай кIвал* (исп.) букв. «семья находящаяся комната», *хизанди кIвал* (зиз.) букв. «семьи комната», *тIуън-хъун ийидай кIвал*//*хазанар авай кIвал* (сал.) букв. «кушанье-питье делающая кошата»// «семья находящаяся комната», *ыцIын кIвал* (ахт.) – *цIын кIвал* (джаб.) «жилая комната», букв. «огня комната». В литературном языке эта комната называется *цIун кIвал* «комната, где семья обычно проводит свое время (обедает, спит и т.д.)».

В литературном лезгинском языке самостоятельный термин *тав* означает камин. В диалектах данное слово выражает и другие понятия: *тав* (исп.) «дымоходное отверстие в потолке старого дома» – *тав* (зиз.) «очаг без дымохода» – *тав* (орт.) «дымоход».

Термин *тав* в сочетании с названием дома *кIвал* в некоторых диалектных единицах используется для передачи понятия «гостиная»: *тавзин кIвал* (ахт.) – *тавы кIвал* (джаб.). В речи селения Салиян употребляется простой самостоятельный термин *тав* или же сложное слово *тавхана* «гостиная». В других диалектных единицах для передачи понятия «гостиная» используются составные названия, образованные сочетанием двух других самостоятельных слов: *мугьманрин кIвал* (исп.) букв. «гостей комната» – *мугьманд кIвал* < *мугьмандин кIвал* (орт.) букв. «гостя комната» – *цIийи кIвал* (зиз.) букв. «новая комната».

Слово *тав* первоначально, видимо, обозначало камин с дымоходом или без дымохода, а затем в результате переноса значения этим термином стали называть комнату, где находился камин, или гостиную.

В самом литературном лезгинском языке также встречаются разные переводы слов *тав* и *тавхана*, так, например, в русско-лезгинском словаре гостиная обозначается терминами *тавхана* и *мугьманар къабулдай кIвал*, букв. «гостей принимающая комната» [Гаджиев 1950: 149], а в лезгинско-русском словаре приведено несколько значений слова *тав*: 1) «камин» 2) «гостиная» 3) «оттенок» 4) редко «свадебный музыкальный вечер в доме жениха» [Талибов, Гаджиев 1966: 301].

Названия *тав* и *тавхана* встречаются и в других дагестанских языках с некоторыми расхождениями в значениях. Например, в аварском языке *тавухан* обозначает «камин» [Саидов 1967: 471], в кумыкском *тавхана* означает «полочка на стенке над камином» [Магомедов 1969: 299], в даргинском *тавхана* «каминная комната» [Гаджиева, Османов, Пашаева 1967 : 124], в лакском

тавхана – «комната с камином», а *тав* – 1) «камин» 2) «настроение, расположение духа» [Хайдаков 1973: 248].

Более поздними являются такие названия комнаты, как «зимняя комната» – *хъуьтІуьн кІвал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *кьуьтІуьн кІвал* (ахт.); «комната для мясомолочных и других продуктов» – *кІеник квай кІвал* (исп., сал.) букв. «внизу находящаяся комната» – *кІаник квай кІвал* (орт.) – *кІеник кевей кІвал* (ахт.), *недий-хъвадий шейэр авай кІвал* (джаб.) букв. «съедобные-питьевые вещи находящаяся комната»; кухня – *хуьрекдин кІвал* (исп.) букв. «комната обеда», *тІуьн-хъун ийидай кІвал* (сал.) букв. «кушанье-питье делающая комната», и позднее заимствованное из русского языка слово *кухня* – *кухана* (орт., ахт., джаб.).

К примитивным жилым помещениям относятся лачуга и землянка. Для передачи этих понятий в лезгинском языке используются самостоятельные термины *кума* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт.) – *кыма* (ахт., джаб.) «домик (в садах и огородах)», *къазма* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.; ках., ахт., джаб.) «землянка». Первое название иранского происхождения [Забитов, Эфендиев 2001:69], а второе - тюркского происхождения [Селимов 2001:254]. По свидетельству С. М. Хайдакова, оба эти термина тюркского происхождения и бытуют в цахур.*кума*, агул. *кума*, табас. *кума*, ср. азерб. *кома*; крыз. *къаьзма*, табас. *гъазма*, ср. азерб. *газма* [Хайдаков 1973: 82]. Термин *газма* в азербайджанском языке выражает также одно понятие – «подземелье». В лезгинском языке для передачи понятия «подземелье» используется слово иранского происхождения *зирзими* (САПС).

В лезгинской ойконимии встречается немало названий, вторую часть которых составляет термин *къазма* «землянка»: *Билбилхуьруьн-Къазмайар* «Бильбиль-Казмаяр», *Бут(а) хуьруьн-Къазмайар* «Бут-Казмаяр», *ДаркІуш-рин-Къазмаяр* «Даркуш-Казмаяр» и т.д. [Талибов, Гаджиев 1966]. Обилие названий со словом *къазма* «землянка» наводит на мысль, что лезгины жили и в землянках.

Дом, который остается без жильцов, в литературном языке и диалектах обозначается единым термином *хараба* арабского происхождения [Селимов 2001:473].

Известно, что строительство дома начинается с закладки фундамента. В литературном языке для обозначения данного понятия используется заимствованное из русского языка слово *фундамент*, а в диалектах представлены иные самостоятельные термины: *хандакI* (исп., сал.) – *шиблитI* (зиз., орт.) – *бина//фундамент* (ахт.) – *бине* (джаб.). В литературном языке *хандакI* обозначает «ров»; «траншея»; «канавка», а *бине* – 1) «основа, основание» 2) «животноводческий стан» [Талибов, Гаджиев 1966: 65, 340]. Термины *бина* и *хандакI* иноязычного происхождения: первое – арабского происхождения (САПС), второе – иранского [Забитов, Эфендиев 2001:130]. Основа *шиблитI* родственна с табас. *шибритI*, *шиблитI*, *шавлутI* [Хайдаков 1973: 82].

Для передачи понятия «пол» в диалектах лезгинского языка употребляется единый самостоятельный термин *чил*. Основа исконная. Генетически родственные основы представлены в цезском (*чIедо*), хваршинском (*чIуда*), цахурском (*чIийе*) [СИЛДЯ 1971: 186], в которых исходным согласным основы является шипящий абруптив *чI* [Бокарев 1961: 54, 72]. В литературном лезгинском языке и диалектах слово *чил* обозначает также «земля», «почва».

Термин *чил* входит в состав словосочетаний *къурабат чил* «неполиваемая, богарная земля», *къел квай чил* «солончак», *цик квай чилер* «поливные земли», *чили кIвалахар* «земляные работы», *вилер чиле тун* «опускать глаза, потуплять взор», букв. «глаза в землю положить», *адан мес чил йа, цав – йаргъан* погов. «для него земля – тюфяк, небо – одеяло (т.е. он очень беден)»; *ви гаф завай чилел эцигиз жедач* «я не смогу не слушаться тебя, я не смогу отказать тебе», *чилер зурзун* «землетрясение», *ам чилерикай фидайди йа* «он пройдоха, проныра», букв. «он под землей ходячий есть» [Талибов, Гаджиев 1966: 370].

Основным значением слова *чил* является «земля», «почва». Совпадение в одном названии двух понятий «земля», «почва» и «пол» говорит о том, что в прежние времена пол жилища лезгин являлся земляным и находился, видимо, на одном уровне с землей.

Различается земляной и дощатый пол и их названия соответственно: *чепед чил* (исп.) (*чеп* – специальная глина для изготовления глиняной посуды), *накъвад чил* (сал., джаб.) букв. «земли пол», *накъвад // руквад чил* (орт.) букв. «земли // пыли пол», *накъваз чил* (ахт.) «земляной пол»; *пол авай чил // тахта авай чил* (исп.) букв. «пол имеющий пол» // «доску имеющий пол», *тахта авай чил* (орт., сал.) – *тахта эвей чил* (ахт.) – *тахта йагІанвай чил* (джаб.) букв. «доску ударивший пол», *пол* (зиз.) «дощатый пол». В приведенных названиях в качестве второго компонента выступает слово-индикатор *чил* со значением «пол». Первые компоненты этих названий различны по происхождению. В одних случаях в качестве первых компонентов выступают слова исконного происхождения (*чеп*, *накъв*, *руг*), в других – иноязычного происхождения: русск. *пол*, перс. *тахта tahte* [Забитов, Эфендиев 2001:121]. В речи селения Зизик в значении «дощатый пол» использовано заимствованное из русского языка простое непроизводное слово *пол*.

Наружная и внутренняя стена жилища лезгин в литературном языке и диалектах обозначается единым термином *цал*. Родственные основы представлены в авар., лак. *буцур*, дарг. *лац*, табас., агул. *цал* [Хайдаков 1973: 82].

Для выхода дыма и попадания света в комнату в потолке оставляли отверстие. Эти отверстия сохранились в некоторых домах и поныне. В случае дождя или снега отверстие закрывалось камнем, а в случае хорошей погоды камень убирался. Сейчас оно закрывается стеклом, чтобы свет и солнце могли проникать в комнату целый день.

Отверстие в потолке в лезгинском языке обозначается самостоятельными терминами *тІеквен* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.), *кІацІ* (ахт.). Обе лексемы исконного происхождения. Вторая основа – простая непроизводная,

первая – производная, образованная при помощи суффикса *-ен*, ср. *mIвек* «дыра».

Современные лезгинские дома строятся с большими и светлыми окнами. Для обозначения понятия «окно» в лезгинском языке используются разные по происхождению термины: *дакIар* (лит., исп., сал., орт., юх., зиз.) – *пенжер* (ахт.) – *пенджер* (джаб.). Исконное название сохранилось в диалектах кюринского наречия и в агул. *дагар*, *mIагар* «окно», крыз. *mIокI* [Загиров 1987: 84], а в диалектах самурского наречия (ахтынском и джабинском) использовано слово иранского происхождения, представленное также в табасаранском *пенжер*, буд. *пенджер*, крыз. *паьнжара* (перс. *панджарэ*) языках [Загиров 1987: 109].

Исконное название *дакIар*, кроме своего основного значения «окно», выражает также понятие «ниша (для посуды и постели): *дакIар* (лит., исп., сал., орт., юх., ках., зиз.). В значении «ниша для постели и посуды» употребляются и описательные названия, одним из компонентов которых выступает исконный термин *дакIар*: *месер эцигдай дакIар* (исп., сал., джаб.) букв. «постель ставящая ниша», *месер дакIар // цлан дакIар* (орт.) букв. «постели ниша» // «стены ниша», *бицIи дакIар* (исп.) – *гьвачIи дакIар* (орт.) букв. «маленькая ниша».

В остальных диалектных единицах лезгинского языка для выражения понятия «ниша» используются другие самостоятельные термины: *джемеху-дан* (зиз., джаб.) «ниша для постели», *кьунцI* (зиз.) «ниша для больших кувшинов, тазов», *кьечI* (ахт.) «ниша для постели и посуды». Происхождение первого термина неясно, а два последних исконного происхождения.

В специальной литературе также отмечено: что в дагестанских языках «гораздо дефектнее представлена основа для обозначения окна. В ряде языков слово это совпадает с названием ниши, углубления в стене, а в других – заимствовано, что говорит об отсутствии светового окна в древних жилищах предков дагестанцев и более позднем появлении данной реалии. Световым окном

для них первоначально служило верхнее отверстие в потолке дома» [СИЛДЯ 1971: 281].

Для понятия «оконная рама» используются описательные названия, состоящие из наименований окна (*дакIар, пенжер*) и рамы (*рамка, хел*): *дакIард хел* (исп., сал.) – *дакIард хаьл* (орт., юх.) – *дакIард рамка* (зиз.) – *пенжерз хел* (ахт.) – *пенжерд хел* (джаб.). В качестве второго компонента выступают разные по происхождению лексемы: русск. *рамка* и исконная *хел, хаьл*.

В значении «ставни» также выступают разные по происхождению и составу основы – описательные: *пенжерд къалпахар* (ахт.) букв. «окна крышка» – *пенжерд рыкараp* (джаб.) букв. «окна двери», простые: *къалпагъар* (исп.) букв. «крышки» – *къулар* (сал., орт., зиз.) букв. «доски».

Различны и названия подоконника: *дакIард чил* (исп., сал., орт.) букв. «окна пол», *дакIар* (зиз.) букв. «окно», *пенжерз чин* (ахт.) «окна лицо», *пенжерд чил* (джаб.) букв. «окна пол».

Название стекла передается самостоятельным простым термином *гуьзгуь* (исп., сал., орт., юх., ках., зиз.) – *гуьз* (ахт.). Основным значением слова *гуьзгуь* является «зеркало». В значении «оконное стекло» употребляется и термин *шуйше* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.). Данная основа широко представлена в целом ряде дагестанских языков: табас. *шуйше*, криз. *шуйшаь*, хиналуг. *шуйшаь*, агул., лак. *шуша*, дарг., анд., авар. *шиша* [Хайдаков 1973: 81]. В некоторых дагестанских языках, в т.ч. в лезгинском данное слово выражает также понятие «бутылка»: лезг. *шуйше*, лак. *шуша*, хиналуг. *шуйшаь*.

Термины *гуьзгуь* и *шуйше* в лезгинский язык вошли из азербайджанского языка, ср. азерб. *кУзкУ* «зеркало», *шУшэ* «стекло» (РАС).

В жилище лезгин встречались и полки, занимавшие различные места. Чаще всего они бывали над очагом и в верхней части стены и служили для хранения посуды. Для обозначения полки в лезгинском языке употребляются самостоятельные термины: *къацI//рифт* (исп.) – *къацI* (сал., орт.) – *къацI* (зиз.)

1) «полка на стене» 2) «ниша для посуды» – *рефт* (ахт.) – *тахча* (джаб.). Простой термин *кьацI* имеет общедагестанское происхождение, ср. арчин. *кьас*, дарг. *кьец*, табас. *кьарцI* [Хайдаков 1973: 81]. Термины *тахча* и *рефт* заимствованы из азербайджанского языка, ср. азерб. *тахча* «ниша», *рефт* «полка» (РАС). «Полка для парадной посуды в верхней части стен, – как отмечают А. В. Саркисов и М. Н. Иманов, – являлась обычной деталью жилой комнаты в Азербайджане» [Саркисов, Иманов 1946: 95]. Эта деталь обнаруживается также в жилище предгорного и плоскостного Дагестана [Гаджиева 1961: 80; Гаджиева, Гольдштейн 1974: 19].

Самостоятельными терминами *кьынт* (ахт.) и *кьыр* (джаб.) обозначается полка у входа, куда ставятся сундуки, кувшины и др. предметы. Оба термина простые. Первый имеет исконное происхождение, второй, видимо, заимствован из азербайджанского языка.

Жилище лезгин состоит из отдельных входов в дом, в жилые помещения, хлев и сарай. Двери в хозяйственные помещения делаются простые.

Вход во двор в диалектах кюринского наречия обозначается простым исконным словом *варар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) в форме множественного числа. В гюнейском диалекте слово *вар* обозначает «двор», «околица».

В ахтынском и джабинском диалектах в значении «ворота» употребляется термин *дарванз* (ахт.) – *дарваза* (джаб.). По мнению В. И. Абаева слово персидского происхождения, ср. перс. *darvās* «дверной косяк», «порог», *darvāz(a)* «ворота», сюда же арм. *darvas*, *darp'as* «ворота», груз. *darbazi* «зал», азерб. *darvaза*, лак., рутул., цахур. *darvaза* «ворота» [Абаев 1979: 233].

Название входа в комнату, сарай, хлев является исконным: *рак* – мн.ч. *ракIарар* (лит., исп., сал., ках.); *ракIарар*//*рикIин* (орт.) – *рикIар* (зиз.) – *рак* // *рикин* (ахт., джаб.). *Рикин* в джабинском диалекте обозначает также ручку двери. Родственные основы представлены в табас. *ракар*, *рак*, агул. *рак*, *ракар*, рутул. *рак*, цахур. *ака*, крыз. *рики*, арчин. *дакьь* [СИЛДЯ 1971: 196].

Названия *рак* > *ракIарар*, *рак* > *рикIин* образованы путем обособления формы множественного числа и родительного падежа.

Лексема *рак* со значением «дверь» входит в состав следующих описательных названий, обозначающих различные виды дверей: *къецел ачухдай рак* (исп.) – *къецел ахъайдай рак* (сал.) – *къецелди ахъайдий рикIар* (зиз.) – *къецел ахъайзавай рикIин* (орт.) – *къецих эчихзей рак* (ахт.) – *къечих эчихзавай рак* // *рикин* (джаб.) «дверь, открывающаяся наружу»; *къенез ачухдай рак* (исп.) – *къенез ахъайдай рак* (сал.) – *къенехъди ахъайдий рикIар* (зиз.) – *къенез ахъайзавай рикIин* (орт.) – *къенез эчихзей рак* (ахт.) – *къенез эчихзавай рак*//*рикин* (джаб.) «дверь, открывающаяся вовнутрь»; *са хилен рикIинар* (исп., орт.) – *са хилен сайа рак* (сал.) – *са хилен* // *са тайинин рикIар*// *сайа рикIар* (зиз.) – *сайа рак* //*са хилен рак* (ахт.) – *са хилен рак* (джаб.) «одностворчатая дверь», *къве хилен рак* (сал.) – *хунча рикIинар* (исп.) – *хунча рикIар* // *къве тайинин рикIар* // *къве хилен рикIар* (зиз.) – *къве хилен рикинар* (ахт.) – *къве хилен рак* (джаб.) «двустворчатая дверь».

Названием *хунча рикинар* в ахтынском и джабинском диалекте обозначается «филенчатая дверь». В этом названии в качестве первого компонента использовано слово иранского происхождения. В персидском языке данное слово обозначает «четырёхугольный поднос». В ахтынском диалекте слово *хунча* обозначает также «поднос с яствами». С различными оттенками в значениях слово представлено в целом ряде дагестанских языках: лак. *ххунча* 1) «большой деревянный поднос» 2) «празднично накрытый стол» 3) «мясо, фрукты, сладости, напитки, которые приносят родственники и близкие на свадьбу в доме жениха», авар. *хванча* «сосуд» [Джидалаев 1990: 103].

Косяк двери и окна назван исконным термином *гуьрцел* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гырцал* (ахт., джаб.). Различаются основы соответствием гласных *уь-ы*. Родственные основы засвидетельствованы в табас. *гурзил* «порог», агул. *гуьнзел* «порог», рутул. *ригмизал* «косяк» [Загиров 1987: 47].

Двумя фонетическими вариантами выражается в лезгинском языке название наличника: *сижиф* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) – *сыжыф* (ахт., джаб.).

Для названия петли используется заимствованный из русского языка термин *петли*. Слово заимствовано во множественном числе. Для образования множественного числа берется форма множественного числа из русского языка и присоединяется к ней также аффикс множественности лезгинского языка *петли* > мн.ч. *петлийар*.

Специальное приспособление, на котором держится дверь, в ахтынском диалекте именуется самостоятельным исконным термином *кучлучул*.

Для лучшего удержания камней или кирпичей в верхнем проеме двери или окна настилают деревянные перемычки в несколько рядов, которые в ахтынском диалекте именуется *китилар*. Слово исконное, простое.

Для приготовления пищи и обогрева комнаты лезгины строили очаг, который обозначается единым термином *кьул*. Простой непроемный термин *кьул* в лезгинском языке обозначает также и «подпись». Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *гол* «подпись» (РАС).

Теперь железная и другие виды печей заменили очаг. Железная печь в одних диалектных единицах обозначается самостоятельным термином *пилетла* (исп.) – *пилет* (джаб.), заимствованным из русского языка, ср. русск. *плита*, в других – описательным названием, состоящим из *ракьун* «железный» + *пич* «печь» букв. «железная печь».

В значении «дымоход» в лезгинском языке употребляется самостоятельный исконный термин *гурмагъ* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гырмагъ* (ахт., джаб.). Термин этот, по-видимому, образован от простого непроемного слова *гум*, *гым* «дым».

Со словом *гурмагъ* часто употребляется проклятие: *ви гырмагъзин гым атлый* (ахт.) «чтобы из твоего дымохода перестал выходить дым^н (т.е. чтоб все вымерли и некому было разводить огонь в печи).

В ахтынском диалекте для понятия «дымоход» используется также один самостоятельный термин *быхар*. Слово иранского происхождения, представлено и в других лезгинских языках: табас., рутул., цахур.*бухара*, арчин.*бухар* (перс. *бохари*) [Загиров 1987: 109].

Лезгины обычно строят двухэтажные дома. Первый этаж служит для хозяйственных целей, на втором этаже находятся жилые помещения. На второй этаж поднимаются по лестнице, которая обозначается самостоятельным исконным термином *гурарар* (лит., исп., сан., зиз., орт., юх., ках.) – *гырарар* (ахт., джаб.). В составе данного термина удвоенный аффикс множественности *-ар*: *гур* > *гурар* > *гурарар*. В ахтынском диалекте *гыр* обозначает «плеть огурца», «похоронные носилки», а в литературном языке имеет значения «оживленный», «могила».

В тех местах, где ощущался недостаток лесоматериала, строили каменные лестницы, которые именуется *къванцин гурарар* (исп., сал., орт., юх.) – *къванци гурарар* (зиз.) – *къвензи гырарар* (ахт.) – *пилекан* (джаб.). Лексема *пилекан* заимствована джабинским диалектом из азербайджанского языка, ср. азерб. *пиләкән* «лестница» (РАС). Остальные описательные названия образованы сочетанием имени существительного *къван* «камень» в родительном падеже и названия лестницы *гурарар*.

В настоящее время на второй этаж в основном поднимаются по деревянной лестнице, именуемой: *кьулунин гурарар* (исп., сал.) – *гурар* (зиз.) – *кларас гырарар* (ахт.) – *кларасдын гырарар* (джаб.). Описательные названия, состоящие из исконных самостоятельных слов *кьул* «доска» > род. п. *кьулунин*, *кларас* «дрова, полено, древесина» > род. п. *кларасдин* + общее название лестницы *гурарар*. Лексема *кьул* общедагестанского происхождения, ср. табас., рутул., агул., арчин., буд., крыз. *кьул*, цахур. *кьува*, лак. *ула* < **кьула*, ахвах. *кьори*, бежт. *кььокььо*, цез. *кьыр*, хварш. *кьет*, гин. *кьил*, гунз. *кььекььу*, дарг. *уркьули* [Загиров 1987: 46].

Лезгины не обходились без приставной лестницы, при помощи которой поднимались на крышу: *кIарцIин гуларар* (исп., сал.) – *кIарац гулар* (зиз.) букв. «полена, древесины лестница» – *кIарцIи гулар* (орт.) – *кIерцIи гыларар* (ахт.) – *гыларар* (джаб.). Описательные названия состоят из исконных слов *кIарац* (зиз.) – *кIарас* (лит.) «дрова, древесина» < *кIарар* букв. «скалки» (название по сходству) и общего названия лестницы *гулар*, *гуларар*. В джабинской диалекте в этом случае используется синтетический термин – общее название лестницы (*гыларар*).

В лезгинском жилище в настоящее время широкое распространение получают балконы и лоджии, которые обозначаются самостоятельными терминами *айван* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *эйван* (ахт.), *шуйшаьбэнд* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ахт., джаб.). Первая основа усвоена из иранских языков и засвидетельствована В. М. Загировым в других лезгинских языках: табас., агул. *айван*, рутул., цахур. *айван*, буд. *айван*, хинал. *айван*, удин. *сейван* [Загиров 1987: 112]. Вторая лексема *шуйшебэнд* тюрко-персидского происхождения.

Понятие «коридор» передается двумя самостоятельными терминами *дегълиз* (орт., зиз.), *киледур* (исп., сал.) – *килидур* (ахт., джаб.). Первое название *дегълиз* иранского происхождения (САПС), второе – из русского языка, ср. рус. *коридор*.

В лезгинском языке для обозначения наружного угла (дома) и угла (комнаты) соответственно используется единый термин *nIunI*, представленный и в других лезгинских языках, ср. табас. *nIunI* «угол», арчин. *nIomn* «колелно», крыз. *nun*, будух. *nen* [Загиров 1987: 83]. Корневые согласные в лезгинском, табасаранском, крызском и будухском языках редуплицируются.

В ахтынском диалекте для передачи понятия «угол (комнаты)» используется также самостоятельная лексема *пырж*.

Потолки в жилище лезгин, как и во всем Дагестане [Гаджиева, Гольдштейн 1974: 54] были не подшивными, т.е. с открытыми балками.

В лезгинском языке в значении «потолок» и «крыша» используется единый термин *къавар*. Основа общедагестанского происхождения. Родственные основы представлены в авар. *тлокъо*, *тлох* (< **тлокъ*) «крыша» (*къ* > *х* – в конце слова), ахвах. *кълакъва*, карат. *къватла* (< **тлакъва* – *къбу*), арчин. *гъархъ*, табас. *къуй*, агул. *гъад* «крыша», рутул. *къгав*, хинал. *къу* [СИЛДЯ 1971: 200]. Корневыми согласными в приведенных основах выступают *къ*, *хъ*, *гъ*, *къг*, *къ*. Соответствие этих согласных закономерно [Бокарев 1961: 78]. Исконный лабиальный корень [СИЛДЯ 1971: 200] сохранился в языках аваро-андийской подгруппы.

Крыша лезгинского жилища, как и крыши домов многих других народов Кавказа [Кобычев 1982: 117], является плоской земляной, о чем свидетельствуют различные названия, сохранившиеся в диалектах: *дубъз къав* (исп., сал., зиз., ахт., джаб.) букв. «ровная крыша», *къулу къав* (орт., юх.) букв. «плоская крыша», *накъвад къав* (исп.) букв. «земляная крыша», *руквад къав* (сал., зиз., орт.) букв. «пыли крыша», *шимин къав* (зиз.) букв. «песка крыша», *накъвад къав* (орт., джаб.) букв. «земляная крыша», *накъваз къав* (ахт.).

Для того, чтобы вода после дождя и таяния снега не задерживалась на крыше, она делалась с небольшим уклоном в одну сторону. Такая крыша называется *са пад агъадавай къав* (исп.) букв. «одна сторона внизу находящаяся крыша», *чап квай къав* (орт., юх.) букв. «косая крыша», *ахар къав* (ахт.) – *ахара къав* (джаб.) «покатая крыша».

Плоская земляная крыша требовала постоянного ухода. Она время от времени утрамбовывалась, чтобы не протекала. Для утрамбовки крыши пользовались специальным катком, который именуется *варданаг* (орт., юх.) – *къиркъылаг* (зиз.). У. А. Мейлановой в гюнейском и яркинском диалектах зафиксированы другие варианты этого термина: *гъаргъалаг* (ярк.), *гурмилаг* (гюн.) [Мейланова 1964: 112, 144]. Термин *гъаргъалаг* в литературном языке и в некоторых других диалектных единицах лезгинского языка обозначает «скребок (для очистки квашни от теста)». Лексема *гъаргъалаг* является звуко-

подражательной, образованной повторением звукокомплексов *гъар-гъар* > *гъал* и суффикса *-аг*. Суффикс *-аг* выступает и в других названиях катка. Все названия катка для крыши являются исконными за исключением *варданаг*. Слово *варданаг* иранского происхождения, ср. перс. *вардане* «скалка» [Забитов, Эфендиев 2001:26]. Специальным самостоятельным исконным словом *тИли* в литературном языке и диалектах обозначается капля, падающая с крыши во время дождя и таяния снега.

Карниз крыши лезгинского жилища укрепляется при помощи каменных плит, бревен и досок, уложенных друг на друга. В значении «карниз (крыши)» используется простая исконная лексема *чIере* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чIарай* (ахт.) – *чIара* (джаб.).

Вода с крыши стекает в специально приделанный к карнизу крыши желоб. В значении «желоб» в лезгинском языке используется самостоятельный исконный термин *чIутхвар* (лит., исп., сал., ках., орт., юх., ахт., джаб.) – *чIутхвар* // *чIурхвар* (зиз.).

Во дворе дома строили специальные печи для выпечки хлеба, которые обозначаются самостоятельными терминами *хъар* (лит., исп., сал., ках., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) – *тIанур* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) – *таныр* (ахт., джаб.). Исконное название *хъар* имеет соответствия в табасаранском, агульском и цахурском языках в том же звучании (*хъар*) [Загиров 1987: 83]. Слово *тIанур* иранского происхождения (см. САПС).

Двор перед домом обозначается двумя самостоятельными терминами *гъайат* и *гъен*. Первый, по утверждению В. М. Загирова, арабского происхождения и зафиксирован также в будухском (*гъайат*), табасаранском, агульском (*гъаьйат*), цахурском (*гъаьйат*) рутульском (*хIайат*) (< араб. *хаййа*) [Загиров 1987: 116]. Второй термин, по утверждению В. М. Загирова, общедагестанского происхождения, ср. табас. *хаIn* «двор», арчин. *хIан* «двор» ~ лак. *хъуI* «двор», авар. *гъин* «дворец» [Загиров 1987: 47].

В значении «крытый двор» в лезгинских диалектах используется простой непроемкий самостоятельный термин исконного происхождения *кьур* (лит., исп., сал., зиз., орт.).

После завершения строительства дома большое внимание уделялось оформлению и украшению дома. Прежде всего производилась штукатурка стен. Первую, простую штукатурку обычно делали руками, о чем свидетельствуют и её названия: *гьилин сувагъ* (исп., сал.) букв. «ручная штукатурка», *къара сывах* (ахт., джаб.) букв. «черная штукатурка». Вторую обмазку стен производили тщательно. Готовился специальный раствор. Вторая штукатурка обозначается описательным термином *сингил сувагъ* (исп.) – *сингир сувагъ* (сал.) – *закІал сувагъ* (орт.) – *сингил сывах* (ахт., джаб.). Первая часть названия *сингил*, *сингир* не этимологизируется. Вторым компонентом выступает заимствованная из азербайджанского языка лексема *сувагъ*, *сывах*, ср. азерб. *суваг* (РАС).

Для первой обмазки стен используется обыкновенная глина, в которую добавляется мякина. Именуется она *кьар* (лит., исп., сал., орт., юх.) – *кьар//кьуруш* (зиз.). Основа простая общалезгинская, ср. табас. *кьуруш*, агул. *кьаІруш*, рутул. *кьырыш*, крыз. *кьирш* [Загиров 1987: 81]. В слове *кьуруш* наличествует непроемкий словообразовательный суффикс. В ахтынском и джабинском диалектах вместо исконного названия *кьар*, *кьуруш* употребляется заимствованная из азербайджанского языка лексема *палчых*, ср. азерб. *палчыг* (РАС).

В значении «штукатур» также используется заимствованный из азербайджанского языка производный термин *сувагъчи* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.), *сывахчи* (ахт., джаб.), ср. азерб. *сувагчы* (РАС).

Оштукатуренные стены белят белой глиной, которая добывается в горах. Именуется она *лаз* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *ладз* (зиз.) – *лацы накьвар* (ахт.) букв. «белая глина». Лексема общедагестанского происхождения,

ср.табас. *лаз*, рутул. *лыз*, крыз., буд. *лузу* [Загиров 1987: 83]. Слово *лаз* в лезгинском языке передает также понятия «белая пряжа», «белок (яйца)».

В настоящее время стены белят и известью, которая называется *киредж* (исп., сал., зиз., орт., юх., джаб.) – *киреж* (ахт.). В. И. Абаев предполагает обшекавказское происхождение слова, вошедшего из армянского языка [Абаев 1958: 618]. Лезгинский язык усвоил его из тюркских языков, ср. азерб. *кираьдж* [Селимов 2001 : 238].

В значении «побелка» используется самостоятельный термин *асунар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *асынар* (ахт., джаб.), образованный от глагола *асунун* (исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) – *асын* (ахт., джаб.) при помощи аффикса множественности *-ар*.

Двери, оконные рамы, панели красят краской. Краска в лезгинском языке обозначается заимствованной из азербайджанского языка лексемой *шир* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *шыр* (ахт., джаб.), ср. азерб. *шир* «краска» (АРС).

2. Названия общественных строений

В лезгинском языке и диалектах для обозначения селения и деревни используется самостоятельная единая основа *хурь*. Термин общелезгинского происхождения: агул. *хур*, цахур. *хыIйе* «каменный столбик», арчин. *хоIр* [Загиров 1987: 83].

Сложный термин *йери-бина*, состоящий из двух разных по происхождению слов (азерб. *йери* «место» и араб. *бина*), заимствованный из азербайджанского языка в готовом виде, используется для передачи понятия «местожительство»: *ви йери-бина гьинаг йа?* «ты откуда?», букв. «твое постоянное место жительство какое место есть?», *ам са йери-бина авачир йетим йе, кецаьхIмир* «не трожь его, это сирота, не имеющая постоянного места жительства».

В лезгинском языке и диалектах единый термин *макан* передает несколько значений: 1) «жилище; местопребывание» 2) «родина» 3) «центр»

[Талибов, Гаджиев 1966: 228): *виридалайни жуван ватан хъсан йа* «лучше всех своя родина», *Дагъустан дагъвийрин макан йа* «Дагестан – центр горцев». Лексема *макан* арабского происхождения (САПС).

Единым для всех диалектов термином *дарамат* передается понятие «здание, сооружение». Основа арабского происхождения (САПС).

В значении «здание; дворец» используется единый термин *имарат* арабского происхождения (САПС): *абурун кIвал хъсан имарат хътинди йа* «их дом, как хороший дворец».

Единым для всех диалектных единиц лезгинского языка является также название родины – *ватан*. Слово арабского происхождения (САПС).

Для обозначения столицы в литературном языке и диалектах используется единый самостоятельный термин *меркез* арабского происхождения (САПС).

Понятие «город» в лезгинском языке передается единым самостоятельным термином *шегьер*. По утверждению В. И. Абаева, слово персидского происхождения, ср. перс. *šahr* «город», и широко распространено и в других языках Кавказа: балк., карач. *šaxar*, авар., анд. *šahar*, агул., табас. *šahur*, чеч., инг. *šahur*, каб. *šehär*, убых. *šähär* «город» [Абаев 1979: 49]. Персидское *šahr* В. И. Абаев возводит к др.-иран. *xšavra* «власть», «царство» [Абаев 1979: 49].

В лезгинском языке и диалектах зафиксировано несколько сложных названий строений, в состав которых входит слово иранского происхождения *хана* со значением «помещение»: *хестехана* «больница», *дарманхана* «аптека», *кархана* «мастерская», *дабагъхана* «дубильная мастерская», *ибадатхана* «молельня», *даьллаькхана* «парикмахерская», *дилихана* «сумасшедший дом», *кипхана* «красильня», *чайхана* «чайная», *чапхана* «типография». В настоящее время многие из этих названий вытесняются новыми заимствованиями из русского языка: *больница, аптек, аптека, мастерской, парикмахерски, типографии*.

В лезгинском языке зафиксирован самостоятельный термин *къеле* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *къала* (ахт., джаб.), обозначающий 1) «крепость, укрепление» 2) «олово; полуда». В. И. Абаев считает его арабо-персидским заимствованием (*qala*), отмечая его и в других горских языках Кавказа: авар., дар., лак. *qala*, чеч., инг. *qhala*, каб. *qala* и др. [Абаев 1973: 259].

Название колодца *къуй* является единым для лезгинских диалектов, усвоенным из азербайджанского языка, ср. азерб. *гуйу*. Лексема представлена также в хинал. *къойу*, дарг. *къую*, авар. *гъуй* «колодец» [Джидалаев 1990: 80].

Собственно лезгинская лексема *захутI* (лит., исп., сал., зиз., орт.) – *захут* (ахт., джаб.) передает понятие «уборная».

В значении «дорога» используется единый для всех лезгинских диалектов самостоятельный термин *рехъ*. Основа общедагестанская, ср. табас., агул. *раIкъ*, рутул. *раIхъ*, цахур. *йиIхъ*, удин. *йакъ*, арчин. *декъI* ~ дарг. *даIкъ* «тропинка», карат., dm., ботл. *микъе*, тинд., год., об., анд. *микIи* [Загиров 1987: 46].

Понятие «улица» в лезгинских диалектах передается единым самостоятельным термином *къуче* иранского происхождения.

Для выражения понятия «мост» в лезгинском языке используется самостоятельная лексема *муъгъ* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт.) – *мигъ* (джаб.). Основа общелезгинская [см. Загиров 1987: 83].

Понятие «тюрьма» в лезгинских диалектах передается двумя самостоятельными терминами *къазамат* (лит., исп., сал., зиз., орт., ках., ахт., джаб.) – *дустагъ* (лит., исп., сал., зиз., ках.) – *дусах* (ахт., джаб.). Первая лексема тюркского происхождения, ср. азерб. *газамат* [Селимов 2001: 243], а вторая иранского происхождения [Забитов, Эфендиев 2001: 45]. Термин *дустагъ* передает также понятия 1) «арестант, арестованный» 2) «арест».

В двух фонетических вариантах передается понятие «родник, ключ» – *булах* (лит., исп., сал., зиз., ках., орт., юх.) – *былах* (ахт., джаб.), а источник родника – самостоятельным термином *чешме*. Первая основа представлена в

родственных лезгинских языках: табас. *булагъ*, агул. *булах*, цахур. *былах*. Лексема заимствована из азербайджанского языка, ср. азерб. *булаг* «родник» (РАС). Вторая основа иранского происхождения (САПС).

Ручеек из родниковых вод в ахтынском и джабинском диалектах именуется *нышрав*, в остальных диалектах – *къарасу*. Второй термин, вероятно, усвоен из азербайджанского языка, ср. азерб. *гарасу*.

Место, где собирается мужская часть населения у лезгин, называется *ким*. Простая общедагестанская основа, ср. табас. *гим*, агул. *гим* «башня», рутул. *гим*, цахур. *гим-га*, крыз. *гангагъ*, будух. *гинга*, удин. *гимгаъ*, хинал. *гимгаъ* ~ дарг. (чир.) *ккама* [Загиров 1987: 48]. В лезгинском и даргинском языках налицо оглушение звонкого смычного *г* в начале слова.

Ровная площадь, где также собирается мужская часть населения, называется *майдан* (исп., сал., орт., юх., ках., зиз.) – *мейдан* (ахт., джаб.). Слово арабского происхождения [Селимов 2001:309].

Баня в лезгинском языке обозначается самостоятельным термином *гьамам* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хламам* (ахт., джаб.). По мнению А. К. Шагирова, термин арабского происхождения, ср. араб. *hammām* [Шагиров 1977: 119].

Название тропинки *джигъир* (исп., сал., зиз., джаб.) – *жигъир* (орт., ках., акт.) усвоено, вероятно, из азербайджанского языка, ср. азерб. *чыгыр* (РАС).

Существительное в форме множественного числа *сурар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *сырар* (ахт., джаб.) от субстантива *сур*, *сыр* со значением «могила» обозначает кладбище. Слово общелезгинское, ср. агул. (кур.) *сир* «носилки для покойника», арчин. *ссар*, рутул., крыз. *сыр* [Загиров 1987: 83].

В каждом лезгинском селении различаются кварталы. В значении «квартал» в лезгинском языке используется самостоятельный термин *магъле* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *маьхле* (ахт., джаб.). Слово арабского происхождения и представлено в рутул. *магъле*, табас., агул. *маьгъла*,

цахур *махаьлле*, буд. *махIла*, *магIал*, арчин *махIла* (араб. *махалла*) [Загиров 1987: 117].

В значении «медресе (средняя религиозная мусульманская школа)» используется самостоятельный термин *медреса* (лит., исп., сал., зиз., орт., юж., ках.) – *медресе* (ахт., джаб.). Слово арабского происхождения [Забитов, Эфендиев 2001:84].

С установлением Советской власти у лезгин стали возникать новые культурно-просветительные и общественные учреждения : клуб, школа, сельсовет, медпункт, магазин и т.д.

Учреждение, контора в лезгинском языке обозначается единым самостоятельным термином арабского происхождения *идара* [Селимов 2001:207].

В значении «клуб» также используется единый самостоятельный термин *кулуб*, заимствованный из русского языка, ср.русск. *клуб*.

В прежние времена для обозначения школы использовалось слово *мектеб*, а в последнее время в обиход прочно вошло русское заимствование *школа*.

Термин «магазин» в лезгинских диалектах передается двумя лексемами: *туьквен* и *магазин*. Источником первого названия В. И. Абаев считает арабо-персидск. *dukkān* «лавка» и отмечает его в груз. *dukani*, а также русск. *духан* [Абаев 1958: 375]. Второе название усвоено из русского языка.

В значении «ресторан» также используется заимствованный из русского языка самостоятельный термин *ресторан* (лит., исп., сал.) – *растаран* (орт., юх.) – *ристоран* (ахт., джаб.). Различие в огласовке гласных *е-а*, *е-и*, *о-а*.

3. Культовые названия

В лезгинском языке и диалектах два различных понятия «могила святого (как место поклонения)» и «святой» передается одним самостоятельным термином арабского происхождения (САПС) *nIur* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *nur* (ахт., джаб.). В речи лезгин можно услышать клятву, в состав которой входит данный термин: *за нурел кьин къазва, ан кар за авунач лана*

(ахт.) «я клянусь на могиле святого, что то не я сделала»; *пир къалым хьый* (ахт.) «клянусь могилой святого», *ам пIур йа* «он святой».

Понятия «мечеть» и «минарет» передаются соответственно самостоятельными терминами арабского происхождения *мискIин* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *миски* (ахт., джаб.), *минара* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.).

Для передачи понятия «церковь» в лезгинском языке и диалектах используется единый термин иранского происхождения (САПС) *килиса*.

4. Названия строительных материалов

Прежде чем приступить к строительству дома лезгины заранее заготавливают строительный материал. Основным строительным материалом у лезгин является камень, глина и лесоматериалы.

Понятие «камень» в лезгинском языке и диалектах передается единым термином *къван*. Основа общедагестанская, ср. табас. *гъван*, арчин. *хъван* «плоский камень», авар. *къоно* «каменная плита» [Загиров 1987: 46].

Название камня в сочетании с наименованиями весов и жерновов образует другие описательные термины: *терездин къван* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *тереззин къван* (ахт.) – *терездын къван* (джаб.) «гиря», букв. «весов камень», *регъуьн къван* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «жернов», букв. «мельницы камень».

Нам удалось зафиксировать также несколько названий камней, которые используются при строительстве жилища: *вацIун къван* (исп., сал.) букв. «речной камень», *вацIун къван // вили къван* (орт.) букв. «речной камень»// «синий камень», *вацIун къван // кварквацI къван* (зиз.) букв. «речной камень»// «круглый камень», *вацIын къван* (ахт., джаб.) «речной камень».

В значении «плоский камень» используются разные по составу и происхождению названия. В диалектах кюринского наречия представлены самостоятельные исконные термины *чеплекъан* (исп., сал.) – *чепрекъан* (орт.) – *чепрекъ* (зиз.). Первые два названия являются производными, образованными

при помощи суффикса *-ан*. В диалектах самурского наречия используются описательные названия *рагын къван* (ахт.) букв. «скальный камень», *тахта къван* (джаб.) букв. «доска-камень».

Тесаный камень именуется *лацу къван* (исп., сал., орт., юх.) букв. «белый камень», *йагъай къван* (зиз.) букв. «ударивший камень», *лацы къван* (ахт.), *лацы коьртоьх къван* (джаб.) букв. «белый круглый камень».

В разных фонетических вариантах передается понятие «круглые мелкие камешки»: *кварквалар* (исп.) – *ккIалар* (зиз.) – *кIыкIалар* (ахт.) – *кыкIалар* (джаб.). Основа общедагестанская, ср.: карат. *къьакIван* «плоский камень, плита», багул. *кI'ала* «плоский камень», лак. *чIучIа* (< *кIукIа*), табас. *кIекIел*, *кIикIел*, рутул. *кIакIал*, цахур. *кIакIал-ай* (< *кIакIал-ар*) [СИЛДЯ 1971: 187].

Самостоятельными исконными терминами обозначаются осколки камня (идущие на заполнение пространства между камнями при закладке стен): *хъипренIар* (исп., сал., зиз.) – *хъитренIар* (орт.) – *тиргъер* (ахт.) – *циргъер* (джаб.). Основы исконного происхождения.

Специальные названия имеет и тонкий слой, кусок (снимающийся, поднимающийся с плоского камня): *херхем* (исп., сал.) – *херхем/ къванци чар* (орт., юх.) букв. «камня бумага» – *хъереп* (ахт., джаб.). Первые два термина образованы редупликацией основы с изменением конечного согласного второй основы. Редуплицированные основы представлены также в табас., рутул. *хаIхаIл*, авар. *хахи* «гравий» [Загиров 1987: 46].

Понятия «горный камень» и «глыба», «большие камни» в речи селения Зизик передается двумя разными названиями: *къарцар*, *чарху къван*. Первый самостоятельный термин является исконным. Второе название представляет собой словосочетание определительного типа, в качестве первого компонента выступает усеченная форма родительного падежа *чархун* > *чарху* «скалы» + *къван* «камень», букв. «скалы камень».

В значении «круглый камень» используются два разных по составу названия: *кварквацI* (исп., сал.) – *элкъвей къван* (ахт., джаб.). Первое название

является исконным самостоятельным термином, второе состоит из прилагательного *элкъвей* «круглый» + *къван* «камень». Оба компонента исконного происхождения. Термин *кваркIацI* в селении Зизик обозначает «речной камень», а в селении Орта-Стал – «пласт земли, поднятый плугом».

Важным строительным материалом, без которого не обходится ни одна стройка, является лес. Лезгины лесоматериал используют в основном при строительстве балконов, окон, дверей, крыш, при обшивке потолка и пола. Значение «лесоматериал» передается исконным термином *кIарасар*, который выражает также понятия «дрова», «поленья». Исконная основа, ср. также агул. *кIур*, крыз. *кIынаъ* [Хайдаков 1973: 69], хинал. *кIана*.

Единым термином *гъвар* передается понятие «балка». Лексема, вероятно, собственно лезгинская. Слово *гъвар* в литературном языке и ахтынском диалекте обозначает также «закваска для теста».

Просвет между балками прикрывают жердями, которые обозначаются самостоятельными терминами *запахъар* (исп., сал.) – *забагъар* (джаб.) – *кIарацар* (зиз.) – *тырычар* (ахт.). Основы исконные. Лексема *забагъ* представлена также в табас. *забагъ* [Хайдаков 1973: 78]. В речи сел. Зизик использовано общее название лесоматериала *кIарацар* (зиз.) – *кIарасар* (лит.).

Для названия потолочных балок использованы разные термины: *чIулар* (лит., исп., зиз.) – *чIульер* (сал.) – *чIулар* // *кIарасар* // *митилар* (орт., юх.) – *чIилаър* (ахт.) – *тирер* (джаб.). Термин *тир*, представленный в джабинском диалекте, усвоен из азербайджанского языка, ср. азерб. *тир* «бревно» (РАС). Термин *чIул*, *чIуъл*, *чIил* исконного происхождения. Расхождения фонетического порядка. Генетически родственные основы представлены в: табас. *чIул*, рутул. *чIил*, авар. *чIалу*, лак. *чIула* [Загиров 1987: 47].

Единая самостоятельная простая основа *тахта* используется для обозначения доски. Лексема заимствована из азербайджанского языка без фонетических и семантических изменений, ср. азерб. *тахта* «доска» (РАС).

Опорный столб в жилище именуется *дестек* (исп., сал., джаб.) – *дестег* (зиз., орт., юх., ках.) – *гыл* (ахт.). Первая основа иранского происхождения, ср. перс. *dastak* «подпорка»; «плуг» [Забитов, Эфендиев 2001:43]. Простая производная основа *гыл* имеет исконное происхождение.

На накат из жердей настилают камыш или солому, которые отмечаются соответственно едиными для всех диалектов самостоятельными простыми исконными терминами *нацIар*, *самар*. Обе основы общедагестанского происхождения. Они в различном фонетическом оформлении представлены почти во всех лезгинских и в некоторых языках аварской группы [СИЛДЯ 1971: 176; Хайдаков 1973: 62].

Специальное название имеет зеленый камыш: *легьер* (орт.). Основа простая исконная.

В раствор для кирпичей и штукатурки добавляется мякина, которая именуется *нагъвар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «мякина», *цIекIвер* (исп., сан., зиз., орт., юх., ках.), *цирачIв* (ахт.), *цIоьцIоьр* (джаб.). Лексема *нагъв* общедагестанская [СИЛДЯ 1971: 177].

В значении «кирпич» используется единый самостоятельный термин *керпич*, заимствованный из русского языка.

Скрепляющим раствором при строительстве жилища служит глина, идущая на изготовление кирпичей и для штукатурки и т.д. Для данного термина используется несколько синонимичных названий исконного и иноязычного происхождения: *къар//палчух* (исп.), *хъипи къар* (орт.) букв. «желтая глина», *къар//цIах// палчух// къуруш* (зиз.) – *палчых* (ахт., джаб.). Лексема *палчух* заимствована из азербайджанского языка, ср. азерб. *палчыг* «грязь» (РАС). Лексические параллели основы *къар* хорошо сохранились в лезгинских языках, из других дагестанских языков – в даргинском, и лакском языках: дарг. *рамкъа* (< *макъар*), лак. *къаIркъи*, арчин. *мукъур*, рутул. *мыкълад* «грязный», цахур. *микъ*, крыз. *къирши*, будух. *наькъ*, хиналуг. *макъал* [СИЛДЯ 1971: 183].

Исходным согласным в данных основах исследователи считают *кь [Талибов 1980: 307].

В строительстве жилища используется и песок, который обозначается двумя самостоятельными терминами *шим* и *къум* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *къым* (ахт., джаб.). Первая основа иранского происхождения, а вторая тюркского происхождения, ср. азерб. *гум* «песок» [Селимов 2001:280, 518].

5. Названия инструментов

В значении «инструменты, орудия» используется единый самостоятельный термин арабского происхождения *алат* (САПС).

Подставка под ноги мастера (козлы) в лезгинских диалектах обозначается единым термином *ламар*, образованным обособлением формы множественного числа. Основным значением слова *лам* является «осел» . Основа общедагестанская [см. Хайдаков 1973: 26]. Значение «козлы» является переносным. Здесь метонимический перенос названия осла в форме единственного числа на козлы. Слово *лам* в лезгинском языке выражает также значение «мокрица».

Прежде чем настилать бревна на крышу, их очищают от коры. Для этой цели используется специальный инструмент, который именуется *тарту* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *дарты* (ахт., джаб.) «наструг». Происхождение слова неясно.

Понятие «пила» в лезгинском языке передается простой непроемной основой арабского происхождения (САПС) *мишер* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *миншар* (ахт., джаб.). Слово арабского происхождения, усвоено, вероятно, из азербайджанского языка, ср. азерб. *мишар* «пила» (РАС).

Производным от этого термина является описательное название *гъилин мишер* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) букв. «ручная пила» – *гъилин миншар* (ахт., джаб.) «ножовка».

Доски строгают рубанком, который в лезгинском языке и диалектах обозначается единым самостоятельным термином *ранда*. Слово иранского происхождения, ср.перс. *ранде* «рубанок» (САПС). Слово представлено и в других лезгинских языках: табас., агул. *ранда*, арчин.*ланда*, рутул., будух. *ранда* [Загиров 1987: 109].

Производным от данного названия является *рандадин мез* (исп., сал., зиз., орт., юх., джаб.) – *рандаз мез* (ахт.) «резец рубанка». В качестве второго компонента в данном сочетании использована общедагестанская основа *мез* [СИЛДЯ 1971: 127], основное значение которой – «язык».

Название фуганка *фугъан* заимствовано из русского языка с заменой звонкого смычного *г* в русском языке звонким спирантом *гъ*.

Понятие «секач» в лезгинском языке и диалектах передается единым термином *дегъре* персидского происхождения (САПС).

Для передачи понятия «топор» в лезгинском языке и диалектах используется два самостоятельных термина *нажах* (ахт.) – *наджах// йакIв* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.). Первая основа усвоена из тюркских языков, ср. азерб. *наджах* [Селимов 2001:345]. Родственная основа засвидетельствована и в грузинском языке, ср. груз. *наджахи* «топор» [Хайдаков 1973: 89]. Вторая основа *йакIв* – общедагестанская. Лексические параллели представлены в бежт., хвар., гунз. *ог*, гин. *ог*, агул., лезг. *йакIв*, табас. *йекIв*, цахур.*йакIв*, криз. *йокI*, буд. *йокIв*, лак. *рикIв* [Хайдаков 1973: 89].

Коловорот, ручное сверло в лезгинском языке называется *муткъаб* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *маткъаб* (джаб.). Слово арабского происхождения (САПС).

В значении «долото» используется самостоятельная лексема в двух фонетических вариантах *руцIугул* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *рыцIыгыл* (ахт., джаб.). Происхождение слова неясно.

Для забивания гвоздей используется молоток, который именуется *кIута* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кутIа* (ахт., джаб.). Основа общедаге-

станская, ср. ахвах. *кIортIа*, карат. *кIота*, тинд. *котIа*, багул. *кортIа*, бутл. *квартIа*, цез. *квартIа*, лак. *кьултIул*, арчин. *кIуртIа*, рутул. *кIытIа*, хинал. *кIулла* (СИЛДЯ 1971: 175].

В значении «гвоздь» используются арабское слово *масмар* и иранизм *мих* [Селимов 2001 : 332].

Понятие «заклепка» в лезгинском языке и диалектах передается самостоятельным термином тюркского происхождения *кьадакь*.

Кирка именуется *каца* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кацай* (ахт., джаб.). С. М. Хайдаков возводит это слово к общенахско-дагестанскому уровню, ср. авар., дарг., каза, табас. *газу*, анд. *газа*, лак., агул., арчин. *каза*, рутул. *кIацай* [Хайдаков 1973: 68]. Возможно, как предполагает Н.-И. С. Джидалаев, оно восходит к персидскому *газа* «мотыга» (ПРС) [Джидалаев 1990: 97].

Единым термином *лум* передается в лезгинских диалектах понятие «лом». Слово заимствовано из русского языка.

Для выверки вертикального положения используется отвес, который в лезгинском языке обозначается термином в трех фонетических вариантах *шугьул* (лит., зиз., орт., юх.) – *чагьул* (исп., сал., ках.) – *чугьул* (ахт., джаб.). Различия в звукосоответствиях *ч-ш*, *у-а*. Слово тюркского происхождения, ср. араб. *šaqīl* [Забитов, Эфендиев 2001:141].

Для выверки горизонтального положения используется уровень, который в лезгинском языке обозначается разными по составу терминами *терез* (ахт., джаб.) – *цин терез* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.). Первая простая основа иранского происхождения, ср. перс. *тараз* «весы» [Забитов, Эфендиев 2001:122]. В лезгинском языке термин употребляется в обоих значениях – 1) «весы» 2) «уровень». В описательном названии *цин терез* букв. «водяные весы» в качестве первого компонента выступает название воды *яд* в форме родительного падежа единственного числа *цин*.

В значении «угольник» используются два самостоятельных простых термина *губне* (джаб.) – *пIунI* (зиз.). В исконной лексеме *пIунI* редуплицирует-

ся корневой согласный. Название *гуьне*, видимо, заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. гуьней 1) «солнечная сторона» 2) «склон, косогор, подъем» [Селимов 2001:116].

Для передачи одного понятия «лопата» в лезгинском языке используются два разных по происхождению термина *пер* и *лапатка*. По мнению В. И. Абаева, первая основа иранского происхождения и отмечена в ряде языков: перс. *bēl* «заступ», тур. *bel*, авар. *bel*, анд. *bel*, чеч. *bel* [Абаев 1958: 260]. Вторым термин *лапатка* заимствован из русского языка, ср. рус. *лопата*.

Мастерок в лезгинском языке обозначается единым термином *малла*. Слово иранского происхождения, ср. перс. *малаē* «лопатка каменщика» (ПРС). В азербайджанском языке термин *мала* обозначает: 1) «штукатурка» 2) «штукатурная терка» 3) «задвижка» (АРС). Возможно, слово *малла* усвоено лезгинским языком из азербайджанского во втором значении.

Лохань для разведения глины в ахтынском диалекте обозначается простым исконным термином *лажв*.

Для передачи понятия «большой мастерок» использованы два названия: *къалагъ* (исп., сал.) – *сувагъди къул* (зиз., орт., юх.). Первый термин – простой самостоятельный, второй – составное название, образованное из тюркского *сувагъ* в усеченной форме родительного падежа и *къул* «доска».

Единым термином *кIаш* в лезгинском языке передается понятие «кувалда». Основа простая исконная.

Понятие «рашпиль» передается самостоятельным исконным термином *терехуъл* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт.) – *терехул* (джаб.).

Для сбрасывания снега с крыши используется деревянная лопата *йирф* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *йырф* (ахт., джаб.). Основа простая исконная, представлена также в табас. *йирф* «деревянная лопата» [Хайдаков 1973: 68]. Параллельно с данным названием используется и другое исконное название *хъусу* (исп., джаб.) – *къусу* (орт., юх.).

В значении «напильник» употребляется единый самостоятельный термин *йиге* тюркского происхождения, ср. азерб. *эйэ* «напильник» (РАС). Лексические параллели зафиксированы также в рутул. *йага*, крыз. *йегаь*, цахур. *йага* [Хайдаков 1973: 87].

Понятие «щипцы» передается единым термином *келлетан*, заимствованным из азербайджанского языка, ср. азерб. *кэлбэтин* «щипцы» (РАС). Лексические параллели представлены также в гунз. *калбатан* «клещи», бежт., цах., рутул. *калбатун*, крыз., хинал. *каьлпаьтин*.

В двух фонетических вариантах выражается в лезгинском языке понятие «клин»: *кIун* (лит., исп., сал., зиз., орт., ох., ках.) – *кын* (ахт., джаб.). Основа простая непроизводная исконного происхождения, представленная также в других лезгинских языках: табас. *ккун*, агул. (кур.), *ккун* «щиколотка», рутул. *выгын*, крыз. *кын* [Загиров 1987: 84].

Верстак, станок называется *дезгаь* (лит.) – *дезге* (зиз.) – *дезгаьгь* (ахт.). Слово иранского происхождения (САПС).

Названия жилища, стройматериалов и строительных инструментов встречаются в проклятиях, благопожеланиях, устойчивых выражениях и сравнениях: *шуькIуь нацI хьтин руш* «стройная девушка», букв. «тонкая, как тростник, девушка»; *зи гаф кьван я* (зиз.) «я принципиален», букв. «мое слово камень есть»; *кIвач кьванцихь галукьна* «споткнулся», букв. «нога за камень ударилась»; *гаф кьванци йана* «отказ получил», букв. «слово ударил камень»; *чIалан кьван* «камень от сглаза»; *кIвал кьени хьуй* «да будет богат твой дом»; *кIвализ цIай аватуй* «да сгорит твой дом», букв. «в дом пусть огонь упадет»; *ви кIвал чIур хьуй* «да разрушится твой дом», букв. «твой дом разрушенным пусть будет»; *ви кIвалин йукь аватуй* «чтоб провалился твой дом», букв. «твоего дома середина пусть упадет»; *вун шиблитIдей виниз акьатай* (зиз.) «чтобы ты умер», букв. «ты из фундамента чтоб вверх вышел»; *ви кIвалел байкьуш ацукьрай* «чтоб несчастье пришло в твой дом», букв. «чтоб на твой дом села сова»; *им кIвалин мур я, хуьруьн нур* (о человеке добром к чужим и плохим к

родным), букв. «он для дома холод есть, – а для села – свет» ; *кIвалин кIек*, *хуьруьн верч* (о человеке, смелом в доме), букв. «домашний петух, сельская курица»; *кIвал авур каца рикIин кьулухъ* (о недооценке труда), букв. «дом сделавшая кирка за дверью»; *мугьман кIвалин абур я* «гость -достоинство дома» (о гостеприимстве); *тартуди хьиз вичихъ гьизва* «тянет к себе» , букв. «как наструг тянет к себе».

ГЛАВА V

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С АНАТОМИЕЙ И ФИЗИОЛОГИЕЙ ЧЕЛОВЕКА

1. Соматические названия

Названия частей тела человека в лезгинском языке, как и во многих других языках [СИЛДЯ 1971; Хайдаков 1973; Алироев 1972; Тимаев 1975; Сухишвили 1981; Щербакова 1978 и др.], принадлежат к наиболее древнему и устойчивому пласту лексики. Они, по утверждению Л. П. Щербаковой, являются яркими показателями общности языков. Поэтому они представляют особый интерес в изучении проблемы междиалектных и межязыковых связей для изысканий в области исторической лексикологии и диалектологии [Щербакова 1978].

Слова данной лексико-семантической группы в лезгинском языке в большинстве своем имеют исконное происхождение и, бесспорно, входят в основной словарный фонд лезгинского языка. Многие из них восходят к общедагестанскому хронологическому уровню: *тIуб* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *тIыб* (ахт., джаб.) «палец», *кьуьн* «плечо», *цIвел* (лит., исп., сал.) – *кIвел* (зиз.) *кIваьл* (орт., юх.) – *чIвал* (ахт.) – *чIоьл* (джаб.) «висок», *вил* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *ул* (ахт.) – *уьл* (джаб.) «глаз», *хур* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хыр* (ахт., джаб.) «грудь», *руфун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *рыфын* (ахт., джаб.) «живот», *чуру* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чири* (ахт., джаб.) «борода», *мефт* (лит., исп., сал., орт., юх.,

ках.) – *маьхт* (зиз.) – *маштв* (ахт.) – *маст* (джаб.) «мозг», *нер* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *илаьр* (ахт.) «нос».

Значительная часть соматических названий лезгинского языка является общей для всех лезгинских языков, представляя собой фонетические варианты слов. Таковыми являются: лезг. *кIараб*, табас. *кIураб*, агул. *кIараб*, рутул. *кIараб*, *кIыраб*, крыз. *кIаьраьпI*, буд. *кIерепI* «кость»; лезг. *цуйлез*, табас. *жвелержв*, агул. *звелез*, рутул. *зилиз*, цахур. *зылзам*, удин. *зизам* «селезенка»; лезг. *пицI*, рутул. *бицI*, крыз. *бичI*, буд. *быцI* «пупок»; лезг. *пел*, рутул. *баьл*, крыз. *бел*, *белидж* «лоб»; лезг. *кIалхан* «гортань», табас. *кIалхан* «зев», рутул. *кьархан* «глотка», цахур. *кIархам* «трахея» и т.д. [Загиров 1987: 74-78].

Следует констатировать, что некоторые соматические термины в рассматриваемых диалектных единицах совпадают материально и семантически: *чин* «лицо», *йаб* «ухо», *сив* «рот», *мез* «язык», *кIир* «клык», *кьам* «затылок», *кек* «ноготь», *мам* «грудь (женская)», *кьвал* «бок», *рад* «кишка», *кIвач* «нога», *гьил* «рука» и т.д.

Многие соматизмы являются общими для большинства лезгинских диалектов. Однако некоторые из них фонетически варьируют: *кIукI* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кук* (ахт., джаб.) «макушка головы», *рацIам* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *рицIам* (зиз.) – *галцIам* (ахт.) – *гылицIам* (джаб.) «бровь», *хьикьем* (исп.) – *кьекьем* (сал., зиз.) – *кьакьам* (орт., юх.) – *кIакIар* (ахт.) – *киртикар* (джаб.) «ресница», *сасар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *сысар* (ахт.) – *сырар* (джаб.) «зубы», *чене* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чана* (ахт., джаб.) «подбородок», *регьв* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *рекьв* (ахт.) – *роькь* (джаб.) «челюсть», *пIузар* (исп., сал., зиз., орт., ках.) – *пIызар* (ахт., джаб.) «губа», *кIул* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кыл* (ахт., джаб.) «лопатка», *тунIун кIарабар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *тыпIын кIаламар* (ахт.) – *тыпIын кIегьебар* (джаб.) «фаланги пальцев», *хур* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хыр* (ахт., джаб.) «грудь», *дуркIун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *тIукIун* (ахт.) – *тукIун* (джаб.) «почка»,

нуькIвер (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *нучIар* (ахт.) – *йацIы йакар* (джаб.) «мышцы», *ширдан* (зиз.) – *шардан* (ахт., джаб.) «сычуг».

Наблюдается целый ряд случаев, когда исследуемые диалектные единицы лезгинского языка расходятся в обозначении частей тела, образуя тем самым синонимические пары: *хъвехъ* (лит., исп., сал., ках.) – *хъваъхъ* (зиз., орт., юх.) – *пIаркIв* (ахт., джаб.) «щека», *свах* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *квалах* (ахт.) – *квалахан* (джаб.) «коренной зуб», *гъвечIи мез* (лит., исп., сал., ках.) – *гъвечIи медз* (зиз.) – *бицIи мез* (орт., юх.) – *туьтен мез* (ахт., джаб.) «язычок», *йукъван синин тар* (исп., сал.) – *кьулан тар* (зиз., орт., ках.) – *кьулан синин тар* (юх.) – *тарса кIараб* (ахт., джаб.) «позвоночник», *шейтIанд йапар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *шейтIанз йапар* (ахт.) – *рикIин къалпах* (джаб.) «клапаны сердца».

Некоторые названия частей тела человека в одних диалектных единицах обозначаются самостоятельными простыми или синтетическими терминами, а в других – аналитическими: *сурлумпI* (исп., сал.) – *туьтуьнин хат* (зиз., орт., юх.) – *туьтвен хад* (ахт.) – *улгъум* (джаб.) «выступ гортани», *гъилин джалгъа* (исп., сал.) – *билаъг* (зиз., джаб.) – *билаък* (ахт.) – *занг* (орт., юх.) «запястье», *гъилин къен* (исп., сал., зиз., джаб.) – *кап* (орт., юх.) – *капан йукъ* (ахт.) «ладонь», *туькьуьлдъж куркур* (исп., сал.) – *себ* (зиз., орт., юх.) – *чIукI* (ахт.) – *уьд* (джаб.) «желчный пузырь», *лаъкъ* (исп., сал., зиз., ках.) – *чIулав лаъкъ* (орт., юх.) – *чIылав ликъ* (ахт.) – *чIылав ичалат* (джаб.) «печень», *занг* (лит., исп., сал., орт., юх., ках., джаб.) – *кIвачин кфил* (зиз.) – *кIвечин цIым* (ахт.) «голень».

подавляющая часть названий частей тела человека употребляется в обоих числах – единственном и множественном. Однако встречаются случаи, когда ряд названий частей тела употребляются преимущественно во множественном, нежели в единственном числе: *хъикъемар* (исп.) – *къекъемар* (сал., зиз., ках.) – *къакъамар* (орт., юх.) – *улун кIакIар* (ахт.) – *кирпикар* (джаб.) «ресницы», *нер чIарфар* (зиз., джаб.) – *илаър чIарфар* (ахт.) «хрящи в носу»,

джигерар (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *ичалатар* (ахт.) «легкие и печень (вместе взятые)» и т.д. Как отмечают специалисты, это находит свое объяснение в самом строении человеческого организма со свойственной ему симметричностью отдельных частей (грудная клетка, лицо, нос), парностью (глаза, уши, руки, почки) или совокупным характером (зубы, ногти, волосы, ресницы), а также массовидностью (мышцы, сухожилия) [Колесникова 1972: 72]. Термин *иричарар* (исп., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) – *иридчарар* (сал.) «двенадцатиперстная кишка» вообще не имеет формы единственного числа.

В структурном отношении названия частей тела человека в большинстве своем представляют собой простые непрямые основы, хотя можно допустить, что среди них имеются и исторически производные основы: *члар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «волос», *техв* «затылок», *йукь* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт.) – *йыкь* (джаб.) «поясница», *пагв* «бок», *гьуд* «кулак», *мет* «колени», *туьд* «горло», *кьуьнт* «локоть».

Производные основы в рассматриваемых диалектных единицах представлены в ограниченном количестве: *туьт-уьх* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *туьт-уьх-уьл* (ахт.) – *туьт-уьх-ан* (джаб.) «пищевод» < *туьд* «горло»; *цил-ез* (исп., сал.) – *цил-ег* (зиз., орт., юх.) – *цуьл-ег* (джаб.) «селезенка», *кап-аш* (исп., юх.) – *кап-ач* (сал., ахт.) «кисть руки», *цвара-гъан* «мочевой пузырь» < *цвар* «моча» > *цвара* (мест.п.) + *-гъан*.

Значительное количество соматизмов составляют сложносоставные названия. Большинство из них представляют собой определительные словосочетания, в которых первым компонентом выступают имена существительные в форме генитива, а вторым – имена существительные в форме номинатива: *вилин нине* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *улун нине* (ахт.) – *уьлуьн нине* (джаб.) «зрачок», *вилин кьебекь* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *улун кьалпах* (ахт.) – *уьлуьн кьалпах* (джаб.) «веко» букв. «крышка глаза», *йапун кьен* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йапан кьен* (ахт., джаб.) «ушная раковина» букв. «уха внутренность», *йапун кIвенкI* (лит., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йапан*

кIвекI (ахт., джаб.) «мочка» букв. «уха кончик», *нерин къен* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *илаьрын къен* (ахт.) «полость носа» букв. «внутренность носа», *нерин тахта* (исп., сал., зиз., джаб.) букв. «носа доска» – *нерин тар* (орт., юх.) букв. «носа дерево» – *илаьр тарс* < *илаьрын тарс* букв. «носа позвонок», «спинка носа», *нерин къвалар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *илаьр къвалар* (ахт.) «крылья носа» букв. «носа бока», *нер тIеквер* < *нерин тIеквер* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *илаьр кIацIар* (ахт.) «ноздри» букв. «носа дырки», *сивин къен* «полость рта» букв. «внутренность рта», *сивин къав* «нёбо» букв. «рта крышка», *пакун тIвалар* (исп., сал.) – *пакун тIалар* (зиз., орт., юх.) – *пакван тIвалар* (ахт., джаб.) «ребро» букв. «бока палки», *къуьнуьн кIараб* «плечевая кость», *хьуьчIуьн кIан* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *къучIун кIан* (ахт.) «подмышечная ямка», *гьилин далу* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гьилин кылар* (ахт.) – *гьилин тыл* (джаб.) «тыльная сторона руки» букв. «руки спина», *йукъван тIуб* (исп., сал., зиз.) – *къулан тIуб* (орт., юх., ках.) – *къулан тIыб* (ахт.) – *йыкъан тIыб* (джаб.) «средний палец», *мамун кIвенкI* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *маман кIвекI* (ахт., джаб.) «сосок» букв. «груди острый конец», *хурун къефес* (исп., сал., зиз., орт., ках.) – *хырын къефес* (ахт., джаб.) «грудная клетка», *хуьрекди кIвал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *хвейракзи кIвал* (ахт.) «желудок» букв. «обеда дом», *джигердин хурун перде* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *жигерзин парда* (ахт.) – *джигердин парда* (джаб.) «плевра легкого» букв. «занавеска легкого», *рикIин перде* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *рикIин парда* (ахт.) «перегородка сердца» букв. «сердца занавеска», *цварад куркур* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *чухьад куркур* (орт., юх.) букв. «мочи волдырь» – *чвараз цел* (ахт.) – *цварад цел* (джаб.) «мочевой пузырь» букв. «мочи бурдюк», *цварадин рехъ* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *чвараз рехъ* (ахт.) «мочеиспускательный канал» букв. «мочи путь», *дубурди рад* (исп., сал., джаб.) «прямая кишка», *метIин кIвалакI* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *метен кIвалакI* (ахт., джаб.) «коленная чашечка», *кIвачин руфунар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) букв.

«животы ноги» – *кIвечин нучIар* (ахт.) букв. «птицы ноги» – *кIвечин йацIы йакар* (джаб.) букв. «ноги толстое мясо», «икры ног», *кIвачин кIан* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кIвечин кIан* (ахт., джаб.) « подошва ноги» букв. «ноги нижняя часть», *кIвачин чин // хур* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кIвечин чин* (ахт., джаб.) «тыл стопы» букв. «ноги лицо // грудь», *кIвачин легъв* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) букв. «ноги выемка» – *кIвачин гел* (джаб.) букв. «ноги след» – *кIачIал* (ахт.) «свод стопы», *кIвачин тунIар* (лит., исп., сал., зиз., орт., ках.) – *кIвечин кулар* (ахт.) – *кIвачын кулар* (джаб.) «пальцы ног».

Целый ряд составных соматических терминов образован сочетанием прилагательного с именем существительным в именительном падеже: *вилик сас* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *уьлук сас* (ахт., джаб.) «передний зуб», *чIехи тIуб* (исп., сал., зиз.) – *чIехи тIыб* (джаб.) – *кIанчIал тIуб* (орт., юх., ках.) – *гъвейи тIыб* (ахт.) «большой палец» (значения первых компонентов в последних двух названиях затемнены), *гъвечIи тIуб* (исп., сал., зиз.) – *бицIи тIуб* (орт., юх., ках.), букв. «маленький палец» – *кIачIал тIыб* (ахт., джаб.) «мизинец», *куьлук дамарар* (исп., сал., зиз., ках.) букв. «мелкие вены» – *шуькIуь дамарар* (орт., юх.) букв. «тонкие вены» – *чуьлук дамарар* (ахт., джаб.) «капилляры», *буьркьуь рад* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пIуьркьуь рад* (ахт.) – *пIеркьи рад* (джаб.) «слепая кишка»; *йацIу рад* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йацIы рад* (ахт., джаб.) «толстая кишка», *шуькIуь рад* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *шки рад* (ахт., джаб.) «тонкая кишка», *дуьз рад* (зиз., орт., юх., ках.) букв. «прямая кишка» – *йары рад* (ахт.), букв. «красная кишка», «прямая кишка»; *йацIу кIараб* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йацIы кIараб* (ахт., джаб.) «берцовая кость» букв. «толстая кость», *чIулав лавкь* (орт., юх.) – *чIылав ливкь* (ахт.) – *чIылав ичалат* (джаб.) «печень» букв. «черная печень».

Как было отмечено выше, соматические названия в рассматриваемых диалектных единицах в преобладающем большинстве представляют исконные лексемы. Это обстоятельство позволяет предполагать наличие значительного

пласта общих наименований или корневых элементов у языков близкородственных [Колесникова 1972: 257]. Однако в этой группе лексики, хотя и в ограниченном количестве, обнаруживаются и заимствованные из неродственных языков (азербайджанского, арабского, персидского) слова: арабизмы *бе-ден* «тело», *руьгь* «дух, душа», *хурун кьефес* «грудная клетка», *суфат* ирон. пренебреж. «лицо», персизмы *гардан* «шея», *ширдан* «сычуг», *тан* «тело, стан», *чан* «душа, тело», *рад* «кишка», *келле* «голова», *джигерар* «легкие», *чене* «челюсть», тюркизмы *мам* «грудь (женская)», *далу* «спина», *дамар* «сосуд, вена», *дабан* «пятка», *далах* «селезенка», *кьалчах* (ахт.) «бедро», *киртик* (джаб.) «ресница», *кьан* «кровь», *туьк* «пух», *кьуджах* «объятия», *бириш* «морщина».

Следует отметить, что некоторые соматические названия используются для выражения нескольких понятий. Так, например, термин *далу* со значением «спина» выражает также понятия: 1) «тыл, тыльная сторона», *гьилин далу* «тыльная сторона руки», *душмандин далу патта* «в тылу врага»; *далудихъай авай гар* «ветер в спину, попутный ветер»; *далудихъай ванер кьеззвай* «сзади, позади слышны были голоса» 2) перен. поддержка, опора; *адахъ далу авач* «у него нет поддержки» 3) «спинка, задок, задняя часть (чего-л.)» [Талибов, Гаджиев 1966: 107] 4) «безрукавка» .

Соматический термин *рикI* с единым звучанием во всех диалектах лезгинского языка и представленный во всех дагестанских языках в незначительных фонетических вариантах [СИЛДЯ 1971: 124; Хайдаков 1973: 43], кроме своего основного значения «сердце», обозначает также: 1) «душа», *рикIин дуст* «задушевный друг» 2) «сердцевина чего-л.» (ахт.); *ичин рикI* «сердцевина яблока». Основа данного соматонима является общим для всех иберийско-кавказских языков [Бокарев 1961: 62; Гигинейшвили 1977: 82; Климов 1964: 66].

Многозначным является в лезгинском языке и анатомический термин *кьил* «голова» 1) перен. «ум, рассудок»; *кьил авай инсан* «рассудительный че-

ловек» 2) «голова (как единица счета одушевленных существ»; *виш кьил лапаг* «сто голов овец» 3) «глава, руководитель» 4) «утолщенная оконечность (чего-л.), «головка» 5) перен. «вершина»; *дагъдин кьил* «вершина горы» 6) перен. «крышка»; *къажгъандин кьил* «крышка кастрюли» 7) перен. «начало; край; сторона; конец»; *а кьил* «тот конец» 8) «заглавие, заголовок»; *кѳабдин кьил* «заголовок книги» [Талибов, Гаджиев 1966: 203-204].

Интересно отметить тот факт, что в речи селений Юхари-Стал и Ахты нами выявлено также одно переносное значение соматонима *кьил* «голова» – «глава семьи», «жена, хозяйка»: *«са кьил жугъуриз фена кѳанда»* – *лугъуда наб кьейи итимди* (юх.) «мужчина, у которого умерла жена, говорит: «Надо пойти искать жену, хозяйку», букв. «надо пойти искать голову»; *чна анбрыз кьил ганава* (ахт.) «мы отдали им хозяйку, жену» букв. «мы отдали им голову». По-видимому, употребление термина «голова» в данном значении связано с остаточными явлениями матриархата в данных населенных пунктах.

Единый для всех лезгинских диалектов соматический термин *мез* «язык» используется и для обозначения других предметов, сходных по форме: *рандадин мез* «резец рубанка», букв. «язык рубанка», *цѳун мез* «язык пламени», *цѳулун мез* «металлический наконечник ремня», *цѳилен мез* (ахт.) «подвеска на мужском поясе (в виде язычка)», *чекмезин мез* (ахт.) «язычок ботинка». Основа общедагестанская. Фонетически близкие основы представлены во всех лезгинских языках: табас. *мелдз*, агул. *мез*, рутул. *миз*, цахур. *мез*, арчин. *маз*, крыз. *мез*, буд. *мез*, удин. *муз*, хинал. *мицѳ* [Талибов 1980: 293; Загиров 1987: 25] и дагестанских языках [Бокарев 1961: 59; СИЛДЯ 1971: 127; Хайдаков 1973: 46; Гигинейшвили 1977: 70]. Прослеживаются параллели в адыг. *бзэ*, абх., абаз., убых. *бжэ*, чеч.-инг. *мот* [Шагиров 1977: 93].

Анатомический термин *вил*, кроме своего основного значения «глаз», выражает также понятия: 1) «клетка оконной рамы» 2) «пора, ноздревина»; *вил-вил хъайи ниси* «ноздреватый сыр» 3) «ячей (у сети)» 4) «синяя пряжа» [Талибов, Гаджиев 1966: 76]. Основа хорошо сохранилась во всех лезгинских

языках: табас. *ул*, агул. *ул*, рутул. *ул*, цахур. *ул*, арчин. *лур*, крыз. *гIуьл*, буд. *гIуьл*, удин. *пил*, хинал. *пил* [Загиров 1987: 26].

Лесема *кIвач*, кроме анатомического значения «нога», выражает также понятия: 1) «ножка (мебели)»; *столдин кIвач* «ножка стола» 2) «курок (ружья)»; *тфенг вини кIваче тун* «взводить курок ружья» [Талибов, Гаджиев 1966: 215].

Лексема *тIуб* «палец» имеет также значение «задвижка, засов, щеколда». Производным от нее является название *тIыпIытIайар* (ахт.) (*тIыб* «палец» > эрг. *тIыпIы* + *атIайар* < *атIун* «резать» > *атIайар* «отрезанные») «галушки»: *дидези хъсан тIыпIытIайар хIазырна* (ахт.) «мать приготовила вкусные галушки».

Для образования некоторых соматических терминов используются названия других вещей и предметов: *вилин нине* (исп., сал., зиз., орт., ах., ках.) – *улун нине* (ахт.) – *уьлуьн нине* (джаб.) «зрачок», букв. «кукла глаза», *улун къалпах* (ахт.) – *уьлуьн къалпах* «веко», букв. «глаза крышка»; *сивин къав* «нёбо», букв. «рта крышка»; *кьулан тар* (орт., юх.) «позвоночник», букв. «среднее дерево»; *хуьрекди кIвал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хвейракзи кIвал* (ахт.) «желудок», букв. «обеда дом».

Соматические названия могут быть использованы и для обозначения количества, меры длины и т.д.: *капаш/кап* «кисть руки» – *са кап фу* «четверть хлеба», *тIуб* «палец» – *са тIыб парча* «кусок ткани длиной в один палец», букв. «один палец ткани», *чIар* «волос» – *са чIар кьел* «немного соли», букв. «один волос соли».

В лезгинском языке наблюдается значительное количество пословиц, поговорок, фразеологизмов, идиом, сложносоставных слов, в состав которых входят соматические названия. Многие из них подтверждают прямые и переносные значения терминов, обозначающих названия частей тела человека:

кьил «голова»; *кьил чIичIаг* (ахт.) «репчатый лук», букв. «голова лук»; *кьил гын* (ахт.) «отдать замуж», букв. «голову отдать»; *кьил пичIи* «легкомыс-

ленный», букв. «пустоголовый»; *кыле тIветI авай* «легкомысленный», букв. «в голове муху имеющий»; *кыл къене авай* «скрытный», букв. «голова внутри имеющий»; *кыле квак эвейзи* (ахт.) «упрямый», букв. «в голове червь имеющий»; *кыл гун* «начинать созревать (о фруктах)», букв. «голову дать»; *кыл кьун* «связываться с кем-нибудь», букв. «голову держать»; *кыл гъиле тагун* «спрятаться», букв. «голову в руку не давать»; *кыл чIур хьун* «сойти с ума», букв. «голова испортиться»; *кыл чIугун* «навещать», букв. «голову тянуть»; *кыл регъверик акатун* «попасть в беду», букв. «голова под жернова попасть»; *кьиникьал ви кыл эцигый* (ахт.) бран. «чтоб ты умер», букв. «чтоб на смерть твою голову положили»; *кылин кукIвал чка авун* «сильно любить; уважать», букв. «на макушке головы место делать»; *къве кыл кьуна тухун* «умереть», букв. «нести, держа два конца савана»; *кыл акъудна тум чьунуьхун* (юх.) погов. «не до конца быть откровенным», букв. «голову высунув, хвост спрятать»; *канабай экъечIна рекъай физвайдан кыл хун* (юх.) погов. «опозорить, осрамить другого, хотя сам виноват», букв. «выйдя из конопли, разбить голову тому, кто идет по дороге»; *кыл нубат авачир регъвера хун* (юх.) погов. «напрашиваться на неприятности», букв. «на ненужной мельнице разбить голову»; *сагъ кылик къваркъвар кытIын* (ахт.) погов. «вмешиваться в ненужные дела», букв. «здоровую голову завязать тряпкой»;

рикI анат. «сердце»; *рикIин перде* «перегородка сердца», *рикIин хиял* а) «сердечная дума» б) «душа»; *вун зи рикIин хиял я* «ты моя душа (есть)»; *къуьрен рикI* «слабое сердце», букв. «заячье сердце», *рикI чIехи инсан* «терпеливый, выносливый человек», букв. «с большим сердцем человек»; *рикIиз кIани* «приятный, желанный», *рикIи ягъун* «сердцебиение», букв. «сердце ударить»; *рикIел хтун* «вспомнить», букв. «на сердце вернуться»; *рикIиг гакъутын* (ахт.) «ранить душу, причинять неприятности», букв. «к сердцу придирааться»; *рикI-тIукIун гын* (ахт.) «успокаивать», букв. «сердце-почку дать»; *рикI цацарал алай хьиз хьун* «волноваться», букв. «как будто сердце находится на колючках»;

сив «рот», *сивин пад квачир эхтилатар* «нецензурные слова», букв. «рта край не имеющие разговоры»; *сивевей мез хьтин* «спокойный, тихий», букв. «как во рту находящийся язык»; *сиве яд кьур* (юх.) «тихий, спокойный», букв. «во рту воду державший»; *сивяй каф чикIуз* «сильно ругаться», букв. «из рта пену брызгая»; *са сив фу* «кусочек хлеба», букв. «один рот хлеба»; *сивел эцигун* «закусить слегка», букв. «положить на рот»; *сивел сив эцигун* «связываться с кем-л.», букв. «на рот ставить рот»;

мез «язык»; *мецин кIвенкIв* «кончик языка»; *мецин дувул* «корень языка»; *мецел ширин* «любезный, сладкий на язык», букв. «на языке сладкий»; *мецел туькьуьл* «злоречивый, злоязычный», букв. «на язык горький»; *мез ягьун а* «лизать» б) «соблюдать чрезмерную чистоту» в) «уговаривать кого-л.»; букв. «язык ударять», *рикIе авайди ваз хьуй, меце авайди заз* погов. «(То) что на языке, пусть мне будет, а что в сердце – тебе»;

сас «зуб»; *сарар экъечIун* «расти (о зубах)»; *аялдиз сырар акъычIзейла сырын ккафан хIазыр эйе* (ахт.) погов. «Когда у ребенка режутся зубы, приготовь (заранее) саван и могилу»; *сас сарал тавун* «дрожать от холода», букв. «зуб на зуб не идти»; *сарар экъысун а* «скалить зубы, зубоскалить» б) перен. «умереть»; *сараркай рахун а* «говорить невнятно» б) «разговаривать без желания, без охоты»; *сарак акатун а* «попадать под зуб» б) перен. «попадать в зависимость»; *сарак акат тавун а* «не попадать под зуб» б) «не попадать в зависимое положение»; *сарак ай хкатун а* «отскочить от зуба» б) «не исполниться – о желании»; *сас сарал илисун* «стараться усердно», букв. «зуб на зуб давить»;

пIуз «губа»; *пIуз пIузалай илягь тавун* «не говорить ничего», букв. «губу с губы не снимать»; *пIузал тух элаьгьун* (юх.) «выскочить – о простудной лихорадке на губе»; *пIуз пIуза акIун* «печалиться, горевать», букв. «губа в губе застрять»; *пIузал затI эцигнавач* «голоден», букв. «на губу ничего не ставил»; *пIузалай кьенез затI физмач* «нет аппетита», букв. «с губы внутрь ничего не идет»; *пIузарар жакьун* «злиться», букв. «жевать губы», *пIуз сарак акатун*

«провиниться», букв. «губа под зуб попадать»; *пӀузал хъвер алаз* «улыбаясь», букв. «на губе смех имея»; *пӀузарри пӀах гуз, сарари кӀасдаиди* (юх.) погов. «губами целующий, а зубами кусающий» (о коварном человеке);

нер «нос»; *нер куърсарун* «обидеться» букв. «вешать нос»; *нер хилаый аватай хътин* «сильно похожий» букв. «будто из одной ноздри выпавший»; *нерин тар къурла, чан акъатдай хътин* (юх.) «хилый, нездоровый», букв. «когда спинку носа держишь, будто душу отдающий»;

туьд «горло»; *туьтуьнай хъвадай яд аквадай* «очень красивая», букв. «из горла пьющая вода виднеющаяся (девушка)»; *туьтуьна акӀун* а) «подавиться» б) перен. «чувствовать себя обязанным»; *туьтуьнлай фу тэфин* «пища не проходит через горло»; *туьтвер пехир хьын* (ахт.) «охрипнуть»; *туьтвена сырар эйе* (ахт.) «ешь быстрее», букв. «в горле зубы делай»;

вил «глаз»; *вилер буьркьюь хьун* а) «ослепнуть» б) перен. «ошибиться»; *вилер къава акӀун* «умереть», букв. «глаза в потолке застряты»; *вилер пелез акъатун* «удивиться», букв. «глаза на лоб выйти»; *вилер аваз буьркьюьди* «неграмотный», букв. «глаза имея слепой»; *вил пичӀи* «обжора», букв. «глаз пустой»; *вилерал вили памбагар эцигун* «умереть», букв. «на глаза голубую вату ставить»; *вили къван къве над ийидаиди* «дурной глаз» букв. «камень на две части разбивающий глаз»; *жувахъ шехьдаиди жуван къве вил я* погов. «надеюсь только на себя», букв. «по тебе плачущий есть два твоих глаза»; *чарадахъ шехьдай вилелай нагъв кими жедач* погов. «С плачущего по чужому глаза следа не сходит»;

чӀар «волос»; *чӀар фин* а) выпадать (о волосах)» б) перен. «беднеть»; *чарадан виле авай чӀар аквада вичин виле авай тар аквадач* погов. «в чужом глазу видит волос, а в своем дерева не замечает»;

къуьн «плечо»; *къуьнерал къун* а) «держат на плечах» б) перен. «уважать»; *къуьн кутун* а) «подставить плечо» б) перен. «помогать»; *къуьнкъуьневей къуьнши* (ахт.) «ближайший сосед», букв. «плечо в плече находящийся сосед»;

гъил «рука»; *гъиляй акъатун* «умереть», букв. «из руки выйти»; *гъил хуьн* «не воровать», букв. «держат руку»; *гъил къун* а) «держат руку» б) перен. «экономить»; *гъил яргъи авун* «воровать», букв. «руку длинной делать»; *гъил михъи* а) «с чистой рукой» б) перен. «чистый на руку»; *гъилин-тунІун затІар* «мелкие предметы», букв. «руки-пальца вещи»; *гъилелай-тунІалай авун* «обдумывать, размышлять», букв. «с руки-пальца делать»; *гъил гъун* «обесчестить (девушку)», букв. «руку принести»; *гъилел-кІвачел заланди* «беременная», букв. «на руку-ногу тяжелая»; *са гъилив къве къарпуз къаз жседач* погов. «в одной руке не удержишь два арбуза»; *тІыб гыгана гъил къацын* (ахт.) «взять много, дав мало», букв. «дав палец, взять руку»;

кІвач «нога»; *кІвачин рекъе хуьн* «поносить» букв. «в дороге ноги быть»; *кІвачинарун* «готовить в дорогу»; *кІвач каь* «иди быстро»; *кІвач къванце акъун* а) «зацепиться ногой об комень» б) перен. «встретить нехорошего человека»; *кІвачик ракъ вегъ* «брось под ноги железо» (говорят при появлении человека, который давно не приходил); *чІуру кІвачелай къарагъун* «встать не стой ноги, встать без настроения», букв. «встать с плохой ноги».

Как видно из приведенного материала, в лезгинском языке и его диалектах хорошо сохранились соматические термины. О том, что названия частей тела человека являются древним пластом, свидетельствует также широкое употребление этих терминов в устойчивых выражениях.

2. Названия болезней человека (а также образования на теле,

выделения, пороки и недостатки человека)

Названия болезней человека в лезгинском языке по своему составу делятся на простые (непроизводные), производные слова и названия, представляющие собой словосочетания.

1) Простые непроизводные слова

Название болезни в рассматриваемых диалектных единицах передается лексемой *азар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гІавзаьр* (ахт., джаб.). По

утверждению В. И. Абаева, слово иранского происхождения [Абаев 1958: 96]. Н.-И. С. Джадалаев полагает, что этот термин усвоен лезгинским языком из азербайджанского, ср. азерб. *азар* 1) «болезнь, недуг» 2) «беспокойство, хлопоты» 3) «эпидемия» [Джадалаев 1990: 127]⁹. Значения данного слова в лезгинском и азербайджанском языках совпадают: *андак сагъ тежезей глаьзаьр кыва* «она болеет неизлечимой болезнью», *им заз са глаьзаьр хъана хьи* «это для меня одно мучение (стало)», *чарадан азар члуьун а* «беспокоиться за кого-либо» б) «терпеть неприятности за другого». Слово употребляется и в устойчивых выражениях: *ви ана вуч азар авайди йа?* «на какой черт ты там?», *ана ви азар авач!* «нечего тебе там делать; нечего тебе туда ходить!», букв. «там твоей болезни нет», *вун вуч глаьзаьрзи кьынвей аныз физ?* (ахт.) «какого черта тебе надо было туда ходить?» Производными от *азар* являются слова *азарлы* «больной», *азархана* «больница», *азарлувал* «болезненность». Первые два названия заимствованы лезгинским языком из азерб. *азарлы*, *азархана* (АРС).

Лексема *тIал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *тал* (ахт., джаб.) используется для передачи понятий: 1) «болезнь, недуг» 2) «боль»; *гьи тIуб атIайтIани*, *тIал сад йа* погов. «какой бы палец ни порезал – боль одна», *тIал атIун* «перестать болеть», *тIал гьатун а* «распространяться (о боли)» б) «ныть» 3) перен. «желание, цель», *вахъ вуч тIал аватIа заз лагъ*, «какая твоя цель, каково твое желание, скажи мне». Лексема общедageстанская [СИЛДЯ 1971: 135].

Название раны *хер* в лезгинских диалектах совпадает материально и семантически. Основа исконная, возможно, собственно лезгинская.

Понятие «зуд» в лезгинских диалектах передается единым термином *квал*. Основа общелазгинская, ср. еще табас. *угал* [Загиров 1988: 120]. В речи селений Орта-Стал и Юхари-Стал в данном значении используется также один самостоятельный термин *хъул*.

⁹ Начальный *гI* в ахтынском и джабинском однозначно указывает на непосредственно арабский источник (прим. ред.).

В значении «нарост, бородавка» употребляется термин *matI*. Основа исконная [Хайдаков 1973: 49]. В этом значении в ахты́нском диалекте употребляется другой самостоятельный термин *гъед*, основным значением которого является «звезда». Основа общелезгинская, ср. табас. *хяд* [Загиров 1988: 117].

Единый для всех лезгинских диалектов термин *mIur* выражает понятия: 1) «нарост, шишка, прыщ, жировик» 2) «сыпь» 3) бот. «почка»: чиник *tIurar kiva* (ахт.) «лицо в прыщах», *бедензиз mIurar акъатна* (ахт.) «тело покрылось сыпью», *тарары mIurar акъудзава* «деревья распускают почки». Термин *mIur* передает также омонимичное понятие «ложка». Основа общедагестанская, прослеживаются параллели в других лезгинских языках: цахур. *mIur*, рутул. *mIur*, крыз. *mIur*, хинал. *цIу* [Хайдаков 1973: 49].

В значении «бородавка» употребляется термин *хал* в едином звучании. Слово арабского происхождения (САПС). Кроме основного значения, термин выражает понятия 1) бот. «лишай» 2) «плесень»; *хал йагъун* а) «покрываться «лишаем» б) «покрываться плесенью, «плесневеть», *хал йанвай йад* «затхлая, застоявшаяся вода» [Талибов, Гаджиев 1966: 339].

Для передачи понятия «чесотка» используется термин *хъутур* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *къутур* (зиз., ахт., джаб.). Слово тюркского происхождения, ср. тюрк. *gotur* «короста», «шелуда», «сыпь» [Радлов II: 609]. Представлено и в других дагестанских языках: лак. *къутур*, авар. *хъутур* [Джидалаев 1990: 129].

Название пятна в лезгинских диалектах передается единым термином *леке*. Слово иранского происхождения (САПС). Слово употребляется и в переносном значении «позор, бесчестие»: *андавай зак са лекени кутаз жезач* (ахт.) «он не сможет опозорить меня».

Двумя фонетическими вариантами передается понятие «парша»: *гачал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *качал* (ахт., джаб.). Слово тюркского происхождения [Джидалаев 1990: 128]. Кроме своего основного значения,

слово выражает также понятия: 1) «человек с паршой (на голове)» 2) перен. «паршивец» 3) «паршивый, с паршой (на голове)»; *гачал кьыл* «паршивая голова» [Талибов, Гаджиев 1966: 84]. Представлено также в лакском (*качал*) и даргинском (*кечел*) языках [Джидалаев 1990: 128].

Для передачи понятия «оспа» в лезгинских диалектах используется единый термин *цIегъер*, который представляет собой форму множественного числа от лексемы *цIегъ* со значением «коза». Основа общедагестанская [СИЛДЯ 1971: 152; Хайдаков 1973: 22].

Болячка, язва в лезгинском языке именуется *карат*. В ахтынском диалекте представлен фонетический вариант *кер*: *чин керар къынва* (ахт.) «лицо покрылось болячками». Семантика этого слова широка. Кроме значения «болячка, язва», оно выражает также понятия: 1) «корка (болячки)»; *хире кер къынва* (ахт.) «рана покрылась коркой» 2) «околыш»; *карцелай чIар фенвай бармак* «папаха с облезлым околышем» 3) «обод»; *сафунин кар* «обод сита» [Талибов, Гаджиев 1966: 151].

Ветрянка именуется *чулукар* (ахт.) – *чIольуькар* (джаб.). Слово употребляется только в форме множественного числа.

Двумя фонетическими вариантами передается понятие «золотуха»: *визи* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *везе* (ахт., джаб.). Слово заимствовано из азербайджанского языка [Селимов 2001:103].

В значении «чирей» в лезгинском языке употребляются две лексемы: *буьвел* (лит., исп., сал., зиз., ках.) – *швал* (ахт.). По-видимому, основы исконные.

Для обозначения экземы в лезгинских диалектах употребляются разные лексемы. В литературном языке и диалектах кюринского наречия употребляется слово *таразум* (лит., исп., сал., зиз., ках.) – *таразун* (орт., юх.). В ахтынском диалекте в данном значении употребляется описательное название *пIеркIуь квак*, состоящее из двух самостоятельных слов исконного происхождения – *пIеркIуь* «слепой» + *квак* «червь», букв. «слепой червь».

Термин *цIарнах* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *цIурнах* (зиз., ахт.) – *цIернех* (джаб.) обозначает «лишай». Основное значение данного слова – «гусеница».

Для передачи понятия «рябой» в лезгинских диалектах используется термин *чупур* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чытыр* (ахт.). Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *чопур* «оспа»; «рябой; рябой человек» [Джидалаев 1990: 130].

Мозоль и волдырь в лезгинском языке передаются единым термином *къабар*. По свидетельству Н.С.Джидалаева, слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *габар* 1) «мозоль» 2) «волдырь» [Джидалаев 1990: 129].

Человек с редкими усами и бородой, безбородый человек в лезгинском языке именуется *кваса*. Данное слово выражает и переносное значение – «паяц, комик, клоун (выступающий обычно с канатоходцами)». Во втором значении употребляется и самостоятельный термин *къабачи*. Во втором значении в ахтынском диалекте употребляется только термин *къабачи*. Слово *кваса* заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *коса* «человек с редкой бородой» и представлено также в других дагестанских языках: лак., авар., дарг. *куса* «безбородый мужчина» [Джидалаев 1990: 128].

Понятие «озноб» в лезгинском языке передается двумя вариантами: *фул* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *ыфыл* (ахт.). Данная лексема употребляется также в значении «лихорадка»: *анда ыфыларзава* «она лихорадит», *зак фул акатна* «меня лихорадит» букв. «ко мне лихорадка попала».

Значение «корь» в лезгинском языке передается двумя самостоятельными лексемами *йарар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гылевар* (ахт.) – *гылийар* (джаб.). Происхождение слов неясно.

Двумя фонетическими вариантами *купул* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кыпыл* (ахт., джаб.) передается понятие «ревматизм».

В значении «кашель» употребляется самостоятельная лексема *уъуь* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *уъхлуь* (ахт., джаб.). Основа звукоподражательная, общеджиганская [СИЛДЯ 1971: 136].

Тремя фонетическими вариантами передается понятие «мигрень»: *мазула* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *мызыла* (ахт.) – *музула* (джаб.). В ахтынском и джабинском диалектах налицо гармония гласных. Данное слово имеет также значение «ноющая боль в суставах». Происхождение слова неясно.

Значение «паралич» передается лексемой *фалудж* (лит., исп., сал., ках.) – *фалидж* (орт., юх.) – *фалыдж* (джаб.) – *фалыж* (ахт.). Слово арабского происхождения (САПС). В речи селения Зизик, кроме самостоятельной лексемы *фалидж*, используется также и описательное название, состоящее из двух самостоятельных исконных слов *кIарас хьун* букв. «задеревенеть».

Понятие «малярия» передается самостоятельной лексемой *цIайар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.). Данное слово является формой множественного числа лексемы *цIай* с основным значением «огонь». В литературном языке значение «малярия» передается и формой единственного числа: *буьркьуь цIай* «хроническая малярия», *цIун дава* «средство от малярии», *цIайар атIун* «перестать болеть малярией», *цIай акатун а* «заболеть малярией» б) «гневаться, сердиться»; *адан чандик цIай акатна* «он страшно разгневался» [Талибов, Гаджиев 1966: 360]. В ахтынском и джабинском диалектах представлен другой самостоятельный термин *къыздирма* со значением «малярия». По утверждению Н. С. Джидалаева, лезгинский язык заимствовал данный термин из азербайджанского языка, ср. азерб. *гыздырма* 1) «жар, горячка» 2) «малярия, лихорадка» [Джидалаев 1990: 129].

Понятие «курносый» в лезгинском языке передается самостоятельным термином *битIуш* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пIумIуш* (ахт., джаб.). В ахтынском и джабинском диалектах произошло оглушение начального согласного с последующей абруптивизацией.

Термином *лал* передается в лезгинских диалектах понятие «немой». Слово иранского происхождения (САПС).

Во всех лезгинских диалектах в значении «здоровый» употребляется термин *сагъ*, усвоенный из азербайджанского языка, ср. азерб. *сагъ* «живой, здоровый» [Селимов 2001 : 381].

В значении «слепой» употребляется самостоятельный термин *буьркьуь* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пIуьркьуь* (ахт.) – *пIеркьби* (джаб.). В ахтынском и джабинском диалектах наблюдается оглушение начального звонкого смычного с последующим переходом его в абруптив *пI*. В редких случаях в значении «слепой» используется термин *кур*. Производными от *кур* являются *курвал* «слепота», *курбазар* «обмен вслепую, обмен однородных вещей без предварительного осмотра». Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *кор* «слепой» (АРС).

Единым самостоятельным термином *къебз* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *къепс* (ахт., джаб.) передается понятие «запор». Слово арабского происхождения (САПС).

Самостоятельный термин *цукIуьн* является единым для всех диалектных единиц лезгинского языка и выражает понятие «слюна». В стальском говоре в данном значении используется параллельно другой самостоятельный термин *тфу*.

Лексема *тфу* во всех лезгинских диалектах обозначает «плевок». Основа звукоподражательная. Понятие «слюна» передается также термином *гъер*. Общедагестанская основа, ср.: хинал. *гъергъ*, крыз. *регъ*, арчин. *херх*, удин. *хе*, лак. *хьурхь* (слизь), рутул. *хьирхь* (слизь), цахур. *рихь* [Хайдаков 1973: 51].

Три разных по происхождению самостоятельных термина *бархун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *палхун* (ахт., джаб.), *гьура* и *ирин* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *нерин* (ахт.) передают одно понятие «гной». Первые два названия имеют исконное происхождения [СИЛДЯ 1971: 136;

Хайдаков 1973: 50], а последнее заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *урин* «гной» (РАС).

В значении «пот» употребляется самостоятельный термин в трех фонетических вариантах *гъекъ* (лит., исп., сал., зиз., джаб., ках.) – *гъаькъ* (орт., юх.) – *йекъ* (ахт.). Основа исконная [Хайдаков 1973: 50].

Понятие «мокрота» передается самостоятельной лексемой *балгъан* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *палгъан* (ахт., джаб.). Слово арабского происхождения, возможно, тюркское посредство, ср. тур. *balgam* (РТС 1972: 408]. В ахтынском и джабинском диалектах произошло оглушение начального звонкого смычного *б*.

В лезгинском языке два самостоятельных термина *цвар* (лит., исп., сал., джаб.) – *чвар* (ахт.) и *чухъ* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чыхъ* (ахт.) передают одно понятие «моча». Основы исконные. Лексические параллели прослеживаются и в других дагестанских языках [Хайдаков 1973: 50].

Жидкое испражнение (при поносе) в лезгинском языке обозначается единым термином *цили* (лит., исп., сал., зиз., ках., ахт., джаб.) – *цулу* (орт., юх.). Основа исконная.

Понятие «слеза» в лезгинском языке передается единым термином *нагъв*. Основа общедагестанская [Хайдаков 1973: 50]. При словоизменении ауслатный *гъ* переходит в *къ*: *нагъв* > мн.ч. *накъвар*.

В лезгинском языке употребляются некоторые названия болезней, заимствованные из русского языка: *рак*, *бурцеллез*, *тиф*, *бронхит*, *чахутка*, *рахит*.

2) **Производных терминов**, обозначающих названия болезней, в лезгинском языке меньше, чем простых слов.

Ряд слов образован от имен прилагательных посредством абстрагирующего суффикса *-вал*: *бишивал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пишивал* (ахт., джаб.) «глухота» < *биши* «глухой», *кимивал* «безумие» < *кими* «безумный», *къуьзуьвал* «старость» < *къуьзуь* «старый», *ахмакъвал* (лит., исп., сал.,

зиз., орт., юх., ках.) – *агьмакьвал* (ахт., джаб.) «глупость» < *агьмакь* «глупый», *лалвал* «немота» < *лал* «немой».

Производный термин *саралух* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *саралых* (ахт., джаб.) «болезнь Боткина (желтуха)», заимствован из азербайджанского языка, ср. азерб. *сарылыг* (РАС).

Встречаются названия болезней, включающие два словообразовательных суффикса: *такьат-суз-вал* // *кьуват-суз-вал* «бессилие, слабость», *акьул-суз-вал* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *глакьыл-сыз-вал* «безумие».

В приводимых ниже производных названиях болезней в ахтынском диалекте элемент *-наг*, *-аг*, возможно, выполнял роль словообразовательного аффикса: *суьзенаг* (ахт., исп.) «цистит», ср. тюрк. *суьзмек* «цедить», *дуьгвенаг* (ахт.) «абсцесс», *тишенаг* «флюс». В речи сел. Орта-Стал встречается название болезни *хийараг* «опухание желез под мышкой». В ахтынском диалекте также зафиксировали название этой же болезни *хийар*, не оформленное суффиксом *-аг*. *Хийар* буквально означает «огурец», так что, возможно, название дано по сходству с огурцом, хотя огурец в ахтынском диалекте обозначается лексемой *алфынаг*, а слово *хийар* употребляется только для обозначения болезни. Термин *хийар* заимствован из азербайджанского языка, ср. азерб. *хийар* (РАС).

Посредством непродуктивного суффикса *-руф*, *-рыф*, возможно, образован и термин «жировик»: *цлумаруф* (лит., исп., сал.) – *цльмарыф* (ахт., джаб.), ср. хинал. *цлу*, лак. *пицлу*, гинух. *цикIва* «прыщ» [СИЛДЯ 1971: 137].

Наряду с распространенным в большинстве лезгинских диалектов термином *чIирчIир* «панариций» в джабинском диалекте употребляется производный термин, образованный от названия ногтя *кек* > мест.п. *кике* + *-ган* > *кикеган*.

От прилагательного *чан* «косой, кривой, покосившийся» посредством непродуктивного словообразовательного суффикса *-рас* образован термин *чанрас* «косоглазие».

Возможно, какую-то словообразовательную функцию выполнял начальный элемент *буь* в термине *буьваьл* (зиз., орт.) «фурункул», ср. джаб. *вел* в этом же значении.

Название болезни *мухатIул* (лит., исп., сал.) – *мыхатил* (ахт.) «ячмень (на глазу)» образовано от лексемы *мух//мыш* «ячмень» с помощью непродуктивного словообразовательного суффикса *-тIул* (*-тил*). Название дано по сходству.

Непродуктивными суффиксами выступают *-ац*, *-гъан*, *-кI* в терминах *тIанIац* (ахт.) «отсутствие волос» < *тIаб* (лит.) – *тIанI* (ахт.) «колода» + *-ац*; *шкIикI* (ахт.) «эпидермофития» < *шкIи* «шиповник» + *-кI*, *агъургъан* (орт., ахт.) «крапивница» < *агъур* + *-гъан*.

3) Самую большую группу составляют сложные слова и словосочетания.

3) Сложные слова

а) целый ряд названий болезней в лезгинском языке образован способом редупликации:

куркур (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кыркыр* (ахт., джаб.) «мозоль», *зурзун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *зырзын* (ахт., джаб.) «дрожание», *тIветIвел* (лит., исп., сал., зиз., юх., ках.) – *тIетIаьл* (орт.) – чилчил (джаб.) «веснушка», *чIирчIир* (исп., сал.) – *чIирчIир* // *кикеган атын* (джаб.) – *чIырчIыр* (ахт.) «панариций», *кьиникь* (лит., исп., сал., зиз., ахт., джаб., ках.) – *кьиникь* // *аджал* (орт., юх.) «смерть»;

б) сложные слова, образованные сложением двух слов, не столь многочисленны: *экуькьирав* «близорукий» < *экуь* «светлый» < *эkv* «свет» + *кьирав* «иней, изморозь»; «пелена».

Словосочетания

а) словосочетания, образованные сочетанием имени существительного в именительном падеже единственного числа с глаголом: *цвар кьун* (исп., сал.) – *чухь кьун* (орт., ох.) – *суьзенаг* (зиз.) – *цвар кьын* (ахт.) – *цвар кьын* (джаб.) «отсутствие мочи», букв. «мочу держать»; *вил экъечIун* (орт.) «вид фурунку-

ла», букв. «глаз выйти» (для лечения этой болезни используется глаз животного, который ставится на больное место); *нефес кьун* (исп., зиз., орт., юх.), букв. «дыхание держать» - *нефес дар хьун* (юх.) – *нефес дар хьын* (ахт., джаб.), букв. «дыхание тесным стать» – *бамии хьун* (исп.) – *баьмии хьун* (зиз.) – *быгьмыи хьын* (ахт., джаб.) «удушье»; *дубур аватун* (исп., зиз., орт., юх., ках.), букв. «прямая кишка упасть» – *дубур акъатун* (сал.), букв. «прямая кишка выйти» – *рад аватын* (ахт., джаб., букв. «кишка выпасть») «выпадение прямой кишки»; *йак кьин* «гангрена», букв. «мясо умереть»; *ахвар квахьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *ахвар кывахьын* (ахт., джаб.) «бессонница», букв. «сон пропадать»; *руфун аватун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *рыфын аватын* (ахт., джаб.) «грыжа», букв. «живот упасть»; *къен кьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *къен кьын* (ахт., джаб.) «колит», букв. «внутренность держать»; *рикI кун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *рикI кын* (ахт., джаб.) «изжога», букв. «сердце гореть»;

б) словосочетания, в которых первый компонент, выраженный именем существительным, оформлен родительным падежом: *йанун тIал* (исп., сал., орт., юх.) «отит», букв. «уха боль»; *дуркIунрин азар* (исп.) – *дуркIунрин йуьзур* (орт., юх.) – *тIукIунрын гIаьзер* (ахт.) – *тукIунрын гIаьзер* (джаб.) «нефрит», букв. «болезнь почек»; *сивин пад акъатын* (ахт.) «заеда», букв. «рта край выйти»; *хамунин азар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хаман гIаьзер* (ахт., джаб.) «дерматит», букв. «болезнь кожи»; *цин цIегьер* (юх.) «водянка», букв. «водяные козы»; *туьтерин азар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *туьтвер гIаьзер* (ахт., джаб.) «дифтерия», букв. «горла болезнь»;

в) словосочетания, в которых первый компонент – имя существительное оформлено эргативным, дательным или местными падежами: *рикIи фаз ишлемишын* // *рикIи хIаьраькет авун* (ахт.) – *рикIи фад квалахын* (джаб.) «сердцебиение», букв. «сердце быстро работать»; *къанди кьун* (юх.) «шок», букв. «кровь держать»; *хамуниз хар акъатун* (исп., сал., зиз.) – *хамуниз цак акъатун* // *хамуниз хар акъатун* (орт., юх.) – *хаманыз хар акъатын* (ахт.,

джаб.) «гусиная кожа», букв. «на коже горошек появиться»; *кылиз иви йаьгIаьн* (ахт., джаб.) «кровоизлияние», букв. «в голову кровь ударить»; *пIы- заррыз кыркыр акъатын* (ахт., джаб.) «герпес», букв. «губам волдырь появиться»; *ратунал тIвал хьун* (исп., ках.) – *ратунал тIал хьун* (сал., орт., юх., зиз.) – *ратанал тIвал акъалтын* (ахт.) – *ратанал тIвал хьын* (джаб.) «заворот кишок», букв. «на кишке узел появиться, стать», *вилел цуьк хьун* (исп., зиз., юх., ках.) – *вилал цуьк хьун* (орт.) – *вилел цуьк хьун //вилел хуш акъалтун* (сал.) – *улал цуьк хьын* (ахт.) – *уьлел чуьк атын* (джаб.) «катаракта», букв. «на глазу цветок появиться»; *кIвачел залан хьун* (исп., зиз., ках.) – *кIвечел залан хьун* (сал.) – *кIвачаьл залан хьун* (юх., орт.) – *кIвачал агъыр хьын* (ахт., джаб.) «забеременеть», букв. «на ноге тяжелым стать»; *гьалдай фин* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *гьаьлдаьй фин* (зиз.) – *хIалзā фин* (ахт.) – *хIалдā фин* (джаб.) «слабость», букв. «из состояния выйти»;

г) словосочетания, состоящие из имени прилагательного и глагола: *мекьи хьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *мекьи хьын* (ахт., джаб.) «воспаление», букв. «холодным стать»; *биши хьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пиши хьын* (ахт., джаб.) «глухота», букв. «глухим стать», *чIур хьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чIыр хьын* «припадок», букв. «плохим стать»; *куьк хьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *куьк хьын* (ахт., джаб.) «ожирение», букв. «жирным стать»; *бехьи хьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пехьи хьын* (ахт., джаб.) «бешенство», букв. «бешеным стать»;

д) глагольные словосочетания: *акъадж хьун* (орт., юх.) – *акъаз хьын* (ахт.) – *акъадж хьын* (джаб.) «растяжение»; *зурзун акатун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *зырзын кыткын* (ахт., джаб.) «лихорадить (от высокой температуры)»; *иринламиш хьын* (джаб.) «нагноение», *йарх хьын* (ахт.) «припадок»; *быгъмыш хьын* (ахт., джаб.) «удушье».

Необходимо отметить, что в лезгинском языке большинство названий болезней человека могут быть оформлены как единственным, так и множественным числом:

тIур – *тIурар* «нарост, шишка, прыщ, жировик», *экуькьирав* – *экуькьиравар* «близорукий, *хал* – *халар* «родинка», *уьгьуь* – *уьгьуьяр* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *уьхIуь* (ахт., джаб.) – *уьхIуьйар* «кашель» и т.д.

Встречаются случаи, когда названия болезней человека имеют форму только одного числа – единственного или множественного:

а) названия болезней человека, употребляющиеся только в единственном числе:

тиф «тиф», *саралух* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *саралых* (ахт., джаб.) «болезнь Боткина (желтуха)», *рак* (лит., исп., ахт., джаб.) – *кьак* (сал., юх., орт.) – *рак* // *эрез-мерез* (зиз.) «рак», *фул* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *ыфыл* (ахт.) «озноб», *мазула* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *музула* (зиз.) – *мызыла* (ахт., джаб.) «мигрень», *бугьма* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.,) – *быгьма* (ахт., джаб.) «скарлатина», *бубасил* (исп., сал., зиз., орт., юх., ахт., джаб.) «геморрой», *ваба* (ахт.) «чума», *ифин* (ахт., джаб.) «жар», *цIарнах* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *цIирнах* (ахт., зиз.) – *цIернех* (джаб.) «трихофития», *таразун* (орт., юх.) «экзема», *фалидж* (орт., юх.) – *фалыж* (ахт.) – *фалыдж* (джаб.) «паралич», *суьзенаг* (ахт., исп.) «цистит», *хийараг* (орт.) «опухание желез под мышкой», *кидав* (ахт.) «лимфаденит», *хьул* (орт., юх., ках.) «зуд», *везе* (ахт., джаб.) «диатез»;

б) названия болезней человека, употребляющиеся только в форме множественного числа: *ярар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гылевар* (ахт.) – *гылияр* (джаб.) «корь», *цIегьер* «оспа», *чIулукар* (ахт.) – *чIюльуькар* (джаб.) «ветрянка», *цIаяр* (исп., сал., зиз., орт., юх.) «малярия», *чидрикьар* (ахт.) «веснушки», *тымавырар* (ахт.) «насморк».

Наблюдаются случаи, когда в разных диалектах лезгинского языка встречаются различные названия одних и тех же болезней человека, чем создаются синонимические пары:

ярар (исп., сал., зиз., орт.) – *гылевар* (ахт.) – *гылияр* (джаб.) «корь», *квал* (исп., сал., зиз., ахт., джаб.) – *квал*// *хьул* (орт., юх., ках.) «зуд», *лахта*

(исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кырыт* (ахт., джаб.) «сгусток крови», *цIаяр* (исп., сал., зиз., орт., гах., ках.) – *къыздирма* (ахт., джаб.) «малярия», *цвар къун* (исп., сал.) – *чухъ къун* (орт., юх.) – *чвар къын* (ахт.) – *цвар къын* (джаб.) «задержка мочи», *ирин* (исп., джаб.) – *гъура* (сал.) – *гъура // ирин* (зиз., орт., юх.) – *нерин // гъура* (ахт.) «гной», *аялдаг чла хъун* (зиз.) – *рахит* (ахт., джаб.) «рахит», *нефес къун* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *быгъмыш хъын* (ахт.) «удушье», *тири авун* (зиз.) – *сабыр авун* (ахт.) «чихание», *рикIин теспачавал* (юх.) – *рикIи йаьгIаьн* (ахт.) «сердцебиение», *матI* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *гъед* (ахт.) «нарост, бородавка».

Болезни человека могут называться по-разному не только в различных диалектах лезгинского языка, но и внутри одного диалекта: *чIурчIур // кикегъан атын* (джаб.) «панариций», *рак // эрез-мерез* (зиз.) «рак», *тфу // цуькIуьн* (юх.) «слюна», *нерин гаткын // кацыгъын* (ахт.) «гноиться», *галатун // инджикли хъун* (юх.) «утомление, усталость», *чухъ галахъун // чухъ къаз тахъун* (юх.) «недержание мочи», *илизун // тири ягъун* (юх.) «чихание», *хамуниз цак акъатун // хамуниз хар акъатун* (юх.) «гусиная кожа», *кутIун // вили хъун* (юх.) «кровоподтек», *ксун // цацар акъахун // далуда цеквер къекъуьн* (юх.) «бегание мурашек по спине», *нефес къун // бамши хъун // хур къун // нефесд азар* (юх.) «удушье», *сивер акъатын // къак кыткын* (ахт.) «воспаление рта у взрослых», *эхир нефес // чан гын* (ахт.) «агония» (букв. «последнее дыхание» // «душу отдать»).

Пословицы и поговорки, связанные с болезнями человека: *адавай иливариз хъанач, вилерай хтана* «он не сумел переварить, все вышло из глаз»; *акъулсуз дустунилай акъулла душман хъсан я* «умный враг лучше глупого друга»; *буьркъуьдан мурад экв акун йа* «мечта слепого – увидеть свет»; *буьркъуьда буьркъуьдаз рехъ къалурда* «слепой слепому путь укажет»; *ахмакъдахъ галаз цуькI цана кIватI хъувун четин йа* «трудно сеять и собрать просо с глупцом»; *гъилин хер фад алатда, мецин хер ваъ* «рана от руки заживает быстро, а рана от языка нет»; *делидан ламни дели жеда* «у сумасшедшего и осел бывает

сумасшедший»; *гачал хьуниз килигмир, бахтуниз килиг* «не смотри что плешив, а смотри что счастлив»; *кIараб сагърай, йакIар хкведа* «лишь бы кости были целы, а мясо нарастет»; *кIвач кIваляй хада* «нога ломается дома»; *кIел авурдан вилер экуь, кIел тавурдан вилер буьркьуь* «у того, кто грамотен, глаза светлы, а у того, кто безграмотен, глаза слепые»; *лагъайди ахмакъ хъайитIани, ван хъайиди акьуллу хъана кIанда* «говорящий если глуп, слушающий должен быть умным»; *лагъайтIа кьил тIар жеда, талгъайтIа рикI* «если говорить, голова будет болеть, а если молчать, то сердце будет болеть»; *рагъ атайла, гачала вичин кьил чухвада* «когда восходит солнце, плешивый начинает чесать свою голову»; *рикI тар жезалзи, гъилаьр тар хьын хъсан йе* (ахт.) «чем сердце будет болеть, пусть лучше руки болят»; *севрен йак купулдин дарман йа* «медвежье мясо – лекарство от ревматизма»; *сагъ кьилик кьваркъвар кьитIымир* (ахт.) «не вмешивайся в чужие дела», букв. «здоровую голову не завязывай тряпками»; *тIазвай сухан дарман акьудун йа* «лекарство для больного зуба - вырвать его».

ГЛАВА VI

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА ЛЕЗГИН

Национальный костюм лезгин является разнообразным. В. П. Кобычев утверждает, что «формирование основных элементов кавказского костюма восходит к глубокой древности... По описаниям современников, в средние века она состояла из тех же основных своих частей, что и в более позднее время» [Кобычев 1971: 6].

Основным материалом для изготовления одежды у лезгин служила шерсть, кожа и овчина. Из шерсти лезгины изготавливали домотканную шерстяную материю местного производства. Ткань эта изготовлялась на специальном станке, называемом *карга* (исп., сал., орт., юх., ахт.). Мастера по изготовлению домотканной шерсти называли *каргачи*. Сама ткань, изготовленная на ткацком станке *карга*, называлась *каркад шал* (исп., сал., джаб.) – *каргад шал* (орт., юх., зиз.) *каргаз шал* (ахт.), что буквально означает «шерсть станка».

Для шитья одежды лезгины употребляли не только ткани собственного производства, но и привозные из других районов Дагестана. Особенно славились на Кавказе акушинские сукна под названием «лезгинские сукна»: «тушинские шерстяные ткани в общекавказском масштабе уступали первенство лишь лезгинским, хотя по прочности превосходили их и все другие виды шерстяных изделий, распространенных на Кавказе» [Безарашвили 1971: 241].

Несмотря на то, что лезгинской одежде характерны свои особенности, мужская и женская одежда лезгин обнаруживает сходство с одеждой народов Дагестана (чохто, вязаные носки и чулки, папаха и др.).

Мужская и женская одежда лезгин состоит из нательного белья, верхней одежды, головных уборов и украшений.

Для передачи понятия «одежда» в лезгинском языке используется несколько терминов: *парталар* (лит., исп., сал., зиз., юх., орт., ках., ахт.) – *парталар* // *игнибашар*. Термин *партал* заимствован из азербайджанского языка,

ср. азерб. *палтар* 1) «одежда, одяние» 2) «постельные принадлежности» (АРС). В лезгинском языке произошли сужение значения слова и перестановка сонорных *л* и *р*. Лексические параллели обнаруживаются также в авар. *палтар* «одежда, платье»; *палтаркьай* (букв. «одежда» + «утварь») «одежда; мягкие домашние вещи (белье, постель и т.п.)», дарг. *палтар* «одежда» [Джидалаев 1930: 118].

В ахтынском диалекте в значении «одежда» используются также два самостоятельных термина: простое исконное слово *пекер* в форме множественного числа (< *пек* «тряпка») и заимствование из азербайджанского языка *дун*, ср. азерб. *дон* [Севортян 1980: 262-263].

1. Нательное белье

Нательное белье состоит из рубахи и штанов, которые обозначаются соответственно: *перем* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *бегьрем* (зиз.) – *пейрам* (ахт.) – *пегьрем* (джаб.), *шалвар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *шавлар* (ахт.). Первый, по утверждению В. М. Загирова, иранского происхождения, ср. перс. *пирагъан*, и зафиксирован также в других лезгинских языках: агул. *баьргъаьн*, буд. *пирем*, крыз. *бихІраьм* «рубашка» [Загиров 1987: 110]. Второе слово, как отмечает В. И. Абаев, персидского происхождения, ср. перс. *šarvāl*, *šarval*, представлено также в арм. *šalvar*, груз. *šarvali*, сван. *šalvor*, *šalbor* [Абаев 1979: 26], авар., дарг. *шарбал* [Джидалаев 1990: 120], цах., крыз., будух. *шалвар*, табас. *шарвар*, агул. *шавлар* [Загиров 1987: 110].

Для обозначения некоторых деталей штанов, брюк используются аналитические термины, первым компонентом которых выступает название штанов в родительном падеже (усеченная форма), а вторым – название детали: *шалварди кек* (исп., саз., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *шавларз кек* (ахт.) «штанина», букв. «штанов ноготь», *шалварди кІан* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *шавларз кІан* (ахт.) «мотня», букв. «штанов низ», *шалварди гьерт* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *шавларзи тарт* (ахт.) – *шалварди нефе* (джаб.) «поясная часть брюк».

2. Верхняя одежда

Верхней одеждой для мужчин и женщин служил бешмет, который в рассматриваемых диалектных единицах обозначается единым термином *валчагъ*.

Чисто мужской верхней одеждой являлась черкесска: *чухва* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *чухвай* (ахт.). В. И. Абаев пишет, что это «персидско-тюркское слово, получившее общекавказское распространение: перс. *чухā* «шерстяная верхняя одежда», тюрк. *чуха, чукъа, чоха* «сукно», «одежда из сукна», арм. *чухай* id., груз. *чоха* «черкесска», авар. *чукъа* «сукно», «черкесска», вейнах. *чукъий, чокъий* каб. *чугъа* «сукно» [Абаев 1958: 316]. Представленный здесь языковой материал подтверждает мнение о том, что «у чухи был очень широкий ареал распространения – с теми или иными вариантами в покрое она присутствовала в одежде почти всех народов Кавказа» [Торчинская 1971: 146].

Нарядную красивую черкесску лезгины называли *чергес чухва*, что буквально обозначает «черкесская чухва».

Верхней одеждой мужчин служил широкого покроя халат-накидка, который именуется *аба* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *глаба* (ахт., джаб.). Слово арабского происхождения, ср. араб. *аба* (САПС). Оно представлено также в буд. *аба*, табас. *гъаьба*, агул. *глаба, аьба*, рутул. *гъаьІба, аба*, цахур. *хІаІба*, арчин. *аба* [Загиров 1987: 115].

Из обработанных шкур лезгины шили шубы и тулупы, которые обозначаются соответственно *кIурт* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *курт* (ахт., джаб.) – *кавал*. Термин *кавал* является единым для всех диалектов лезгинского языка. Первый термин В. И. Абаев относит к древнеиранскому и фиксирует во многих языках: перс. *kurta, kūrđ-kūrđ-n* «род шерстяной одежды», курд. *kurtek*, тадж. *kurta*; на Кавказе: лак. *kkurtu* «бешмет», дид. *kurtaj* «бешмет», табас. *kurt*, авар. *gverde*, груз. *k'warti* «рубашка», *k'urt'ak'i* «панцирь», мегр., чан. *k'urta* «кальсоны» [Абаев 1958: 609].

Традиционной одеждой женщин селения Джаба, а также и некоторых других лезгинских сел является широкого покроя в оборку или в складку в поясе юбка, которую и поныне носят пожилые женщины селения Джаба. Юбка эта состоит из 6-7 полотнищ. Джабинцы такую юбку называют *вахчаг*, т.е. термином, которым лезгины обозначают нижние женские панталоны, да сами джабинцы также нижние женские панталоны называют *вахчаг*.

Нам думается, что название широкой юбки *вахчаг* в селении Джаба произошло от названия нижних женских панталонов *вахчаг*. «Внешне такие штаны напоминали две широкие в складку штанины-юбки на вздержке с большим ромбом между ними. Подобного рода широкие штаны-юбка были широко распространены в Лезгинистане в XIX в. и среди лезгин Азербайджана [Агаширинова 1978: 224], а также у некоторых народов Дагестана [Гаджиева 1958: 44; 1961: 233; 1974: 16; Булатова 1974: 131]. Возможно, джабинцы со временем перестали носить штаны-юбку, а стали шить просто широкого покроя юбку, сохранив прежнее название штанов-юбки *вахчаг*.

Штаны у лезгин различались тонкие (в основном их шили из белой бязи) – *къелечI шалвар* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *къелаьчI вахчаг* (ахт.) – *къелечI вахчаг* (джаб.) букв. «тонкие штаны» и стеганные: *раб йагъай шалвар* букв. «иголку ударившие штаны» // *бамбаг алай шалвар* (исп., сал., зиз., орт., юх.) букв. «вату имеющие штаны» – *раб йаьгIаьй вахчаг* // *памбаг элаьгIаьй вахчаг* букв. «вату ударившие штаны» (ахт.) – *памбаг йаьгIаьй вахчаг* (джаб.).

Редко употребляемой в настоящее время верхней одеждой лезгин является *йапунжи* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) «бурка (кавказская)» и *башлух* (лит., зиз., орт., юх., ках.) – *башлугъ* (исп., сал.) – *башлых* (ахт., джаб.) «башлык». Оба термина тюркского происхождения, ср. тюрк. *башлык* [Абаев 1958: 233], азерб. *йапынджы* (РАС).

Чабаны и пастухи носили войлочную накидку, которая отмечается единым термином *лит*. Основа простая производная исконная.

Специальным термином *халта* обозначается джабинцами стеганое детское пальто.

Традиционным элементом национальной одежды лезгин является безрукавка, шитая из овчины или из другого материала, называемая *далу* (исп., сал., орт., юх.) букв. «спина» – *далу*// *йукь* (зиз.) букв. «спина» // «талия» – *тIуркIул* // *лабада* (ахт.) – *джанлых* (джаб.). Простой термин *далу*, *далы* заимствован из азербайджанского языка, ср. азерб. *дал* «спина» (РАС). Основное значение термина *далу* в лезгинском языке – «спина». В селении Зизик в данном значении употребляется два анатомических названия – *далу* и *йукь*. Простое исконное название *йукь* выражает также понятие «середина»: *кIвалин йукь* «середина комнаты». В ахтынском диалекте представлены разные по происхождению слова – первое исконное, второе – иранского происхождения, ср. перс. *лабада* «короткое стеганое пальто» (САПС). В джабинском диалекте использовано персидско-тюркское название.

Распространенным видом верхней женской одежды является *булушка* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *былышка* (ахт., джаб.) «платье».

К верхней женской одежде относится и передник, фартук: *хуруган* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *хырыген* (ахт.) – *мезер* (джаб.).

Первый термин является исконным, образованным от слова *хур*, *хыр* «грудь» > эрг.п. *хуру* с помощью словообразовательного суффикса *-ган*. В джабинском диалекте представлен заимствованный из азербайджанского языка термин *мезер*.

Более поздним названием, заимствованным из русского языка, является *палту* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *палтым* (ахт.) «пальто».

Приведем ряд других лексем, связанных с наименованиями мужской и женской одежды:

галифе (исп., ахт.) – *калафей* (сал.) – *галифа* (зиз.) – *галифе* // *гигин кьилер алай шалвар* (орт., юх.) – *галифей* (джаб.) «галифе». Термин заимствован из русского языка.

Понятие «карман» выражается самостоятельной лексемой *джибин* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *жибин* (ахт.). По мнению В. И. Абаева, слово арабо-персидского происхождения [Абаев 1958: 406].

Тремя фонетическими вариантами передается понятие «нагрудный карман»: *кьултугъ* (исп., еая., зиз., ках.) – *кьултух* (орт., юх.) – *кьултух* (ахт., джаб.). Слово тюркского происхождения, ср. азерб. *голтуг* [Селимов 2001:280].

В значении «пола» используется термин *хуру* (исп., сал.) – *хурув* (зиз.) – *хырыв* (ахт.), образованный от *хур* «грудь» с помощью словообразовательных суффиксов *-ув* и *-ыв*. Использование соматических терминов для названий некоторых элементов в национальной одежде отмечено также И. А. Оздоевым в вейнахских названиях одежды и ее частей [Оздоев 1975: 150].

Соматический термин *кьвал*, основным значением которого является «бок, боковая часть тела», обозначает также боковую часть одежды. Основа простая исконная.

Анатомический термин *хев* со значением «шея, затылок» используется для передачи понятия «ворот, воротник». Кроме того, слово имеет также значение «облучок, передок (гузевого транспорта)»; «перекресток, распутье; узел (железнодорожный)» [Талибов, Гаджиев 1966: 333].

Название полотнища юбки обозначается двумя разными по звучанию терминами: *тахта* (исп., сал., ахт., джаб.) – *кьулар* (зиз., орт., юх.). Первое название заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *тахта* «доска» (РАС). Основным значением второго исконного термина также является «доска».

В значении «шов» используется исконная основа в трех фонетических вариантах: *цвал* (исп., сал., ках., джаб.) – *кваль* (зиз., орт., юх.) – *чвал* (ахт.).

Единым термином передается понятие «портной» – *дерзичи*. Слово арабского происхождения [Забитов, Эфендиев 2001:42] и заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *дарзи* «портной» (РАС).

Подкладка в лезгинском языке именуется *астIар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *астар* (ахт., джаб.). Слово персидское, ср. перс. *астар*. Оно зафиксировано также в табас., рутул. *астар*, агул., удин. *астIар* [Загиров 1987: 110].

Понятие «рукав» в лезгинском языке передается единым термином *хел*. Это исконное слово, основное значение которого – «ветвь». Слово выражает также целый ряд понятий: 1) «приток», *вацIун хел* «приток реки» 2) «один из парных предметов»; *варарин хел* «створка ворот», *кьуькьунин хилер* «зубья вил» 3) «отрасль»; *майишатдин са хел* «одна из отраслей хозяйства» [Талибов, Гаджиев 1966: 344].

Для передачи понятия «латка» используется два самостоятельных термина: *йамах* (ахт., джаб.) – *пине* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.). Первое слово усвоено из азербайджанского языка, ср. азерб. *йамаг* (РАС); второе – из персидского (САПС).

В значении «лицевая сторона одежды» используется единый для всех диалектов анатомический термин *чин*, основное значение которого – «лицо».

В лезгинский язык вошел целый ряд терминов из русского языка, связанных с названиями одежды: *пенжек* (исп., сал., ках.) – *пенджек* (зиз., джаб.) – *пенджекI* (орт., юх.) – *пинжак* (ахт.) «пиджак», *жигет* (исп., ахт.) – *джигет* (сал., зиз., орт., юх., джаб.) «жакет», *йупка* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *йыбка* (ахт., джаб.) «юбка», *жилетка* «жилет», *сарафан*, *кастум* «костюм».

Как было указано выше, материалом для шитья одежды лезгин служили домотканное сукно, овчина и кожа. Со второй половины XIX и начала XX веков на изготовление одежды лезгин (в особенности женской одежды) шли привозные ткани: ситец, шелк, парча. Промышленные товары к лезгинам поступали в основном через Азербайджан [Агаширинова 1978: 203-204].

Названия тканей:

магьут (лит., зиз.) – *сукна* «сукно». Оба названия являются заимствованиями – первое из персидского, ср. персид. *магьут* «сукно» [Селимов 2001:307], а второе из русского *сукно*.

Название ситца *чит* едино. Оно без изменений в семантике и звучании заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *чит* «ситец» (РАС).

Термины *аксе* (исп.) – *кисей* (джаб.) обозначают вид ситца. Происхождение слова неясно.

Для обозначения бязи используется простое исконное слово *хун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хын* (ахт., джаб.). Лексемы различаются соответствием гласных.

Название *дере* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *дерей* (ахт., джаб.) используется для обозначения вида шелковой ткани. По свидетельству В. И. Абаева, слово заимствовано из персидского языка, ср. перс. *dārāi*, «род шелковой материи, вырабатываемой в Иезде и Исфагани. Усвоено и другими кавказскими языками: груз. *daraja*, каб. *darij*, вейнах. *dari* «шелковая ткань» [Абаев 1958; 345].

Общее название ткани едино: *парча*. Слово иранского происхождения и заимствовано из азербайджанского языка и совпадает с источником материально и семантически: ср. азерб. *парча* «материя» (АРС).

В значении «беленая бязь, белое полотно» используется единый термин *агь*, заимствованный из азербайджанского языка, ср. азерб. *агь* 1) «белый» 2) «бязь», «бельевая материя» (АРС).

Единый термин *хара* передает понятие «парча, муар». Слово иранского происхождения, ср. перс. *хара* «шелковая материя» [Селимов 2001:473] и представлено в авар. *ххара* «муар; шелк, шелковая материя», дарг. *хара* «парча», лак. *хара* «шелковая материя, разновидность парчи» [Джидалаев 1990: 118]. Производными от *хара* являются названия *интигъахара* (джаб.) «вид шелковой материи», *зарлыхара* // *зархара* (джаб.) «шелк с золоченой ниткой».

Понятие «атлас» передается единым термином *атЛлас*. По утверждению Н. С. Джидалаева, слово арабского происхождения и представлено в других дагестанских языках: авар. *аьтлас*, лак. *аьтІраьс* «атлас» [Джидалаев 1990: 113]. В лезгинском и лакском языках произошла абруптивизация смычного *т*.

Понятия «бархат, вельвет» передается двумя фонетическими вариантами – *махпур* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *махмыр* (ахт.) – *махпыр* (джаб.). Слово персидское, ср. перс. *махмал* «бархат» (ПРС).

Производным от этого термина является название вельвета: *цІар авай махпур* (исп., сал., орт., юх., ках.) букв. «полоску имеющий бархат», *раг авай махпур* (зиз.) – *цІарар эвей махмыр* // *кІарар махмыр* (ахт.) букв. «ступенек бархат» – *цІарар авай махпыр* (джаб.) букв. «линии имеющий бархат».

В значении «велюр» используется единый термин *мехмер*.

Простой самостоятельный термин *ипек* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пек* (ахт., джаб.) означает «шелк». Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *ипәк* «шелк» (РАС). Диалекты кюринского наречия сохранили исходную форму. В ахтынском и джабинском диалектах начальный гласный *и* отпал.

Целый ряд названий тканей заимствован лезгинским языком из русского языка: *патис* «батист», *сатин* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *сетин* (ахт., джаб.) «сатин», *кишмир* «кашемир», *штапил* «штапель», *крипдишин* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., ахт., джаб.) – *кирибишин* (зиз.) «крепдешин», *памазин* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пымазин* (ахт.) – *пымаз* (джаб.) «бумаза», *шатланка* «шотландка».

3. Прически и головные уборы

Название чуба *мег* в лезгинском языке едино. Основа простая исконная. При словоизменении ауслатный *г* переходит в глухой смычный *к*: *мег* > мн.ч. *мекер*.

Значение «пробор» передается двумя фонетическими вариантами одной лексемы *кьечІем* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кьачІым* (ахт.), которые

различаются звукосоответствиями *e-a*, *e-ы*. Термин *кьечIем* входит в словосочетания *дубз кьечIем* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *дубз кьачIым* (ахт.) «прямой пробор», *паталлай кьечIем* (исп., сал., орт., юх.) букв. «на боку находящийся пробор» – *патах кьачIым* (ахт.) «косой пробор».

Анатомический термин *цIвел* (исп., сал.) – *кIвел* (зиз., орт., юх.) – *чIвал* (ахт.) – *чIоль* (джаб.) «висок» в форме множественного числа передает понятие «бакенбарды» – *цIвелер* (исп., сал.) – *кIвелер* (зиз., орт., юх.) – *чIвалар* (ахт.) – *чIолььор* (джаб.).

Специальное название имеют локоны у висков женщины в джабинском диалекте: *бирчегар*. Происхождение слова неясно.

Традиционным головным убором мужчин являлась папаха, которая именуется *банIах* (исп., сал.) – *бермек* (зиз.) – *бармак* (орт., юх., ках.) – *пармак* (ахт., ках.). Термин *банах* усвоен из азерб. *papağ*. Происхождение другого термина неясно. Лексемы *банIах* и азерб. *papağ* различаются фонетически. В лезгинском языке произошли озвончение начального глухого смычного *n* и абруптивизация смычного *n*.

Мастер по шитью папахи именуется производным термином, заимствованным из азербайджанского языка, *банIахчи* (исп., сал., орт., юх.) – *панахчи* (ахт.).

Название папахи входит в состав словосочетаний: *бармакди кIукI* (исп., сал.) – *бермекди кIукIуш* (зиз.) – *пармакзи кук* (ахт.) «макушка папахи», *чубанди бармак* (исп.) – *чубанди банIах* (орт., юх.) «чабанская папаха», *хъицикьди бармак* (сал.) – *къицикьзи пармак* (ахт.) «папаха из овчины», *хъама бармак* (сал.) «чабанская папаха», – *хъамад бермек* (зиз.) «конусообразная папаха», *дженгери бармак* (исп., сал.) – *дженгери бермек* (зиз.) – *бухара бармак* (орт., юх.) – *быхараз пармак* (ахт.) – *бухарад пармак* (джаб.) «каракулевая шапка», букв. «бухарская шапка (т.е. шапка, сшитая из бухарского каракуля)», *къармукъ* (исп., сал., орт., юх.) – *къармугъ бермек* (зиз.) – *чIылав пармак* (джаб.) «шапка из черного каракуля», *йапар квай бармак* (сал.) – *йапар алай бармак*

(исп., орт., юх.) – *йапар галай бермек* (зиз.) – *йапар кивей пармак* (ахт.) – *йапар кывай пармак* (джаб.) «ушанка» букв. «уши имеющая шапка», *шиши бармак* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *шиши бермек* (зиз.) – *шиши пармак* (ахт., джаб.) «островерхая папах», *кIукI авай бармак* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *кIукI авай бермек* (зиз.) – *кук эвей пармак* (ахт.) – *кук авай пармак* (джаб.) «папах с матерчатым дном», *бармакдин кар* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *бермекди рав* (зиз.) – *пармакзи рав* (джаб.) «околыш папахи».

Поверх папахи надевался башлык, который именуется *башлугъ* (исп., сал., ках.) – *башлук* (лит., зиз., орт., юх.) – *башлых* (ахт., джаб.). По сведению В. И. Абаева, слово тюркского происхождения, ср. тюрк. *başluq* «башлык». Представлено также в каб. *başluq*, сван. *başluq*, груз. *başluqi* [Абаев 1958: 239]. По мнению Н. С. Джидалаева, слово заимствовано лезгинским языком из азерб. *башлыг* «башлык». Оно засвидетельствовано также в лакском, даргинском и аварском языках (*башлихъ*) [Джидалаев 1990: 114].

Среди сельской интеллигенции в настоящее время широкое распространение получили фуражки, кепки, шляпы.

Лексема *шапка* в лезгинском языке передает понятие «кепка», фуражка». Слово заимствовано из русского языка.

Для передачи понятия «kozyрек фуражки» используются описательные названия: *шапкадин пел* (исп.) букв. «фуражки лоб» – *шапкад мез* (сал.) букв. «фуражки язык» (название по сходству) – *шапкадин пенцI* (орт., юх.) – *шапказ пентI* (ахт.) «kozyрек фуражки».

В значении «шляпа» используются три самостоятельных термина: *шляпIа* (зиз.) – *шляпа // тIес* (сал.) – *сафутI* (орт., юх.) – *шляьна* (ахт., джаб.). В одних диалектных единицах заимствованный из русского языка термин *шляпа* совпадает материально со своим источником, в других данное название претерпевает изменения. Два остальных названия, видимо, являются исконными. Термин *сафутI* Р. И. Гайдаров считает производным, образованным посредством суффикса *-тI* [Гайдаров 1966: 64].

Ночная шапка в лезгинском языке именуется по-разному: *кIукI* (исп., сал.) букв. «макушка», - *хукI* (орт., юх.) – *къене* (зиз., ахт.) – *кIеллIаьхI* (джаб.). Термин *къене* в ахтынском диалекте передает также понятие «старая изношенная шапка (из овчины)». О происхождении термина *къене* исследователями высказываются различные мнения. В. И. Абаев относит термин к разряду древних миграционных терминов [Абаев 1973: 237]. Этому мнению придерживается и В. М. Загиров [Загиров 1987: 98]. В «Сравнительно-исторической лексике дагестанских языков» термин, засвидетельствованный в даргинском (*къанIа*), лакском (*къаьпIа*), цахурском (*къаIпIаI*) языках, отмечен как исконный [СИЛДЯ 1971: 214], а Н. С. Джидалаев считает данный термин тюркским [Джидалаев 1990: 117]. Мы склонны придерживаться мнения первых двух исследователей.

Традиционным головным убором женщин Дагестана является чохто, которое в лезгинском языке отмечается двумя заимствованными терминами *шуткъу* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *шуткъу* (джаб.) – *сарагъуч* (ахт.). По мнению Н. С. Джидалаева, первый термин, представленный также в авар. *чохту* (< *чотху*) «волосник, головной убор», тюркского происхождения, ср. азерб. *чутгу* «чепец, чепчик» [Джидалаев 1990: 120]. Происхождение термина *сарагъуч* в ахтынском диалекте неясно.

Основным видом головного убора женщин-лезгинок, как и других народов Дагестана, является платок, который отмечается единым самостоятельным термином *шал*. По свидетельству В. И. Абаева, слово иранского происхождения, ср. перс. *šāl* «шаль» [Абаев 1979: 26].

Платок треугольной формы обозначается двумя самостоятельными терминами *пIунI* (исп., сал.) – *пIунI* // *фите* (орт., юх.). Основное значение исконного слова *пIунI* – «угол». В речи селений Испик, Салиян и Зизик термин *фите* обозначает «платок треугольной формы из марли или гипюра». Слово арабского происхождения [Селимов 2001:465].

Понятие «покрывало для невесты» передается самостоятельной лексемой *дуюгур* (исп., сал., орт., юх.). В речи селения Зизик *дуюгур* обозначает «шелковый персидский платок темно-красного цвета». По свидетельству А.А.Селимова *дуюгур* - тюркское слово [Селимов 2001 : 172].

Термин *назнази* (исп., сал., зиз., орт., юх., джаб.) означает «тонкий шелковый персидский платок (типа газового с бахромой и набивными золотыми узорами)». Слово персидское, образовано редупликацией основы.

Лезгинки широко пользовались и пользуются сейчас платками из тонкого шелка, изготовленными в азербайджанском городе Гянджа (бывший Кировабад). Для обозначения этого вида платка в ахтынском и джабинском диалектах используется название города Гянджи – *генже*, а в остальных диалектных единицах – самостоятельный термин *келегъа* иранского происхождения, ср. перс. *калаге* «шелковый платок».

Лента с монетами на лбу называется *пелеган* (исп., сал., орт., юх.) – *пелетI* (зиз.). Термин исконный производный, образованный от анатомического названия *пел* «лоб» > мест. п. *пеле* с помощью словообразовательных суффиксов *-ган* и *-тI*.

4. Мужская и женская обувь

Для названия обуви используется словосочетание *кIвачин къапар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кIвечин къапар* (ахт.) – *кIвачын къапар* (джаб.), состоящее из исконного анатомического термина *кIвач* «нога» > род.п. *кIвачин* и лексемы *къаб* > мн.ч. *къапар* «посуда», заимствованной из азербайджанского языка, ср. азерб. *аяг гапы* «обувь».

Раньше лезгины пользовались ноговицами, которые назывались *кух-ар* (исп., сал., зиз., орт., юх. ках., джаб.) – *къух-ар* (ахт.). Основа, по-видимому, исконная.

Традиционным элементом мужской и женской обуви являлись чарыки, которые обозначаются единым термином *шаламар* иранского происхождения [Селимов 2001:513].

По бокам чарыков делаются петельки, которые обозначаются единым термином *кваквар*. Основа исконная. Через эти петельки продевался шнур, который отмечается разными по составу словами: *кьветIелар* (лит., исп., зиз., орт., юх., ках.) – *шаламры эпер* (ахт., джаб.) – *шаламры цIилер* (сал.). Первое название *кьветIелар* является сложным, образованным комбинацией числительного *кьвед* «два» > *кьве* (отпадение конечного *д*) + *mIел / mIвал* «узел» (делабиализация корневого согласного), букв. «два узла». В описательных названиях первым компонентом выступает название чарыков в усеченной форме родительного падежа, а вторые компоненты различаются по происхождению: лексема *эб* заимствована из азербайджанского языка, ср. азерб. *ип* «веревка» (РАС), а основа *цIил* исконная,

Чарыки носились с обмотками, которые именуются *шалар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *дулахар* (ахт., джаб.). Первое название иранского происхождения, ср. перс. *шал* (ПРС), второе усвоено из азербайджанского языка, ср. азерб. *долаг* «обмотки» (РАС).

Повседневной обувью лезгин служили вязаные шерстяные носки: *гуьлутьар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *куьлутьар* (ахт., джаб.). В простом названии *гуьлуть* в ахтынском и джабинском диалектах наблюдаем оглушение начального звонкого *г*.

Из шерстяной пряжи вязали также носки с загнутым вверх носком, которые использовались в качестве обуви и назывались *кемерар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кемечар* (ахт.) – *кемер* (джаб.). Слово в джабинском диалекте имеет форму множественного числа *кемер*, в остальных диалектных единицах аффикс множественности удваивается: *кемерар*.

В качестве обуви использовались носки, связанные из грубых шерстяных ниток и обозначаемые единым термином *шаталар*. Данный термин обозначает также «старые, изношенные заштопанные носки (используемые в качестве обуви)». Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *шатал* «шерстяной чулок» [Джидалаев 1990: 121]. Лексические параллели им

обнаружены в лак. *шытал* «плетеный из грубой шерстяной пряжи чарык», авар. *швата* 1) «чулок» 2) «носок» [Джидалаев 1990: 120-121].

Широкое распространение в настоящее время получили женские вязаные чувячки-тапочки, которые именуются *чивекар* (исп., сал., орт., юх., ках., ахт., джаб.) – *тунIрийар* (зиз.). Первое название заимствовано из русского языка, второе представляет собой общелезгинскую основу, ср. табас. *тIунпри*, агул. *тIанпри* «туфли (деревянные)» [Загиров 1987: 93]. В ахтынском диалекте термин *тIунпри* обозначает старые, изношенные туфли. В ахтынской форме произошла прогрессивная ассимиляция согласных.

Раньше лезгины носили и башмаки – *башмакьар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *башмагьар* (ахт.), а также обувь без задников, которая именуется *чапатIар* (сал., зиз.) – *сармызар* (джаб.).

По свидетельству А.А.Селимова, термин *башмакь* усвоен из тюркских языков, ср. азерб. *башмаг* [Селимов 2001:76]. Лексические параллели обнаружены также и в дагестанских языках: лак. *башмакь*, авар., дарг. *башмакь* «башмак» [Джидалаев 1990: 118].

Мягкие сафьяновые сапоги обозначаются тремя фонетическими вариантами *мясерар* (лит.) – *масерар* (сал.) – *менсерар* (джаб.) – *маьхIсар* (ахт.). Слово имеет только форму множественного числа. По предположению А.А.Селимова, источником лезгинского слова мог быть арабский язык [Селимов 2001:342]. Термин представлен также в лак. *мяхси* ~ *мягьса* «женская легкая кожаная обувь, ноговицы; тапочки», авар. *масгью* «легкая сафьяновая обувь» [Джидалаев 1990: 118].

Старшее поколение лезгин (и в настоящее время) с шерстяными носками носят галоши, которые именуются *калушар* (сал.) – *калушар* // *разинар* (зиз.) – *кальшар* // *ризинар* (ахт.) *кьыраблийар* (джаб.). Первые два названия заимствованы из русского языка, ср. русск. *калоши*, *резина*, а третье название *кьыраблийар*, по-видимому, заимствовано из азербайджанского языка.

Понятие «туфли» передается двумя разными по происхождению терминами *чекмейар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *чикмейар* (ахт.) – *туфлийар*. Первое название заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *чакма* «сапог» (АРС). Лексические параллели обнаружены и в других дагестанских языках: лак. *чакма* «сапог», авар., дарг. *чакма* «сапог» [Джидалаев 1991: 119]. Второе название в лезгинский язык перешло из русского языка, ср. русск. *туфли*.

5. Украшения

Одежду лезгинки украшали лентами, тесьмой, шнурами, галунами из золотых, шелковых и серебряных нитей.

Лента для отделки одежды называется *бафта* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *буфта* (ахт.). Фонетические расхождения в названиях незначительны и сводятся, главным образом, к отличиям гласных. Иранизм, ср.перс. *бафте* [Забитов, Эфендиев 2001:18].

Для передачи понятия «тесьма» употребляется единый простой термин *багъ*. Н.С.Джидалаев рассматривает данную лексему как заимствование из азербайджанского языка, ср. азерб. *багъ* «веревка, шнурок, узел, связка» [Джидалаев 1991: 113]. В лезгинском языке слово *багъ* имеет также значение «шнурок для ботинок», «фитиль».

Специальное название имеет тесьма (из золотых ниток шириной в один палец, пришиваемая к низу штанов и чохто) в ахтынском диалекте – *зарзин гьерема*.

Золотые или серебряные трубочки в джабинском диалекте обозначаются самостоятельным термином *сармайар*.

Для передачи понятия «кисть, кисточка» в лезгинском языке употребляются три разных лексических варианта *гурганчI* (зиз.) – *курквачI* (сал.) – *панжукI* (ахт.).

К одежде пришивались также монеты, крючки, петли, пуговицы, которые имеют свои названия:

пулар (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *пылар* (ахт., джаб.) «монеты». Слово усвоено из иранских языков, ср. перс. *пул* «деньги» [Селимов 2001:368].

кIурер (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кIурар* (ахт.) – *чапрасар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ахт.) – *кечиртма* (джаб.) «крючки». Первая основа исконная. Лексемы различаются огласовкой аффиксов множественности. В ахтынском диалекте нарушена гармония гласных. Два последних названия: *чапрас* иранского происхождения, а *кечиртма* тюркского происхождения [Селимов 2001:496, 236];

дуьгмейар (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *камар* (ахт.) «пуговицы». Первая простая основа заимствована из азербайджанского языка, ср. азерб. *дуьймэ* «пуговица» (РАС). Вторая основа *кам*, представленная в ахтынском диалекте, исконного происхождения.

К одежде пришивались бусы от сглаза, которые обозначаются словосочетанием, состоящим из анатомического термина *вил* «глаз» в форме родительного падежа и названия бусинки *хат*: *вилин хат* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *улун хад* (ахт.) – *уьлуьн хад* (джаб.) букв. «глаза бусинка».

Ушными украшениями лезгин являются серьги: *йапагъанар* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *сиргъейар* (зиз.) – *сыргъайар* (джаб.) – *йапагнар* (ахт.). Названия *йапагъанар*, *йапагнар* являются исконными производными, образованными от лексемы *йаб* «ухо» > мест.п. *йана* с помощью словообразовательных суффиксов *-гъан*, *-ган*. Название *сиргъейар*, *сыргъайар* заимствовано из русского языка, ср. русск. *серьга*.

Различается несколько видов серег и соответственно их названия:

Вацра патар (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *вазра патар* (ахт., джаб.) «серьги полумесяцем». Сочетание состоит из исконного названия *варз* «луна, месяц» в родительном падеже и исконной лексемы *пад* «половина, сторона» в форме множественного числа *патар*, букв. «луны половинки».

Элкъвей йапагъанар (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *элкъвей сиргъейар* (зиз.) – *элкъвей сыргъайар* (джаб.) – *элкъвей йапагнар* (ахт.) < *элкъвей* «круглый» + *йапагъанар* «серьги», букв. «круглые серьги».

Тлукъ хътин сыргъайар «маленькие сережки» < *тлукъ* «крапинка, пятно» + *сыргъайар* «серьги», букв. « крапинка-серьга».

Къаиш авай йапагъанар (исп., сал., орт., юх., ках.) – *къаиш авай сиргъейар* (зиз.) – *къаиш авай сыргъайар* (джаб.) – *къаиш эвей йапагнар* (ахт.) «серьги с камнем». Первым компонентом выступает простое непроизводное слово *къаиш* в именительном падеже. Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *гаиш* «драгоценный камень в оправе» (APC). Вторым компонентом является причастие *авай, эвей* «имеющий», образованное от вспомогательного глагола *ава* «есть», «находится».

Куркурар (сал.) «серьги из двух подвесок». Название образовано простой редупликацией основы, букв. «волдыри».

Риклер (исп.) «серьги, по форме похожие на сердце». В качестве данного названия использована простая непроизводная исконная основа *рикI* «сердце» в форме множественного числа. Название дано по сходству.

Йапагъанди цлур (зиз.) – *йапагинзин къех* (ахт.) «ушко серьги». Самостоятельные основы *цлур* и *къех* имеют исконное происхождение.

Распространенным среди всех народов Дагестана и Северного Кавказа [Гаджиева 1974: 38] является женский пояс, именуемый *камари* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., джаб. ках.) – *камар* (ахт.). В. И. Абаев считает слово иранским по происхождению, ср. перс. *katarr* «пояс» [Абаев 1958: 570]. Ахтнская форма ближе к оригиналу.

Для передачи понятия «пояс (вообще)» употребляется самостоятельная лексема *члур* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *члил* (ахт.). Основа простая непроизводная исконная, ср. табас. *члур*, агул. *члил*, рутул. *члил*, цахур. *члува* // *чIва*, крыз. *члил*, арчин. *чIот*, авар. *чIоло*, лак. *члур* «ремень» [Хайдаков 1973: 92-93; Гигинейшвили 1977: 69; Загиров 1987: 53-54].

В значении «пряжка» используется единый термин *тукъва*. Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *тогга габагы* «застежка» (РАС).

Лезгинки носили и нагрудные украшения, в том числе:

Ченгел (джаб.) «нагрудное украшение из монет и крючков». Слово иранского происхождения (САПС).

Йаха (зиз.) «нагрудное украшение из черной материи с монетами». Слово усвоено из азербайджанского языка, ср. азерб. *йаха* «ворот, воротник» [Джидадаев 1991: 122].

Гуьл (исп., сал., зиз., орт.) «монисто из серебряных монет». Простая производная основа иранского происхождения, ср. перс. *гол*, заимствована из азербайджанского языка, ср. азерб. *гуьл* «цветок, роза, украшение, рисунок» [Джидалаев 1987: 122].

Санджах (исп., сал., зиз., орт., юх., ках., джаб.) – *санжах* (ахт.) «брошь».

К шейным украшениям относятся:

Медальон // *рикI* (зиз.) – *мидальон* (ахт.) «медальон». Первая основа заимствована из русского языка. В значении «медальон» использован также самостоятельный анатомический термин *рикI* со значением «сердце». Исконная основа.

Зунджур (исп., сал., орт., юх., ках.) – *сунджур* (зиз.) – *зынжыр* (ахт.) «цепь, цепочка». Слово иранского происхождения, ср. перс. *зэнджир* «цепь» [Селимов 2001:203].

Хад «бусинка». Простая производная исконная основа. При словоизменении ауслатный звонкий смычный *д* переходит в глухой смычный вариант *т*: *хад* > мн.ч. *хтар*.

Ручными украшениями являются:

ТунIал (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *тIынIал* (ахт.) «кольцо». В данном значении использован анатомический термин *тIуб* «палец» и словообразовательный суффикс *-ал*. Основа общедагестанская [СИЛДЯ 1971: 120].

В значении «обручальное кольцо» используется два самостоятельных термина *закIал* (лит., исп., сал., орт., юх., ках.) – *уьнуьг* (ахт.).

Понятие «браслет» передается единым термином *цам*. Основа простая непроизводная исконная.

Двумя фонетическими вариантами передается понятие «часы»: *сят* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *саьгIаьт* (ахт., джаб.). Слово арабского происхождения, ср. араб. *са'а* «часы» (САПС). Лексические параллели представлены в табас. *сааьт*, агул. *сагIат*, рутул. *саIь'аIт*, цахур. *сааьт*, крыз. *саьгIаьт*, буд. *саIат*, удин. *сагьад*, арчин. *сса'ат* [Загиров 1987: 115].

6. Названия драгоценных камней

Бирлаьнт (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *бирилаьнт* (ахт., джаб.) «бриллиант». Слово вошло из русского языка.

Мерджан (исп., сал., орт., юх., ках., джаб.) – *мерджен* (зиз.) – *мержан* (ахт.) «жемчуг». Слово арабского происхождения (САПС).

Якъут «яхонт». Слово арабского происхождения (САПС).

Лал гевгьер (орт.) «рубин». Слово арабского происхождения.

Мастер-ювелир именуется *заргар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *зергер* (ахт., джаб.). Слово иранского происхождения (САПС).

Инструмент, при помощи которого гравировать изделия, называется *сунтI* (зиз.). Простая непроизводная исконная основа.

Приведем также ряд названий, связанных с туалетом, украшениями и шитьем одежды:

Бегьлейар «перчатки». Слово иранского происхождения, ср. перс. *баьгьле* [Селимов 2001:79].

Мешочек для табака обозначается единым термином *кисе*. Основа иранского происхождения, ср. перс. *кисэ* «мешок» [Селимов 2001:239]. Представлена также в лак. *киса* 1) «кошелек» 2) «кисет», авар. *киса* «карман», дарг. *киса* «карман» [Джидалаев 1991: 121].

В значении «носовой платок» употребляется название *йагълух* (лит., нес., сал., зиз., орт., юх., ках.) - йейлых (ахт.). Слово вошло из азербайджанского языка, ср. азерб. йайлыг 1) «головной платок» 2) «полотенце» (РАС).

Понятие «сумка» передается единым термином *чанта*. Слово заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *чанта* «мешок» (РАС).

В значении «наперсток» употребляется три разных по происхождению и составу термина: *уймах* (орт., юх.) – *къуба* (исп., сал., ках.) – *тӀыпӀынкӀвал* (ахт.). Первый термин вошел из азербайджанского языка, ср. азерб. *оймаг* «наперсток» (РАС), а второй - арабского происхождения, ср. араб. *къубба* [Забитов, Эфендиев 2001:73]. В ахтынском диалекте для обозначения наперстка использовано сложное слово, образованное по модели *тӀыб* «палец» > род.п. *тӀыпӀын* + *кӀвал* «дом», букв. «пальца дом».

Для передачи понятия «узор» в лезгинском языке употребляется единый термин *нехиш* арабского происхождения.

Название катушки в лезгинских диалектах также едино – *ват*. Различия наблюдаются в оформлении форм множественного числа. Если в большинстве лезгинских диалектов аффиксом множественности в данном слове выступает -*ар* (*ватар*), то в джабинском диалекте аффикс множественности -*ар* удваивается (*ватарар*).

Единый термин *раб* передает понятие «иголка». Основа с незначительными изменениями представлена и в других дагестанских языках. В специальной литературе исходной считается форма лезгинских языков *раб*, *руб* [СИЛДЯ 1971: 213].

Понятие «нитка» передается одним самостоятельным термином *гъал*. Основа общедагестанская [СИЛДЯ 1971: 213-214].

Название шила в лезгинском языке едино – *риб*. Простая непроемкая основа. Основа исконная, лексические параллели засвидетельствованы в других дагестанских языках [СИЛДЯ 1971: 216].

Названия мужской и женской одежды в лезгинском языке встречаются в целом ряде пословиц, поговорок, идиом, бранных выражений и т.д.: *агъдин са къил лацу, са кыл члулав жедач* «у бязи один конец белым, а другой – черным не бывает»; *жыва члехи авур пармак жыван улара аткыза* (ахт.) «Выращенный тобою тебе же вредит», букв. «сшитая самим папаха на свои же глаза лезет», ср. также русское «Вырастил на свою голову»; *йаваши рахых, цлак йапар кыва* (ахт.) «осторожно, могут услышать», букв. «тихо говори, на стене висят уши»; *ажал агакъай кицли иесидин шаламар жакъвада* «собака, почувствовав свой конец, жует чарыки своего хозяина»; *кимел акъудай лидикай шаламар жедач* «из кожи, вынесенной на годекан, чарыки не получатся»; *ракарых пара шаламар хый* (ахт.) «пусть в доме много мужчин будет», букв. «пусть за дверью много чарыков будет»; *акъул бармакда ваъ, кыле жеда* «ум бывает не в папахе, а в голове»; *вацлув агакъ тавунмаз, шалвар хтлунмир* «не снимай брюк, пока не дошел до реки»; *гафуни тлатлайди гапурдини атлудач* «кого не порезало слово, того не порежет и кинжал»; *шваши акварла кIвачал ракъын шаламар алукина аку* (ахт.) «невесту ищи, надев на ноги железные чарыки» (т.е. ищи долго); *къейидаз къве йукI хын герек йе* (ахт.) «умершему нужно два метра бязи»; *шалвар алачирдаз къве йукI хун ахварай аквада* «у кого нет штанов, тому два метра бязи снится»; *кIвачел алукиз гульуьт, чубандиз лит* «на ноги хорошо надеть чулки, а чабану – носить войлок» (т.е. войлочную накидку); *лит къуьнуьх хьуналди чубан жедач* «от того, что накинул войлок на плечи, чабаном не станешь» (т.е. не каждый чабан, кто накинул на себя войлок); *парталриз килигна итим чир жедач* «по одежде мужчину не узнаешь» (т.е. не одежда красит человека, а человек красит одежду); *рапан къуькъуьм хана, кIвалин фу атлана* «ушко иголки сломалось, дом лишился хлеба»; *риб чувалда чуьнуьхиз жедач* «шило в мешке не утаишь»; *йа кар кIанда, йа каргачи* «нужна или работа, или мастер по изготовлению сукна»; *йа чин кIанда, йа астIар* «или материал для верхней стороны одежды нужен, или подкладка» (т.е. нужна решительность); *чин хьейла, астар чуькӕ хьейтIани жеза* (ахт.) «если есть

материал для лицевой стороны одежды, для подкладки годится любая ткань» (о наглom человеке); *бармакда звар авайдан кIатIа гар жеда* «у спесивого закрома пусты», букв. «у кого в папахе сила, в ларе для зерна и муки ветер бывает»; *рыш гиник кутуна гана* (ахт.) «девушку выдали замуж насильно», букв. «девушку в подол положив отдали»; *эвейвал лагъайла, пармакзи кук аватза* (ахт.) «правда глаза колет», букв. «когда говоришь как есть, то макушка папахи падает»; *дидедин перем рушаз кутугдач* «платье матери не подходит дочери»; *зардин къадир заргардиз чир жеда* «цену золота знает ювелир»; *нетIериз килигна перем цIуз вегъимир* «из-за вшей не сжигай рубашку»; *ви киф атIуй!* бран. «чтоб у тебя отец или брат умер!», букв. «чтоб твою косу отрезали»¹⁰; *ви пекер чихейдаз гый!* бран. «чтоб ты умер!», букв. «чтобы твою одежду помывшему тебя дали»; *бармак алайкъванбур итимар туш* «не каждый, кто в папахе, есть мужчина».

С. С. Агаширинова справедливо замечает, что «для лезгин (и не только для лезгин – Г. Ф.) папаха была своеобразным символом мужества, достоинства и чести» [Агаширинова 1978: 215]. Если в чем-либо мужчина проявлял слабость, то употребляли такие выражения: *жыва жыван къилел шал алуки* (ахт.) «ты на свою голову надень платок»; *вун ви бармакдин кIаник кый!* бран. «чтоб ты умер!» (проклятие в адрес мужчины), букв. «чтоб ты под своей папхой умер»; *бармак алукимир, фите алуки* «не надевай папахи, а надень (на голову) платок»; *папакни квачир вушта, ви къилеллай бермек хтIунна фите алуки* (зиз.) «зачем ты нужен, даже не стоящий женщины, сними со своей головы папаху и надень на нее платок».

Приведем также глаголы и глагольные сочетания, связанные с названиями мужской и женской одежды и ее частей:

куьн (исп., сал., орт., юх., зиз.) – *цIукъун* (ахт.) – *цун* (джаб.) «шить»; *уь-туь йагъун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *уьтуь йаьгIаьн* (ахт., джаб.)

¹⁰ Женщины-лезгинки в знак траура отрезали волосы. Это выражало сильную скорбь и печаль по умершему близкому человеку - брату или отцу.

«гладить», букв. «утюг ударить»; *алукІун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *алукІын* (ахт., джаб.) «носить; одевать»; *хтІун* (исп., сал., зиз.) – *хтІунун* (лит., орт., юх.) – *хтун* (ахт.) – *хтын* (джаб.) «снимать»; *къазунун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *кІукІварын* (ахт., джаб.) «порвать»; *кукІвар хьун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кІукІвар хьын* (ахт., джаб.) «порваться»; *масадаз хгун* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *масадаз гун* (зиз.) – *масациз хгын* (ахт.) – *масадаз хгын* (джаб.) «передавать (одежду) кому-л.»; *кваьл авун* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *цІукьун* (ахт.) – *цвал авун* (джаб.) «строчить»; *цен кутун* (исп., сал., орт., юх.) – *цен элаьгьун* (зиз.) – *этег элаьхІын* (ахт., джаб.) «подшить»; *хкатІун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кыкъатІын* (ахт., джаб.) «кроить»; *чуьхуьн* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх.) – *чихин* (ахт., джаб.) «стирать», «мыть»; *масадаз хьувун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *масациз хьывын* (ахт.) – *масадаз хьывын* (джаб.) «перешивать»; *куьрсарун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кирвигьын* (ахт.) – *кивисарын* (джаб.) «вешать на вешалку»; *алахьун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *алахьын* (ахт., джаб.) «линять»; *рангадал вигьин* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *рангунал вигьин* (зиз.) – *каьгІаьн* (ахт., джаб.) «красить»; *дуьгме кутун* (лит., исп., сал., зиз.) – *дуьгме куьн* (орт., юх.) – *кам кутун* (ахт.) – *дуьгме кутын* (джаб.) «пришить пуговицу»; *кукІвар авун* (лит., исп., саж., зиз., орт., юх., ках.) – *кІукІвар авун* (ахт., джаб.) «износить обувь, одежду и т.д.»; *гьилив куьн* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гьилиг цІукьун* (ахт.) – *гьилиг цун* (джаб.) «шить вручную»; *кІеркІетІар гекъаьхІын* (ахт.) – *кІеркІетІар акъалдарын* (джаб.) «поднять штанины (в дождь, в грязь)»; *шал кутІун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *шал кытІын* (ахт., джаб.) «завязать платок»; *гуьлуйт хурун* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *куьлуйт хырхын* (ахт., джаб.) «вязать шерстяные носки»; *йамах эхлаьгІын* (ахт., джаб.) «залатать»; *куьлуйт хьывын* (ахт., джаб.) «штопать носки»; *гуьлуйт куьтаьгьун* (зиз.) – *куьлуйт гахкъудун* (ахт.) «завершить вязание шерстяного носка»; *куьлуйтар къуланал элаьхІын* (ахт.) «надеть шерстяной носок на колодку» и т.д.

ГЛАВА VII

ТЕРМИНОЛОГИЯ КОВРОТКАЧЕСТВА И ОБРАБОТКИ ШЕРСТИ

В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ковроделие является очень древним ремеслом. Е. Яковлева, занимавшаяся специально описанием ковров РСФСР, пишет: «Изготовление ковров возникло очень давно. Материалы археологических раскопок, литература свидетельствуют о том, что в далеком прошлом у многих народов, населявших тогда территорию нашей Родины, ковры имели широкое распространение в быту. Их использовали также при многочисленных обрядах того времени» [Яковлева 1959: 5]. Далее она отмечает, что «наиболее старинным традиционным центром народного ковроделия РСФСР является Дагестан. В современных рисунках ворсовых ковров, паласов, сумахов, арбабашей и других ковровых изделий Дагестана продолжает находить свое развитие высокое мастерство самобытного декоративного искусства местных народностей. Узоры дагестанских ковров складывались в коллективном творчестве многих поколений народных художников. В них с большей полнотой, чем в других видах народного творчества, нашли отражение местные природа и быт. Ритмический строй ковровых узоров подобен дагестанским народным напевам – он то протяжно широк, то переливчато задорен и звонок. Чем одареннее мастерица, тем больше вкладывает она в ковровый узор своего творчества, своих мыслей и чувств» [Яковлева 1959: 6].

Ковры служили и служат сейчас для украшения и утепления жилища. Их стелят на пол, а также вешают на стену комнат. В хурджины – *гьебейар* (юх., орт., зиз.) – *гьебгейар* (ахт.) – клали продукты питания и утварь при переезде и т.д.

Надседельниками – *йегьерча* (зиз.) – *пырарал визей хаьliche* (ахт.) – и различными ковровыми изделиями украшали лошадей.

В Южном Дагестане из всех ремесел наиболее распространенным ремеслом является ковроделие. Развитию этого ремесла в Южном Дагестане

способствовало животноводство (наличие там местного сырья – шерсти, снятой с местных пород овец) и наличие там растительных красителей и плодов. С. С. Агаширинова по этому поводу пишет: «Несмотря на то, что разного рода промыслы и ремесла были распространены на территории лезгин повсеместно, однако всех их можно, на наш взгляд, распределить по зональному принципу. Правомерность именно такого деления обусловлена особенностями местной среды (как природно-географического, так и социального характера). Например, деревянные изделия производились преимущественно в районах, богатых лесом (предгорная и равнинная зоны), керамические изделия – там, где имела глина соответствующего качества (предгорная зона). Производство сукон, ковров, чулочных и тому подобных изделий больше всего было развито в высокогорных и предгорных районах, где имелся достаточный запас сырья в виде шерсти, шкур, овчины и т.д.» [Агаширинова 1978: 51].

Издавна славятся лезгинские ковры своим красивым орнаментом. Ковроделием в Южном Дагестане в настоящее время занимаются в селениях Ахты, Микрах, Зрых, Ялак, Ашага-Стал, Орта-Стал, Юхари-Стал, Спик, Зизик, Аламише, Ичин, Куркент, Аликент, Курах, Кабир, Икра и др. В свое время в этих селах находились фабрики и цеха, где изготавливали, в основном, ворсовые и безворсовые ковры. Однако во многих селах производство ковров сократилось, а то и совершенно прекратило свое существование. Так, например, в сел. Ахты раньше существовала ковровая артель, где производились ковры. Теперь там функционирует лишь только ковровый цех, который преимущественно занимается производством шерстяных узорных носков – *ра^нгы^н куьлутьар* (букв. «цветные чулки, носки»).

Различаются следующие разновидности ковровых изделий: ворсовые ковры; безворсовые ковры; войлоки; ковровые изделия, служащие в быту.

Материалом для производства ковров служила шерсть, стриженная с местных пород овец.

1. Обработка шерсти

Понятие «шерсть» в лезгинском языке передается двумя фонетическими вариантами: *йис* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *йыс* (ахт., джаб.). Основа простая непроезводная исконная.

Ножницы, при помощи которых стригут шерсть с овец, называются *хитрес* (орт., юх.) – *мыкIратI* (ахт., джаб.).

2. Гребень

Гребень (для расчесывания шерсти) в лезгинском языке обозначается единым термином *регъ*. Основа простая непроезводная. Генетически родственные основы представлены в табас. *раIгъ*, агул. *рагъ*, рутул. *раIгъ*, цахур. *аIгъаа*, арчин. *даIхъ*, крыз. *рагъ*, удин. *ох* < **рох* [Загиров 1987: 85].

Гребень для расчесывания шерсти имеет треугольную форму и состоит из трех досок. Одна из них является подставкой и называется *кIан*. Основа простая непроезводная. Лексические параллели представлены и в других дагестанских языках, где рефлексy *mI* (авар., дарг.), *кI* (арчин., цах., табас., лезг., агул.), *чI* (лак.) восходят к латеральному звуку *кьI* [Хайдаков 1973: 101]. Основное значение данного слова – «дно».

Две остальные доски гребня обозначаются *рекъин къвалар* (зиз.) – *ракъин къвалар* (орт., юх.) – *рекъен къвалар* (ахт.) букв. «гребня бока». Описательное название состоит из двух самостоятельных простых исконных слов. Первым компонентом является название гребня, оформленное родительным падежом. В качестве второго компонента выступает анатомический термин со значением «бок».

В верхнем углу гребня расположены зубцы, которые обозначаются термином *сарар* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *сырар* (ахт.) – *сысар* (джаб.). В данном значении использован анатомический термин *сас* «зуб» в форме множественного числа. Основа представлена и в других дагестанских языках, в которых общекорневыми согласными выступают *ц*, *с*, *ч*, *ш*, восходящие к прадагестанской аффрикате **ц* [СИЛДЯ 1971: 112].

Пучок расчесанной на гребне шерсти передается двумя самостоятельными терминами *пилте* (орт., юх., зиз.) – *билик* (ахт.). В литературном языке термин *пилте* означает «хлопья (снега)». Название пучка шерсти (после расчесывания), видимо, дано по сходству. Пучок шерсти после этого становится пушистым, мягким (как снег).

3. Прялка

Из готовой шерсти пряли пряжу, которая передается единым термином *гьалар*. Основа простая непроездовая. Термин в различном фонетическом оформлении представлен в цезском, хваршинском, лакском, агульском, рутульском, цахурском и крызском языках [СИЛДЯ 1971: 213].

Понятие «прялка» передаётся двумя фонетическими вариантами: *чхра* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чахра* (ахт., джаб.). В ахтынском и джабинском диалектах наблюдаем полногласие гласных. Родственные основы представлены в цахур.*джагъра*, крыз. *джегъра* [Хайдаков 1973: 83].

Понятие «пряслица» передается двумя разными по составу названиями: *тупучI* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *тIыпIычI* (ахт., джаб.) – *чахраз кьун* (ахт.). Лексема *тупучI* // *тIыпIычI* является исконным производным, образованным от анатомического термина *тIуб* «палец» с помощью словообразовательного суффикса *-учI*. Эта лексема имеет также значение «веретено». Общелезгинская основа [Алексеев 1985: 112]. Второе название образовано сочетанием названия прялки *чахра* в родительном падеже и названия спицы *кьун*.

Для передачи понятия «привод прялки» употребляются три названия: *кириш* (орт., юх.) – *зин* (зиз.) – *чахраз рицI* (ахт.). Первое название тюркского происхождения, ср. азерб. *кириш* «тетива, лук» (РАС). Слово *зин*, видимо, исконное. Третье название образовано сочетанием наименования прялки в родительном падеже с исконной лексемой *рицI*, родственные основы которой представлены в других лезгинских языках со значением «тетива» [Загиров 1967: 86].

Прялка состоит из следующих частей:

чхрад чарх (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чахраз чарх* (ахт.) – *чахрад чарх* (джаб.) «деревянное колесо», букв. «прялки колесо»;

чхрад тар (исп., саз., зиз., орт., юх., ках.) «деревянный брусок», букв. «прялки дерево»;

тпучИдин кIвачер (исп., сел., зиз., орт., юх.) «колья (на которых держится пряслица)», букв. «пряслицы ноги»;

чхрад кIвачер (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чахраз кIвачар* (ахт.) – *чахрад кIвачар* (джаб.) «колья (на которых держится колесо прялки)», букв. «прялки ноги»;

чхрад гьил (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чахраз гьил* (ахт.) – *чахрад гьил* (джаб.) «ручка прялки»;

чхрад будар (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чахраз быдар* (ахт.) – *чахрад быдар* (джаб.) «спицы на колесе прялки» ;

чхрад тIвал (исп., сал., зиз., ках.) – *чхрад тIал* (орт., юх.) – *чахраз тIвал* (ахт.) – *чахрад тIвал* (джаб.) «палочка (при помощи которой крутят ручку колеса прялки)», букв. «прялки палка».

Понятие «ось колеса прялки» передается двумя самостоятельными терминами: *гиг* (лит., исп., сал., зиз.) - *ух* (ахт., джаб.) – *хьел* (зиз.). Все основы простые непроеизводные.

На пряслице образуется моток, который именуется *мансур* (исп., сал., зиз., орт., юх.) – *кукух* (ахт., джаб.). По свидетельству Р. И. Гайдарова, слово *мансур* арабского происхождения. Оно обозначает и собственное мужское имя. Вторая основа, видимо, исконная, производная, образованная от *кук* < *куг* «грушевидная тыква» с помощью словообразовательного суффикса *-ух*.

Самостоятельные лексемы *киткин* (орт., юх., зиз.) – *кIватI* (лит., исп., сал., ахт., джаб.) обозначают клубок (ниток). Второе название является отглагольным именем существительным (< *кIватIун* «собирать»). Лексические па-

раллели представлены в будух. *кIетI*, табас. *кIумI*, крыз. *кIэмI* [Загиров 1987: 84]. В этих языках произошла делабиализация начального согласного *кI*.

Для того, чтобы красить пряжу, нитки с клубка снова перематывают в большой моток, который именуется *келеф* (лит., исп., сал.) – *чIун* (орт., юх.) – *вагъан* (ахт.). Лексема *келеф* иранского происхождения, ср. перс. *калаф* [Забитов, Эфендиев 2001:66]. Простая непроемная основа *чIун* имеет исконное происхождение, в то время как происхождение слова *вагъан* неясно.

Иногда несколько таких мотков соединяют в один, называемый *кутIал* (зиз., орт., юх.). Данное слово образовано от глагола *кутIун* «связывать» при помощи словообразовательного суффикса *-ал*. В литературном языке лексема *кутIал* выражает понятие «крутой»: *кутIал рехъ* «крутая дорога» [Талибов, Гаджиев 1966: 168].

4. Ковры

Производством ковров занимаются женщины. Мастерство свое они передают из поколения в поколение. Ковроделие в разных местах носит различный характер. По этому поводу А. А. Миллер в специальной работе о коврах пишет: «Производство ковров на Кавказе носило различный характер. Если в одних местах ковроткачество было развито более, то в других местах оно было развито менее. ...ковровые изделия на Кавказе производятся в определенных районах, которые, взаимно примыкая один к другому, ограничиваются в южном Закавказье полосой, примыкавшей к бывшей турецкой границе; затем линия эта поднимается к северо-востоку, примыкая к главному хребту у Закавказья, откуда идет к востоку, по направлению к Шемахе и Баку, охватывая всю территорию азербайджанцев. Вторым несколько изолированным является горный район к югу от Кубы с примыкающей к нему юго-восточной частью Дагестана. Таким образом, производителями ковров на Кавказе являются, главным образом, азербайджанцы, курды, талыши, таты и, отчасти, народности Дагестана в указанных границах – кюрини (больше других), авары и др.» [Миллер 1924: 8-9].

Понятие «ковры» в лезгинском языке передается единым термином *гам-ар*. Основа простая непрямая производная исконная, ср. также табас. *ггам* «ковер» [Хайдаков 1973: 84]. В речи селений Орта-Стал, Юхари-Стал и Зизик лексема *гам* имеет также и значение «большой безворсовый ковер». В ахтынском диалекте большой безворсовый ковер именуется *сымаг*. Лексические параллели последнего названия представлены также в авар. *сумахъ*, дарг. *сумах*, лак. *сумакъ* [Хайдаков 1973: 84].

Как отмечает С. М. Хайдаков, «в каждом дагестанском языке бытует по несколько названий ковра в зависимости от рисунка, наличия или отсутствия ворса, размера и т.д.» [Хайдаков 1973: 84-85].

4.1. Ворсовые ковры

Большой оригинальностью и высокими художественными достоинствами отличались ковры, сумахи, паласы, арбабаши, а также ковровые изделия, переметные сумы, выучные мешки и др. В Южном Дагестане, где наиболее было развито ковроделие, табасаранцы и рутульцы большей частью производили паласы, а лезгины изготовляли сумахи. Высокого расцвета в Южном Дагестане достигло и изготовление ворсовых ковров, отличающихся разнообразием орнамента, композиции и сочностью красок [История Дагестана 1967:406].

Название ворсового ковра передается двумя фонетическими вариантами: *кьалича* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *хаьliche* (ахт., джаб.). Слово иранского происхождения, ср.перс. *галиче* «коврик» (ПРС). В ахтынском диалекте термин *хаьliche* обозначает «маленький ворсовый ковер», а для ворсового ковра больших размеров употребляется специальный термин *пIартIал*, отсутствующий в других диалектных единицах.

Специальные названия имеет и основа ковра: *каруш* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *паргъар* (ахт.). По свидетельству А.А.Селимова, лексема *каруш* тюркского происхождения [Селимов 2001:228].

По своему рисунку различаются следующие названия ковров: *Гъасан къэле* (юх.) – *Гасан къала* (ахт.) букв. «крепость Гасана»; *Ахти* (зиз.) – *Ахты* (юх.) «Ахты»; *Хорасан* (перс.) (зиз., орт.) «Хорасан»; *Дербент* (зиз., юх.) «Дербент»; *Миграгъ* (юх.) «Микрах»; *Чепелькъар* (ахт.) «бабочки» (ковер с мелким рисунком); *Урус турар* (ахт.) букв. «русские мечи»; *Сафар* (зиз., юх.) «Сафар»; *Бесхалум* (зиз.) «Бесхалум»; *Ванера* (зиз.) «Венера»; *Дилара* (зиз.) «Дилара»; *Будар* (зиз.) букв. «спицы колеса», *Пешер* (юх.) букв. «листья»; *Тапанчайар* (зиз., юх.) букв. «пистолеты»; *Черегуъл* (зиз.) «Розы».

Как видно из названий ковров, лезгины для их названий используют собственные имена людей, названия населенных пунктов, предметы быта, растительный и животный мир.

Центральное поле ковра заполняется медальонами. В лезгинских коврах их насчитывается от одного до пяти. Понятие «медальон (ковра)» обозначается термином *фур* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *фыр* (ахт., джаб.). Простая непроезжая основа исконного происхождения [Хайдаков 1973: 73]. Представлена из лезгинских языков в табас. *фур*. Основное значение данной лексемы - «яма»: *жува эгъуьнай фуруз жув аватда* посл. «в вырытую самим яму сам попадаешь»; соотв. «не рой другому яму, сам в нее попадешь» [Талибов, Гаджиев 1966: 337].

По количеству медальонов ковры называются: *са фурун къалича* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *са фуран къалича* (зиз.) – *са фыран хаъliche* (ахт., джаб.) «ковер с одним медальоном»; *къве фурун къалича* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *къве фуран къалича* (зиз.) – *къве фыран хаъliche* (ахт., джаб.) «ковер с двумя медальонами»; *пуд фурун къалича* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *пуд фуран къалича* (зиз.) – *пуд фыран хаъliche* (ахт., джаб.) «ковер с тремя медальонами» и т.д.

Для обозначения понятия «центральное поле ковра» используются описательные названия *гамунин чIур* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *гамун чIур // чIил* (зиз.) – *хаъlicheзин чIыр* (ахт., джаб.), состоящие из названий ковра (*гам,*

хаьliche) и названий пастбища (*чIур, чIыр*) или ремня (*чIул*). Лексема *чIур, чIыр* является простой непроизводной исконной. Различные фонетические варианты данного слова засвидетельствованы в лак. *мичI*, авар. *мичI*, табас. *чIур*, агул. *чIур* «пастбище», дарг. *чаьнкI* [Хайдаков 1973: 72].

Половина или часть медальона, которая повторяется рядом с целым центральным медальоном называется *фырын рад* (ахт.) букв. «медальона кишка» – *гверекI* (юх., орт., зиз.). Последнее исконное название является производным, образованным от самостоятельной лексемы *гуьр* < *гвер* «половина» (ср. лит. *зур* «половина») при помощи суффикса *-екI*.

Встречаются и шестигранные медальоны, расположенные вокруг центрального медальона. В Зизике они обозначаются термином *хунче* букв. «поднос с яствами». В ахтынском диалекте *хунча* обозначает 1) «поднос с яствами» 2) «филенка»; *хунча рикинар* «филенчатая дверь». Слово *хунча* иранского происхождения, ср. перс. *хунче* «поднос, большое деревянное блюдо» [Селимов 2001:487]. Лексема с различными семантическими отклонениями засвидетельствована и в некоторых дагестанских языках: лак. *ххунча* 1) «большой деревянный поднос» 2) «празднично накрытый стол» 3) «мясо, фрукты, сладости, напитки, которые приносят родственники и близкие на свадьбу в дом жениха»; авар. *хванча* «сосуд» [Джидалаев 1990: 103].

Свободные места центрального поля ковра, а также медальоны заполняются различными геометрическими фигурами. Часто в качестве образца для подобных геометрических фигур выступают птицы, звери, животные, растения, предметы домашнего обихода и т.д. Элементы орнаментов ковров в разных селах имеют свои местные названия:

в Ахтах: *пехь* «ворона», *сернич* «подойник», *кIулар* «крючки», *мыкIратI* «ножницы», *эчих мыкIратI* «открытые ножницы», *тIыпIар* «пальцы», *шлам* «мокрица», *кьачIараг* «скорпион», *уьрдег* «утка», *нучIар* «птицы», *ныхчырар* «птицы», *цIицIар* «кузнечики», *пешар* «листья» и т.д.;

в Зизике: *будару цуьк* букв. «(колеса) спиц цветок» (этот цветок напоминает колесо со спицами), *гурарар* «лестница», *килича* (название хлеба), *Кекер* «петухи», *нуьКер* «птицы», *пешер* «листья», *пехьер* «вороны», *туп* «мяч», *тупАлару цуьк* букв. «цветок колец» (цветок из кружочков), *чубарукI* «ласточка», *хьвехьвер* «невесты», *цацар* «колючки», *цуьруьгьуьл* «грабли», *чапрасар* «крючки», «застежки»;

в Юхари-Стале: *бадийар* «миски», *будар цуьк* букв. «спиц (колеса) цветок», *вечре пацар* «куриные лапки», *Гегьвера цуьк* букв. «цветок Гехвера», *ирид квакун цуьк* «семи узлов цветок», *килича* (название свадебного хлеба), *куркурар* «колокольчики», *къенчийар* «ножницы», *къеб* «люлька», *къуд квакун цуьк* (название цветка) букв. «четырёх узлов цветок», *мегьребайар* (значение затемнено), *мурцар цуьк* (название цветка с острыми лепестками), *нуьКвер* «воробьи», *нини* «кукла», *бубалар* (название цветка), *пацар* «лапы», *ругьвалар* (значение затемнено), *тупАлару цуьк* «цветок колец», *урус цуьк* «русский цветок», *цацар цуьк* «цветок колючек», *цИдгайар* < *цИдга* «косой», *чалагьанар* «степные орлы», *чангар* «ладони», *чепелукьар* «бабочки».

По краю ковра сначала делают два ряда узлов из однотонной темной пряжи (обычно из черной пряжи) – *чулав къун гын* (ахт.) букв. «дать черную спицу», *таб йагьун* (орт., юх.) < *таб* «способ, прием в ковроткачестве». Пряжа, которой ткется этот край ковра, называется *къирахзи гьал* (ахт.) букв. «края нитка», *табар* (орт., юх.), *къве тАлар* (зиз.) букв. «две палки».

После этих двух рядов узлов из темной пряжи ковровщица ткёт также два ряда узлов, чередуя темный и светлый. Две пестрых линии по краям ковра и кайма называются *къветАлар* (ахт.) < *къве* «два» + *тАел* < *тАвал* «палка», «прутик»; «полоска, линия», *цАру рапар* (зиз., орт., юх.) букв. «пестрые иголки» .

Понятие «кайма» передается специальным термином *цИлихь* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *цИлих* (ахт., джаб.). По мнению Р. И. Гайдарова,

термин образован посредством суффикса *-ихъ* от *цИил* «веревка» [Гайдаров 1966: 66].

Каждая кайма ковра в зависимости от размера и расположения имеет свое название: *чІехи цІилихъ* (зиз.) букв. «большая кайма» - *кьулан цІилихъ* (орт., юх.) букв. «средняя кайма» - *шагъна* (ахт.) – *йаурацар* (юх.) < *йац* «бык» > род. п. *йауран* > *йаура* + *цар* < *цвар* «моча» (бук. «быка моча») «широкая центральная кайма». А подкаемки называются *кыркырап* (ахт.) букв. «колокольчики», *кІекер* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) букв. «петухи».

Кайма, расположенная поближе к центральному полю, также имеет свое отдельное название – *тЫнІал* (ахт.) «кольцо», *шагъди кІекер* (зиз.) букв. «шахские петухи», *къене патан цІилихъ* (орт., юх.) букв. «внутренней стороны кайма».

Центральное поле ковра обрамляется двумя рядами черного контура – *йукъан кьун* (ахт.) «средний ряд», букв. «средняя спица».

Все элементы орнамента ковра обрамляются темной контурной линией, чтобы они лучше выделялись. В этом случае в ахтынском диалекте используют выражение: *гам кылабъй кылзи чЫлав гъаланал алатІза* букв. «ковер с самого начала до конца черной ниткой обрамляют». Эта особенность характерна и для азербайджанских ковров [Абдуллаева 1971: 23].

Для обозначения периода, когда начинают ткать центральное поле ковра, используют словосочетания *фыр эцигын* (ахт., джаб.) букв. «ставить медальон» – *къенер вигын* (исп., сал., зиз., орт., юх.) букв. «бросить внутренности».

Нити, из которых ткут лицевую сторону ковра, называются *чин гъалар* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *чинын гъалар* (ахт., джаб.) букв. «лицевая пряжа». Нити, из которых ткут основу ковра, именуется *паргъын гъалар* (ахт.) – *каруш* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.), а уточная нить называется *йанан гъал* (ахт., джаб.) – *гъал* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.).

В значении «ворс» в лезгинском языке используется единый термин *чIичI*, образованный редупликацией основы. Основа в том же звучании, но с отклонениями в семантике представлена в некоторых лезгинских языках: табас. *чIичI* «ворс», ругул. *чIичI* «перья лука», крыз., буд. *чIичI* «вид растения» [Загиров 1987: 87].

Название узла (ковра) также едино – *кваг*. Простой непроемный термин исконного происхождения. При словоизменении конечный звонкий смычный *г* во всех диалектных единицах переходит в глухой смычный *к*: *кваг* > мн. ч. *кваквар*.

Слово *кваг* входит в состав сочетаний: *кваг атIун* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кваг атIын* (ахт., джаб.) «обрезать конец нити узла», букв. «узел отрезать», *кваг вигьин // йагьун* (орт., юх.) – *кваг вигьин* (исп., сал., зиз., ках., ахт., джаб.) «делать узел», букв. «узел бросить», *кваг акъатун* (орт., юх.) – *кваг кывахьын* (ахт., джаб.) «потеряться – об узле».

Из оставшихся нитей основы ковра (после завершения ковра) ткнут еще несколько рядов, которые называются *ших* (зиз.), а ряды после *ших* – *хутручI*. В слове *хутручI* конечный *-учI*, видимо, выполняет роль словообразовательного суффикса.

4.2. Безворсовые ковры

Различаются односторонние и двухсторонние безворсовые ковры. К односторонним безворсовым коврам относятся сумахи, которые именуются *гамар* (исп., сал., зиз., орт., ках.) – *сымагар* (ахт., джаб.), «изготовлением которых среди дагестанских народов славились именно лезгины» [Агаширинова 1978: 80], и небольшие по размеру безворсовые ковры – *гибейар* (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.). Слово *гибе* заимствовано из азербайджанского языка, ср. азерб. *каба* «ковер» (РАС).

Односторонние безворсовые ковры представляют собой «безворсовую ткань, которая образуется шерстяным цветным утком, сплетающим основу особым переплетением – в елочку и косичку, создающим на лицевой стороне

изделия красивую фактуру. Обратная сторона сумахов представляет собой пушистую поверхность из выведенных наизнанку спутавшихся кончиков уточных нитей» [Яковлева 1959: 4].

К двусторонним безворсовым коврам относятся паласы, которые обозначаются единым простым производным исконным термином *рух*.

Термин *рух* входит в состав словосочетаний: *цIарар эвей рух* (ахт.) «палас в полоску», *сун рух* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *усун палас* (зиз.) – *ысын рух* (ахт., джаб.) «шерстяной палас», *памбаг рух* «хлопчатобумажный палас» – *канаб рух* «пеньковый палас» .

5. Войлоки

Понятие «войлок» в лезгинском языке передается единым термином *лит*. Простая производная основа, видимо, исконная.

Войлоки бывают однотонные и цветные. Для их обозначения употребляются описательные названия: *са рангунин лит* (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *са рангынын лит* (ахт., джаб.) «однотонный войлок», букв. «одного цвета войлок», *рангад лит* (зиз.) букв. «цветной войлок» – *нехиш элей лит* (ахт.) «узорчатый войлок», букв. «узор имеющий войлок».

Названия войлоков по назначению также являются описательными, состоящими из двух или трех компонентов. В словосочетаниях, состоящих из двух компонентов, первый компонент служит определением второго компонента. А если сочетание состоит из трех компонентов, то первый и второй компоненты в комплексе служат определением третьего компонента: *чилик вигьидай* // *чилик экIаьдай лит* (исп., сал., орт., юх., ках.) – *чилик акIайдий лит* (зиз.) – *чилик вигьизей лит* (ахт.) – *чилик вигьидий лит* (джаб.) «войлок, который стелят на пол», букв. «на пол стелящий(ся) войлок», *галчукдай лит* (исп., сал., орт. юх., ках.) – *галчукдий лит* (зиз., джаб.) – *гуьлцукзей лит* (ахт.) «войлок, служащий накидкой», букв. «накидывающий(ся) войлок», *чубандин лит* (исп., сал., ках.) – *чубанди лит* (зиз., орт., юх.) – *чыбанзи лит* (ахт.) – *чыбанды лит* (джаб.) «накидка чабана из войлока», букв. «чабанский войлок».

6. Ковровые изделия, служащие в быту

Из шерстяной пряжи лезгины изготавливают различные изделия, служащие в быту:

Гьебе (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *гьебге* (ахт.). Лексические параллели представлены и в некоторых других лезгинских языках [Загиров 1987: 86].

Пуарар кьалича (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) букв. «седла коврик» – *пырарал вигьизей хаьliche* (ахт.) – *пырарал вигьидий хаьliche* (джаб.) «накидка для седла», букв. «на седло стелющийся(ся) коврик».

КыпIын хаьliche (ахт., джаб.) «намазлык», букв. «молитвы коврик». Оба компонента сочетания являются заимствованными: первое слово имеет арабское происхождение, ср. араб. *коб* (САПС), второе – иранское, ср. перс. *галиче* «коврик» (ПРС).

КьепIен чIилар (ахт.) «широкие шерстяные ремни в детской люльке», букв. «люльки ремни».

Чувал // харал «мешок». Основы заимствованы из азербайджанского языка, ср. азерб. *чувал, харал* «большой мешок» (АРС).

Гуьлуьт (лит., исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *куьлуьт* (ахт., джаб.) «шерстяной носок». Тюркизм [Селимов 2001:115].

Кьалар (исп., сал., зиз., орт., юх., ках.) – *кьунар* (ахт., джаб.) «спицы».

Специальная колодка (на которую натягивается шерстяной носок после его вязки и стирки) именуется *кьул* (ахт.) – *кIум* (юх.). Лексема *кьул* общедагестанская [Бокарев 1961: 64; СИЛДЯ 1971: 171]. Простая производная основа. Лексема *кIум* также, видимо, исконного происхождения.

Женские цветные носки в Ахтах называются – *калыш чешне* (букв. «узор галош»). Это красивые узорчатые носки, их носят с открытыми галошами, чтобы рисунок носка был заметен.

7. Названия шерстяных изделий в пословицах и поговорках

С названиями изделий из шерсти связан целый ряд пословиц и поговорок, выражений и словосочетаний: *йа^н амаз кIетI везь* (юх.) погов. «пока также есть уток, брось клубок» (т.е. в свое время делай дело); *гьуьлаьгьди йагъайдаз кашудикай кичIе жеда* (юх.) погов. «ужаленный змеей боится шерстяной веревки»; *хийалрикай рух жедач* (юх.) погов. «из мечты палас не получится» (значит надо трудиться, дело делать, а не мечтать просто, если хочешь, чтобы был результат); *кашудал кьуьл экIаьна* (юх.) «на шерстяной веревке стелена пшеница» (выражение используется, когда хотят отказать кому-либо в чем-либо); *су^н тапрак хьти^нди* (юх.) «как шерстяной мешок» (речь идет о человеке полном, маленького роста), *ада зу^н рух агьурай хьиз авуна* (юх.) «он меня опозорил, осрамил» (букв. он меня потрусил как палас); *хва тIекъей канаб рух* (юх.) «эх, ты, пеньковый палас» (о спесивом человеке); *рух галай шайтIа^н хьтинди* (юх.) «о человеке в длинной одежде» (букв. как шайтан с накинутым на себя паласом); *баргъар ацаз рух тежез, махар^н ахъайиз югъ тежез* (юх.) «из расщипанных волокон конопли палас не получится, рассказывая сказки, день не наступит» (о безрезультатном деле); *вирида^н кьил са ча^нтадава, ви кьил – кьилди чантада* (юх.) «все заняты общим делом, а ты – отдельно своим» (букв. «у всех головы в одной сумке, а твоя голова – в другой»); *йеб хкатай ча^нта хьти^нди* (юх.) «как сумка, от которой оторвалась ручка» (о небрежном, неаккуратном человеке); *гамунал эцигуй ву^н* (юх.) бран. «чтоб тебя положили на ковер» (т.е. чтоб ты умер).

Когда начинают делать основу ковра, приходят с подарками родственники и соседи. Эти подарки в Ахтах называются *кьили^н чвал* (букв. головной шов). Поздравлять приходят родственники и тогда, когда часть ковра уже показалась на верхней перекладине коврового станка (т.е. на лицевой стороне коврового станка).

После того, как ковер полностью готов (т.е. снят со станка), в Ахтах первым по нему разрешалось ходить мужчине или молодому человеку (чтобы в том доме, где будет этот ковер, рождались одни мальчики).

При вязании шерстяных носков и ковров используются специальные выражения, словосочетания, а также глаголы, связанные с названиями шерстяных носков: *куьлутьтар хырхы^h* (ахт.) «вязать шерстяные носки»; *кул акьулду^h* (ахт.) «начинать вязание носка», букв. «палец ноги поднимать»; *элкьуьрары^h* (ахт.) «округлять», т.е. после вязания двух рядов петель определенное количество петель с одной спицы перебирается на другой, чтобы носок шерстяного носка не был слишком острым, а имел круглую форму, *пеш эцигы^h* (ахт.) «вязать лист», букв. «ставить лист»; *цук эцигы^h* (ахт.) «вязать розу», букв. «ставить цветок», *тIве гилигы^h* (ахт.) букв. «присоединить пятку» – *даба^h вегы^h* (юх.) букв. «бросить пятку», «вязать пятку»; *чIыхытI йаьгIаь^h* (ахт.) – *даба^h диз рицI аву^h* (зиз., юх.) «начинать вязать пятку изнаночными петлями»; *чIыхытI* (ахт.) «изнаночная петля»; *хамы кваг* (ахт.) «лицевая петля»; *чIыхытIрал хырхы^h* (ахт.) «вязать изнаночными петлями»; *кьунанал гьал вегы^h* (ахт.) «закидывать нитку (на спицу)», *гьал кьатI хьы^h* (ахт.) «оборваться – о нитке»; *гьал атIы^h* (ахт.) «резать нитку»; *гьал гихлигы^h* (ахт.) «присоединить нитку»; *гьаланай цывыр хьти* (ахт.) «точный, ровный» (выражение используется, когда речь идет об аккуратной точной работе), букв. «как будто из нитки вытянуто»; *куьлуть гахкьуду^h* (ахт.) «закончить вязание носка», букв. «носок отобрать», *гам рушу^h* (юх.) – *гам рышы^h* (ахт.) «делать основу ковра»; *гам хуру^h* (юх., орт., зиз.) – *гам хырхы^h* (ахт.) «ткать ковер»; *михьи су^h гам* (юх., орт., зиз.) – *михьи ысын^h гам* (ахт.) «шерстяной ковер», букв. «чисто шерстяной ковер»; *гаму^h кьерех* (юх., орт., зиз.) – *гамы^h кьирах* (ахт.) «край ковра»; *гаму^h кьерех агалхьна* (юх.) «нити ковра расслабились», *гам акIадапу^h* (юх.) – *гам акадары^h* (ахт.) «отодвигать сотканную часть ковра назад за ковровый станок», *гам акIахьзава* (юх.) «ковер сам идет назад (за ковровый станок, когда мастерица гребнем-колотушкой бьет по ковру)»; *гам кьилелай атана* (юх.,

ахт.) «ковер показался на верхней перекладине коврового станка», т.е. сотканная половина ковра, двигаясь с задней стороны коврового станка, поднимается вверх и идет на лицевую сторону станка; *гам йукъак фенва* (юх., ахт.) «соткана половина ковра», букв. «ковер пошел в середину»; *сифте кIекер вегьенва* (юх.) «начата первая кайма (ковра)», букв. «брошены первые петухи»; *эхир цIилихъ вегьенва* (юх.) «начата последняя кайма (ковра)», букв. «последняя кайма брошена»; *къенер вегьи^h* (юх.) «начинать ткать центральное поле ковра», букв. «внутренности бросать»; *фур элкъурнава* (юх.) «соткана половина медальона ковра», букв. «медальон повернут», т. е. соткана половина медальона, далее медальон ткут, суживая его внутрь; *фур хазва* (юх.) «медальон ткется вширь», букв. «медальон разбивается», т.е. медальон ткут, увеличивая его размер, вширь; *фур акъвазару^h* (юх.) «ткать медальон, не прибавляя и не убавляя узлов», букв. «остановить медальон», т.е. ткать медальон, не увеличивая и не уменьшая количества узлов в предыдущем ряду; *фур къецихъ ху^h* (юх.) «ткать медальон, прибавляя узлы», букв. «медальон снаружи разбить», т.е. ткать, увеличивая количество узлов медальона, вширь; *табар фи^h* (юх.) «ткать ковер однотонной нитью», букв. «узлы одного тона идти», т.е. пустые пространства (между элементами орнамента ковра) заполняются узлами из нитей одного тона; *кваг куту^h* (ахт.) «делать узел» (букв. подложить узел); *чыкIылзал кваг атIы^h* (ахт.) «резать конец нити узла», букв. «ножом узел резать»; *чIичI къы^h* (ахт.) «стричь ворс ковра» (букв. «ворс держать»); *гам атIы^h* (ахт.) «закончить ковер», букв. «ковер резать».

Некоторые термины по ковроткачеству названы по сходности признаков или функций: *даба^h* (лит., юх., орт., зиз., исп., сал., ках.) «пятка шерстяного носка»; *къул* (ахт.) «деревянная формочка для натягивания шерстяного носка после его вязки, стирки»; *кы^h* (ахт.) «деревянные стержни, которые вставляются в боковые деревянные стойки коврового станка (для укрепления и расслабления нитей основы ковра)», букв. «клинья»; *мецер* (юх., орт.) «зауженные концы горизонтальных перекладин (которые вставляются в отверстия на бо-

ковых стойках коврового станка)», букв. «языки»; *кифер* (зиз.) «вплетенная из ниток косичка на конце голенища вязанного носка»; *хьел* (зиз.) «ось колеса прялки»; *рицI* (ахт.) «привод прялки»; *кьалар* (зиз.) «спицы вязальные»; *кIуф* (зиз., ках.) – *кIыф* (ахт.) «носок шерстяного носка», букв. «клюв».

Нередко в разных населенных пунктах один и тот же предмет называется по-разному, так что образуются «синонимичные пары»: *паргъ* (ахт.) – *каруш* (юх., орт., зиз.) «основа ковра»; *рицIар* (ахт.) – *цIилер* (юх., орт., зиз.) «бахрома ковра»; *цIарар эвей рух* (ахт.) – *тахта палас* (зиз.) «палас в полоску»; *кесекзи рух* (ахт.) – *хайма* (зиз.) «узорчатый палас»; *ра^hгы^h куьлутьтар* (ахт.) – *гиширд гуьлутьтар* (юх., орт.) «узорчатые носки»; *чивекар* (ахт.) – *тинIрийар* (зиз.) «шерстяные вязаные чувяки»; *кьунар* (ахт.) – *кьалар* (зиз.) «спицы»; *кикер* (ахт.) – *гылер* (зиз.) «мотки ниток (при вязании носков)»; *тIов* (ахт.) – *даба^h* (юх., орт., зиз.) «пятка (носка)»; *рицIар* (ахт.) – *кифер* (зиз.) «косички из ниток (на конце голенища носка)»; *кьул* (ахт.) – *кIум* (юх., орт.) «формочка для натягивания носка после вязки и стирки»; *кынар* (ахт.) – *ракьар* (зиз.) – *кIумар* (юх., орт.) «деталь коврового станка»; *закIал аву^h* (ахт.) – *чIичI кьун* (юх., орт.) «стрижка ворса ковра»; *ысар кьын* (ахт.), букв. «шерсть держать» – *лапагар кьу^h* (юх., орт.) «стричь шерсть», букв. «овец держать»; *йегIав^hвей ысар* (ахт.) – *кьунвай сар* (юх., орт.) «стриженная шерсть»; *биликар* (ахт.) – *пилтейар* (юх., орт., зиз.) «расчесанная на гребне шерсть»; *чахраз рицI* (ахт.) – *зи^h* (зиз.) – *кириши* (юх., орт.) «привод прялки»; *чахраз гьил* (ахт.) – *чхрад гьил* (юх., орт., зиз.) «ручка прялки»; *хьел* (зиз.) – *гиг* (юх., орт.) – *ух* (ахт., джаб.) «ось колеса прялки»; *кукух* (ахт.) – *ма^hсур* (юх., орт.) «моток на спице прялки»; *кIватI* (ахт.) – *китки^h* (юх., орт.) «клубок ниток»; *вагьа^h* (ахт.) – *келеф* (зиз.) – *чIу^h* (юх., орт.) «моток пряжи для крашения»; *рухул* (ахт.) – *цагъ* (юх., орт., зиз.) «квасцы»; *гьалар лача аву^h* (ахт.) – *гьалар ритIу^h* (зиз.) – *гьалар рутIу^h* (юх., орт.) «закрепление краски»; *махьва^h* (ахт.) – *шутру* (зиз.) – *шутьтруь* (юх., орт.) «коричневый»; *фечI* (ахт.) – *эби* (зиз.) «голубой»; *фыры^h над* (ахт.) – *гверекI* (юх., орт., зиз.) «половина медальона»; *кьветIелар* (ахт.) –

цIару рапар (зиз.) «пестрые полосы между каймами ковра»; *шагьна* (ахт.) – *чIехи цIилихъ* (зиз.) – *кIула^h цIилихъ* (юх., орт.) «широкая кайма»; *чивекар* (ахт.) – *тинIрийар* (зиз.) «вязаные шерстяные чувяки».

Целый ряд заимствований, встречающихся в терминах ковроткачества, в основном, сохраняет свое звучание, но часто расходится семантически, т.е. утрачивает свое первоначальное значение и приобретает новые оттенки значений: *кириши* (юх., орт.) «привод прялки», ср. тюрк. *кириши* «тетива лука»; *килича* (юх., орт., зиз.) «название орнамента ковра», ср. тюрк. *килишкаь* «палас с узорами кашгарского производства»; *чапрас* (юх., орт.) «название элемента орнамента ковра», ср. перс. *чапраз* 1) «лежащий поперек, скрещивающийся, перекрещивающийся» 2) «род жилета (с двойным рядом пуговиц)»; *муьшкьюлат* (юх., орт.) «название узора внутри медальона ковра», ср. араб. *муьшкьюлат* «трудности, затруднения, хлопоты»; *хунче* (зиз.) «название шестигранного медальона вокруг центрального медальона ковра»; ср. перс. *гонче* «бутон»; *тапрак* (юх., орт.) «шерстяной мешок», ср. тюрк. *топрак* 1) «земля» 2) «почва, грунт» 3) «прах» 4) «страна»; *шагьна* (ахт.) «широкая главная кайма ковра», *шагьди кIекер* (зиз.) «название каймы, расположенной ближе к центральному полю ковра» (букв. шахские петухи), ср. перс. *шагь* «шах, государь; монарх» и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ приведенного в данной работе лексического материала показал, что в лезгинском языке представлен весьма богатый и структурно организованный слой лексики, включающий такие лексико-тематические подгруппы, как сельскохозяйственная (животноводческая и земледельческая) и строительная терминология, термины анатомии и физиологии человека, названия мужской и женской одежды, различной утвари, терминология ковроткачества и обработки шерсти. В подавляющем большинстве эта группа слов является неотъемлемой частью лезгинской общеупотребительной лексики, хотя и имеет узкую тематическую специализацию, что позволяет квалифицировать определенную часть исследованного пласта лексики рассматривать как профессиональную и терминологическую.

Восходя в своих истоках к общелезгинскому и далее – к общедагестанскому хронологическому уровню, отраслевая лексика лезгинского языка развивалась в течение многих столетий, отражая соответствующие исторические этапы в жизни народа, достижения в его материальной и духовной культуре, контакты с другими народами, поэтому сбор и систематизация подобного материала, а также его комплексный анализ позволяют формулировать обоснованные утверждения не только об истории языка, о путях развития его грамматического строя и словарного состава, но и об истории народа – его носителя, об основных параметрах его социально-экономического и духовного развития на разных хронологических срезах.

Длительное занятие животноводством не могло не отразиться на лексике лезгинского языка. В данной группе слов, как и в лексике любого языка, отражаются изменения, происходящие в жизни народа. Так, например, среди животноводческой терминологии богатством и разнообразием отличается терминология, связанная с названиями домашних животных. Эта лексическая группа подразделяется на несколько семантических групп. Интересно отметить, что в названиях, связанных с мелким и крупным рогатым скотом, искон-

ные названия преобладают над заимствованными, что лишний раз свидетельствует о том, что с домашними животными лезгины были знакомы с древнейших времен, и что животноводство являлось доминирующим видом хозяйственной деятельности лезгин. Однако совсем иное положение наблюдаем в названиях, связанных с вьючными животными. В этой группе отраслевой лексики лезгинского языка преобладающее большинство названий, особенно коневодческой терминологии, является заимствованиями из азербайджанского языка, что можно объяснить самыми тесными и продолжительными контактами лезгин с азербайджанцами и сильным влиянием азербайджанского языка на лезгинский. Многие названия, связанные с лошадью, являются заимствованными из тюркских языков не только в лезгинском языке, но и в большинстве других дагестанских языков, так как в тюркских языках коневодческая терминология представлена во всем своем многообразии и разнообразии, что исследователи тюркских языков объясняют тем, что «тюркские народы также в древности разводили лошадей и широко использовали их, лошадь была подвижным, выносливым животным, что вполне соответствовало кочевому образу жизни тюрков» [Улаков 1982].

Интересно, что название кошки почти всеми дагестанскими, а также многими иберийско-кавказскими, финно-угорскими и семитскими языками заимствовано из индоевропейских языков. Однако лезгинский язык в этом отношении составляет одно из редких исключений, так как в джабинском диалекте используется самостоятельное слово *пси*, которое в других диалектах является словом-подзывом кошки.

Из названий домашних животных очень бедно представлены термины, связанные со свиньей, что, видимо, объясняется принятием лезгинами ислама, который запрещал мусульманам употреблять в пищу свинину.

Как было отмечено выше, названия домашних животных, за исключением отдельных видов животных, в лезгинском языке представлены разнообразно и богато. Каждый вид домашнего животного имеет несколько дифферен-

цированных названий, характеризующих их с разных точек зрения, образованных различными способами словообразования. Однако этого мы не можем сказать по отношению к диким животным.

Любопытно, что многие названия животных в лезгинском языке находят свое отражение в антропонимике лезгин. Причины появления подобного рода антропонимов специалисты увязывают с историей и религией (тотемизмом).

Наряду с животноводством одной из ведущих отраслей хозяйственной деятельности не только народностей лезгинской группы, но и других народностей Дагестана, является и земледелие, о чем свидетельствуют и археологические исследования. Вопрос возникновения и развития земледелия занимает значительное место в изучении истории культуры.

В названиях растений в лезгинском языке, как и в лексике любого языка, также отражаются изменения, происходящие в жизни народа. Так, например, лезгины, как и другие народности Дагестана, издревле занимались садоводством. Естественно, большой опыт в разведении садов не мог не отразиться и в языке. Здесь мы находим богатую терминологию, связанную с этой отраслью. Огородничество у лезгин не было развито в той степени, как садоводство. Огородничеством лезгины стали заниматься позже, поэтому в преобладающем большинстве своем соответствующие термины являются заимствованными. В названиях же садовых культур преобладают исконные названия, т. е. в этой группе лексики наглядно отражается быт народа и изменения, происходящие в жизни народа.

Очень бедно представлены в лезгинском языке и диалектах названия цветов. Это говорит о том, что специально разведением цветов лезгины не занимались. Следует отметить, что многие названия цветов легли в основу собственных женских имен: *Беневше, Къизилгуъл, Лале, Роза, Жасмина* и т.д.

Жилище лезгин проделало путь от примитивного однокамерного до благоустроенных больших домов, состоящих из нескольких комнат с большими светлыми окнами. Оно изменялось с развитием культуры, с социально-

экономическими переменами в жизни народа изменялась и строительная терминология. Например, некоторые слова, обозначающие древние виды жилища и его частей, в настоящее время перешли в разряд архаизмов: *тIеквен* «отверстие в потолке для выхода дыма и проникновения света в комнату», *рефт* «полка на стене (для посуды)», *дакIар* «ниша в стене (для постели)», *тав* «камин, очаг», *къынт* (ахт.) «полка у входа для кувшин и др. предметов», *сакIан* «специальный большой ящик для хранения муки».

Многие названия, ставшие архаизмами, заменены новыми словами, часто заимствованными из русского языка: вместо *мугьманхана* «гостиница» – *гастинца*, *кастинца*; вместо *дарманхана* «аптека» – *аптек*, *аптека*; вместо *азархана* «больница» – *больница*, вместо *кархана* «мастерская» – *мастерской*, вместо *чапхана* «типография» – *типографи*, вместо *мектеб* «школа» – *школа*, вместо *туькевен* «магазин» – *магазин*.

Названия жилища и его частей, стройматериалов, строительных инструментов и домашней утвари в основном являются словами исконного происхождения. Особенно хорошо они сохранились в названиях жилища и его частей, в названиях стройматериалов, несколько хуже – в названиях домашней утвари. Многие названия старинной утвари переходят в разряд пассивной лексики или исчезают вовсе. Однако в настоящее время наблюдаем большой приток заимствований из русского языка. Они составляют активный запас лексики данной группы. За счет новых заимствований из русского языка беспрерывно пополняется и обогащается лексика, связанная со строительной терминологией (*шифер*, *паркет*, *чардах* «чердак», *киледур* «коридор», *петлийар* «петли», *плинтус*, *фугъан* «фуганок», *цемент* и т.д.).

Одежда лезгин, хотя и имеет свои особенности, она вместе с тем обнаруживает много общих элементов с одеждой народов не только Дагестана (тулупы и шубы из овчины, шерстяная обувь, чохто, чарыки, серебряные пояса, кинжалы), но и Кавказа (бешмет, черкесска, бурка, башлык, нижняя рубашка, штаны и т.д.). Много элементов русской национальной одежды вместе с их

названиями заимствовали лезгины с конца XIX в. Особенно сильно влияние русской одежды в Советское время (*палту, куфта, жигет, жилет, йупка* и т.д.).

Интересным является то, что в целом ряде случаев для обозначения одежды и ее частей, украшений используются анатомические термины: *хурув* «пола» < *хур* «грудь» + *-ув*, *тунIал* «кольцо» < *тIуб* «палец» + *-ал*.

Отраслевая лексика лезгинского языка разнородна по своему происхождению. Основное ядро данной группы слов формировалось в соответствии с внутренними законами развития языка. Наиболее древним слоем этой лексической группы являются слова, общие для многих дагестанских и, соответственно, лезгинских языков. Так, среди названий животных к этой группе лексем можно отнести следующие:

- гуриIул* «щенок», ср. табас. *куруIул*, агул. *куруIул* и др.;
- яц* «бык, вол», ср. табас. *йиц*, агул. *йацв* и др.;
- кIел* «ягненок (до 6 мес.)», ср. табас. *ччил*, агул. *ккел* и др.;
- кьар*, ср. агул. *укьар* «баран», арчин. *бакьари* и др.;
- цIегь* «коза», ср. табас. *цIигь*, агул. *цIегь*, рутул. *цIигь* и др.;
- шив* «конь», ср. арчин. *ноIш*, авар. *чу*, ахв. *ичва*, карат. *ичва* и др.;
- хвар* «кобыла», ср. табас., агул., рутул. *хвар*, крыз. *хилих* и др.;
- кьуьр* «заяц», ср. табас. *гьюр*, агул. *гIур*, рутул. *гьыIр* и др.;
- сикI* «лиса», табас. *сул*, агул. *сул*, рутул. *сикI*, цахур. *сыIвал* и др.;
- сев* «медведь», ср. табас. *швель*, рутул. *си*, цахур. *с'о* и др.;
- кьиф* «мышь», ср. табас. *кьюл*, агул. *кьуIл*, рутул. *кьуIл* и др.;
- гьуьлаьгь* «червь», табас. *мяляхъв*, агул. *малуIхъ* и др.;
- вак* «кабан», ср. агул. *вакк*, рутул. *вак* (ругательство) и др.;
- гьуьрч* «охота», ср. агул. *гьуьрч*, рутул. *гьыIрч* и др.;
- тIиб* «сова», ср. табас. *тIипп*, рутул. *тIыб*, крыз. *тIуб* и др.;
- нуькI* «птичка, воробей», ср. рутул. *ныцI*, арчин. *ноцI*, авар. *хIинчI*;
- лиф* «голубь», ср. табас. *луф*, агул. *луф*, рутул. *лирхъвай* и др.;

чIагъ «галка», ср. табас. *чIагъ*, агул. *чIагъ*, цахур. *чIыIгъа* и др.;
кукупI «кукушка», ср. табас. *ккуккум*, агул. *ккекку*, рутул. *гиггу* и др.;
чIут «блоха», ср. табас. *чIуд*, агул., рутул., крыз., буд. *чIид* и др.;
нет «вошь», ср. табас. *ници*, агул. *нетт*, арчин. *нациI* и др.;
нетI «гнида», ср. агул. *нетI*, табас. *нитI*, рутул. *наьтI* и др.;
тIветI «муха», ср. агул., буд. *тIутI*, рутул. *дыд* и др.;
хуьшрекан «паук», ср. табас. *хаив*, агул. *хучрахан* и др.;
хенциI «клещ», табас., агул., рутул. *хициI* и др.;
цициI «кузнечик, саранча», ср. табас. *цициI*, рутул. *цициI*, цахур. *циитт* и др.

Достаточно широко представлены здесь и собственно лезгинские слова, т.е. такие слова, которые не имеют соответствий в близкородственных языках и в то же время не являются заимствованными. К таким лексемам можно отнести а) названия частей тела: *бубух* «борода (петуха)», *закIам* «голень», *кьвех* «пах», *кьуьнт* «локоть», *рекьв* «челюсть», *хук* «желудок» б) термины растительного мира: *берт* «побег», *вал* «куст», *дувул* «корень», *зурар* «сухофрукты», *игдид (тар)* «лох», *ини* «боярышник», *кирф* «бузина», *парс* «козлобородник (вид съедобной травы)», *хьирхьам* «мох», *цирициIар* «смородина», *чIарахв* «корень» в) названия предметов домашней утвари: *ват* «катушка», *пнек* «тряпка», *закIал* «обручальное кольцо», *ккам* «силлок», *хех* «клещи», *кух* «голень», *кьегъ* «ушко», *кьам* «полоз (саней)» г) названия животных: *гьуьчI* «моль», *ккал* «корова», *ких* «сойка», *ругьал* «пиявка», *хархар* «вид птицы», *чIиж* «пчела» и др.

Анализ лезгинской отраслевой лексики убедительно показывает, что преобладание исконных терминов обнаруживается в тех лексико-грамматических группах, которые отражают исконные природные условия, особенности древнего быта лезгин, т.е. те реалии, которые были знакомы им издревле.

В то же время отраслевая лексика лезгинского языка пополнялась и за счет внешних источников. Соответственно, в рассматриваемой группе лексики выделяется и заимствованный пласт. В количественном отношении среди заимствований выделяются азербайджанизмы, арабизмы, персизмы и русизмы.

Так, значительное число арабизмов фиксируется в наименованиях предметов быта, орудий труда и инструментов: *аба* «широкий халат, плащ», *алат* «орудие, инструмент», *араба* «арба, бричка», *аса* «посох, палка», *батлан* «специальное матерчатое кольцо для поддержания женского головного убора», *гьалкъа* «звено в цепи, кольцо», *гьасир* «рогожа», *гьебе* «переметная сума», *гьевенг* «ступа», *жем* «большая медная кружка, бокал», *жибин* «карман», *жилд* «переплет», *къелем* «ручка», *маша* «кочерга», *межмя* «медный поднос в форме правильного круга», *мерез* «веревка», *мишер* «пила», *муфтул* «металлический трос», *муьгьур* «печать, клеймо», *мясер* «сапоги на мягкой подошве», *суфра* «скатерть», *сят* «часы», *тафт* «бубен» и др.

Иранизмы (персизмы) также выявляются в основном в данной лексико-тематической группе: *абугердан* «металлический половник», *байбут* «финка, небольшой кинжал», *гьевенг* «металлическая ступа», *дезьре* «секач», *дезгаь* «украшение», *дезге* «станок столяра», *кепкир* «шумовка», *леген* «таз», *ленгер* «широкая неглубокая чаша», *ранг* «краситель, краска» и др.

Тюркизмы распространены в отраслевой лексике лезгинского языка значительно шире, охватывая практически все лексико-тематические группы, в т.ч., например, терминологию растительного мира: *алуча* «алыча»; *жалгьа* «саженец»; *истивут* «перец»; *къабах* «тыква»; *къабух* «кора»; *къамыш* «камыш»; *къарагьаж* «карагач, вяз»; *къаратикен* «держидерево»; *къарпуз* «арбуз»; *сарубугьда* «сорт пшеницы»; *эме* «перец»; *явиан* «полынь» и др.

Еще более широки рамки функционирования в отраслевой лексике лезгинского языка русизмов. Ср., например, группу названий продуктов питания: *борщ*, *варени* «варенье», *вермишель*, *горчица*, *джем*, *жаркой* «жаркое», *икра*,

кисель, компот, консерв, къенфет «конфета», кофе, крахмал, лимонад, макарон, маргарин, махорка, мармалат «мармелад», мороженое, обед, осетрина, панпаси «манпаси», печени «печенье», повидло, шоколад и др.

Структурно-семантический анализ отраслевой лексики лезгинского языка позволяет заключить, что большую часть данной группы слов составляют простые (непроизводные) основы. Однако в рассматриваемых лексико-тематических группах прослеживаются также производные, образованные посредством различных деривационных суффиксов, нередко уже утративших функциональную значимость. Ср., например, лексемы с непродуктивным суффиксом *-аг*: *тIвал-аг* «плетень» (< *тIвал* «прут»); *крчараг* «повод для запряженной пары быков или буйволов» (< *карч* «рог»); *хевелаг* «подушечка на ярме» (< *хев* «шея»).

Нередки практически в каждой из рассмотренных лексико-тематических групп также сложные и описательные названия. Ср. названия животных и птиц: *гвеж гьер* «годовалый баран», *тунIал кал* «корова, дающая молоко второй год без отела», *суван цIегь* «косуля», *тамун верч* «рябчик», *хуьруьн нуькI* «воробей», *хьити нуькI* «иволга», *чIулав нуькI* «скворец», *цимил кьиф* «ласка», *тамун вак* «кабан» и др.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. - 601 с.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958-1979. Т. I-III.

Абдоков А. И. Общие северокавказские названия домашних животных // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1983. - С. 21-31.

Абдулджамалов Н.А. Фийский диалект лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1966. - 20 с.

Абдуллаев З. Г. К генезису соматизмов даргинского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала, 1986. – С. 59-72.

Абдуллаев З.Г. К генезису терминов родства даргинского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 50-71.

Абдуллаев И. Х. О названиях «рубля» в языках Дагестана // Семантика языковых единиц разных уровней. Махачкала, 1998. Вып. 4. - С. 8-9.

Абдуллаев И. Х. О названиях финика в дагестанских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 16-20.

Абдуллаев И. Х., Маммаева Н. Ц. Названия вьючных животных и связанных с ними понятий в лакском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. - С. 51-58.

Абдуллаева Н. Ковровое искусство Азербайджана. Баку, 1971. - 149 с.

Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX-начало XX в. М.: Наука, 1978. - 303 с.

Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.) // Ученые записки ИИЯЛ Даг-филиала АН СССР. Махачкала, 1964. Т. XIII. - С. 177-193.

Агларов М. А. Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1979. - С. 7-19.

Азербайджанско-русский словарь / Сост. Х. А. Азизбеков. Баку, 1951. - 254 с.

Айдамиров А. З. Инсан (человек) / НИИ Педагогики, Махачкала, 2001.

Айтберов Т. Из социальной терминологии агульцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 144-148.

Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков (Морфология, Синтаксис). М.: Наука, 1985. - 157 с.

Алексеев М. Е., Атаев Б. М. Аварские названия животных общевосточнокавказского происхождения // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1999. Вып. 7. - С. 3-10.

Алексеев М. Е., Атаев Б. М. К диахронической стратификации общеаваро-андо-цезской соматической лексики // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1998. Вып. 5 - С. 3-16.

Алексеев М. Е., Загиров В. М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1991. – 96 с.

Алексеев М. Е., Курбанова З. Г. Лексико-тематическая классификация арабизмов // Дагестанское село: вопросы идентичности (на примере рутульцев). М., 1999. – С. 53-72.

Алиджанов Т. М. Названия, связанные с уборкой зерновых культур, молотью, помещением для хранения зерна, мельницей в лезгинском языке // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Махачкала, 2003. - С. 36-38.

Алиджанов Т. М. Способы образования сельскохозяйственной (земледельческой) лексики лезгинского литературного языка. Махачкала, 2003.

Алиджанов Т. М. Сельскохозяйственная (земледельческая) лексика лезгинского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. – 21 с.

Алироев И. Ю. Флора Чечено-Ингушетии в вайнахских языках. Грозный, 1970. - 89 с.

Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительная лексика нахских языков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Грозный, 1972.

Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975. - 386 с.

Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978. - 291 с.

Алироев И. Ю., Орлов М. М. Зоонимия народов Северного Кавказа // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978. - С. 5-15.

Алироев И. Ю., Салаева Б. А. Отражение фауны в вайнахской антропонимии. Грозный, 1983. - С. 90-98.

Асалиев Дж.А. Кимильский говор и его место в диалектной системе лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. - 21 с.

Асланов А.М. Термины овцеводства у цахур // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 255-258.

Атаев Б.М. Система обозначений времен года в дагестанских языках и ее связь с земледельческим календарем // Фольклорно-литературные и языковые связи как фактор развития культур народов Северного Кавказа/ Регион. научн.-практич. конф. на базе Карачаево-Черкесского респ. ин-та повышения квалификации работников народного образования: Тез. докл. Черкесск, 1994. Ч. II.

Атаев Д. М., Погребова М. Н. Ирганай Унцукульского района // Материалы по археологии Дагестана, Махачкала, 1973. Т. III. - 135 с.

Ахмедов А. А. Термины родства у томарских аварцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 64-73.

Ахмедов Ш.А., Исламмагомедов А.И., Булатова А.Г. Агулы. Махачкала, 1975.

Бабаев В.А. Яргунский говор лезгинского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Махачкала, 1998. - 22 с.

Бабкин А. М. Толковый словарь В. И. Даля // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.

Безарашвили Ц. И. Тушинский женский костюм-талавари // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX-XX вв. М.: Наука, 1971. Вып. I. - С. 241 -255.

Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. - 99 с.

Бокарев Е. А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М.: Наука, 1981. - 140 с.

Брегадзе Н. А. Полеводство в Рача-Лечхуми: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1963.

Булатова А. Г. Национальная одежда дагестанских цахуров // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. I. - 243 с.

Бунятов Т.А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957. - 137 с.

Вавилов Н. И., Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.

Вавилов Н. И. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований // Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники (Лондон, июнь 1931 г.). М.; Л., 1932.

Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Ж. «Природа». М., 1936, № 2.

Вавилов Н. И. Мировые ресурсы зерновых культур. М.; Л., 1957.

Вавилов Н. И. Пять континентов. Л.: Наука, 1987. - 213 с.

Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений // Вавилов Н.И. Избранные труды. М.; Л., 1965, Т. V.

Вавилов Н. И. Избранные труды. М.; Л., 1965. Т. II.

Гаджиев Г. А. Мифические персонажи и их названия у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 82-93.

Гаджиев Г. А. Названия некоторых домашних животных у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. – С. 168-172.

Гаджиев Г. А. О фитониме «гъармулаяр» у самурских лезгин // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 127-129.

Гаджиев М. М. Русско-лезгинский словарь. Махачкала, 1950. - 964 с.

Гаджиев М. М. Особенности аныхского говора лезгинского языка // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1957. Т. II. - С. 211-222.

Гаджиева С. Ш. Каякентские кумыки // Кавказский этнографический сборник. М., 1958, II. - 275 с.

Гаджиева С. Ш. Кумыки. М.: Изд. АН СССР, 1961. - 387 с.

Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана М.: Наука, 1964. - 11 с.

Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. - 298 с.

Гаджиева С. Ш., Гольдштейн А. Ф. Жилище дагестанских терекменцев XIX-нач. XX веков // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. I. - С. 45-68.

Гаджиева С. Ш. Кумыкская женская одежда и украшения (XIX-нач. XX вв.) // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Вып. I. - С. 7-44.

Гаджиева С. Ш., Агларов М. А., Омаров К., Алимова Б. М., Османов М. О. Историко-этнографический атлас Дагестана. Махачкала, 1981. Т. III. (Рукописный фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, фонд – 3, опись – 3).

Гайдаров Р. И. Ахтынский диалект лезгинского языка (по речи с. Ахты). Махачкала, 1961. - 165 с.

Гайдаров Р.И. Лезги чІалан диалектология (студентар патал пособие). Махачкала, 1963.

Гайдаров Р. И. Лексика лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966. - 202 с.

Ганиева Ф. А. Основные фонетические особенности джабинского диалекта лезгинского языка // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. - С. 208-235.

Ганиева Ф.А. Джабинский диалект лезгинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1980. - 23 с.

Ганиева Ф. А. Морфологическая и семантическая характеристика названий травянистых растений в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1982. - С. 44-50.

Ганиева Ф. А. Названия животных в хиналугском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 104-111.

Ганиева Ф. А. Некоторые соматические термины в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. - С. 123-128.

Ганиева Ф. А. Орнитологическая терминология в лезгинском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. - С. 102-106.

Ганиева Ф. А. Характеристика наименований деревьев и кустарников в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 5-15.

Ганиева Ф. А. Лексический способ выражения пространственных отношений в джабинском диалекте лезгинского языка // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Отв. ред. З.Г.Абдуллаев. Махачкала: ИИЯЛ, 1990. – С. 95-99.

Ганиева Ф. А. О некоторых способах выражения временных отношений в ахтынском диалекте лезгинского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала: ИИЯЛ, 1991. – С. 87-92.

Ганиева Ф. А. К характеристике названий яблок и груш и их сортов в некоторых диалектных единицах лезгинского языка // Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1992. – С. 129-136.

Ганиева Ф.А. Названия огородных культур в лезгинском языке // Региональный вестник молодых ученых. М., 2004. №1. - С.59-60.

Ганиева Ф.А. О названиях зерновых культур в лезгинском языке // Вестник молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2004. №1. - С. 52-55.

Гарунова К. И. К вопросу о терминологии родства в некоторых говорах южного наречия аварского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С.21-30.

Гарунова К. И. К овцеводческой терминологии южного наречия аварского языка // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. - С. 147-53.

Гарунова К. И. К характеристике названий косточковых плодовых растений в некоторых диалектах аварского языка // Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала: ИИЯЛ, 1992. – С. 45-53.

Гарунова К. И. Названия некоторых деревьев, кустарников и их плодов в южном наречии аварского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестан-

ских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 63-69.

Гарунова К. И. Некоторые соматические названия в диалектах аварского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. – С. 13-18.

Гасанова А. М. Названия деревьев, кустарников и трав в ботлихском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 158-163.

Гасанова А. М. Соматическая терминология ботлихского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. – С. 45-48.

Гасанова А. М. Термины родства и свойства в ботлихском, годоберинском и андийском языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 41-49.

Гасанова С.М. О некоторых терминах родства (по данным чирагского наречия даргинского языка) // Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей иберийско-кавказских языков: Материалы X региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Грозный: ЧИКн. изд-во, 1987. – С. 73-75.

Гасанова С.М. Термины родства и свойства в даргинском языке (по данным диалектов) // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 72-87.

Гасратов Г.Р. Отраслевая лексика и топонимика в ингилойском диалекте грузинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1980. - 24 с.

Генко А.Н. Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие // ИАН СССР. ОГН. Сер. VII, 1929, N 4. - С. 317-42.

Генко А.Н. О названиях «плуга» в северо-кавказских языках // Доклады АН СССР. М., 1930. №7.

Гигинейшвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. - 165 с.

Губогло М. Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. М.: Наука, 1971. - С. 217-236.

Гукасян В. Термины родства в удинском языке // Изв. АН Аз. ССР. Сер. обществ. наук. Баку, 1961.

Г. Ворошил. О некоторых культовых терминах в удинском языке // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 261-264, рез. англ., груз. 264.

Гунтер Франко, Карл Хаммер, Петер Хенельт, Ганс-Альбрехт Кетц, Гюнтер Нато, Хорст Рейнботе. Плоды земли (перевод с немецкого). М.: Мир, 1979.

Гусейнова М. Ш. О состоянии изученности отраслевой лексики дагестанских языков // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии... Махачкала, 2003. Вып 4/5.

Гусейнова М. Ш. Земледельческая лексика восточнолезгинских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. – 21 с.

Гусейнова М.Ш. Некоторые названия огородных и садовых культур в восточно-лезгинских языках// Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 2003. Вып. 4/5. – С. 141-143.

Гусейнова Ф.И. О тюркизмах в терминах животноводства в рутульском языке (Материалы по отраслевой лексике) // Тюркско-дагестанские языковые контакты (Исследования и материалы). Махачкала, 1982. – С. 156-158.

Гюльмагомедов А. Г. Куткашенские говоры лезгинского языка: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Махачкала, 1966. - 21 с.

Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М.: Изд. АН СССР, 1953.

Дешериева Т.И., Дешериев Ю.Д. Чеченские наименования кукурузы, ее частей (как растения), процессов и средств ее обработки // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 184-188.

Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930.

Джапаридзе З. Н. Современные ушные метки, употребляемые аварскими животноводами // Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, 1966. Т. XXI, Вып. 31.

Джапаридзе З. Н. О системе обозначения возраста домашних животных в аварском языке // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 229-232.

Джидалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М.: Наука, 1990. - 247 с.

Джидалаев Н. С. Термины родства и свойства в лакском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 6-19.

Дзидзария О. П. Морская лексика в абхазском языке. Сухуми, 1984.

Дмитриева А. В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. М., 1972.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.

Жирков Л. И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941. - 131 с.

Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи (Систематика, география, экология, использование, происхождение). М.: Наука 1960. - 595 с.

Забитов С. М., Эфендиев И. И. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лезгинском языке. Махачкала, 2001. - 173 с.

Загиров В. М. Лексика табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. - 108 с.

Загиров В. М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. - 142 с.

Загиров В. М. Русско-табасаранский словарь, Махачкала: Дагучпедгиз, 1988. - 447 с.

Загиров В. М. Названия частей головы в языках лезгинской группы // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. – С. 129-135.

Загиров В. М. Опыт сравнительно-исторической стратификации лексики лезгинских языков: названия диких животных и птиц // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. – С. 94-101.

Загиров В. М. Опыт стратификации лексики лезгинских языков в сравнительно-историческом аспекте: названия растений // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 21-28.

Ибрагимов Г. Х., Гусейнова Ф. И. Термины родства в диалектах рутульского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 204-208.

Ибрагимов Г.Х. Термины родства в цахурском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 196-203.

Исаев Н.Г. Термины родства в цахурском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 55-63.

Исаев М.-Ш.А. Термины родства как структуро-и словообразующие центры фразеологизмов даргинского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала, 1985. - С. 88-100.

Исаков И. А. Общая характеристика названий диких деревьев, кустарников и трав в гунзибском и гинухском языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 92-96.

Исаков И. А., Халилов М. Ш. Названия животных в цезских языках // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. – С. 107-125.

Исаков И. А., Халилов М. Ш. Соматические названия в цезских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. – С. 23-44.

Исаков И. А., Халилов М. Ш. Термины родства и семейных отношений в дидойских языках // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 33-54.

История Дагестана. М., 1967. Т. I. - 431 с.

Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. - 368 с.

Кадыраджиев К.С. К характеристике фауно-терминологии хасавюртовского диалекта кумыкского языка // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. - С. 112-120.

Казиев Г. К. Соматические термины аварского языка в прозе Расула Гамзатова // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. – С. 19-22.

Казиев Г. К. Термины родства в аварском литературном языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 31-40.

Каландаров М.И. Из терминологии ковраделия у лакцев Балхара // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984.

Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. - 246 с.

Кантария М. В. Полеводство в Кабарде: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1965.

Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми, 1981. - 133 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.

Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М.: Изд. АН СССР, 1964. - 305 с.

Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.

Климов Г.А., Шагиров А.К. Общекавказское название плуга // Лексико-грамматические особенности языков Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1990.

Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: Вост. лит., 2003. — 511 с.

Кобычев В. П. Изменение материальной культуры народов Кавказа за годы Советской власти // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX-XX вв. М., 1971. Вып. I. - С. 5-32.

Кобычев В. П. О традиционном делении жилища народов Северного Кавказа // Полевые исследования Института этнографии 1976 г. М., 1978.

Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М.: Наука, 1982. - 195 с.

Ковалевский Г.В. Культурно-историческая и биологическая роль горных районов // Ж. «Природа». М., 1931. №2.

Колесникова В. Д. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-манчжурских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Колесникова В. Д. Названия частей тела в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в древнем Дагестане // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1961а. Т.IX. - С. 279-297.

Котович В.Г. Верхнегунибское поселение (предварительное сообщение о раскопках 1958 г.) // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961б. Т.II. - С. 88 -108.

Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. - 236 с.

Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. Диалектные словари как памятники русской крестьянской культуры // Диалектная лексика. 1987. СПб., 1991.

Кукуева Г. О. Термины, образованные на основе метафоризации фитонимов лакского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 123-126.

Кукуева Г. О. Термины лакских народных ремесел: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси., 1990. – 20 с.

Лугуев С. А. Названия некоторых лекарственных трав у цезов // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 118-122.

Львов П. А. Растительный покров Дагестана. Махачкала, 1978.

Магомедов А. Г. Кумыкско-русский словарь. М., 1969. - 408 с.

Магомедов А. Дж. Названия женских украшений, драгоценных камней и художественных тканей у кубачинцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 127-134.

Магомедов М. И., Гарунова К. И. К общей характеристике названий травянистых растений в составе аварских словосочетаний // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 143-150.

Магомедова П. Т. К характеристике наименований частей тела человека и животных в чамалинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. – С. 49-58.

Магомедова П. Т. Термины овцеводства в чамалинском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. – С. 83-93.

Магомедова П. Т. Термины родства и родственных отношений в чамалинском, тиндинском и багвалинском языках // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 20-32.

Магомедова П. Т. Характеристика названий травянистых растений и связанных с ними лексических единиц в чамалинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 83-99.

Магомедов А.А. Терминология кубачинских златокузнецов // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т.П. - С. 233-243, рез.груз. 243-244, англ. 244-245.

Маммаева Н. Ц. О словообразовательной структуре названий трав и деревьев в лакском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 60-62.

Мейланова У. А. Очерки лезгинской диалектологии. М.: Наука, 1964. – 416 с.

Мейланова У. А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970. - 192 с.

Мейланова У. А. К истории терминов животного мира в лезгинском языке // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т.П. – С. 222-227, рез. груз. 227, англ. 227-228

Мейланова У. А. О терминологии свойства в языках лезгинской группы (опыт сравнительно-исторического анализа) // ВЯ, 1985, № 2. - С. 114-122.

Мейланова У. А. Основные термины кровного родства в языках лезгинской группы // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1985а. Т.ХП. - С. 309-316, рез.груз. 316, англ. 316-7.

Мейланова У. А., Ганиева Ф. А. К характеристике некоторых терминов животноводства в лезгинском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. - С. 5-13.

Мейланова У. А., Ганиева Ф. А. Характеристика наименований деревьев и кустарников в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестан-

ских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. - С. 5-15.

Меликидзе С.И. Отраслевая лексика в джавахском диалекте грузинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1975. - 29 с.

Микаилов К. Ш. О взаимоотношении между этнографической, отраслевой и диалектной лексикой и месте этих разрядов слов в диалектологических словарях // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1976. Т. XIII. – С. 357-358.

Миллер А. А. Ковровые изделия Востока. Выставка этнографического отдела русского музея. Л., 1924.

Мунчаев Р.М. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана III - II тысячелетия до н. э.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1953.

Муркелинская З.Г. Названия животных в лакском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала, 1988. - С. 140-146.

Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975. - 358 с.

Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978. – 129 с.

Муталов Р.О. Термины родства в ицаринском говоре даргинского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 101-103.

Муталов Р. О., Темирбулатова С. М. Названия некоторых съедобных растений в даргинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 180-188.

Нацвлишвили Т. З. Вопросы отраслевой лексики в удинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1998. – 29 с. (груз., рез. рус. 22-29).

Нацвлишвили Т. З. К формализации отраслевой лексики удинского языка // Концептуальные и компьютерные модели языка. Тбилиси., 1997. – С. 48-49.

Ненашев М. Историческое развитие и современная структура сельскохозяйственной (земледельческой) терминологии в туркменском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ашхабад, 1983.

Николаев, Старостин: Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. Ed. by S.A. Starostin. ASTERISK publishers. Moscow 1994.

Никольская З. А., Шиллинг С. М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // Советская этнография, 1952. № 4. - С. 91-100.

Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Оздоев И.А. Вейнахские названия одежды и ее частей // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975, Т. III. - С. 154-157.

Ольмесов Н. Х., Кадыраджиев К. С. Морфемно-семантическая структура некоторых тюркских названий растений в нахско-дагестанских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 139-142.

Османов М.О. Из животноводческой терминологии у хаджалмахинских даргинцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 94-103.

Отраслевая...: Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала, 1984. - 149 с.

Отраслевая...: Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. - 180 с.

Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I-II. - 392 с.

Панек Л.Б. О некоторых терминах родства и о грамматических классах в дагестанских языках // Языки Дагестана. Махачкала, 1954. Вып. II. - С. 227-234.

Пенжиев М. Историческое развитие и современная структура сельскохозяйственной (земледельческой) терминологии в туркменском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ашхабад, 1988. - 48 с.

Пикуль М.И. Хабединский могильник // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II. - С. 135-166.

Проблемы отраслевой...: Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала, 1985. - 188 с.

Проблемы отраслевой...: Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала, 1986. - 174 с.

Проблемы отраслевой...: Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989. - 168 с.

Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. - 274 с.

Рамазанов Х. Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. - 199 с.

Саадиев Ш. М. Кимильский говор лезгинского языка (Из фонетики) // Изв. АН Азерб. ССР. Серия общественных наук, 1961. № 4. - С. 83-96.

Саадиев Ш. М. Названия частей тела в крызском и лезгинском языках // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1980. Т. XVIII. - С. 169-173, рез. груз. 173, англ. 174.

Саадиев Ш. М. О крызских зоонимах // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. - С. 177-178.

Саидов М.-С.Д. Аварско-русский словарь. М., 1967. - 806 с.

Саидова П. А. Названия животного мира в языках аваро-андийской подгруппы // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. - С. 126-139.

Саидова П. А. Некоторые соматические термины в аваро-андийской группе языков // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. – С. 5-9.

Саидова П. А. Терминология родства и свойства в аваро-андийских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 6-20.

Саидова П.А. К характеристике некоторых фитонимов в аваро-андийской группе языков // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 29-34.

Саламова З. М. Животноводческая лексика в говорах анцухского диалекта аварского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. – 19 с.

Саламова З. М. Морфологическая структура названий домашних животных в говорах анцухского диалекта аварского языка // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 2001. Вып. 4/5. – С. 112-119.

Саламова З. М. Названия вьючных животных в говорах анцухского диалекта аварского языка // Вопросы обновления технологии обучения иностранным языкам. Махачкала, 2000. Ч.1. – С. 49-52.

Самедов Д. С. Исследования семантики слов, обозначающих части тела человека (на материале дагестанских языков) // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975. – С. 169-175.

Самедов Д. С., Магомедов Г. И. К вопросу о лексических и структурных общностях в дагестанских языках (на материале названий частей тела) // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 74-77.

Саркисов А. В., Иманов М. Н. Некоторые типы народного жилья Кубинского и Кусарского районов // Памятники архитектуры Азербайджана. М.; Б., 1946, I. - С. 93-104.

Сафаралиева Э. Я. Как тебя зовут? Махачкала, 1987. - 330 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. - 767 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. - 389 с.

Селимов А.А. Словарь ориентализмов в лезгинском языке. Махачкала, 2001. - 545 с.

Сергеева Г. А. Арчинцы. М.: Наука, 1967. - 191 с.

Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. - 294 с.

Стеблин-Каменский М. И. Очерки по истории памирских языков. Названия культурных растений. М.: Наука, 1982. - 167 с.

Султыгова М.М. Животноводческая лексика ингушского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002.

Сухишвили М. С. Рецензия на работу Л. Ш. Геленидзе «Лексика, связанная с анатомией и физиологией человека» // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1981. Т. VIII. - С. 336-339.

Талибов Б. Б. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1962. Т. XI. - С. 116-134.

Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. Лезгинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. - 603 с.

Талибов Б. Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука, 1980. - 350 с.

Талибов Б.Б. О зоониме «собака» в лезгинских языках // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. – С. 154-157.

Талибов Б.Б. К истории названия «дерево» в некоторых дагестанских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Название деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. - С. 91-98.

Темирбулатова С.М. К характеристике овцеводческой лексики хайдакского, мугинского, усишинского и кубачинского диалектов даргинского языка // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала: ИИЯЛ, 1988. – С. 75-82.

Темирбулатова С.М. Названия фруктовых деревьев и их плодов в некоторых диалектах даргинского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 51-59.

Темирбулатова С.М. Соматические названия в хайдакском диалекте даргинского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала: ИИЯЛ, 1986. – С. 80-85.

Техов Х.Д. Названия растений в осетинском языке. Цхинвали: Иристон, 1979. - 181 с.

Тимаев А. Д. Названия частей тела в чеченском языке // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 166-169.

Торчинская Э. Г. Мужская одежда азербайджанцев XIX-начала XX в. по собранию Государственного музея этнографии народов СССР // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX-XX вв. М.: Наука, 1971. - С. 136-154.

Третья региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Тезисы докладов. Вопросы отраслевой лексики иберийско-кавказских языков. Грозный, 8-11 сентября 1969.

Трофимова А.Г. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем // «Советская этнография». М., 1961. №1. - С. 143-152.

Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Изд. АН СССР, 1960. - 115 с.

Убрятова Е.И. К этимологии слова *айгъыр* (жеребец) // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965. - С. 11-16.

Улаков М. З. Термины коневодства в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики. Нальчик, 1982. - С. 91-99.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Кюринский язык. IV. Тбилиси, 1896. - 639 с.

Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. - 179 с.

Хайдаков С.М. Полеводческие и животноводческие термины в дагестанских и нахских языках, восходящие к эпохе неолита // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. – С. 106-111.

Хайдаков С. М. Термины гончарного производства в лакском языке // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 246-248.

Халилов М. Ш. Грузинский пласт в названиях растений в некоторых дагестанских языках // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 107-117.

Халилов М. Ш. Бежтинские названия тухумов // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.

Халилов М. Ш., Вакилов Х. С. Названия деревьев, кустарников и трав бежтинского и гинухского языков // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. – С. 151-157.

Хашаев Х.-О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. - 112 с.

Хидиров В.С. Термины гужевого транспорта в крызском языке // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 250-253, рез. англ., груз. 254.

Цховребов В.К. Скотоводческая терминология в осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1986. - 138 с.

Чамсаева Б. Т. Лексика традиционных промыслов даргинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1998. – 19 с.

Чеерчиев М. Ч. Терминология свадебного обряда у закатальских аварцев // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала: ИИЯЛ, 1984. – С. 78-81.

Чижикова Л. Н. Развитие жилища в селах Белгородской области // Полевые исследования Института этнографии. М., 1983.

Чикобава А.С. Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения // Третья региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков: Тезисы докладов. Вопросы отраслевой лексики иберийско-кавказских языков. Грозный, 8-11 сентября 1969.

Чикобава А.С. Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 27-36.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977, Т. II. - 290 с.

Шалбузов К.Т. Термины родства и свойства в табасаранском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала: ИИЯЛ, 1985. – С. 191-195.

Шейхов Э.М. Словообразовательные модели названий съедобных трав в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. - С. 102-106.

Шенгелиа В.Г. О названиях деревьев в адыгских языках // Ежегодник ИКЯ. Тбилиси, 1975. Т. II. - С. 123-127.

Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд. АН СССР, 1961. - С. 82-172

Щербакова Л. П. Названия частей тела в терских говорах // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978. - С. 111-128.

Шихсаидов А. Р. Сельскохозяйственный календарь народов Дагестана // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. - С. 183-242.

Эседов А. А. Названия диких животных в лезгинском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 2003. Вып. 4/5.– С. 396-399.

Яковлева Е. Ковры РСФСР. Л., 1959. - 24 с.

1 международный симпозиум по полевой лингвистике. Тезисы докладов. М., 2003.

Schulze W. Zu den Bezeichnungen für «Kuh» n den ostkaukasischen Sprachen // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für Johann Knobloch. Innsbruck, 1985. – S. 437-442.

Trubezkoy N. Ostkaukasische Wörter für «Frau, Weibchen, Gattin» // Die Sprache. Zeitschrift für Swt. Wiesbaden; Wien, 1973. – S. XIX. B, 1.H. – S. 66-67.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) Названия языков, диалектов и говоров

абаз.	-	абазинский язык
абхаз.	-	абхазский язык
авар.	-	аварский язык
агул.	-	агульский язык
адыг.	-	адыгский язык
азерб.	-	азербайджанский язык
алт.	-	алтайский язык
англ.	-	английский язык
анд.	-	андийский язык
араб.	-	арабский язык
арм.	-	армянский язык
арчин.	-	арчинский язык
ахвах.	-	ахвахский язык
ахт. д.	-	ахтынский диалект
багв.	-	багвалинский язык
балк.	-	балкарский язык
бацб.	-	бацбийский язык
башк.	-	башкирский язык
бежт.	-	бежтинский язык
ботл.	-	ботлихский язык
будух.	-	будухский язык
гаг.	-	гагаузский язык
гинух.	-	гинухский язык
годоб.	-	годоберинский

		язык
груз.	-	грузинский язык
гунз.	-	гунзибский язык
дарг.	-	даргинский язык
джаб. д.	-	джабинский диалект
докуз. д.	-	докузпаринский диалект
зиз.	-	зизикский говор
зрых.	-	зрыхский говор
инг.	-	ингушский язык
иран.	-	иранские языки
каб.	-	кабардинский язык
казах.	-	казахский язык
кал.	-	калукский говор
ках.	-	кахцугский говор
карат.	-	каратинский язык
кирг.	-	киргизский язык
к.	- -	кара-калпакский язык
калп.		
крыз.	-	крызский язык
кум.	-	кумыкский язык
лак.	-	лакский язык
лат.	-	латинский язык
лезг.	-	лезгинский язык
мегр.	-	мегрельский язык
мигр.	-	миграхский говор
нидж.	-	ниджский говор
ног.	-	ногайский язык

нют.	-	нютюгский говор
осет.	-	осетинский язык
перс.	-	персидский язык
русск.	-	русский язык
рутул.	-	рутульский язык
сван.	-	сванский язык
табас.	-	табасаранский язык
тадж.	-	таджикский язык
тат.	-	татарский язык
тинд.	-	тиндинский язык
тув.	-	тувинский язык
тур.	-	турецкий язык
туркм.	-	туркменский язык
тюрк.	-	тюркские языки
удин.	-	удинский язык
узб.	-	узбекский язык
уйг.	-	уйгурский язык
хварш.	-	хваршинский язык
храх.	-	храхский говор
хрюг.	-	хрюгский говор
цах.	-	цахурский язык
цез.	-	цезский язык
чам.	-	чамалинский язык
чеч.	-	чеченский язык
чираг.	-	чирагский диалект
чув.	-	чувашский язык

б) Источники

- АРС - Азербайджанско-русский словарь. Сост. Х.А. Азизбеков Баку, 1951.
- ВЯ - Вопросы языкознания
- ДНЦ - Дагестанский научный центр
- ИИЯЛ - Институт истории, языка и литературы
- ИКЯ - Иберийско-кавказское языкознание
- ИЯЛИ - Институт языка, литературы и искусства
- ПРС - Персидско-русский словарь. Сост. Б. В. Миллер. М., 1963.
- РАН - Российская академия наук
- РАС - Русско-азербайджанский словарь под. ред. А.Г. Оруджева. Баку, 1955.
- РТС - Русско-турецкий словарь. Сост. Э.М.-Э. и В.Г.Щербинин. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- САПС - Словарь арабских и персидских слов (на азербайджанском языке). Ответ. ред. Ю.З. Ширвани. Баку, 1967.
- СИЛДЯ - Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971.

в) Грамматические термины

- анат. - анатомический термин
- бот. - ботанический термин
- букв. - буквальный перевод
- дат. п. - дательный падеж
- ед. ч. - единственное число
- исход. - исходный падеж

п.		
мн.ч.	-	множественное число
напр. п.	-	направительный падеж
род.п.	-	родительный падеж
ср.	-	сравни
уст.	-	устаревшее слово
ч.	-	число
эрг.п.	-	эргативный падеж

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОТРАСЛЕВОЙ ЛЕКСИКЕ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ НАПРАВЛЕНИЯМИ ЛИНГВИСТИКИ

ГЛАВА II. НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ

1. Домашние животные
 - 1.1. Названия, связанные с МРС
 - 1.2. Названия, связанные с КРС
 - 1.3. Названия выючных животных и связанных с ними понятий
 - 1.4. Названия, связанные с содержанием собак
 - 1.5. Названия, связанные с кошкой
 - 1.6. Названия свиньи
 - 1.7. Слова, используемые для управления домашними животными
 - 1.8. Названия животноводческих построек, пастбищ
 - 1.9. Названия болезней животных
 - 1.10. Названия частей тела и мясной туши животного
2. Названия диких животных
3. Названия домашних и диких птиц
4. Насекомые
5. Земноводные
6. Рыбы
7. Пресмыкающиеся
8. Черви
9. Брюхоногие
10. Отражение названий животных в антропонимике
11. Словосочетания, устойчивые выражения, пословицы и поговорки, связанные с названиями животных

ГЛАВА III. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

(Земледелие и названия растений)

1. Земледельческая терминология
 - 1.1. Названия земли, почвы
 - 1.2. Названия, связанные с уходом за землей
 - 1.3. Названия, связанные с пахотой
 - 1.4. Наименования сельскохозяйственных орудий
 - 1.5. Сельскохозяйственный календарь

- 1.6. Названия зерновых культур
- 1.7. Названия, связанные с уборкой зерновых культур, молотьюбой, мельницей
- 1.8. Названия бобовых культур
- 1.9. Названия частей зерновых и бобовых культур

2. Названия культурных растений

- 2.1. Названия деревьев
- 2.2. Названия кустарников и ягод
- 2.3. Названия садовых культур
- 2.4. Названия огородных культур
- 2.5. Названия бахчевых культур
- 2.6. Названия частей растений
- 2.7. Названия травянистых растений
- 2.8. Названия цветов

ГЛАВА IV. НАЗВАНИЯ ЖИЛИЩА И ЕГО ЧАСТЕЙ, СТРОЙМАТЕРИАЛОВ И СТРОИТЕЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Названия жилища и его частей
2. Названия общественных строений
3. Культовые названия
4. Названия строительных материалов
5. Названия инструментов

ГЛАВА V. ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С АНАТОМИЕЙ И ФИЗИОЛОГИЕЙ ЧЕЛОВЕКА

1. Соматические названия
2. Названия болезней человека (а также образования на теле, выделения, пороки и недостатки человека)

ГЛАВА VI. МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА ЛЕЗГИН

1. Нательное белье
2. Верхняя одежда
3. Прически и головные уборы
4. Мужская и женская обувь
5. Украшения
6. Названия, связанные с туалетом, украшениями и шитьем одежды

ГЛАВА VII. ТЕРМИНОЛОГИЯ КОВРОТКАЧЕСТВА И ОБРА-

БОТКА ШЕРСТИ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Обработка шерсти
2. Гребень
3. Прялка
4. Ковры
 - 4.1. Ворсовые ковры
 - 4.2. Безворсовые ковры
5. Войлоки
6. Ковровые изделия, служащие в быту
7. Названия шерстяных изделий в пословицах и поговорках

ЗАКЛЮЧЕНИЕ**ЛИТЕРАТУРА****УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ**

Научное издание

ГАНИЕВА ФАИДА АБУБАКАРОВНА

Отраслевая лексика лезгинского языка